

НЕВА

11•2025

Ценим прошлое.
Открываем новое

НЕВА

11
2025

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений ЧИГРИН

Метафоры на джинсовых ногах. *Стихи* • 3

Дмитрий КАРАЛИС

Дневник советского шалолая (1967–1979) • 11

Валерий ЗЕМСКИХ

Стихи • 80

Илья ЛУДАНОВ

По осени. Вор. *Рассказ* • 85

Евгений ЭРАСТОВ

Стихи • 93

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Михаил КОСАРЕВ

Боковой тоннель. *Роман* • 99

Алексей КУРЕНЁВ

Тринитариум. Боль и Время. Вода, Я и Тьма.
Мы. Наоборот. *Рассказы. Пред. Е. Попова* • 196

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

К 140-летию Велимира Хлебникова

Сергей ВАСИЛЬЕВ

«Мой белый божественный мозг
я отдал, Россия, тебе...» • 201

Елена АЙЗЕНШТЕЙН

Дон Жуан в русской поэзии • 215

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. *Дмитрий Аникин.* Предпоследний поэт (праздные размышления о поэзии Евгения Каминского). **Рецензии.** *Анастасия Ермакова.* Отсюда идущий зов

• 239

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У берегов Испании. *Часть 3* • 247

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9). Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (*шеф-редактор гуманитарных проектов*). **Ольга Малышкина** (*шеф-редактор молодежных проектов*). **Наталья Ламонт** (*редактор-координатор*). **Дмитрий Зенченко** (*контент-редактор журнала, редактор интернет-сайта*).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2025

Евгений ЧИГРИН

МЕТАФОРЫ НА ДЖИНСОВЫХ НОГАХ

* * *

Цыпленок жареный...
Пошел по улице гулять...
Его поймали...

Из песни

Старею. Становлюсь цыпленком:
Да, «жареным», вот так.
В меня вломился ужас онко,
Штормит, качает страх.
С меня метафоры слетают,
Иллюзии сползли.
Глаголы, рты открывши, лают,
И мнутя упыри.
Старею. Золотым цыпленком
Гляжу на хрупкий мир,
Мне снова хочется ребенком...
Я вас не разбудил?
Весна сиренью и жасмином
Зашелестела вновь,
Я быть хочу примерным сыном,
Давай не сквернословь.

Евгений Чигрин — поэт, эссеист, автор 14 книг стихотворений (вместе с переведенными на иностранные языки). Публиковался во многих литературных журналах, в европейских и российских антологиях. Стихи переведены на многие европейские и восточные языки. Лауреат многочисленных литературных премий. В 2024 году книга избранных стихотворений Евгения Чигрина «Болотный огонь» вошла в шорт-лист Национальной премии «Книга года». Живет в Москве и подмосковном Красногорске.

Я что хотел сказать угрюмым,
 Но позабыл слова?
 Никто меня не надоумил,
 Ни старая Москва,
 Ни те, ни эти, ни другие —
 Мы все пошли гулять,
 Взлетают в небеса простые
 Мои слова, чтоб знать,
 Что там за снами-облаками
 (Никто нам не сказал).
 Летают корабли церквами,
 Прописаны в астрал.
 Старею. Что сказать такое,
 Чтоб позабыть вчера?
 Не вам я, племя молодое,
 Пишу не втихаря...

А вот таким, как я, цыплятам
 Разбитым, те поймут,
 Какой бывает жизнь... Фанатам
 Скажу: «Не Голливуд
 С удачным хеппи-эндом, право,
 Писания мои...»
 То вижу морду волкодава,
 То темные слои...
 То смотрит некто милосердый,
 В его глазах покой.
 То черный дух в обличье Смерти
 Знай тащится за мной.
 Простые рифмы на могилу
 Вы положите мне.
 А лиру... Не отдам вам лиру,
 Мы на одной волне.

* * *

Посидеть в одиночестве на табурете
 И на люстре слегка повисеть...
 Все тебе отпустили по ангельской смете.
 Ты не знал? Продолжаешь комедь
 За спиною у беса ломать что есть силы?
 Да какие там силы, когда
 Полумертвое сердце в пробоинах... Милый,
 И в карманах не felicitа.
 Не похож на героя и в прошлом-то не был,
 Дотянуть бы, куда и зачем?
 Полумесяц прикинут в космический лепень —
 Все по моде: бутик «Вифлеем».
 На ногах Велиала гадюки и жабы...
 Пей таблетки, не думай о том,
 Что тебя от видений спасут эскулапы,
 Тетя в белом с крысиным лицом.
 Ты нелеп до ореха, который сгрызешь ли?
 Или он тебя? Вкусно, и все.
 Ты наплакал планиду на доллар и гроши
 Прогулял в пиджаке «пикассо».
 Ты проехал на жабе с подругой-гадюкой,
 Яд бессонниц разлил не вчера,
 Потоптался на жизни, как перед разлукой,
 В темноте разглядел сектора.
 Там другой старикан спал Морфеем на стуле,
 То ли копия, то ли мертвец.
 Остальное прописано в литературе...
 Вот и сказке дебильной конец.

КУРЯЩИЙ АНГЕЛ

А жизнь пробирается к смерти на слабых ногах,
А осенью легче тебе говорить о печальном,
О ржавой листве, умирающей в быстрых дождях,
И быть, точно Ватсон какой-нибудь, сентиментальным.

А тот херувим, что приставлен тебя защищать,
Давно притомился и курит, как злостный курильщик,
И пепел летит к облакам, и ему помешать
Не может тот демон, который заправский могильщик.

И ветер ложится на камни, под камни, и мгла
Спускается на парашютах и тянется сквером,
И все, что крутилось, все вскорости станет «вчера»,
И ангел докурит до фильтра и выйдет к химерам

И к тем, у кого абажуры горят до утра,
И души витают под лампой, над лампой и выше,
Туда, где щепотка иллюзий с песчинкой добра,
Туда, где случайное счастье становится ближе.

И все откровенней летает листва во дворе,
На крепкой луне пастухи при коровах чудесных.
Ты видишь? Я вижу зверей в фиолетовой мгле,
Таких недоступных, прекрасных, ужасных, телесных.

Я вижу себя, уходящего в книги и сны,
На тонких ногах аллегория жизни повисла,
На облаке ангелы в нежных костюмах бледны...
Смотри: и на крыльях лежат темно-желтые листья.

НА ЗЕЛЕНОМ ТРЕПАНГЕ

*Никогда не забуду (он был, или не был...)*¹
Остров мидий и те острова...
Там на головы сопок вулкан сыпал пепел,
Там огонь, пробуждая слова,

Направлялся к Высокому Краю, где башни
Трех священных вершин, там кричат,
Обнимаясь, драконы, там воин отважный
В страшной битве растратил азарт.

---

¹ Строка Александра Блока (1880—1921).

Никогда не забуду (он был априори)
Свет размытый, что стерся до дыр,
Кашалотом и сивучом пенилось море,
Влек корейскую джонку буксир.

Говорят дилетанты, возможно на Марсе,
Где волшебные есть острова,
Где пиитам и ангелам ссуды в сберкассе
Выдают даровые — лафа.

Никогда не забуду (он был или не был...)
Остров устриц и те острова...
Шито-крыто. Закрыто. Другое не слепим.
В море крабов сомкнулись слова,

Те, что самые лучшие — может быть? — может,
Те, которые смог передать
Тем бесплотным созданьям, кто сердцу дороже,
Кто способен на арфе играть

То, что тщился и ты, собираясь в дорогу,
Слыша музыку птиц и зверей...
Адресуясь, казалось, к заботному Богу,
Одеваясь в иллюзии дней.

Это лучше? Не знаю. Ночами на крабе,
На зеленом трепанге плыву...
Я не с вами? Я с вами? Пишите в ватсапе,
Подскажите для коды строфу.

Или нет! Подскажите начало поэмы
О вчерашнем запале любви,
Там, где я говорил про эдемские земли,
Про волхвов, что дошли до Москвы.

**НАДПИСЬ НА ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ
ВХОДНОЙ ДВЕРИ: «НЕ ВЫПУСКАЙТЕ КОТА
НА УЛИЦУ. СПАСИБО»**

Не выпускайте кота!
Выпустите — одичает.
Позаржавела кора,
Пасмурно в парке. Играет

Был и у нас славный кот,
Не со вчера в поднебесье...
Индиферентный проглот,
Зверь метрополий и весей.

Бликами синих реклам
Заматеревшая осень.
Дует повсюду регтайм
Ветра: пустынен, нервозен.

Был и у нас котофей —
«Специалист» рыбной ловли,
Звонко кричал наш «Орфей»
Под облюбованной кровлей.

Пел он планиду котов:
Вы, мол, любите и хольте.
Вкальвать? — для дураков!
Нас возвеличивал Хорхе².

Мне фанаберия к
Фейсу по факту прилична.
Вот я читаю «ЛГ»,
Фильмы гляжу флегматично,

Где говорят про меня,
Ну и других котофеев...
У золотого огня,
В мире Халдея — халдеев

Вижу, когда захочу,
От чернокнижников опыт
Я получаю. Лечу
Тем, что навряд ли угробит.

В мой опрокинутый мир
Входа вам нет и не будет.
Все, что я смог из «ВкусВилл»
Слопать — я слопал. Не шутит

Ваш утешительный кот!
Вижу молочные реки,
У элизийских ворот
Ключник поставлен навеки.

Я позволял вам любить,
Как тот красавец. Еще бы!
Кто может котю корить? —
Где тут такие особы?

Ладно. Слегка пошутил,
Не проявляя фиглярства.
Ангел как есть конвоир
В лучшее место, где яства

Даром подносят с утра,
Впрочем, и вечером тоже.
Не выпускайте кота
В рыжем его макинтоше!

Выплачем все за двоих
Где-то на облаке слева,
Не отпускайте своих,
Не опоздаем на небо.

Вам с этим зверем теплой,
Словно с ходячим каминном,
В свете вечерних огней,
С чаем, приправленным тмином.

Рыжего не выпускать! —
Надпись на двери. Храните.
Выспится — станет играть,
С этим игрулей живите.

Вспомните классику: кот,
Он и в романах не лишний,
Облако трет о живот,
Не выпускайте. Он рыжий!

В ГОРОДЕ К. (НА ПРАВАХ РЕФЛЕКСИИ)

Доктор едет-едет сквозь снежную равнину,
Порошок целебный людям он везет.
Человек и кошка порошок тот примут,
И печаль отступит, и тоска пройдет...

Федор Чистяков

I

Кёнига после я тоже пытался за Канта
Плотно засесть, не включались извилины дня...
Пил в перерывах чай и прослушивал Планта
Роберта, и надо мной потешалась луна.

² Хорхе Луис Борхес (1899–1986) — аргентинский прозаик и поэт.

Та, что ложилась на камни и полный Кощеев
Лес, уводящий к скелетам погоста и бред,
Памятник призраку, восемь ведьмацких музеев —
Если увидишь, то примешь в себя полусмерть.

II

Что тут попишешь? Страницы листаешь, и птицы
Точно летят из-за пазухи, сказано где?
Машет руками печаль, преступает границы,
И заключает в объятия сна РЖД.

Что тут от Канта? Не знаю и, видимо, больше
Первой главы не шагну. Озирается ночь
В сторону ту, где поляки в раздумьях о Польше,
Ксендзы уснули в объятиях медленных почв.

III

Сердце Шопена в костеле Варшавы по праву,
Вавель молчит в отражении Вислы и мглы...
С Иммануилом я взял бы повыше октаву,
Но замыкаюсь, как житель прекрасной земли.

Что тут от Канта? Я кушаю спелые вишни.
Кант не в подъем. И Селены большое пятно
В полночь крепчает. Нескучный, как старые книжки,
Мальчик безмолвно стоит в зазеркалье. Про то

IV

Песня случилась, где доктора ждут у окошка
Кошка, хозяин, и плачут, все плачут они,
Едет и едет сквозь снежную мглу неотложка,
Чтобы лекарство принять эти двое смогли.

Чтобы мозги человека зажили той жизнью,
Где отступает печаль и хандра отойдет,
Черное небо покрыто астральной ванилью,
Доктор спасательной службы лекарство везет.

V

Звездное небо над ними по Иммануилу,
Ждет порошок эта пара... Гуляет тоска
Кёнигом в сердце... Зеницы я не растопырю,
Если покажется некий из города К.

Я оглянулся и, Господи, — Гофман расселся
Прямо на рифме, как будто на стуле в кафе,
Винную карту страшилок читает, разверзся
Лаз: вот и прут персонажи слегка подшофе.

VI

Вязкий контент и гомункул оттуда же прыгнул.
Сам ты не свой. В бафометовом мире зверей
Крейслера тень и филистер, на свитере фликер.
Крейслер — двойник Теодора, весь в черном халдей.

В облако руку засунешь, ну и не такие
Гофмана книги откроешь: гомункул к тебе
Тянется, как alter ego. Глазища чужие
Смотрят из выросшей тьмы, говорят о судьбе.

VII

Вкручен в новеллы, одобренный мистиком, метод...
Гофман живет в райских кущах, Психея кота
«Что есть любовь? — вопрошает. — Когда рассекретят?
Крейслера-Гофмана прямо сыграют с листа?»

Фликер филистера вдруг замигал, позже смерк он.
Стихотворенье летает, что твой самолет,
За поворотом — ворота, брожу Кёнигсбергом
У Королевских ворот, от ворот — поворот.

VIII

Ангел Ключей почему закрывается клювом,
В море янтарное входит и море крадет?
День золотой, и весь мир называется Мурром —
Этот пушистый крикун образованный кот.

Будут добро и слова, но, конечно, не в этой...
Город придумай?! Зачем же? Смотри: уже есть.
С Гофманом сели в кафе, и я вышел согретый
Градусом яда, поверь — превосходная смесь.

IX

У Фридрихсбургских ворот можно выпить стопарик,
Вспомнить царя³, а в других прикупить марципан.
В звездное небо по Иммануилу очкарик
Смотрит с библейской печалью... Шумит ресторан

---

³ Петр I.

Знатным квартетом прибрежной гостиницы «Якорь»,
Ангел, что хлопает носом от счастья, прилег
На облаках, он похож на актера, и «Знахарь»⁴
Крутится в памяти с полной оценкой — восторг.

Х

Знаешь, я тоже когда-то был мальчиком-морем,
И приглушенные краски впитались в меня...
Море и взморье миражным, минорным намолим,
С Кёнигом в сердце посмотрим на отблеск огня.

Кант. И собор. И встающий над городом Шиллер,
Шпилей упрямых появится оттиск вверху.
Шаришь в мозгах, возникает волнующий триллер:
Кто и зачем разрядил пистолет свой в зарю?

XI

И становились на цыпочки ветры метафор,
Что-то курили иллюзии накоротке,
Ввинчивал фокусник сказки, любитель анафор,
Иммануил отражался в Господнем зрачке.

Рифму прикину к развязке, как ветер нахрапист!
Выпью за Канта известного всем коньяка.
Кант. И собор: для небес не бывает он заперт.
Выси нестройных миров: напоказ — облака.

---

⁴ Фильм польского режиссера Ежи Гофмана (1982).

Дмитрий КАРАЛИС

ДНЕВНИК СОВЕТСКОГО ШАЛОПАЯ (1967–1979)

В дневниках важнее написанного только ненаписанное

Трудовая книжка

Почтовый ящик № 489, Ленинградский электромеханический завод «Равенство»
23 августа 1967 г. — Принят учеником монтажника радиоаппаратуры опытно-
го цеха 10

...Взял в деканате справку для военкомата и спустился в секцию бокса к Лахоткину. Извинился, объяснил, что дневное отделение мне не потянуть: отец — пенсионер, у сестер и братьев свои семьи и проблемы. Останусь на заочном, буду работать на заводе, а там как бог даст. Он потрепал меня за плечо, приобнял, потянул носом: «Курись? Зря! Бросай, пока не втянулся!», печально улыбнулся: «Держись, парень! Бокс всегда пригодится!»

Я ушел с комком в горле. Жалко бросать бокс, но работать надо. Вышел на набережную Невы, протолкнулся через радостно гогочущую толпу первокурсников и пошел к центру.

Повезло мне с учителями. В СКА — плотный, коренастый, с перебитым носом Васин Виктор Алексеевич, двукратный чемпион СССР, семикратный чемпион Ленинграда. В «Буревестнике» — красавец мужчина Соболев Иван Панфилович, чемпион СССР и бронзовый призер чемпионата Европы. Оба прошли подростками через блокаду, относились к нам, как старшие братья к послевоенной мелюзге.

Васин: «Шестьдесят процентов в бою выигрывают ноги! Учитесь двигаться, порхать по рингу! Лыжи, коньки, бег! Каждое утро — три километра, не меньше!» И я бегал по Овсянниковскому садику каждое утро в девятом-десятом классах, а потом делал бой с тенью гантелями по 1,5 килограмма. Соболев: «Бой выигрывает голова! Интеллект! Считывайте противника, пасите его движения, следите за ногами, в ногах — его намерения! Он бьет, а вы встречаете: „Чух-чух-чух!“»

Всего восемь боев у меня, шесть побед. Но когда делаю «бой с тенью», троечки, пятерочки, нырки, крюки и хуки выскакивают автоматически. И что теперь с этим делать?

Дмитрий Каралис родился в 1949 году в Ленинграде. Советский, российский писатель, автор двадцати книг прозы. Лауреат нескольких литературных и кинопремий. Живет в Санкт-Петербурге. «Дневник советского шалопаю» — начальная часть дневниковой прозы автора, которая в полном объеме готовится к публикации в издательстве «Петрополис».

1 октября 1967 г.

Работаю на ЛМЗ «Равенство», п/я № 489, опытный цех при КБ. В конце Промышленной улицы, за Нарвским универмагом.

Устроил брат Володя. Главный конструктор КБ — его приятель Миша Бережковский.

На первой встрече Бережковский спросил, пью ли я горькую. «Я аскет». — «Готовь с первой полочки маленькую, аскет!»

Встаю в 6-30. Отец кормит меня завтраком. Я могу и сам попить чаю с бутербродами, но отец хочет, чтоб все было, как при маме. Иду по пустынной 2-й Советской улице до Лиговки, поворачиваю к метро «Площадь Восстания» и еще один длинный квартал вдоль гостиницы «Октябрьская», где у подъездов стоят финские автобусы и машины.

Некоторые машины, например, «форд-мустанг», завораживают. Вчера остановился, словно жду кого-то, и украдкой оглядел внутренности за стеклом: руль, кожаные сиденья, приборный щиток... Кем же надо стать, чтобы ездить на такой? Ученым? Чемпионом Олимпийских игр по боксу в Мюнхене 1972 года? Писателем? Не знаю. С боксом, похоже, завязал. Писателем? Читаю с удовольствием, но писать пока получается плохо. Дипломатом? В девятом классе ходил на курсы английского языка за три рубля в месяц и учил географию зарубежных стран — хотел поступать в МГИМО, Московский государственный институт международных отношений. Брат Володя принес мне книгу «Человек-невидимка» на русском и английском для лучшего познания языка. Но язык через месяц бросил — Скворцов сказал, что в МГИМО берут только детей дипломатов и партийных начальников. Бессмысленно трепыхаться. И я пошел в Горный, через бокс.

<...>

Утром и вечером на нашей Промышленной улице, как на Невском во время демонстрации, — шеренги людей. Рядом с нами несколько серьезных предприятий — судостроительное НИИ им. Крылова и др. Утром прилив в одну сторону, вечером — отлив к метро «Нарвская». И чувствуешь себя приподнято, частью коллектива, хотя и не знаешь идущих рядом.

Моя наставница — Лариса, элегантная женщина тридцати лет, радиомонтажница пятого разряда. Муж ходит на торговом судне штурманом, в Балтийском морском пароходстве. Всегда одета с иголочки, держится неприступно, как королева. Со мной терпелива, приучает, как ребенка, к порядку на рабочем месте. Пассатижи, кусачки и паяльник — справа, пинцет — слева. И так каждый день. От нее волшебным пахнет духами и еще чем-то... И еще два неофициальных наставника — высокий Виталий Поклонский и коротышка Сергей Цветков. Поклонский: «В нашем деле главное — аккуратность! Во всем!» Цветков (с ленинским акцентом): «Усидчивость, усидчивость и еще раз усидчивость!» Любят волейбол, пинг-понг и походы. Не дураки выпить казенного спирту, рассказать анекдоты и расписать пулю в преферанс — видел их в колхозе.

Над нами — макетная мастерская. Там работает бригада немых — семья. Тишина и порядок стоят на их территории. Старший — седой лохматый отец проводит на пальцах планерки. Остальные не сводят с него глаз: хмурятся, улыбаются, кивают, хватаются за голову или позволяют себе короткие ответные реплики потрясением пальцев и мимикой.

Подкараулил Бережковского у столовой и спросил: может быть, лучше отдать ему за мое трудоустройство не «маленькую», а бутылку коньяка «три звездочки»? Бережковский матюгнул меня. «Шуток не понимаешь, аскет?!» Попало и от брата.

Отец дает мне каждый день 60 копеек: 50 на обед, 10 на метро.

Пока платят ученический оклад. Сдам на разряд — будут платить в два раза больше, рублей 70–80. Экзамен на разряд — в декабре.

Прочитал романы Синклера Льюиса «Бэббит» и «Эроусмит», брал у сестры Веры, она выкупила подписку. Первый — об американских мещанах, с подробностями их жизни, второй — о молодом медике, изобретателе лекарств. Интересно, хороший язык. Вернул сестре два тома Конан Дойля, которые проглотил за неделю. Жду следующих томов.

Полистал второй том Малой Советской энциклопедии, 1931 года выпуска. Окажется, Малая важнее Большой, попасть в нее сложнее, это своего рода квинт-эссенция. Некоторые статьи о революционерах удивили... Отец сказал, что оставил томик на свой страх и риск, остальные выбросил от греха подальше. Как и сдал собрание сочинений Сталина в утильсырье после XX съезда, когда Хрущев разоблачил культ личности. Хотя, по словам отца, Сталин писал яснее и четче Ленина, который в основном спорил с оппонентами — разными Богдановыми, Зиновьевыми и Троцкими. Помню эту сдачу Сталина в утиль по 2 копейки за килограмм — я сам и сдавал в подвальчик в соседнем дворе, предварительно сняв из первого тома красивую фотографию генералиссимуса за папиросной бумажкой. Она долго висела у меня над рабочим столиком, пока не потерялась...

Трудовая книжка

Ленинградский электромеханический завод «Равенство»
18 декабря 1967 г. — Присвоен 1-й разряд монтажника р/а
<...>

Ленинградский электромеханический завод «Равенство»
28 мая 1968 г. — Присвоен 2 разряд монтажника р/а монтажно-механического цеха 10

Ленинградский электромеханический завод «Равенство»
19 августа 1968 г. — Переведен монтажником р/а 2 разряда регулировочно-сдаточного цеха 20

Пока сидел в ожидании новой формы допуска, меня и стройную Таню в мини-юбке послали на помощь в 17-й сборочный цех. Дали огромный лист фанеры с пронумерованными дырочками под провода, монтажную схему и бобины проводов МГЦВ (монтажный, гибкий, шелковая и виниловая оплетки — МГЦВ) разного сечения. Нужно собрать косу-плеть на триста с лишним концов, прозвонить, навесить шильдики, аккуратно переплести вошным шнурком, и все это будет помещено в изделие, напоминающее маленький самолет. Я испугался — ничего подобного не видел, даже на макетном участке, куда меня посылали на помощь и для расширения кругозора. Таня сказала, что справимся, а потом заболела и на работу не вышла. Я даже обрадовался: перестал отвлекаться на мини-юбку и ее длинные ноги, которые словно специально вспыхивали под расстегнутым халатом. Заканчивал без нее и справился! Мастер ОТК принял без замечаний. Подмигнул: «Далеко пойдешь! Если милиция не остановит...»

Догадываюсь (знаю!), куда будет вставлена моя коса с пронумерованными проводочками. И немного горжусь — мой вклад в оборону Родины!

Сентябрь 1967 г.

Прочитал биографию «Ф. М. Достоевский» — в «ЖЗЛ», написанную В. Гроссманом. Разочарован! Классик играл в карты, рулетку и молился, чтобы выиграть!

Хотя до этого читал его «Дневник писателя» со старой орфографией — очень понравился, особенно «Нечто о вранье» и «О русском мате».

Прочитал весьма откровенные «Дневники» Стендаля из библиотеки сестры Веры. Интересный типчик этот Стендаль, он же Анри Бейль. Служил интендантом в армии Наполеона, видел горящую Москву, Бородино и написал «Красное и черное».

Странные люди писатели! В книгах — благородны, в жизни низки. Тьфу, зря я читал про Достоевского. Не хочется брать в руки его книги.

Ноябрь 1968 г.

Уже два месяца живу в Мурманске, пос. Роста. Северный флот, гарантийно-сдаточная база завода «Красное Сормово».

Нас семь человек. Я младший в бригаде — студент-заочник, объект поучений, наставлений и шуточек.

Две дизельные подлодки стоят у пирса на плановом ремонте. Наш бригадир — Володя Силин, окончил Военмех, обещал помочь с контрольными по интегральному исчислению — в январе у меня должен быть учебный отпуск.

Спросил, не родственник ли мне Каралис В. Н., автор книги «Электронные схемы в промышленности»? Книгу хвалил — толково написана, легко читается, маленькая, но очень нужная. Приятно было слышать. Я с гордостью сказал, что Каралис В. Н. — мой брат, он служил на Сахалине радиомехаником в авиации, сейчас — зав. экспериментальной лабораторией в НИИ метрологии. Про его мальчишескую тюрьму и незаконченное высшее образование умолчал. А про пальто с вязаным воротником, которое брат купил мне в девятом классе с гонорара за эту книгу, сказал. Пальто на плечиках висит в общем шкафу в коридоре — я ношу меховую куртку и иногда надеваю казенные унты, скорее для форсу.

Вносим изменения в схему УС захвата цели. Наш прибор — «Тройка», БЧ-2, ракетная часть.

Мужики за ужином рассказывали, почему меняют узкий сектор захвата цели в сторону уменьшения. Описываю, как понял.

На учебных стрельбах в Белом море лодка внешней параболической антенной нашла судно-мишень, выстрелила ДЭМом (действующий эквивалент-макет крылатой ракеты), навела ракету на цель, у нее включился «узкий сектор» захвата цели, и лодка, булькнув, ушла на погружение. «Узкий сектор» ракеты был равен 15 градусам горизонта, в расчете на авианосец или крупный линкор (могу напутать в размере). И вот наша ракета (ДЭМ) захватила не судно-мишень с бочками на мачтах, а цепанула радаром вмерзший неподалеку в лед рыболовный сейнер, на котором зимовал сторож с собакой. Сторож варит уху, слушает транзисторный приемник и рассказывает собаке истории из своей жизни. В этот момент 900 килограммов крылатого ДЭМа на скорости 900 километров в час с гулом и треском пробивают рубку и выходят ниже ватерлинии. Сейнер ложится на бок и медленно погружается в ледяную воду. Сторож и собака спаслись. У начальства убавилось звезд на погонах. А нас прислали сделать так, чтобы свои ракеты били точнее. Что мы и делаем согласнo схемам-приказам.

Потребовалось иметь четкую подпись для документов. Отработал ее на старых газетах за три дня. Подпись мне нравится. Мужики сказали, что подпись — признак мужания и обретения себя. Силин сказал, что менять подпись уже нельзя: она часть моей служебной биографии. И вообще биографии.

Мурманск — мужской город. Моряки, военные, снова моряки. Поехал на вокзал за «Литературной газетой» и познакомился с двумя девчонками с Украины. Приехали на сезонную рыбную путину. Говорить с ними не о чем. Все разговоры — где сколько платят. Спрашивали, сколько я получаю. Противные девки, но симпатичные. В городе темно, лишь в центре города и возле вокзала горят мощные лампы.

Питаемся в бригаде, в коттедже. Скидываемся деньгами с получки и готовим по очереди. За мясом мужики ездят по знакомым точкам. В городских столовых — рыба с макаронами, что для Ленинграда — дикость. На обед нас возит автобус с двукратной остановкой и проверкой документов.

Научили готовить гуляш с подливкой из мучного соуса. В магазинах — питьевой спирт, 96 %. Горит синим пламенем, что отличает его от технического, тот — зеленым. Я выпивал два раза — разведенный и неразведенный. После разведенного помню унитаз, стремительно надвигающийся на меня, — я его обнимаю и больно стучаюсь головой. Крики, хохот, меня мотает, ведут под руки — койка, тазик.

Бывают апельсины. У нашей бригады традиция — водка с апельсинами после бани, которая по субботам.

Военпред Подушкин с завода «Большевик» умеет готовить коньяк из спирта, чая, ванилина, корицы и еще чего-то. Говорят, не отличишь от настоящего. Наша бригада заказала ему шесть бутылок — к разным дням рождения и праздникам.

«Большевики» живут в соседнем коттедже. Раньше в наших коттеджах жила команда атомного ледокола «Ленин».

Коттеджи хороши. Есть радио, газ, ванна, телевизоры, городской и местный телефон у коменданта. Можно позвонить по межгороду, но к нам нельзя, только экстренно, через завод. Если ночью ветер с залива, заносит снегом нас, и утром «большевики» выходят с лопатами на помощь. Если ветер с сопков, заносит «большевиков», они звонят нам, и мы перед завтраком откапываем их двери.

На лодках тепло и чудаковато. В сортир лучше не ходить — если нажмешь не тот рычажок для продувки, может обдать жидкими фракциями. Да и не принято ходить в сортир, если лодка у причальной стенки.

Деревянные сходни. Будка. В ней мерзнет матрос в кожаной меховой куртке с автоматом. (Куртка хороша!) Вход и выход по пропускам. Неподалеку на рейде — плавбаза «Лиепсе», обслуживающая атомный ледокол «Ленин». Над заливом слышны голоса трансляции и музыка. И пронзительно пахнет соленым морем, как в моей детской Кандалакше!

Банки с тресковой печенью считаются у матросов мелкой разменной монетой. Сухое вино — у старшин. Его выдают во время плавания в медицинских целях, 150 граммов на человека.

Матросы — мои сверстники. Двое ленинградцев — один с Охты, второй с Петроградской, улица Чапаева. Спросили, почему я не в армии. Объяснил, что учусь на заочном. Дают доучиться. Стали рассуждать: «Ну, земля, будешь в двадцать пять лет служить с салагами! Не сахар! Лучше с годками... Просись на флот. Лучше три года на коробке, чем два на суше. Тут люди, а не сапоги. Сам видишь!»

Вижу. Народ серьезный. Два раза играли учебную тревогу. Бегают как заведенные. У лодки — четыре контейнера. Крылатые ракеты, скорость 900 км/ч. Убийцы авиа-

носцев. На рейде стоят выкрашенные в голубоватый цвет линкоры и вспомогательные корабли — «готовятся идти на помощь братскому арабскому народу — бить сионистов-евреев», как сказал Лукошников на политинформации.

Приезжала Аня из Апатит, тоже заочница, познакомился с ней на танцах в общежитии института на Малом, 40. Бригадир выделил нам свою маленькую комнату, поставили раскладушку. Парторг Лукошкин был против, но мужики его уговорили. Ночь провели в разговорах и поцелуях. Аня строга. «Вот женишься, тогда хоть ложкой ешь!» Жениться надо бы, но страшно. И не уверен, что люблю ее. Аня простовата, в ней нет таинственности и очарования.

Проводил ее на поезд. Обещали писать друг другу. Но вряд ли...

Командировочные платят 2,90 в сутки. У стариков — до 3,60. Можно жить.

Видели НЛО над Кольским заливом. Шли из бани по снежной тропке, поддатые мужики вели себя весело-задиристо, но и они замерли, когда увидели ЭТО! Белые шары цвета неоновой лампочки медленно крутились по часовой стрелке — восемь штук, вокруг шара побольше. А потом слились с большим шаром, который отодвинулся ввысь и в сторону. И исчез. Было страшновато. Расстояние до этой карусели и фактический размер шаров определить было невозможно — то ли километр, то ли пятьсот метров... Но жутко.

Я представлял себе летающие тарелки — тарелками, как в журнале «Крокодил». Силин сказал, что встречаются «тарелки» разной формы, все это называется неопознанными летающими объектами (НЛО). Якобы ученые всего мира следят за ними... Мужики быстро допили водку из горлышка и стали рассуждать, кому сообщить об увиденном. Бригадир Силин сказал, что здесь все небо под наблюдением — кому надо, уже видели и знают.

«Большевики» напортачили. Перед самым приходом своего начальства гидравлической перерубили кабель управления антенной. Кабель с руку толщиной — три десятка медных жил по квадрату каждая. Но не смертельно — у самого основания ШаЭра. Прибежали к нам: «Что делать? Спасите-помогите! Нам головы оторвут!» Меня на несколько часов отправили в шахту на специальной люльке — перепаявать обрубленные концы. Снарядили как надо. Теплое авиационное белье, обмотали паяльник асбестом, кожаная куртка на меху, на лбу — лампочка на 12 вольт. Перепаял, прозвонил. Все заработало, антенна пришла в движение. Приехавшее начальство ничего не узнало. «Большевики» устроили нашей бригаде маленький банкет с самодельным коньяком, вареной картошкой, ящичной селедкой и луком! Пили за мое здоровье и учебу! Было очень приятно.

Январь 1969 г., Ленинград

В учебном отпуске. В декабре срочно перевели в Комсомольск-на-Амуре, где бригада наладчиков запросила радиомонтажника. Пробыл месяц. В дневник не писал. Все-таки действующее производство, и я давал расписку не сообщать, не вступать в контакт, не болтать, не хвататься и не намекать... Про хвастовство и намеки мне красочно объяснил седой товарищ из первого отдела:

— Вот ты рюмку выпил, и тебя понесло! Какой ты важный и весь из себя секретный! А он, падла, смеется и не верит. Ты злишься, вываливаешь подробности — где был, что видел-делал, мамой клянешься, честное комсомольское даешь! А он за эти подроб-

ности готов тебя хоть месяц поить и в долг давать без отдачи... Никогда не пей с незнакомыми! Даже женщинами! Тоже могут быть подосланными. Понял?

Я сказал, что понял, хотя ничего не понял — с кем тогда пить? В командировках всегда много незнакомых, с разных цехов, даже заводов разных...

Комсомольск-на-Амуре и завод «Ленинского комсомола» — чудо! На заводе — подземные переходы между цехами. В пропуске — значок-штампик твоего цеха. Огромная фабрика-кухня при заводе в несколько этажей. Есть своя оранжерея. Питание бесплатное, по талонам. Мы с радиомехаником Вовкой (он после армии, служил танкистом в Монголии, возводили часть в чистом поле своими силами) с трудом выедали талонные деньги. Дом молодежи на берегу Амура рядом с мемориальным камнем о первых комсомольцах тридцатых годов — танцзал, бассейн, секции, кинотеатр, буфет с «Таежным» бутылочным пивом, лимонад, соки, пирожки, пирожные.

Познакомились с двумя девушками на танцах, пригласили нас, ленинградцев, домой, пока мама на дежурстве в «Скорой помощи». Угостили домашней наливкой на спирту. Проснулись среди ночи на одном диване. Девчонки спят на другом. Они над нами посмеялись и отправили, напоив чаем с бутербродами.

Стоишь у стапеля, смотришь на верх «изделия», и шапка падает. Изделие — с девятиэтажный дом! На заводе — шестнадцать стапелей! И на всех стоят лодки в строительных лесах. Электросварщики после ПТУ получают на заводе по 400 рублей. Нет, Америке нас не заботать!

Помню, отец слушал какой-то «голос» на новом комбайне, купленном в кредит. «Голос» говорил, что СССР догнал США по количеству атомных подводных лодок. И отец радостно закивал, погрозил кому-то пальцем, расправил свои буденновские усы... Мне тоже стало приятно.

Блестят бронзовые винты в несколько человеческих ростов. Я украдкой поцеловал один из винтов нашей строящейся субмарины и пожелал ей семь футов под килем и сто метров сверху. Зачем? Не могу объяснить. Просто захотелось... Я уеду, а субмарину достроят, она уйдет в моря. Встанет на боевое дежурство и будет помнить, как радиомонтажник из Ленинграда Дима Каралис пожелал ей доброго плавания и чмокнул в покрытый солидолом винт...

Сообщение ТАСС: «22 января 1969 года во время торжественной встречи летчиков-космонавтов совершен провокационный акт — было произведено несколько выстрелов по автомашине, в которой следовали космонавты тт. Береговой, Николаева-Терешкова, Николаев, Леонов. В результате получили ранения водитель автомашины и мотоциклист, сопровождавший кортеж. Никто из космонавтов не пострадал. Стрелявший задержан на месте совершения преступления. Производится расследование».

Говорят, стреляли в Брежнева.

Март 1969 г., Ленинград

Скоро двадцать лет, а что сделано?

Ничего не написано! Ничего не доведено до конца. Косноязычие страшное! В «Литературке» хорошо пишет Анатолий Аграновский. И хорош отдел «12 стульев», особенно юморески в жанре «Ненаучная фантастика».

Апрель 1969 г.

Встречались классом, человек 15, у Наташки Смирновой, на Мытнинской улице. Девчонки наши — уже тетки со всеми первичными и прочими половыми признака-

ми. Хорошо посидели, выходили кривые, пошатываясь, обнимались и никак не могли расстаться. Михайлов в армии. Бырышев, пока я был на Севере, ездил к нему в учебку под Лугу, говорит, выпили в лесу немного портвейна, занюхали шишками. Виталька учится на связиста. Получил от него пару писем. Написал, где я бываю — без подробностей, как учили.

Епифанчика на встрече почему-то не было...

Со Смирновой заговорили о Достоевском. Отличница Наташка сказала, что любит этого писателя, а я слишком строго сужу классика за игру в рулетку. Я пытался втолковать ей суть моего недоверия — дело не в рулетке, а в том, что он молился Богу о выигрыше...

Потом стали рассуждать о Боге. Я сказал, что наш государственный атеизм сомнителен и ничего не доказывает. Весь мир верит в Бога, а мы — шестая часть суши — не верим! Мы что, умнее всех? Меня не поддержали. Наташка ссылалась на новейшие данные ученых. Вышла в прихожую ее мама — Александра Павловна, работавшая секретарем директора в нашей школе, и тоже закивала головой: наши ученые все знают, ученые все доказали...

Ушел с тяжелым чувством <...>

И мы с парнями, распевая «Солдатушки, браво-ребятушки!», зашли в Овсянниковский садик, чтобы проверить, кто теперь там держит мазу. Но не проверили — лишь мелюзга, заметив наше приближение к катальной горке и качелям, разбежалась на всякий случай.

Посидели в ожидании достойной смены. Вспомнили Консула с Лиговки — сняв шапку-пирожок, он показывал бритую голову с синими следами от удара кабелем. Вспомнили улыбающегося Самбиста с Баскова — он выкрутил мне руку на горке и долго держал, пока я носом не сбил ему шапку. Грозу Смольнинского района Пончика вспомнили, которого чуть не покусал наш свирепый пес Канис, и тот обещал мне отомстить. Пончик, сказали, в тюрьме, месть задерживается. Сашку-Паровоза вспомнили и его старшего брата, от которого передалось прозвище «Паровоз»: тот шел в уголовном деле первым, главным, паровозом... А я отдельно вспомнил кружок фигурного катания за сеткой в этом садике, куда мама отдала меня в первом классе. И фото сохранились: вот я делаю ласточку, вот пистолетик, вот задняя перебежка, вот передняя... И книга «Свен, не умевший лгать» с надписью: «Диме Каралису за 1—2 место в соревнованиях по фигурному катанию. 1958 г. Ленинград».

Простодушный Свен из книги мне очень понравился. Я бы хотел быть таким. Говорить правду — великая привилегия!

Вспоминали водопроводные краны от вентилях, которые служили кастетами старшим, отпетым хулиганам — в них удобно вставлялись четыре пальца, и милиция ничего не могла доказать: кран под холодное оружие не попадал. Велосипедные цепи, телескопические антенны, резиновые шланги... Джиу-джитсу, карате, самбо, бокс, вольная борьба... Чего мы, старшеклассники, отстаивали в Овсянниковском садике, уже не понять и не вспомнить...

Не дождавись приключений, мы разошлись, пообещав собираться каждый год.

У меня появилась комната на Большом проспекте Петроградской стороны. С прибалтийской мебелью, библиотекой и камином. Шестой этаж, окно на Большой проспект. Пять минут до «Петроградской». Просто сказка!

Эту сказку устроила сестра Надя — через одноклассницу, у которой мать работает заведующей овощной базой. Целая комбинация. Меня, как городского очередника, поставили в очередь на однокомнатную кооперативную квартиру. Очередь подошла

быстро, я «купил» кооперативную квартиру на Охте и обменял, не въезжая, на комнату директора овощного магазина Кима Геннадьевича в коммуналке. Директор оставил мне всю обстановку, в том числе целое сокровище — огромный книжный стеллаж с застекленными полками. Книги в два ряда!

В квартире еще пять семей. Трое из них — старики-блокадники.

В комнате пока не живу, лишь приезжаю смотреть книги и царственно ходить по дубовому паркету, лежать на диване и смотреть в окно на шпиль Петропавловки. Как-то боязно, не верится, что я — владелец этого уютного княжества в восемнадцать квадратных метров.

Сначала финт с кооперативной квартирой собирались провернуть с братом Юрой, артистом, но он отказался — комната хорошо, но он рассчитывает на квартиру по городской очереди. Зять-строитель Скворцов, осмотрев комнату на Петроградской, сказал: «Вот и живи тут, пока „Войну и мир“ не напишешь! Зря согласился!»

А мне нравится. Стану писателем — куплю или выделят квартиру. Писателям положены дополнительные метры.

Май 1969 г., Ленинград

В учебном отпуске. Все наши — на даче. Живем с Юрой Кошелевым на 2-й Советской, днем играем в футбол, ночью готовимся к экзаменам, напившись кофе и обмотав голову холодным полотенцем.

Ходили на танцы в Мраморный зал ДК им. Кирова. Не понравилось. Много моряков. Девицы нарасхват.

Древние японцы говаривали, пощипывая усики: «Женщины рождаются лишь для того, чтобы быть обманутыми мужчинами». Нас, мужчин, тоже всюду дурачат — танцует и ест мороженое с одним, а уходит с другим.

Сентябрь 1969 г., Ленинград

Уволился с «Равенства», устроился электриком на Опытный завод Балтийского морского пароходства. Сразу дали четвертый разряд. Сказалась моя работа радиомонтажником на оборонном предприятии и производственное обучение в школе на электрика плюс учеба на электромеханическом факультете Горного. Пообещали 130 рублей плюс премии.

Вызывали в военкомат. Принес справку из института. Хмуро покивали, ощупывая взглядом. Заочникам и вечерникам пока дают отсрочку до окончания учебы, но все может измениться.

...Токарь ОГМ Валерка Барахманский сказал, что в моих рассказах многовато драк и описаний природы. Но некоторые эпизоды написаны хорошо. Понравилась темнеющая струйка крови в котелке — из разбитого носа, когда герой пьет после драки. И должна быть пропорция между действием героев и описанием обстановки. Какая — никто толком не знает. У каждого автора своя.

Дядя зовет Валерку в Америку. Говорит, что токарем можно работать в гараже или мастерской и загребать деньги лопатой. Валерка ехать боится. Он и здесь неплохо зарабатывает.

В обед мы выходим с ним на крышу нашего Опытного завода Балтийского морского пароходства, смотрим на просторы порта, залива, курим «Шипку» и говорим о литературе.

Валерка дал почитать «Зойкину квартиру» и «Собачье сердце» — на папиросной бумаге. Ничего вещи!

Иногда Валерка с завываниями читает стихи неизвестных мне поэтов. Он на семь лет меня старше, ему двадцать семь. Лысый, худой, но добрый. Говорит медленно, с растяжкой, поблескивая глазами. Не скрывает, что еврей.

Валерка говорит, что я лучше рассказываю, чем пишу. Я рассказывал ему про свои командировки — в Мурманск и в Комсомольск-на-Амуре. Как там ловят зимой миногу, идущую на нерест: привозят на санках избушки без пола, ставят над прорубью и пиками с множеством лезвий бьют в воду — рыба идет сплошняком. И замерзшая минога кучами продается на льду Амура. Я привез отцу к Новому году пятилитровую банку миноги из-под болгарского лечо. Он вывалил их в ванну и принялся мыть щеткой, прежде чем жарить и мариновать.

Вспомнил, как падает шапка, когда смотришь на «изделие» на ступе, про размер винтов, про весы, на которых тебя взвешивают вместе с инструментом и материалами при входе и выходе с каждой палубы «изделия».

Валерка: «У Америки атомных лодок все равно больше, и у нас пупок развяжется доганять их». На этом пункте чуть не поссорились.

Рассказал о нашей с Вовкой неудачей на женском фронте, когда напились вишневым настоем на спирту, пока мать хозяйки квартиры дежурила в «Скорой помощи». «Они вам для смелости налили, под юбку приглашали, — засмеялся Валерка. — А вы, дурачки, перебрали и рухнули в аут! Запомни: кончил в тело — гуляй смело! Сначала постель, потом выпивка!»

Мне неприятны разговоры о женщинах, особенно интимные подробности. Отворачиваюсь, ухожу, стараюсь избегать таких компаний, где напропалую врут и не краснеют. Не мужское дело рассказывать, как и с кем было дело. Не мужское.

Посоветовал почитать Василия Аксенова — «Затоваренная бочкотара» в «Юности». Я сказал, что Аксенов мне нравится — сборник «На полпути к Луне» у меня в библиотеке есть. Поговорили немного о сборнике и об Аксенове. О «Звездном билете», который я читал взахлеб, о «Коллегах». Валерка боготворит Аксенова за стиль и слегка пижонское отношение к жизни.

Валерка советовал найти в «Иностранке» и обязательно прочитать «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Я сказал, что в «моей библиотеке» одна полка набита журналами, в том числе и «Иностранкой». Поищу.

Валерка женат, есть дочка, но бабник. Любит рассказывать о своих похождениях. Мне почему-то делается неприятно — жалко его жену. Одна девушка, с которой он забавлялся на досках в ванной, спросила: почему он, еврей, жарится с ней, русской. «В сексе я интернационалист!» — рассмеялся Валерка.

Учился в Политехе, но не окончил, отслужил в армии. Золотые руки. В армию идти не советует — унижения схватишь по полной. В литературе разбирается!

...Рассказал Валерке о доставшейся библиотеке. Валерка думает, что библиотека собрана человеком с филологическим уклоном. Ким Геннадьевич мог иметь сожительницу-филологиню. Которая еще может прийти за своими книгами. Это плохо. Некоторые книги я за ненадобностью уже отнес в скупку... Роже Мартена дю Гара, например. Элизу Ожешко. Павло Загребельного, Мариэтту Шагинян. Но сначала пробовал читать. Валерка попросил принести путевые заметки Виктора Некрасова «По обе стороны океана», переплетенные прежним владельцем библиотеки и понравившие-

ся мне. Сказал, что Некрасов — отличный писатель, его повесть «В окопах Сталинграда» — лучшая книга о войне.

Соседи говорят, что в последнее время Ким Геннадьевич в комнате не жил, только приходил с компанией играть в преферанс. И вообще подозревают, что его посадили.

Прочитал «Огонь» Анри Барбюса — сильная книга. Первая мировая, французы против немцев. А что почитать про русских в Первой мировой, или Империалистической, как ее принято у нас называть? Мой дед Павел, которого я никогда не видел и знаю только по отчету отца, воевал на ней. «Хождение по мукам»?

Валерка: «У Ремарка есть о Второй мировой — „Время жить и время умирать“, о немцах на Восточном фронте».

Ремарк мне нравится. У мамы были «Три товарища» и «Черный обелиск». Эти книги потерялись при переезде из Кандалакши. Потерялись «Океанский патруль» В. Пикюля, рассказы С. Цвейга, «Человек меняет кожу» и «Алитет уходит в горы» — классная книга про Чукотку — и «Бильярд в половине десятого» Генриха Бёлля.

В бригаде электриков обычай — каждую пятницу выпивка. Покупаем из расчета — бутылка водки на троих. Винегрет и котлеты из столовой приносит Леша Коротков, ярославский мужичок, он обслуживает столовую. Запираемся в мастерской и пьем. Первый раз дали «для экзамена» выпить стакан водки «под рубец». Справился. Но завалился в раздевалке, пришлось принимать холодный душ. Мужики вывели за проходную, посадили в трамвай, довели до метро. Иногда поют частушки и пляшут. Только треск и топот стоят в мастерской. «Девки шили панталоны из железного листа, чтобы тело не потело и не ржавела п...!» Бригадир Алексей Смирнов, из ярославских: «Электрики — это прослойка между рабочим классом и интеллигенцией», «С электричеством надо на „вы“».

Научили рассчитывать и перематывать статор трехфазного электрического двигателя. Могу монтировать магнитный пускатель, который проходили в школе на производственной практике.

Нашел на стеллаже переплетенный журнальный рассказ «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Серьезная вещь! Валерка дал мне «Острова в океане» Хемингуэя. В разговорах цитируем старика Хэма: «Он дал ему в ухо, и ухо стало как апельсин».

В моей библиотеке обнаружилась книжица «Зеленые холмы Африки» того же Хэма. Немного скучновато. Мне нравятся его рассказы «Там, где чисто и светло» и «Старик и море». У Хэма есть чему поучиться.

У нас в ОГМ работает слесарь-ремонтник Иван Калн, высокий грузный эстонец с заячьей губой. Барахманский называет его Леонкавалло. Тот не обижается, только смеется до всхлипов и закатывает глаза. Рассказывает, что у его отца на хуторе был кабинет с дубовым письменным столом и кожаным креслом. Что это за хутор такой, не объяснил.

Работает у нас пожилой седовласый украинец, которого в бригаде называют бандеровцем. Неторопливый, обстоятельный, но в пятницу с бригадой не пьет — спешит к молодой жене. Рассказывал, какие хитрые крысы были у него на складе во время войны — чувствовали электричество. И как один мужичок, всю войну строивший из себя малограмотного дурика, в День Победы сел за пианино и сыграл Первый концерт Чайковского и Штрауса.

Еще есть красавец мужчина, капитан третьего ранга в отставке, работает ремонтником. Во время войны принимал ленд-лизовские корабли в США. Рассказывал, как утонул в койку горничную-негритянку, заглянувшую с утра в его гостиничный номер.

Есть хохмач, трепач, пьяница и говорун с Канонерского острова — Володька по прозвищу Пин Дэхуай. Одновременно похож на революционного матроса и анархиста из кинофильмов: челюсть с крупными зубами, широкие плечи, грива светлых волос, глаза навывкате. После стакана водки хохочет, переходит на китайский и делает вид, что хочет зашетоковать: «Пин Дэхуай! Пин Дэхуай!» И еще что-то по-китайски, вроде Цин Дэфу, Цин Дэфу! Хороший мужик. В пятницу за ним приезжает жена с детьми, чтоб не напивался — на Канонерку ходит катер-паром. А Пин Дэхуай свистит и пляшет на катере, может свалиться за борт.

Прошел «крещение электричеством». Дело было так. Повесил на электрическом щите в коридоре табличку «Не включать! Работают люди!», устроился на станине токарного станка, ковыряюсь в электрике. И вдруг меня долбануло от спины до пяток, затрясло. Вывалился, отдышался! Оказалось, Иван Калн включил свой станок, который отремонтировал, и зацепил мой. Наш бригадир аж затрясся от злости, когда узнал об этом. Попало и флегматичному Славке Грушину, который должен был контролировать мою работу и безопасность. Славка любит поговорить, делает это с насмешливой улыбкой, все знает и обо всем рассуждает. Леша Молоков, бригадир слесарей, гоняет его со своего участка и называет интеллигентом хреновым. Говорит, что при Сталине таких сажали пачками, а то и расстреливали.

Леша Солдатов — жестянщик, мастер по вентиляции, научил делать совок для мусора. Сделал! Леша Солдатов партизанил мальчишкой в Белоруссии. Жили на острове среди болот. Сидел в болотной тине несколько дней. Говорит, одна мечта была — наестся до пуза и выспаться в тепле. Рассказывал, как пришли ночью брать предателя в хату и тот бухнулся в ноги, язык отказал, бормотал, как глухарь, просил не расстреливать, потом обделался. Плакали дети.

Солдатов — фамилия из детдома. Награжден медалью. Именные часы от командующего фронтом. Боготворит жену. «Какие она шанежки готовит! А ежики с рисом!»

Недавно я поставил себе цель: к двадцати пяти годам вступить в Союз писателей. В крайнем случае в Союз журналистов. Говорят, туда берут без специального образования, по публикациям.

Прочитал «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Симпатично!

Иногда кажется, что, кроме литературы, нет ничего более интересного в жизни! (Фу! Какая безобразная фраза!)

За последнее время прочитал «Декамерона» Боккаччо, «Золотого осла» Апулея, «Одиссею» и «Илиаду» Гомера. Две последние вещи — с огромным трудом. Очень не люблю мысленно произносить при чтении иностранные имена и фамилии. Тем более древние! Язык сломаешь, мозги свернешь. Но для культурного багажа надо. Прочитал, но ничего не помню.

Ильф—Петров или О. Генри нравятся мне больше, читаются веселее, с любого места и в любое время. На стеллажах нашел «Записные книжки И. Ильфа». Цитирую и хохочу. Барахманский подхихатывает, заправляя в шпендель своего токарного станка ДИП-300 очередной прутки или болванку. Остальные рабочие участка косятся на нас и подсмеиваются — дескать, нашли друг друга, пиз...лы!

Читал Дмитрия Веневитинова «Полное собрание стихотворений» (Л., 1960). Раньше о нем не слышал.

...Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

На его похоронах были Пушкин и Мицкевич. Прожил 21 год, написал 50 стихотворений.

Я тоже прожил уже 20 лет, но не написал ничего достойного. Напишу ли? Или буду наслаждаться жизнью? Впрочем, писать тоже наслаждение! «...Ли — Или» — следить надо за словосочетанием, товарищ мечтатель!

Валерка сказал, что есть такая часть лингвистики, которая учит благозвучию, — фоника. У одних слова летят, как у Твардовского и Пушкина, у других ползут, как вши по воротничку тифозного покойника. Или образуют «зияния» — стык гласных букв, как у меня сейчас получилось...

Бригадир устроил мне халтурку — проложить в однокомнатной квартире скрытую проводку. Высокая стройная хозяйка — чемпионка по академической гребле, работает в нашем КБ. Вся гостиная в кубках, вымпелах и медалях. Потолок из железобетонной плиты. Целый день пробивал штроб зубилами и ручником. Бригадир научил, как держать ручник для ударов снизу. Пробил. Но когда долбил нишу под розетку в стене, вывалилась штукатурка и образовалась дырка на кухню размером с блюдо. Я увидел дымящуюся тарелку борща на столе и услышал шкварчание котлет — хозяйка собиралась покормить меня обедом. Я испугался, хозяйка стала успокаивать меня. После обеда она помогала мне замазывать алебастром воронку. Сказала, что подкрасит сама. Пришел наш бригадир, все проверил, кое-что подкрутил, принял работу. Заплатила 50 рублей. На улице я протянул пятерку бригадиру — не взял: «Все твое! Заработал!» Хороший мужик Виктор Смирнов, из Ярославля; хозяйственный, семейный, любит жену и сына. Матом почти не ругается, терпеливо объясняет любое непонятное место, ждет, пока поймешь, затем радостно кивает.

От Валерки узнаю много нового и неожиданного. Например, что Натали Саррот — из русских, что американская писательница Гертруда Стайн придумала термин «потерянное поколение» и дружила с Хэмом и Пикассо; что Скотт Фицджеральд любил поддавать, как и Джек Лондон; что застрелившийся в 62 года Хэм тоже поддавал, но все описанные им дринки — это 20 или 30 граммов виски плюс лед.

Валерка: «Попади Хэм на наш завод в пятницу или в получку, он бы на следующий день лежал в лежку, и прогрессивное человечество от него ничего, кроме бранных слов и крикательства, не услышало. А через месяц работы в нашем ОГМ писатель Эрнест Хемингуэй застрелился бы из самодельной поджиги!»

Кстати, по каким причинам застрелился писатель — неизвестно. Лауреат Нобелевской премии по литературе за «Старика и море», 1954 год.

1969 год

В бригаде новый электрик — Виталий Ильин, демобилизовался из армии, служил в ГДР. Его сестра замужем за директором нашего завода. Мужики радуются: теперь электриков никто не тронет! Хочет получить рабочую путевку в органы. Для начала

в милицию, а там видно будет. Стало повеселее — работаем в связке, молодежное звено. Нормальный парень.

Прочитал Эрскина Колдуэлла «Мальчик из Джорджии». Великолепно! Читаю остальные циклы, рассказы и повести. Вот как надо писать! Чем-то (интонацией? простодушием?) напоминает моего любимого Виктора Голявкина. Но при этом они очень разные.

Все, что сейчас пытаюсь писать, обидно уступает классикам. При всей внешней похожежности. Сам чувствую, что не то! Выдумка какая-то.

Ура! Брат Володя отдал мне пишущую машинку, купленную в складчину с отцом. Он отстучал на ней две научные книги. Теперь материальное положение позволяет отдавать материалы машинистке. А мне — печатать и отсылать в редакции свои вещи. От руки не принимают. Иногда в обед сажусь за свой верстак и пишу в блокнотик. Вот как сейчас. Мужики считают, что я либо записываю их разговоры для начальства, либо сочиняю стихи... Я не отрицаю стихи, чтобы не запутывать ситуацию.

Новенький Виталий Ильин рассказал, что во дворе на Наличной улице соседи спутали его с Виктором Ильиным, который покушался в январе на Брежнева. Выпученные глаза при встрече, шараханья в сторону, шумиха-неразбериха. Виктора Ильина наш Виталий Ильин неплохо знал: росли в одном дворе. Тот был слегка одержим манией величия. Хотел оставить след в истории и т. п. Заносился в разговорах, замахивался на советскую власть — дескать, «распустила жуликов», которых надо ставить к стенке. После покушения на Б. его признали психом.

Подружился с двумя строителями — они штукатурят раздевалку и туалет. Рыжий Юрка, освободившийся с зоны, устроен на работу по обязательке, и Шлеп-нога, пожилой тунеядец, требующий трудоустройства, тоже прислали через райисполком.

Юрка — болтун-говорун. Пожимает руку с поклоном: «Юрио-Драндулио, корреспондент газеты „Крисчен сайенс монитор“, Чикаго». Или, прищутив глаза на китайский манер: «Товарищ Тинь-Бинь-Хуй, специальный корреспондент газеты „Жень минь жибао!“» Входит в раздевалку, солидно поводит плечами, протягивает руку: «Медицинский журнал „Дегенерато индепенденс фридум олрайт!“» Проводим обследование общественных настроений среди рабочих вашего завода! Как вы относитесь к утреннему пиву?»

Рассуждая о своей отсидке: «За что мне дали пять лет? Я всего лишь улицу неправильно перешел. Подумаешь, с чужим чемоданом!» Красочно рассказывает о своихключениях на женском фронте. «Она лежит такая на пляже — дупло сушит. Я подхожу: „Девушка-красавица, вы не находили здесь пухлый бумажник с деньгами? А, да вот он! Извините, нашел!“» Шутки-прибаутки: «Привет, залупоглазая!» Насильники — грабители лохматых сейфов.

Валерка ругает роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», говорит, на него вышла пародия «Чего же он кочет?»¹. Цитирует двусмысленные места: «Вы знаете, какого я о вас мнения?» — «Какого, Уя?»

¹ З. Паперный. «Чего же он кочет?» («Октябрь», 1969, № 9—11).

Кузнец Славка отковал мне из подшипниковой стали 8НГХ48 заготовку для ножа. Я сделал нож для рыбалки и грибов. С наборной кожаной ручкой под пальцы — из пластин офицерского ремня. Клинок — 10 сантиметров, усики. Славка учится на вечернем в Политехе, и мы с ним возле печей поговорили о металлургии: мартенсит и прочие состояния расплавленного металла...

Цифры простых чисел, которые делятся только сами на себя и на единицу, похожи на гордых и красивых людей. 3, 5, 7, 11, 17, 19, 23, 29...

Не могу я ноги свои портить — мне с ними еще замуж выходить (лаборантка Маша).

Если бы телефонная трубка умела краснеть, она была бы пунцовой от наших разговоров.

Жизнь — стремление к удовлетворению своих потребностей. Разные потребности — разные судьбы.

Он удивленно вскинул брови, и лоб его стал как стиральная доска.

Человек с короткими ногами шагнет быстрее, но это не значит, что длинноногий ходит медленнее.

Без денег сон крепче.

Нищему собраться — только подпоясаться.

Барыш с убытком в одних санях ездят.

Графомания — любовь к письму. Что мы и наблюдаем...

Зима снежная, пушистая. Записался в заводскую лыжную секцию, сходил на тренировку в Сад 30-летия ВЛКСМ. Тренер, узнав, что я бегал «десятку» и «пятнашку», выдал мне клееные беговые лыжи (Сортавала), ботинки и спортивный костюм с надписями «Водник».

Съездили в Кавголово. Прошел «пятнашку» с результатом, близким к первому ряду. Люблю лыжи с детства, с Кандалакши, когда ходил на них в школу, а потом «гулял» на лыжах с пацанами на ближних сопках за рекой Нивой.

Особенно люблю, когда приходит второе дыхание, победа над собой. И катишься как заведенный — четко и слаженно, появляется мышечная радость... Ты зависишь только от себя — люблю это состояние.

Скоро эстафета 5 километров x 5 и «десятка».

Эразм Роттердамский, «Похвала глупости». Странная вещь... (Барахманский: «Маразм Роттердамский!») Есть забавные фразы: «Мудрость делает людей робкими, и потому на каждом шагу видишь мудрецов, живущих в бедности, в голоде, в грязи и в небрежении, повсюду встречающих лишь презрение и ненависть. К дуракам же плывут деньги, они держат в своих руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают».

Человек за свою жизнь может прочесть только две тысячи книг, сказал Барахманский. Поэтому ерунду читать не надо, важен отбор! В доставшейся мне библиотеке — около пятисот книг. Несколько часов просидел около стеллажа — разбираю, раскладывал...

Некоторых авторов даже не слышал.

Диссертация, которая не будет никогда дописана до конца, — «Человек, его поведение». Хотя, говорят, в литературе существует фиксированное число сюжетов, кажется, 28. Остальные — лишь производные от них. Разобраться!

Прочитал «Созвездие Козлотура» Фазиля Искандера — симпатично! Да, местами смешно, местами остро, но восторг Баракманского не разделяю. Он говорит, что цензура вырезала наиболее интересные места.

Юру Кошелева посадили. Он уехал на «химию» в Кингисепп, работает на сланцевом карьере помощником геодезиста. Рассказывают, Юра по пьянке прибрал выпавшие из бумажника автомобильные права сына председателя совхоза, жившего в общаге Горного, написал письмо с требованием выкупа — 50 рублей. Указал, куда положить конверт с деньгами, — ячейка для писем в вестибюле. Оперативники просверлили дырочку в двери завхоза, напротив почтовых ячеек, выследили Юру. Получил три года!

<...>

Баракманский сказал, что по «Голосам» читают «Крутой маршрут» Евг. Гинзбург. Она мать Василия Аксенова, сидела при Сталине. Реабилитировали в 60-х. Родители Аксенова — партийные деятели Татарии, были признаны троцкистами, находились в скрытой оппозиции Сталину. Баракманский сказал, что в революционной борьбе сам черт ногу сломит. Нет друзей и врагов, все подвижно...

...Совсем недавно, допустим, в XVI—XVII веках, люди не могли и представить себе паровоз, телефон, электродвигатель, телевизор, не говоря уже о космических кораблях. В те времена сожгли бы на костре всякого, кто утверждал бы о радиоволнах — невидимых, но передающих сообщения на другой конец планеты. Если, допустим, Копернику или Ньютону показали бы по телевизору их самих за работой, любой из них сошел бы с ума, полагая, что видит дьявольское наваждение.

Какой скачок в области связи за несколько столетий!

Так почему отвергается связь простыми мыслями, телепатия? Может быть, еще нет технических средств, чтобы открыть и пользоваться всем, что существует в природе. Человек не изучил еще самого себя, свой организм. Каждая мельчайшая деталь еще поставит перед человеком столько загадок и проблем, что смело можно утверждать о вечности непознания. Всего изучить до конца нельзя.

Обо этом я вчера рассказал Валерке. Он сказал, что я ишу глубину на мелком месте.

Заехал в свою комнату, где не живу. Стук в дверь. Пришел пьяный сосед Костя и стал объяснять, что шесть копеек за свет он взял с меня не по своей воле, а по требованию женщин. За то, что я приходил сюда несколько раз и включал свет. Вот он и расписал на меня шесть копеек. Я его успокоил — все в порядке, по справедливости. Он ушел с чистой совестью.

Володя купил в складчину с Толей Бызовым белый разъездной катер немецкой постройки. На нем можно жить — две каюты, рубка, движок 150 лошадей, отделка букком и дубом... Шпангоуты из металлического уголка, обшивка — из текстолита в два пальца толщиной!

Сказка, а не катер! Он попал в СССР по послевоенной репарации.

Прихожу на 2-ю Советскую, на бывшей родительской кровати спит брат Юра, у него на груди — курчавая головка девушки. Приехал с гастролей. В комнате полно чемоданов. Брат открывает глаза, и первый вопрос вместо «здрасьте» — «Скоро жилье дадут? Какая очередь на квартиру?» Разговорились. Оказалось, это Раиса, его новая жена, «са-

мая красивая девушка Владивостока», парикмахерша. В чемоданах оказался десяток сценических костюмов разного цвета и фасона: васильковый, зеленый, бордовый...

Я привез с дачи кабачки — отец дал. Поджарил на маргарине, пригласил брата с женой. Юра попробовал, сморщился: «Жиру мало». Раиса отодвинула тарелку, стала объяснять мне, как она жарит кабачки. Я мысленно чертыхнулся и ушел. Они пошли завтракать в кафе.

У нас с Юрой тринадцать лет разница. В его паспорте социальное положение — «артист», он говорит, что менял паспорт во Владивостоке, и там все проще. Работает от Архангельской филармонии — ВИА «Поморы». Ведет конференс и заведует хозяйством. Его дочка Люба живет с матерью в нашем дворе, соседнем доме. Судя по алиментам, которые она получает, папаша Юра зарабатывает очень неплохо.

Очередной сюрприз моего книжного стеллажа! Борис Шергин. «Поморские сказы». Дивный язык! Интонацией напоминает Лескова и Салтыкова-Щедрина, но с северной нарочитостью, особым говором.

Ездили на катере по Неве и Фонтанке. Кончилась выпивка. Пришвартовались неподалеку от БДТ. Юра сбегал в гастроном, принес венгерского сухого по два тридцать. Сидим на корме, выпиваем. По набережным девушки ходят. Снизу у них ноги длиннее.

Сверху на нас с улыбкой смотрит полный симпатичный дядька с палочкой, курит, опершись на ограду. Володя предложил ему выпить. Тот отказался — извините, смотрю на вас и завидую: братья, молодые, у вас все впереди... Оказалось, артист Луспекаев, играл в «Тарантуле» и «Зеленых цепочках». Ждет жену после спектакля.

Барахманский дал К. Паустовского — «Повесть о жизни. Далекие годы». Прочитал за три ночи. Не оторваться. Блеск! Хотел бы я так писать...

Барахманский сказал, что есть литература, а есть литературщина — письмо штампами, герои не из жизни, а из литературы. И еще есть «хемингуэевщина» — пишут под старика Хэма, но получается фигня. Особенно в диалогах: «Сказал он...» может повторяться весь рассказ или повесть. Все «сказал» да «сказал», а сказать им нечего. Одна вода... Ложная многозначительность.

Хэм мне нравится. Но есть что-то театральное в его изложении. Хотя в целом поражает.

7 января 1970 г.

Был на 20-летию Ирки Епифановой. Я перебрал малость и напомнил ей, как с первого класса таскал ей детский велосипед на шестой этаж, а потом приносил уроки и цветы, когда болела. Ирка рассмеялась и чмокнула меня. За ней ухаживает некий Женя, гитарист и отличник, одноклассник по 157-й математической школе.

Терпеть не могу бородатых курчавых гитаристов! Когда выходили на площадку курить, мне хотелось дать этому болтуну в ухо — он хвастался своими достижениями на олимпиадах и у костров. Ирка не сводила с него восторженных глаз.

Когда все ушли, я долго курил у окна, вспоминая все свои страдания-ухаживания и тоскуя непонятно о чем. И вспомнилось, что боксом пошел ради нее заниматься, и не пил-не курил, чтобы быть похожим на ее папу, и что ни разу она не дала мне понять, что я ей интересен... Держалась дружески-вежливо, но с холодком.

Ерунда все это! Детство.

Закон таков, что, учась на заочном в Горном, с третьего курса я обязан работать по специальности — в Метрострое, Метрополитене, на заводе Цветметобработка (наб. р. Пряжки) или где-нибудь в экспедициях. Иначе меня отчислят и призовут в армию.

Проехался по этим организациям — мне доходчиво объяснили, что студентов-заочников и вечерников у них своих хватает, все метят после третьего курса в ИТР, «никто руками работать не хочет».

На Цветметобработке предложили водителем электрокара. Отказался: далеко ездить и платят мало.

Ходил на лекции вечерников по политэкономии и транспортной географии. Класс! Очень интересно! Все понимаю, в отличие от высшей математики, ТОЭ, сопромата и начерталки. Думаю о переводе с электромеханического на инженерно-экономический. Но деканат меня огорчил: надо сдавать дополнительные экзамены... Думаю.

Выписка из трудовой книжки

Опытный завод Балтийского Центрального проектно-конструкторского бюро
9 ноября 1970 г. — Уволен по собственному желанию

Ленинградский институт водного транспорта (ЛИВТ)
24 ноября 1970 г. — Зачислен старшим техником кафедры технологии судостроения и судоремонта

«Сбылась мечта идиота!» — у меня появился письменный стол, положенный по должности. Можно втихаря писать, пока начальство не видит. Или читать книгу, прикрыв лицо рукой и скашивая глаза в выдвинутый ящик.

Работаю старшим техником на кафедре технологии судостроения и судоремонта. Оклад — 90 рублей. Перевелся в ЛИВТ на инженерно-экономический, пришлось досдавать пять предметов, так как программы разные. Потерял в зарплатке, но сохраняюсь в институте. Добью халтурами — разгрузкой вагонов или прокладкой проводки.

30 декабря 1970 г.

Позвонил с завода Валера Барахманский — погиб Виталька Ильин. Ездил на похороны. Гроб стоял во дворе завода. Заведено уголовное дело. Выпили с приятелем, потянуло в женское общежитие на улице Дзержинского, там получили звездюлей от неустановленных лиц. Витальке пробрили голову и выбросили в арку на кирпичи. Приятель еле уполз, его подобрала «скорая».

Виталик хотел поступать в школу милиции... На прощании с ним были заводчане, родители, сестра и директор завода, ее муж. Горько. Хороший был парень. Без подлости, искренний... Ленинградский паренек с Васильевского острова.

Вывод: меньше надо пить! Или вообще пить только по большим революционным праздникам.

15 января 1971 г.

Под Новый год пришел из армии Михайлов. Он же Мих, он же Виталька. Дружим с первого класса. Служил в Германии связистом.

Пошли в ресторан «Мишень» на Кадетской линии. Когда официантка накрыла стол, Михайлов растерялся: он забыл, как пользоваться вилок. Сидел долго, даже покраснел слегка. А потом признался. И попросил принести еще и ложку...

Вышли, позвонили Ирке Епифанчику. Мать сказала, что ее нет дома, будет вечером. Караулили ее в проходной парадной со стороны 2-й Советской, а она почему-то прошла с 3-й Советской. Мы увидели горящий свет в ее комнате и поднялись по лестнице напротив. Ирка задернула шторы и стала переодеваться.

Михайлов гуляет с Ларкой Бардинской, но в Епифанчика, похоже, все еще влюблен. Я, конечно, Ирке пока не ровня, но... А что «но»?

Говорят, если любому человеку дать десять лет тюрьмы, он будет знать за что. Мне и пятнадцати будет мало! Пожалуй, сразу лет 25! За что? А вот за то!

Гуляли с Михайловым, и натворил делов.

1) Выбросил в Мойку поребриковый камень, лежащий в штабеле для ремонта набережной. Как я поднял эту тяжесть — не понимаю.

2) Оторвал гипсовый венок из руки древнего воина, запрыгнув к нему на постамент. Это на Невском проспекте, рядом с Дворцом пионеров. Михайлов за мной гнался, я запрыгнул к воину и ухватился за венок. Он оказался гипсовым. Половина венка — в моей руке. Вторая — у воина с копьем. Я положил обломок венка к ногам скульптуры, и мы дали деру.

3) А еще за каким-то хреном сорвал с Аничкова моста синий флаг из гирлянды украшений и пошел с ним по Невскому, выкрикивая лозунги и призывы: «Сейте картошку только квадратно-гнездовым способом!», «Технику поймешь — далеко пойдешь!», «Свободу Манолису Глезасу!». Меня догнал милиционер, вырвал из рук древко и помчался устанавливать флажок на место. Мы с Михом смылись.

Хулиганство, хулиганство, хулиганство! Плюс нанесение материального вреда родному городу! Будь я судьей, немедленно дал бы пятнадцать лет строгого режима этому субчику! Ну хотя бы пятнадцать суток!

В Зеленогорске рассказал Скворцову про поребриковый камень, сброшенный в Мойку. Саня выпил, закусил, тяжело вздохнул и рассказал, как по пьянке в Воронеже бросил такой же тяжелый камень в окно общаги на первом этаже, где на полу спали люди. Слава богу, никого не убил. Сейчас Саня работает уже начальником строительного управления. А начинал, когда приехал из Тамбова в 1963 году, прорабом на стройке. Почему бросил камень? От обиды. Его, преферансиста и лучшего игрока, нагрели картежные шулера... И сильно пьян был. Саня занимался боксом, штангой, футболом, у него «красный» диплом Воронежского строительного института. Хороший мужик мой зять! У нас 12 лет разница.

6 октября 1971 г.

В институтской многотиражке «Советский водник» напечатали мой рассказ «Экзамен»! Первая публикация!

Пошел с пачкой газет на завод, он рядом. Барахманский уволился. Меня не поняли. Спросили, сколько за это заплатят. Узнав, что ничего не заплатят, посмеялись, не вникая в рассказ. Еще и попало. Мастер ОГМ, мордастый Леша Молоков, узнав, что рассказ выдуманный, наорал на меня: «При Сталине тебя бы поставили к стенке за клевету на советскую действительность!» Просто дурак какой-то! Я ушел совершенно расстроенный. Свои, рабочие люди, и никакого интереса. Валерка бы оценил. На кафедре даже не стал показывать газету.

1972 год

1 апреля 1972 года, газета «Смена» напечатала мой юмористический рассказик «Выигрыш». Хороший рассказик с неожиданным концом. И смешной. Так сказал в редакции Лев Сидоровский, он заведует отделом юмора «Сфинкс».

19 апреля — юмореска в «Советском воднике».

23 мая умер папа. Похоронили в Зеленогорске, рядом с мамой. Ему было 67 лет, скончался от инсульта в Зеленогорской больнице.

Отец родился в 1904 году и помнил Октябрьскую революцию, как я помню полет Гагарина в космос. Правда, ничего особенного о революции на улицах Петрограда он рассказать не мог — жил с матерью в Парголово, работал мальчиком в трактире и в шоколадной лавке. Его отец был на Империалистической, у матери — пятеро детей. Отец рассказывал, как в Парголово дрались стенка на стенку: «Рви, рви гармошку! По часам, по часам бей!» Как играл в Парголовском детском театре. Как на всю жизнь объелся шоколадными конфетами в лавке.

Отец никогда не ругался при мне матом. И пальцем не тронул! Лишь однажды, когда я довел его своими пререканиями — дескать, я член Общества охраны природы, плачу две копейки членских взносов и не могу лезть на клен и пилить ветки, загораживающие грядки от солнца, он с топором в руках погнался за мной по этим самым грядкам, и я услышал что-то про «...мать». Я юркнул в дырку в штакетнике и вернулся домой через пару часов. Отец как ни в чем не бывало красил доски для крылечка и спросил, буду ли окрошку. Я отказался от окрошки, взял ножовку и молча полез на клен. Молча спилил по памяти ветки. Молча отнес их к костру. Отец сделал вид, что ничего этого не видит. И потом мы пообедали в разговорах о достижениях «Зенита».

...Я приезжал к нему в больницу, он скрежетал в беспамятстве остатками зубов: «Жить! Жить!» Когда он ненадолго пришел в себя, я порывисто обнял его и сказал, что люблю. Раньше и в голову не приходило такое сказать. «Да?.. — прошептал отец. — Я тебя тоже...»

Мы остались с ним вдвоем, когда мне было 14 лет. После смерти мамы он поставил меня на ноги, довел до работы на военном заводе, до северных командировок и, спросив моего разрешения, ушел из нашей переполненной квартиры к Полине Ивановне, тоже вдове. И жили они в коммунальной квартире на Красной улице. Я бывал у него.

Однажды на 9 Мая мы выпили за праздничным столом коньяка. По телевизору шли военные и блокадные кадры. Отец долго молчал, глядя в телевизор, потом судорожно всхлипнул:

— Умри, Димка, но врага в город не пусти!

Я пообещал не пустить. И мы чокнулись.

10 июня 1972 г.

Вчера был дома (отгул за дружину), писал юмореску. Часов в двенадцать соседка зовет к телефону. Серега Барышев, слегка поддатый.

— Дмитрий, — говорит, — ты помнишь, что сегодня день рождения Петра Алексеевича?

— Какого Петра Алексеевича?

— Петра Первого. Императора! Основателя нашего города! Ему сегодня ровно триста лет! Неужели мы не отметим этот знаменательный день?

У меня деньги карман жгут — получил за халтуру.

— Конечно, отметим! — говорю. — Хорошо, что напомнил! Вот что значит — отличник. Когда приедешь?

— Я рядом! С площади Льва Толстого звоню. Сразу в Петропавловку поедем или сначала освежимся?

— Заходи! Правильнее будет культурно освежиться, а потом ехать...

Освежились. Купили четыре гвоздики, взяли такси, подъехали к Иоанновским воротам Петропавловки. Кирпича нет, но таксист дальше ехать боится.

— В день рождения Петра Первого разрешено! Штраф берем на себя. Рубль сверху! Гони!

Таксист посмеялся, подвез прямо к дверям собора. Расплатились. Вышли. Нас не пускают: вход только с экскурсией, билеты по записи.

— Да мы же к Петру Алексеевичу! Цветы возложить! Юбилей! Издалека ехали!

Сергеа молчит, только кивает. Достал носовой платок, стал сморкаться. То ли плачет, то ли дуркует.

— Родственник, — киваю на Серегу. — Правда, дальний...

Тетенька посмотрела на Серегу, головой покрутила.

— Ну, проходите!

Собор пустой, гулкий. Гробница императора вдали справа. Положили цветы, поклонились. Вышли.

— Вот какие молодцы, — говорит тетенька. — Цветочки принесли... А у нас никто ничего...

И правда — саркофаг стоял без цветов.

Походили по рavelинам, посидели на свежей травке, Сергеа стал вспоминать деяния Петра, а потом загнусавил на английском отрывки из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», и я понял, что пора расставаться. Посадил Серегу в такси и пошел пешочком домой.

Барышев: «У меня потребность пить не физиологическая, а духовная!» Я с ним согласился. Иногда так скучно, что только выпивка раскрашивает мир яркими красками. И письмо — улетаешь в свой мир и там живешь, придумываешь...

Брат Володя: «Интеллигентному человеку не может быть скучно! Думай, читай, гуляй, смотри! Не в деревне живешь!»

4 и 26 августа — вышли юморески в «Спортивной неделе Ленинграда» и «Ленинградской правде».

Октябрь 1972 г.

Володя предложил строить новый дачный дом на четыре семьи. Старый сломать. Думаем.

Ездили на рыбалку в Поляны, на озера. Придумал Володя, ему дали координаты лодочника. Результат ноль. Даже минус. Утопили цейсовский бинокль. Володю сбросили с моста в речку — он пошел на ночь глядя искать знакомства с дамами из санатория. Мы пошли разбираться. Увидели на мосту двух мужиков в белых рубашках — они курили. Я с колом и криком побежал на них — они задали стрекача. Мы поорали на мосту и вернулись к палатке. Стали бороться.

Когда Скворцов положил меня на лопатки, я применил запрещенный прием и вырвался. Мужики радостно взвыли. Он обиделся и среди ночи переплыл озеро и в одних трусах и майке добрался на попутке до Зеленогорска, влез в окно на дачу, а утром, на-

цепив дачные обноски, уехал к себе в Колпино. Мы с Володей и вторым зятем — Колей Удальцовым — обнаружили его одежду на берегу и решили, что он утонул. Или утопился. Хотя с чего бы ему топиться? Володя пилил меня: вот, дескать, во время борьбы я схватил его за яйца, а Саша обиделся и утопился. Теперь придется всю жизнь помогать Надежде и ее детям деньгами.

Но это не все. Дальше — хуже.

Володя повесил сушиться одежду над костром, и она упала в огонь. Синтетика спеклась, стала ненадеваемой. Пришлось отдать ему черную морскую шинель с длинными лапами. Он в ней и ехал в Ленинград, не имея под ней ничего, кроме трусов и майки. Эля, увидев мужа в чужой шинели и с синяком под глазом, схватилась за сердце. Съездили на рыбалку!

Все потери и убытки старшие списали на меня. Дескать, Димка возился в лодке, и мы перевернулись, а весло угодило Володе под глаз. Я только молчал и поддакивал: «Да, возился в лодке, утопил бинокль, весло ударило в глаз... В следующий раз буду осторожней...» Семья облила мое поведение осуждением...

Еще об отце. Журналист со стажем, в конце карьеры — главный редактор ведомственной газеты «Стройка» в Кандалакше, он почему-то не учил меня писать. Может, не хотел, чтобы я пошел по его пути?

В 12 лет я начал свою первую повесть. Сразу печатал на машинке с помощью мамы. Повесть дошла до пятнадцатой страницы и остановилась. Герои (мы с Михом), пробравшиеся на грузовое судно, уже подплывали к Кубе, где должны были стать юными разведчиками и помочь Фиделю Кастро бороться с американским империализмом, но действие замерло — я не знал, как выглядит Куба. Писал, воодушевленный интонацией рассказов Виктора Голявкина, которые печатали «Искорка», «Костер» и «Ленинские искры».

Герои так и не сошли с судна... И пожелтые листы повести лежат в моем чемоданчике вместе с первыми детскими дневниками и записной книжкой.

...Ходим с Михайловым на халтуры — на Рыбный холодильник на Шотландском проспекте и на Морозильный комбинат за Московскими воротами. Разгружаем вагоны. Замороженная рыба, бочки с селедкой, мясные туши, коробки с яйцом, ящики консервов, мешки с осетрами сухой морозки из Астрахани. Хуже всего (медленнее!) разгружать икру: каждую коробку вскрывают и пересчитывают банки.

В раздевалках наедаемся — рыбной строганиной, вареным мясом — еду готовят старожилы. Некоторые и живут там неделями. Платят нормально, по рублю за тонну веса.

По выходным, если нет халтуры, лежу на диване в своей комнате и читаю. Так меньше хочется есть и время идет быстрее. Сестра Надя подарила мне старый холодильник «Ладога». Лежу, читаю, а мысли о холодильнике: что там осталось?

Иногда хожу обедать к Володе и Эле на Загородный. У них огромная комната, полно друзей-технарей с женами, едят, пьют, поют, а потом путешествуют пальцами по картам, выбирая маршрут для летних путешествий. Алтай, Тува, Дальний Восток — фантазеры. Мне нравится бывать у старшего брата (разница у нас 16 лет) — и покормят, и с умными веселыми людьми поговоришь. И попоешь-покричишь Высоцкого: «Солдат всегда здоров, солдат всегда готов, и пыль, как из ковров, мы выбиваем из дорог!» Когда я сольно проорал эту песню, брат похвалил: «Нормальный мужской голос!»

В августовском журнале «Наука и религия» — мой рассказ «Божья помощь». Пришли переводом 46 рублей!

2 декабря 1972 года в «Известиях» вышла моя заметка «Жилет безопасности» — о спасательных жилетах, разработанных по новой технологии в нашем институте. Виктор Никифорович Михайлов, зав. Ленинградским корпунктом и отец Витальки, поздравил и посоветовал собирать в альбом все публикации, начиная с первой. И еще похвалил, сказал, что есть чувство слова, заметку он почти не правил.

3 февраля 1973 года моя заметка в «Известиях» — «Плавучие фабрики чистоты», 10 февраля еще одна. Подписывают мои заметки «Д. Каралис, штатный корреспондент». Дали удостоверение на бланке газеты.

Михайлов-старший:

— В газету надо писать так, чтобы было понятно и доктору наук, и балерине!

17 мая 1973 г.

Звонит Виталька, смеется:

— Каралис, ты помнишь, что вчера было?

— Не очень. А что?

— На хрена ты трешки в окно такси выбрасывал?

— Я?

— Ты. А мы с Барышевым подбирали...

— Сзади бежали?

— Нет, остановили на Малоохтинском и собрали. Мы тебя домой везли.

— И много выбросил?

— Пять штук. Проверь, сколько у тебя от халтурных осталось...

Проверил. От пятидесяти осталось двадцать. Но мы еще в ресторан заходили...

Находит иногда что-то — то удаль, то тоска, то свербит тяга к приключениям. Никакого покоя в душе. А когда пишу, время пролетает мгновенно...

25 июня 1973 г.

Защитил диплом по кафедре «Организация и управление судостроительно-судоремонтным производством». Теперь я инженер-экономист водного транспорта со специализацией в судостроение и судоремонт. И почему-то грустно стало... Инженером быть не хочу, но и мое «писательство» пока не прокормит.

После защиты немного выпили на кафедре, и поехал в Зеленогорск. На мне были костюм и очки с дымкой (спасибо однокласснице Шуре из «Оптики» на Садовой!). В электричке познакомился с загадочной блондинкой Аллой. Сошел с ней в Левашове и проводил до дачи. Она не скрывала, что замужем. Обменялись телефонами. Работает зубным врачом.

Трудовая книжка

1 июля 1973 г. — Переведен инженером каф. управления и организации судостроительного и судоремонтного производства

Июль 1973 г.

Едем в Венгрию с интернациональным ССО. Паша Ч. и Володя З. пригласили. Пришлось снова вступать в комсомол. Я сходил в редакцию «Смены» и договорился с Германом Балуевым, что буду писать для их приложения «Смена на стройке».

В корпункте «Известий» мне выдали фирменный блокнот с грифом «Известия» на каждой странице. Меня провожала Алла. Ч. и З. с завистью смотрели на нее, а потом долго подкалывали в купе. И сейчас подкалывают. Чудников напевает: «А я в Россию домой хочу, я так давно не видел Аллу!»

Из путевого блокнота

Возложили цветы к памятнику советским солдатам на горе в Буде. Венгерский Алеша — огромный, спокойный. И мы — двадцать студентов-аспирантов из Ленинграда с цветочками. Помолчали.

Великолепна Национальная картинная галерея в Будапеште! Трогательные и живые пейзажи, портреты, жанровые сценки. Пил подробности венгерской жизни и не хотел уходить — меня тянули за руку. Высочайшая техника! Высочайшая! И краски — радостно смотреть! И характер народа проступает — через изображенное на холсте и через руку художника, что он считает главным, достойным показа.

Ехали ночным поездом в Печ. Поддатый бородатый дядька, которого мы угостили водкой, ткнул меня пальцем в грудь: «Музик, дай махорка!» — и расхохотался. Он был в нашем плену.

Старинный город Печ неподалеку от югославской границы.

Завод, на котором мы работаем, выпускает 18 сортов пива. И кока-колу, которая пахнет валерьянкой. Девушки работают на конвейере. Парни носят поддоны, ящики и «куда пошлют». В красном уголке завода — фотографии коммунистов, замученных и казненных во время восстания Имре Надя 1956 года. Секретарь парткома рассказывал, как издевались, как вешали коммунистов, женщин, студентов...

Живем в старинном здании готического вида — студенческое общежитие Педагогического института им. Макаренко (нашего!). Почти каждый день — экскурсии по городу или вечера с танцами. В городе много бассейнов, частных кафе в садах, где продают разливное вино собственного производства. И пиво! Мы попиваем пиво на заводе, и начальство закрывает на это глаза. Выносить нельзя, но по одной-другой бутылке выносим. Охрана снисходительна.

Подружился с Имре Шалаи — студентом русского факультета. Вдумчивый, но временами бесшабашный. И еще один загульный парень — высокий рыжий Йошка. Кричит у дверей по-русски: «Я пить! Кто со мной?»

В лавках — джинсы и вельветовые сапожки с острыми носами, битловки. Присмотрел рубаху из хлопка с отпечатками газетных полос, словно она сшита из газет. Хотел купить, но размера моего не оказалось. Продавщица обмерила меня и пообещала через два дня принести мой размер. Принесла.

Все купил! И сестрам по блузке. Брату Володе — сигареты и зажигалку. Племянникам — кока-колу и жвачку.

<...>

Венгерские девушки не очень симпатичные, но воспитанные и потому приятные в общении.

Очень жарко. Ездили на Балатон. Маленькие дачные домики — разноцветные, радостные. Множество кафе с телевизорами — они висят на цепях или стоят на полках. Балатон — по-славянски «болото, бласто». Купались стаяй, с криками. Сближает.

31 июля, в день смерти мамы, захотелось одиночества. Мамы нет уже девять лет. Поднялся на гору. Сухие тропки, кусты, редкие цветочки... Могилы советских воинов, погибших при освобождении Венгрии.

Сидел на поребрике и читал фамилии наших ребят, близких мне по возрасту. Лежат, а «где-то в людном мире без них идет кино. Девчонки, их подруги, все замужем давно...» Мама иногда ставила эту пластинку и сидела грустная, вспоминая сына Леву, убитого при форсировании правого берега Днепра и похороненного в братской могиле у села Ромашки. Съезжу ли когда-нибудь к старшему брату?.. Он погиб девятнадцатилетним. Я уже старше его на четыре года. А все равно он — старший...

Прочитал Василия Аксенова «Любовь в электричестве: повесть о Леониде Красине», из серии Политиздата «Пламенные революционеры». О Красине, соратнике Ленина, о его боевом отряде — доставляли оружие, грабили банки. Забавно, но видно, что сделанная вещь. Написано ради денег, так мне кажется. Все, написанное Аксеновым раньше, значительно лучше!

Брат Володя работает заведующим опытной лабораторией в «Буревестнике». У него незаконченное высшее образование, но в подчинении десять человек, из них два кандидата наук. Написал две научные книги. Одну вместе с женой Элей Корнеевой — «Аппаратура для флуоресцентного анализа». С гонорара за первую книгу брат купил мне демисезонное пальто с вязаным воротником за 68 рублей. Это было в девятом классе, в 1966 году.

А когда брат служил в армии на Сахалине, он прислал матери драповый отрез на пальто...

...Ездили с Аллой в Таллин. В разных вагонах. Ее провожал поддатый муж. Противно. Останавливались в гостинице у ее знакомой — нас поселили в разные номера. Алла приходила ко мне вечером. Сидели в баре допоздна с ее знакомой. Алла хвасталась, что я печатаюсь в газетах. Разница в возрасте у нас — семь лет. Говорит, что муж изменил ей с ее подругой, а она, дура, хранила верность, пока он был в морях... Я — оружие мести? Глупо все это. И нелепо.

Трудовая книжка

1 марта 1973 г. — Переведен на должность ст. инженера той же кафедры

В «Балтике» купил в рассрочку английский шерстяной костюм за 160 рублей. Я не мог его не купить — увидел у доцента Никифорова, который принес сверток на кафедру, и влюбился в этот рубчик, запах, этикетку, строчки петель, пуговицы, шелковистую подкладку, карманы... Быстро оформил кредитную справку в бухгалтерии и на следующий день купил. Вот такой я барахольщик... К тому же не по окладу. Но как говорится, не на те казак пьет, что есть, а на те, что будут...

16 сентября 1973 г.

Через одноклассника Аркашку Виноградова достал в «Бригантине» книгу Конечного «Среди мифов и рифов». Замечательная книга! Завтра еду в Дом писателя просить Виктора Викторовича Конечного выступить перед студентами и сотрудниками ЛИВТа. Заваспирантурой Лариса Викторовна дала добро, написала письмо на бланке, обещали оплатить. Я расписал ей, какой замечательный писатель Конечкий. Спросила: «А про что книга „Среди мифов и рифов“? Не про культ личности?» — «Да нет, про плавание, про жизнь... Так пишет, что не оторваться...» — «Но вы мне все-таки дайте посмотреть». Оставил ей книгу. Когда возвращала, сказала, что смеялась. Понравилась.

Аркашка, по кличке Боцман, с которым мы после восьмого класса жили у нас на даче и по ночам разгружали в зеленогорской церкви хлеб и булку для пионерских лагерей, неизменно ходит в костюме с галстуком, заведует отделом в спортивном магазине на Литейном и скоро, говорит, будет директором. Он окончил Книготорговый техникум и недолго работал в «Подписных изданиях» и «Бригантине», а потом сменил профиль. Машина, квартира, жена, сын Денис. Красивый статный мужчина. Барышев, лукаво улыбаясь, сказал Боцману: «Шарф или кашне носят не для того, чтобы обрамлять галстук, а чтобы закрывать грудь и шею...» Аркашка засмеялся, но галстук шарфом не прикрыл.

Тогда, в Зеленогорске, первую получку в 12 рублей мы потратили по-разному. Аркашка купил сеточки для волос, одеколон и еще что-то... Я — гитару-шестиструнку и самоучитель игры на ней. Шалопай!

18 октября 1973 г.

В газете «Советский водник» опубликованы путевые записки о Венгрии «Летний семестр в Венгрии. Из записок нашего спецкора Д. Каралиса».

2 декабря 1973 г.

В конце ноября продал венгерские джинсы-колокола и газетную рубашку знакомому фарцовщику за 70 рублей и позвал на свой день рождения одноклассников. Ирка подарила мне стереопластинку Давида Тухманова и пластинку с «Болеро» Равеля и «Танцем с саблями» Хачатуряна.

Танцевали. Плясали. Хохотали. Вспоминали. Она уже год замужем за бородастым гитаристом Костюком, который посвящал ей свои песни. Тем самым, которого я видел на ее двадцатилетии. Я робел, когда танцевал с ней, нес какую-то ерунду про свою работу. О чувствах, конечно, молчал. А что скажешь?

Зануда Михайлов танцевал с ней два танца подряд, рассказывая о своей службе в ГДР. Она вежливо кивала и задавала наводящие вопросы. Если Михайлова не перебить, он сам не остановится. Будет в подробностях объяснять какую-нибудь мелочь, хрень, не имеющую никакого значения. И постоянно акает, переспрашивает, словно плохо слышит. А человек торопится. Ирка уехала на такси — ее ждал муж. Я посадил ее в машину возле парадной, и она послала мне воздушный поцелуй. Чао-какао!

Слушаю на своей стерео «Веге» пластинки и вспоминаю тот вечер... Иногда понимаю, что дурак, но ничего поделать с собой не могу.

...Оказывается, Конечский живет на улице Ленина, рядом со мной. Его дом примыкает к писательскому дому, в котором жили Клещенко, Шефнер, Ахматова. Адрес дали в Бюро пропаганды Союза писателей.

Поднялся на шестой этаж. Остановился перед квартирой. За дверью — шум, гам, вроде потасовки. Крики. Стуки. Матюги. Может, не туда попал? Вроде туда, квартира совпадает. Спустился вниз, проверил дом — тот самый. Боюсь звонить. Но и не звонить нельзя. Два мужских голоса. Один кричит: «Это кто здесь писатель? Ты?» — ответ я не расслышал, но понял, что попал куда надо.

Позвонил. Затопали, забегали, стало тихо. Шаги по коридору: «Кто там?» — «Я из Института водного транспорта, мне Виктор Викторович нужен, по поводу его выступления!» Дверь открывается — стоит взлохмаченный, с красным лицом мужик в свитере. «Извините, — говорю, — если не вовремя. Я могу и потом прийти. Просто мы хотели пригласить»

сать вас, Виктор Викторович, к нам в институт выступить перед студентами...» — «Я не Виктор Викторович, — говорит мужик в свитере; простой такой, видно по всему, что выпивали, а потом ссорились. — Сейчас я его спрошу!» Открыл дверь в комнату направо, что-то объяснять стал. Оттуда кричат:

— Речники — такие же бандиты, как моряки, только форма другая!

— Да тихо ты, мать твою! Дверь открыта, он все слышит!

— Пусть этот тип зайдет, я ему сам скажу!

— Лежи!

Мужик в свитере возвращается. Щелкнул пальцем по горлу, развел руками. Мол, не обессудьте, мы напившись, сейчас не до вас.

— Заходи, — говорит, — потом. — И дверь потянул. Щелкнул замок.

Концекого увидеть не довелось, но хоть голос услышал: «Речники — такие же бандиты, как моряки, только форма другая!» Наверное, имеет право так говорить.

Через пару дней снова пришел. Теперь открыл сам Конецкий. Симпатичный дядечка. Я не стал вспоминать, что приходил давеча, начал с чистого листа: «Хотим вас пригласить...» Прошли в большую комнату: стеллажи, журнальный столик, диван, письменный стол... Портативная пишущая машинка на журнальном столике — как у меня, немецкая трофейная, только марка другая — «Эрика». Я про эту машинку уже читал у Концекого.

— А это не вы на той неделе приходили? — спросил, чуть картаво. — Мне брат записку оставил...

— Да, я.

Он кивнул, стал изучать карманный календарик — когда нам устроить встречу. Назначить день пока не может. Дал номер своего телефона. Договорились, что я ему звоню. Я сказал без обиняков, что он — мой любимый писатель.

— А что вы читали?

Я перечислил, начиная с первых: «Луна днем», «Над белым перекрестком»... Пожаловался, что его книг нет в продаже. Сказал, что тоже пытаюсь писать, даже подражать пытаюсь ему. Вот сейчас в многотиражке «Советский водник» вышли мои путевые заметки про Венгрию, куда мы ездили со стройотрядом... Я их писал, имея в виду прочитанное у вас, Виктор Викторович. Подражал, так сказать.

Конецкий держался сурово, но за этой суровостью мне виделась мягкость, которую он хотел скрыть. Меня слегка поколачивало от самого факта, что я разговариваю с Конецким и даже рассказываю ему о своих делах. Для первого знакомства сказано было многовато. Сейчас я это понимаю.

Конецкий предлагал чай, но я упрямо отказывался...

Встреча с Виктором Конецким в ЛИВТе

...Поклонников творчества Концекого собралось человек десять — все студенты рванули в общежитие на площади Стачек, где в тот же день и час должен был выступать неведомый мне сатирик Жванецкий.

Конецкий на встречу опоздал.

— Это виноват не я, а советская власть! — громко и иронично заявил он, поднимаясь по ступеням главной лестницы. — Она в свои пятьдесят семь лет не может организовать ритмичную работу городского транспорта!

Секретарь комитета ВЛКСМ Паша Чудников слегка присел от испуга и быстро оглянулся: не слышит ли кто? Я почувствовал некоторую неловкость и одновременно гордость за приглашенного мною гостя: во дает! и он прав!..

Конецкий был в ярком клетчатом джемпере под пиджаком, много курил и тряс чубом. Героем без морской формы он не смотрелся, это уж точно, но то, что говорил, звучало для нас откровением...

После встречи мы завели Конецкого в редакцию многотиражки «Советский водник», и мне удалось взять у него интервью. Говорил он свободно и резковато — в своем стиле. В некоторых местах его речи главный редактор газеты делал мне страшные глаза, и я выключал кассетный магнитофон «Романтик», но вихрастый писатель махал рукой: «Да бросьте вы! Я ничего не боюсь! Это все пустяки!»

Мы с Пашей Чудниковым повезли Конецкого на такси, хотели заплатить. Он отмахнулся. Дал водителю железный рубль и вышел. Мы тоже вышли. Конецкий махнул рукой и ушел в свою парадную, мы зашли в мороженицу и взяли сухого. Лица наши светились — какой интересный человек! Сухим не закончилось...

Коричневая записная книжка

* * *

Жан Пьер Шаброль. «Миллионы, миллионы японцев...». М., 1971. Прочитать!

* * *

Лентяй всегда собирается что-нибудь сделать.

* * *

Пьяный проспится, дурак — никогда.

* * *

Годам к тридцати из него толк выйдет. А дурь останется.

* * *

Из кувшина может вылиться только то, что в него налили...

* * *

Там, где ничего нет, и император бессилён.

* * *

Во время оккупации Греции Манолис Глезос ночью сорвал фашистский флаг с Акрополя. Его назвали первым партизаном Греции. Полжизни по тюрьмам при всех режимах. Недавно освободили при участии СССР.

* * *

Нам все равно: что плясать, что топтать, что в ладоши хлопать.

* * *

Беда да мука — та же наука.

* * *

Заголовок в конспекте у девушки, едущей в метро: «Постановка пиявок».

* * *

Страна одна, а порядки везде разные.

* * *

«Русские народные, блатные, хороводные, уголовно-лирические! Исполняет Петр Кузьяев, статья 144, пункт „б“, второй год отсидки!»

* * *

«Из дверей ЗАГСа выходит молодая пара и садится в разукрашенный цветами автомобиль.

— Вот красота-то какая! Любо-дорого смотреть на них! — говорит прохожая.

— Красота? — оборачивается бабушка, ведущая за руку внучку. — Вот если они через двадцать лет так проедут с цветами, будет красота. А так дурака посади — он проедет. Красота... — Качает она головой и тянет за руку внучку».

* * *

Ферапонтыч из мазутки.

* * *

В. Маяковский:

Он был монтером Ваней,
Но в духе парижан
Себе присвоил званье:
Электротехник Жан...

...Интервью с Конечким напечатали в двух газетах — во всесоюзном «Водном транспорте» (2 мая 1974 г.) и институтской многотиражке «Советский водник» (18 апреля 1974 г.).

Перед этим Конечкий исциркал предъявленный ему для визирования текст со словами: «Этой хреновины я не говорил! Этой хреновины я просто никогда сказать не мог!» Его замечания касались красивых, как мне казалось, оборотов, которые я вложил в уста интервьюируемого. Надавав мне таким образом по башке, Конечкий несколько смягчился и за чаем выслушал мои сбивчивые мечтания о литературном будущем.

— Во-первых, — нацелил он на меня палец, — мой тебе совет: делай биографию! Без биографии в литературе нечего делать!

Я сказал, что как раз собираюсь после института в армию — на год. Предлагают аспирантуру, но я хочу в армию. Надеюсь, что мое увлечение журналистикой в военкомате учтут и направят в какую-нибудь флотскую газету, там наберусь опыта и материала для будущих книг. Хорошо бы направили на флот!

— Направят! — язвительно сказал Конечкий. — Попросишься в газету — направят, куда Макар телят не гонял! Будешь на берегу Северного Ледовитого океана ломом заметки на льду высекать. Лучше молчи в военкомате про свою журналистику. На месте разберешься. А вообще, армия... — он скептически прищурился. — За один год ничего не поймешь, можешь только озлобиться. Дело хозяйское, но не советую!

1974 год

Добавил денег с халтур и купил в рассрочку телевизор «Рекорд». Моя комната преобразилась! Накануне мы с Михом отциклевали дубовый паркет и покрыли в два слоя лаком.

Скворцов сказал, что теперь я завидный жених! Комната с мебелью и аппаратурой. Еще бы мозги на место поставить — цены бы мне не было.

Я сказал, что мне надоело быть одному. Пить с друзьями, конечно, весело, но пьянка надоедает. Сколько можно? То голова болит, то долг отдавать надо... Почему-то почти никогда не хватает денег — всегда раздухаримся, все пропьем и начинаем заниматься «до завтра». А чтобы не потерять авторитета и не выйти из доверия, нужно отдать в срок. Приходится перезанимать. И такая круговерть надоедает. Была бы жена, подруга, остановила бы, прибрала бы деньги... Да и пили бы меньше.

Играем в преферанс. Скворцов: «В темном зале на вокзале трех подкидышей нашли. Одному лет восемнадцать, двум другим — по двадцать три. Мизер!» Брат Володя, раскладывая карты по мастям: «Преферансу мешают три вещи: скатерть, жена и выпивка. Сейчас посмотрим, какой у тебя мизер... — и неожиданно: — А вообще, Онегина погубила не социальная среда, а бабы!» Скворцов: «Это ты к чему?» Володя: «Сейчас узнаешь...»

Георгий Матвеевич Зверков, отслуживший на флоте всю жизнь, говорит: «План сильнее Совнаркома». «Это не рабочие, а просто кадры».

Во время войны служил в Военно-морской прокуратуре, не раз заседал в судах и трибуналах. Человек железной воли — раз в час снимает нарукавники и ходит по коридору. Рассказывал, как на заводе в блокадном Ленинграде вредитель ровненько отрубил на рулетке у мастера один сантиметр. Мастер размечал места приварки крепежных болтов под двигатели торпедных катеров.

«Если бы ты имел тысячу рублей, то у тебя было бы на миллион рублей воспоминаний!»

На соседней кафедре появился красавец югослав, отставной капитан первого ранга. Высокий, статный, улыбчивый, лет пятидесяти. По-русски говорит с небольшим акцентом. Он после войны учился в военно-морском училище и должен был вернуться на родину, но Сталин поссорился с маршалом Тито, и учившихся в СССР по возвращении могли посадить. И первых посадили. Наш красавец остался, женился, пустил кор-

ни и служил на ВМФ. На вопрос, как жизнь, отвечает с неизменной улыбкой: «Тэчэ!» Я брал у него консультацию по Югославии, когда писал очерк о Клубе интернациональной дружбы для нашего «Советского водника». Оказывается, страна была из шести разрозненных республик, часто не дружественных друг другу, и Тито после войны всех объединил.

Играли на стадионе Кировского завода в футбол против сотрудников судоводительского факультета. Стоял на воротах. Выиграли 4:1, гол мне забили с пенальти. Есть еще порох в пороховницах!

Вспоминаю, как фанатично хотел стать вторым Яшиным и играть за сборную СССР. Готовился по книге «Игра вратаря» на даче. Тренировал реакцию. Стоял в двух шагах от прислоненного к дубу теннисного стола, а сестры из-за моей спины по очереди кидали мяч в стол — я должен был поймать отскок. Футбольное поле с самодельными воротами было напротив нашей калитки. На нем я проверял полученные навыки.

Каким только чемпионом я не хотел стать! По боксу, по лыжам, по футболу! А что получилось? Пшик...

Наш средний брат Юрка, который теперь артист разговорного жанра, играл в футбол за сборную Зеленогорска. И за ленинградский «Локомотив» играл, в том числе в русский хоккей. Загнутые клюшки, коньки, щитки и форма долго захламляли ванную, пока он не ушел жить к жене Валентине в соседнюю парадную. Давно это было...

Зачем следить за становлением новых поэтов? Не лучше ли сразу читать классиков? Они всегда говорят актуально, в точку. Можно читать классиков и ждать, когда из современных выделятся единицы, сейчас их не разберешь в смешении стилей, почерков, ритмов и форм. А то и просто мыслей. Подожду, когда они станут классиками.

В продолжение вышесказанного. Стоит ли терять время на всяких незнакомых авторов? Конечно, хорошо бы сказать, что я, дескать, с самого начала творческого пути следил за писателем. Но как они все похожи! Евтушенко, конечно, молодец. Не похож!

Начинающий писатель должен больше практиковаться. Это так же необходимо, как первокласснику научиться писать прописи отдельных букв и слогов. В конечном итоге необходимо иметь следующее: есть мысль — садись и пиши! Не задумываясь над тем, как это сделать. Надо знать «буквы» писательского мастерства!

Иногда ловлю себя на том, что для тренировки стиля думаю о себе в третьем лице, словно я герой повести или рассказа. Мысленно проговариваю, описываю свои (его) действия и мысли. «Он вошел в трамвай и поискал глазами свободное место», «Он задумался над последней фразой, сказанной Светланой, и долго катал ее во рту, словно не зная, согласиться с ней или нет: „Ты никого не любишь...“ И мысль о том, что он действительно никого не любит, кроме родных, не давала ему покоя...» Кого катал во рту — Светлану? И вообще, полные имена в рассказе режут слух!

— Я не бабу ищу, а человека! Понимаешь? Че-ло-ве-ка...

Май 1974 г.

Лиговка. Пьяные ходили по карнизу шестого этажа с Михайловым. Его Ларка в роддоме, родила дочь. Цель высотного перехода — дойти до окна, за которым уединился Юрка Надточий с девушкой, и смутить, похихикать над ними. Сейчас страшно об этом думать. А тогда — смеялись, глядя сверху на пяточок двора. Дураки! Повесы! Шалопай!

Причем это не первое наше с Михом идиотство в хождениях под небесами. Первое было в шестом классе после урока рисования (как-нибудь опишу). Потом лазили на крыши загорать по пожарным лестницам — на 6-й Советской и на Мытнинской. А вот после прихода Мухи из армии, совсем недавно, залезли по пожарной лестнице до окон пятого этажа на Наличной улице и стали пугать сидящих за столом друзей своими криками и пьяными рожами. А потом пошли вразнос — пытались угнать «запорожец», чтобы поехать в Зеленогорск. Очень тянуло нас, дураков, в Зеленогорск, где прошла наша юность... Хорошо, машина не завелась! Еле унесли ноги!

Разгружали вагоны с мясом на хладокомбинате. Таблички: «Берегите холод!», «Чисто не там, где убирают, а там, где не бросают». Ночью в раздевалке варили из «экономленного» мяса суп на двух электроплитках. Огромная алюминиевая кастрюля. Бригада — семь человек. Банка с солью. Три буханки хлеба. Давно я так не обжирался.

Июнь 1974 г. Артист Лебедев, угол Старо-Невского и Полтавской, пивной бар «Вена»

Справляли день рождения Скворцова и Эли. Заночевал на 2-й Советской. Утром все разошлись по своим делам. Я помылся-побрислся, выпил чаю, взял пару своих книг из родительской библиотеки и вышел в наш огромный двор. 9 утра. Хотелось пивка. Парни в садике сказали, что в нашей бане пива нет, посоветовали идти на угол Старо-Невского и Полтавской, там открыли пивбар «Вена», как раз с девяти утра. Но пиво бутылочное, дорогое.

И точно! Открыто, народу почти никого.

Сел за столик со скатертью. Пиво только «Рижское» в маленьких бутылочках. Заказал. Выпил. Полегчало. Неподалеку сидит пожилой мужик, что-то бормочет, тоже похмеляется. Я жестом и улыбкой пригласил к себе. Он картинно изумился: «Это вы меня приглашаете?» — «Конечно, вас! Милости просим! Вдвоем и батьку веселее бить!» Он поколебался, вновь переспросил, кого я приглашаю, наконец перебрался, но держится слегка напыщенно, говорит вычурно. Слово за слово — разговорились. Я в английском костюме со значком «Известия», он в рубашке с закатанными рукавами, лысоват. Говорит, что на больничном. Месяц назад попал в автокатастрофу, сломал ногу... Хорошо сидим, потягиваем пиво. Он спрашивает: «А почему вы пригласили именно меня?» — «Так больше одиноких нет! Только мы с вами», — обвожу рукой зал. «Понятно...» — «А где, — спрашиваю, — трудитесь, если не секрет?» — «Не секрет, — говорит. — В Большом драматическом академическом театре имени Горького. В БДТ!» — «О, — говорю, — здорово! Артист, так сказать. Люблю БДТ. Был в последний раз на „Третьей страже“ со Стржельчиком».

И приглядываюсь. Нет, незнаком мне этот бледноватый артист.

Он говорит, что в данном спектакле не занят. И называет свою фамилию, которую я тут же забываю. Ну ладно, думаю, может, во втором составе, по колхозам, по сельской местности ездит, шефские концерты дает, вроде моего брата Юры... Или вообще не артист, а какой-нибудь электрик или шумовик — бьет молотком по листу железа, грозу изображает. Он говорит:

— Я в других спектаклях занят. Например, в «Короле Генрихе IV». Фальстафа играю.
— Фальстафа?

Я как раз прочитал томик пьес Шекспира, и неунывака Фальстаф мне очень нравился. Только он был, по моим представлениям, толстячок. О чем и говорю собеседнику:

— Вы же худощавы...

- Толщинку надевал, — говорит артист и объясняет, что это такое.
- Понятно, — говорю. — Давайте выпьем.
- Давайте! И все-таки почему вы меня пригласили за свой столик?
- Да ладно, — говорю. — Мужская солидарность. Похмелье всех бьет — и артистов, и журналистов... — И выпячиваю свои «известинский» значок, чтобы заметил фирму.
- Журналистом работаете?
- Пока нештатником.

А зальчик наполняется, шумит. И вот сидим мы, крихтим, непонятно о чем разговариваем, мой визави слегка ослабевает, мест свободных все меньше, и вдруг к нам подсаживаются двое парней рабочего вида. Они из соседнего автопарка, ремонтники. Сразу засуетились: в магазин сгонять, бутылку взять. Мой артист кивает, деньги протягивает, хотя видно, что ему хватит. Он, пошатываясь, в туалет вышел, парни интересуются:

- Кто этот дед?
- Говорит, что артист, — отвечаю.

Вот он возвращается, и парни просят его что-нибудь сыграть, прочитать.

— Пушкина не желаете? — говорит артист и смотрит слегка надменно. — «Желанье славы»?

- Можно и Пушкина, — говорят парни.

И тут он начинает читать «Желаю славы я, мне славы невтерпеж...», и мы убеждаемся, что это на самом деле артист, а не народная самодеятельность или драмкружок при домохозяйстве. Парни даже похлопали грязными ладошками по окончании монолога, а один из них вдруг спросил, не нужен ли артисту или мне карбюратор от двадцать четвертой «Волги». Артист сказал, что ему очень нужен такой карбюратор, и спросил, сколько стоит.

— Пятнаха! — говорит один из парней. — В рабочем состоянии. Если берете, щас принесем.

— Беру, — кивнул артист. — Но деньги дома. Живу напротив. — Он потыкал пальцем в стенку, за которой шумел Старо-Невский.

Вот, думаю, ерунда какая! Плетет наш артист про «Волгу», заговаривается. Откуда у такого невзрачного мужичка новая «Волга»?

Артисту, по моим наблюдениям, уже требовался сопровождающий, а то и двое. Надо было выйти из пивной, перейти дорогу, а там — куда он показывал — зеленел скверик с единственным жилым домом, в котором располагалась известная мне с раннего детства почта. Просто хочет, чтобы его до дому довели. Ну, хрен с ним, доведем.

Вскоре у нас под столом стояла бутылка «Армянского розового», а в спецовке ходока прятался карбюратор в шуршащей золотистой бумаге.

Мы выпили вонючего вермута, расплатились и пошли, взяв под руки артиста, который пытался останавливаться и читать что-то из своего репертуара.

Перешли по светофору через Старо-Невский, зашли в садик, нашли парадную и поднялись на лифте на третий, кажется, этаж.

Артист позвонил, и дверь стремительно распахнулась. Женская рука в перстнях и кольцах цепко ухватила Артиста за рубаху и втянула в прихожую. Дверь захлопнулась. Я успел заметить книжные полки в прихожей и недовольное лицо восточной женщины с черными волосами. За дверью раздался жалостливый вопль Артиста, он что-то вскрикнул про карбюратор и деньги. Карбюратор в смазке, проступавшей через бумагу, держал один из парней. Наконец дверь вновь распахнулась, та же цепкая рука выхватила карбюратор, сунула пятнадцать рублей и потянула на себя массивную железную дверь.

Все! Занавес!

...На следующий день я рассказал на даче, что опохмелялся с каким-то артистом из БДТ, описал его, и мне назвали фамилию и роли.

— Евгений Лебедев! Он в «Двух капитанах» Ромашку играл!

Я вспомнил Ромашку — да, это он.

А цепкая рука, судя по рассуждениям моих родственников, принадлежала его жене — Нателле Товстоноговой, сестре Георгия Товстоногова, главрежа БДТ.

Все завидовали мне — я близко приобщился к большому искусству!

«Рыбу я ловлю в центральном гастрономе с черного входа, — гордо заявил он. — На удочку пусть ловят другие», — писано в электричке, 5 июля 1974 года.

По радио звучит песня Зория Балаяна: «Мы, не зная броду, лезем в воду и боимся только комаров». Близка она мне...

25 октября 1974 года — взял интервью у Владимира Высоцкого после его концерта во Дворце культуры моряков. В отдельном блокноте. Напишу потом. Есть фото с той встречи и автограф в том же блокноте: «Счастливо!..»

Октябрь 1974 г.

Начали строить дом — по выходным копаем траншею вокруг старого дачного дома.

Днем работаем, вечером топим печку, варим картошку, выпиваем. Руководит строительством Скворцов. Брат Володя у нас главный инженер и главный архитектор. Коля Удальцов — старший по инструменту. Я — бригадир-канавокопатель. И ходок в магазин.

Устроил Витальку на кафедру — заведующим учебной лабораторией. Он поступил в Военмех на вечерний. Ходим с ним на ночные халтуры — разгружать вагоны с мясом или рыбой. В обед поднимаюсь к нему — варим кофе на плитке в секретной тумбочке, обклеенной кафелем, и болтаем о разном. Или запираемся и дремлем на лабораторных столах.

Предложил ему писать вместе, как Ильф—Петров. Не хочет. А в детстве на нашем чердаке в Зеленогорске по очереди лихо сочиняли истории — про шпионов, про Бура-тино, который знал самбо и джиу-джитсу.

Сшил брюки-паруса. Долго не решался. И вот получили с Михом деньги на рыбном холодильнике и пошли в ателье на Марата. Хотел 25 сантиметров, но в последний момент почему-то попросил 27,5 сантиметров. Серый с отливом материал — шерсть с синтетикой. Шеф на кафедре критически окинул меня взглядом, но ничего не сказал.

Теперь у меня четверо брюк, включая костюмные. Буржуй. «И клеши новые бульвар метут!»

25 апреля 1975 г.

Сегодня ночью в Ленинграде было землетрясение. Говорят, мощностью 4,7 балла по шкале Рихтера. Я лежал и читал, когда услышал, как выключатель на проводе стучит по секретеру. Встал. Да, стучит. Почему? Не знаю! Лег. Он снова постучал и успокоился. Оказалось, тряхнуло в Карпатах, но дошло до нас. На кафедре все разговоры — о землетрясении.

Ходил в БДТ на «Холстомера» и «Энергичных людей». Да, это тот самый Лебедев, с которым мы опохмелялись в пивбаре «Вена». На сцене — совершенно другой человек!

И сходил на его творческий вечер в Дом офицеров. Сел в первом ряду — надеялся, что узнает, пригласит за кулисы, я спрошу у товарища по несчастью, чем кончился тот денек, подошел ли карбюратор... Даже не посмотрел в первый ряд. Хорошо изобразил Бабу Ягу и похмельные страдания своего героя из «Энергичных людей» Шукшина. Видно, что материал ему знаком. Талантливый артист! О недавно умершем Шукшине, с которым был знаком, сказал, что тот был очень хорошим, но «топорным» писателем: писал быстро и вещи не отделявал, не шлифовал, словно топором тесал. Интересный взгляд. Проверить!

Хожу на лекции по философии. Доцент Кармин: «То, что бытие определяет сознание, хорошо видно после обеда — человек добреет». Конфуций говаривал: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей», «Благородный муж не стремится есть досыта и жить в роскоши».

Встретил Боцмана. Директором спортивного магазина еще не стал, но перевели в отдел, где выдают мотоциклы с коляской по лотерейным выигрышам. Аркашка вынимает из мотоцикла аккумулятор и продает его счастливцу за дополнительную плату — 25 рублей. По ночам ездит на своих «Жигулях» — халтурит извозом и продает водку. Упакован — очки с дымкой, дубленка, мохеровый шарф.

Вспомнили, как кидались теплыми буханками на хлебном складе в зеленогорской церкви и ездили с девочками на велосипедах на Щучье озеро.

Обещал позвонить, когда придет партия польских курток с капюшоном и деревянными пуговицами — «под лесорубов».

Аркашка мечтал стать моряком — ходил во Дворец пионеров в морской кружок, вязал узлы, командовал шлюпкой, ставил парус... По мечте осталось и детское прозвище — Боцман.

Альбомчик с моими публикациями утолщается. Юморески, заметки в «Известиях»... Хочется большего, но пока все в черновиках.

Коричневая записная книжка

* * *

Буфетчица Катя о мужиках: «Баранов надо стричь!»

* * *

Врачи говорят, что унция профилактики стоит фунта лечения.

* * *

«Духовная пища плоха только тем, что не может служить закуской» — транспарант в колхозном бараке, где мы жили.

* * *

Лаборант Витя Морозов, недавно женившийся: «Мы с Людахой в пижамах спим. Как во всех порядочных фильмах».

* * *

— Ты командовать привык. А тут, брат, просить надо.

* * *

Карлик на улице поцеловал руку милиционеру, остановившему его за неправильный переход улицы. И убежал. Милиционер вытер руку и покрутил головой: во дает!

* * *

Количество нервных клеток в мозгу современного человека то же самое, что и у древнего египтянина. Древний египтянин знал столько же, сколько современный человек, только в других областях.

* * *

Володя Калинин, старший инженер: «Самое „рентабельное“ дело — война. Результаты для победителя всегда были выше затрат. Если не учитывать человеческих потерь, конечно. А кто их когда учитывал?» Его жена работает в Эрмитаже. Володя рассказывал про царский обеденный сервиз, где солонки и другие предметы сделаны в виде мужского члена.

* * *

В газете «Ленинградская правда» — о перевыполнении плана по производству ватников для Кубы и стран Азии.

* * *

Женщины — продукт скоропортящийся.

* * *

Затянувшееся детство.

* * *

Я и сам не знаю — нужна ли мне последняя?..

* * *

Мир тесен. От дураков. Но бывают дурачки приятные, замысловатые. В парикмахерскую зашел старый знакомый, идиот:

— Девочки, посмотрите, как я здесь все фигурально нарисовал! — показывает всем какой-то рисунок из «Огонька».

— Леня, кем ты меня в последний раз назначил?

— Премьер-министром... — И ушел важно. Глубокий, неподдельный идиотизм во взгляде.

* * *

Васька-кровельщик: «У нас есть все, кроме выходных и зарплаты!»

* * *

В пункте приема бутылок:

— Ты что, ботанику не изучал?

— А при чем здесь ботаника?

— При том. Сколько будет семнадцать плюс двенадцать? Разве двадцать семь?

* * *

«Психологическая несовместимость? Знакомо! Был я должен одной бабе сорок рублей. Видеть ее не мог! За версту обходил. Такая была несовместимость!»

* * *

Не я создавал этот мир. И не мне его переделывать. Или мне?

* * *

Борис Стрельников, «Нью-Йоркские встречи»: «Еще раз подтверждается, что история вступает в силу, становится наукой только лет через двести-триста после происшедших событий».

* * *

Пролог не должен быть длиннее пьесы.

* * *

Лермонтов, поэма «Сашка»:

«Картина будет; это только рама».

* * *

И с этих пор, чтоб избежать ошибки,
Она дарила всем свои улыбки.

* * *

Но все-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

* * *

Но есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень сладко...

* * *

Судьба каждого — это его характер.

* * *

Строим дом вместо родительской дачки. Подключали со Скворцовым радио.
— Ты концы проводов не перепутай. А то задом наперед говорить будет.
— А ты за голые провода не берись. А то голосом диктора Левитана завещаешь...

* * *

Брат Володя: «Есть философия жизни, а есть жизненная философия. Сечешь разницу?»

Рыба ищет, где глубже, а человек — где больше платят. И вообще, все, что ни делается, к деньгам. Это жизненная философия отдельных личностей. А философия жизни — заниматься тем, чем хочется, а не где больше платят... Вот я — физик-системотехник, удовлетворю свое любопытство за государственный счет...»

* * *

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?
— Чтобы было жарко, а я поливал цветы и дорожки из шланга.
— Садовником?
— Ну да. Поливальщиком. Только чтобы обязательно было жарко. И дети бегали. И я их брызгал понарошку. А они кричали и смеялись.
Хорошее желание. Я бы так хотел...

Синяя тетрадь

1976 год

Мне двадцать шесть с половиной лет, и что? Где мои повести и романы? Где хотя бы большой рассказ в настоящем литературном журнале? Про Союз писателей или журналистов — позорно молчу! Брат Володя на эту тему: «Ну, и долго ты будешь собирать материал? Лев Толстой в твои годы уже гремел, а ты только бубенцами звенишь».

Есть рассказы в газетах, юморески, очерки. Есть рассказ в журнале «Наука и религия». Очень мало! И какая-то суета целыми днями.

Умные люди утверждают: «Жизнь — это не те дни, что прошли, а те, что запомнились...»

Что от этих дней останется — страшно подумать. Хорошо, если добрые воспоминания. А если и вспомнить будет нечего?..

Скворцов с улыбкой называет меня оболтусом. Я знаю, что он меня любит, часы «Ракета» на шестнадцать лет подарил, слышал, как он говорил на кухне Надежде, чтоб ботинки мне купила на выпускной вечер...

Вся надежда на дневную аспирантуру — три года вольной жизни! Можно написать несколько повестей, пару романов, десятки рассказов. Кандидатские экзамены сданы. Если не поступить в аспирантуру, пойдешь на год в армию.

Призывной возраст на действительную службу — до двадцати семи лет. Все решится в сентябре—октябре. Будет вступительный экзамен по специальности № 584 — «Управление и организация промышленного производства».

Руководжу темой на кафедре и лоботрясничая с Валерой — он поступил в аспирантуру в прошлом году, после года службы на флоте. Его жена работает в колбасном отделе «Елисеевского». У него 403-й «москвич». У Игоря Потапова — новый ушастый «запорожец». Собираемся в путешествие по Прибалтике.

Маленький путевой блокнот «Литва–1976»

9 августа 1976 г.

Гатчина — Луга — Псков — Остров — Резекне (Эстония) — Даугавпилс — Зарасай — Игналина — Швенченис — Швенченелай — хутор Рымки у слияния двух речек — Жеймяна и Локайя.

Хозяева хутора — 75-летний поляк с женой.

Слова произносит с ударением на первый слог: бббры, кррты, йкра, угри, грибы, цбпля (цапля).

На соседнем хуторе, где мы вначале думали остановиться, живет поэт Эдуардас Межелайтис. Я перешел по мостику из жердей речку. Он копал саперной лопаткой червей для рыбалки. Я не знал, кто он такой. Подошел, заговорил с ним. Как ловится, на какую наживку? Он отвечал на мои вопросы обстоятельно, не торопясь. Был он в джинсах и ковбойке, на руке — большие модные часы. Длинные седые волосы. Я сразу подумал, что он преуспевающий творческий работник. Откровенно творческий вид был у него, когда он копал червей. Сказал, что мы из Ленинграда. «А-а! Питерские! — кивнул одобрительно. — Располагайтесь. Но грибов еще нет. Рыбалка сейчас плохая. Зато погода хорошая. Я скоро уезжаю». Я вернулся, и дед сказал, что это поэт Межелайтис.

Дед чуть ли не силком увел нас к себе на хутор. Обещал молочные реки, яичницу из ста яиц, снопы овощной зелени и прочие прелести деревенской жизни. Деда зовут Онуфрий Антонович. Фамилия Рацкевич.

Луга вдоль реки отгорожены от леса забором из горизонтальных жердей — оплот, как назвал дед. В сосновом лесочке было приготовлено кострище, дрова. Там мы и разбили лагерь. Муравейники — в оплоте из жердей.

Быстрая чистая речка с ключевой водой. Диковинные для меня травы. Омут — там, где сходятся две речки, чтобы течь дальше, в Неман (Нямунус). Хариус, форель, язи, лещи, шуки, пескари, угри заходят, плотва. Стоишь на мостике и видишь стайки рыб.

Лес чередуется с лугами. Дед сказал, что ночью кабаны приходят к хутору рыть картошку и жмакать (жевать) овес. Старик рассказал, что зимой к дому приходили волки. Одну собаку они загрызли, а вторая умерла от страха. Словоохотливый дед, едрит твою мать. Мы малость струхнули.

— Может, на каком-нибудь сеновале поживем? — спросили.

— Не думаю, что вам там любо будет. Блохов много. Спите на воздухе. Полезней... Я раньше всегда под навесом летом спал...

— Да по кобегам ходил, — ввернула его жена, тоже поляка.

Ездили с Валерой на хутор в пяти километрах за самогонкой. Лесная дорога. Кальвадос, купленный в Швенченесе, выпили в первый же вечер, у костра. Поляк Иван Грецкий. Жена в больнице. Ходит босой. Хлев, полный скотины. Передали привет от деда — Рацкевича. Валера сказал, что у него тоже есть польская кровь — по бабушке.

— Проходите, если вы честные люди.

Мы сказали, что честные. Показали наш ленинградский номер на машине. Он успокоился — вытащил из-под кровати канистру с самогоном.

— Ну, если вы честные люди, пробуйте.

Попробовали. Дал закусить медом. Сам немного выпил. Разговорились. Перед этим он доил корову.

— Если вы честные люди, расскажу вам, как мы здесь живем.

Скрутил самокрутку. Мужику лет пятьдесят. Вражда между литовцами и поляками. Он работает в лесхозе. Бригадир — литовец. Плохую работу — полякам. Не нравится — уходи. После войны поляков отсюда изживали.

Однажды ночью пришли его убивать — он был бригадиром и не давал поляков в обиду. Услышал шорох в саду — выбрался из дома и залег с винтовкой в саду. Жил один. Собаку пристрелили накануне. Рассвет. Несколько фигур подошло к окну. С винтовками. Постучали по подоконнику и отпрыгнули по сторонам. Окно открыто, занавески колышутся — выстрелили наугад в дом. Он боялся, что дом подожгут. Выстрелил по ногам, кто-то вскрикнул. Он переполз в другое место. Они побежали. Стрелял вдогонку. Знает, кто стрелял, да что толку — не в милицию же идти, там все литовцы. До осени ночевал в сараях, в шалашах, один раз на дереве спал, привязавшись. Но больше не приходили.

Дед сказал, что от 50 грамм покупной водки у него болит сердце. От коньяка тоже болит. А от стакана самогонки не болит. Потому как натуральная, из ржи, а не из опилок. Сам он самогонку не варит: нет холодильника и змеевика. Варит только пиво по осени. Для змеевика нужна нержавеющей сталь. Обещали прислать ему стеклянный — у нас в лаборатории есть.

Ловим рыбу. У нас два гидрокостюма и два подводных ружья. Валера с Игорем плавают по всей речке, ныряют в омут, а я пытаюсь ловить с мостков. Наловил пескарей и еще какой-то мелочи. Дед сказал, что сейчас ловить — пустое дело.

— Когда месяц старый, рыбы ловятся плохо. Они все по траве забиваются, ямы ищут. Надо ждать молодого месяца — тогда рыбы ловятся.

Плавал в гидрокостюме. На дне омута (глубина метров пять) лежит железная кровать. Дед сказал, что выбросил ее туда по молодости, по пьянке. Причин, кроме названной, не сказал. Но есть какие-то причины... Сказал еще, что до войны спас девушку, которая топилась в этом омуте, — нырял за ней, вытащил, она была без сознания. Откачал, а потом надавал по ж... ремнем, чтобы помнила.

Валера подбил из ружья несколько рыб длиною по локоть. Сварили уху. Грибов мало. Сухо. Много малины.

Я сплю в палатке, Валера с Надеждой — в машине, Игорь — в своем «запорожце». Под подушку я кладу топор. Валера решил меня разыграть. Среди ночи захрюкал около моей палатки — я проснулся, схватил топор. Палатка вздрагивает. Что делать? Пронесли пугающие мысли: кабана топором только ранишь. Озверев — все сметет, клыками зарежет.

Хрюканье удалилось, зашелестели кусты. Я тихонько сдвигаю молнию, высовываюсь. И тут — смех! Валера в трусах и майке поднимается с колен и ржет...

— Как, — говорю, — такого дурака в аспирантуру принял? А если бы я топором жажнул?

Дед рассказывал:

Скрипач возвращался домой на хутор. Он играл на скрипке в привокзальном ресторане. И угодил в волчью яму. Там уже сидел волк. Молодой волчишко. Волк его не тронул. Он только завыл. Скрипач был слегка пьян. Стал играть на скрипке. Один воет, другой играет. Каждый хочет, чтобы его услышали свои и спасли. Утром скрипача освободили проходившие мимо крестьяне. Скрипач просил не убивать волка. Он привязал его на веревку и привел домой. Волчишко не сопротивлялся. Скрипач привел его на хутор и посадил на цепь вместо собаки. Скрипач жил бобылем. Стали друзьями. Когда началась война, скрипача в армию не взяли: он был хромой (поляк). Немцы заставили его играть на скрипке в том же ресторане. Немецкий офицер оскорбил его в ресторане. Он неумело застрелил офицера из его же пистолета. Нашли. Убили. Спалили хутор. Волк сорвался с цепи, но в лес не убежал. Три дня выл над пожаром. Потом куда-то сгинул.

И еще не раз появлялся на сожженном хуторе. Уже с волчихой и волчатами...

19 августа 1976 г.

Муравьиная улица в лесу. От муравейника до сохнувшего дерева. Метров сто. Ширина — полступни. Другие, такие же ползасохшие деревья улица огибает. Суетятся, торопятся, наталкиваются друг на друга. Два муравья тянут крылья от мухи. Как разобранный аэроплан. Напоминает эта улица Невский проспект, если смотреть на него с высокого дома в летний день.

Поляк-лесничий приветствовал меня: «Добре, пане!» — и приподнял шляпу.

Собирали с дедом сено на лугу. Пахучее, шелковистое. Телега с верхом получилась. Забрались на него и поехали лесом. Неторопливо, с поскрипыванием. Дед молот какую-то ерунду про рак. А может, и не ерунду. Что рака, дескать, не бывает, а бывают только застарелые язвы, которые врачи называют раком. Обещал дать почитать книгу про пчел. Сказал, что бортники (пчеловоды) никогда не болеют раком. Потому что жуют воск, который содержит бациллы («микробки») рака, и это нечто вроде прививки на всю жизнь.

— Я про это давно хочу написать на радио, чтобы они как следует разобрались

Еще дед рассказывал, что змею кладут в бутылку и заливают водкой. Получается лечебная настойка. И для скотины, и для человека.

До войны дед сделал себе детекторный приемник («кристаллический») в шляпе. «Хожу по Вильно и слушаю». Местный краевед уже в наши дни заплатил деду 40 рублей за этот приемник (для домашнего музея).

«А вот Варшава передавала, я через радио слышал...»

У деда всякая трава и растение полезны. Нарост на березе, чага — от рака. Чай из вереска — от желудка. Лук — от кашля. Настойка из сухой осоки — еще от чего-то.

Сегодня плавали с Валерой в гидрокостюмах. Валера по омуту. Я по камышам Жеймяны.

Омут большой, что твоя поляна. Буруны, водовороты. И если нырнуть поглубже, то видно, как сливаются потоки двух речек — один чуть мутный, теплый и второй — прозрачный и холодный. Валера занырнул и увидел на дне нечто темнеющее, вроде бревна. Проплыл над ним, и показалось что-то не так. Развернулся осторожно: плавники шевелятся... Вода, просвеченная солнцем, и на дне — бревно с шевелящимися плавниками. Выстрелил гарпуном прямо в голову, в плавники! Бревно взмыло на поверхность, поднялась муть, затрещали камыши — рыба рванула туда, всплыла, и Ва-

лера испугался — самое настоящее бревно, больше его самого. Валера выплюнул трубку и заорал. Я был метрах в двадцати. Слышу вопль, треск, раскачивается тростник, летят брызги. Я — туда! Валера с кем-то борется. Я выкинул ружье на берег, скинул ласты, побежал тропинкой. Подбегаю: Валера отлетает в одну сторону, что-то коричневое и блестящее, хлопнув хвостом по воде, исчезает. Волны по камышам — словно катер промчался. Вода на тропинку выплескивается.

— Димыч! — кричит Валера, отплевываясь. — Что это было? Я его подбил! Он на боку лежал! Я его схватил — он вырвался! Далеко уйти не мог, давай искать!

Ныряли-ныряли — никого! Обошли все камыши — чисто.

Леска оборвана, наконецник гарпуна отломан. Валера и я взбудоражены. Игорь улыбается — не верит, что рыба может быть размером с бревно. Стал рассказывать нам про оптический эффект в воде.

— Какой, на хрен, эффект, если я его еле обнял! — горячится Валера. — Он толще моей Надьки! Димыч, скажи!

Я подтвердил только то, что рыба, если судить по волне и треску в камышах, была здоровая. Сравнить с женой друга не решился.

Дед покивал, сказал, что это лосось пошел на нерест. Дело к осени.

Лосося он в молодости, когда силы были, лавил. Ночью, с фонарями, ищешь по тростнику, выглядываешь. В руках жердь с острой и красной тряпкой на конце. Нашел — хрясь его в голову, и жердь бросаешь, чтобы он кусок мяса не вырвал и не уплыл. Лосось помрет, а утром на лодке по камышам поплывешь и свою жердину с флажком высматриваешь. Ага, вот она! Крюками его цепляешь и волочишь на берег. Ведро красной икры с одного лосося взять можно. Но сейчас и сил нет одному охотиться, и запрещено властью. А если сети ставить, то очень прочные нужны. У него таких нет.

Надька же весь день вспоминала Валере сравнение ее с толстым лососем, которого он едва обнял. Валера только отшучивался. В конце концов получил за ужином половником по спине. Вскочил и убежал, прихватив бутылку самогона. Надька стала его подманивать обещаниями забыть обиду. Достала из рюкзака банку диковинных свиных хвостиков в собственном соку и стала расписывать, какие они вкусные и дефицитные. Открыла, дала нам понюхать. Мы подтвердили, что пахнет вкусно.

— Валера, ты ведешь себя аполитично, — сказал Игорь. — Немедленно верни коллективу бутылку.

Валера вернулся к столу. Хвостики оказались барахлом свинячьим. Стоят около сорока копеек, как килька в томате. Но дефицит!.. Теперь я смогу небрежно сказать, что ел свиные хвостики в собственном соку. И ведь буду нахваливать и восторгаться.

Доцент Худяков однажды нахваливал бараньи яйца, которые, дескать, грандиозный деликатес. Он загадочно подмигивал, восторженно цыкал зубом и закатывал глаза. В деревне он вырос. А теперь я расскажу ему про дефицитные свиные хвостики.

Дед учил меня косить траву, но не научил. Не получается из меня Лев Толстой. Ох, не получается...

Иван Грецкий, к которому мы еще дважды ездили за самогонкой и медом, попросил прислать ему лекарство для жены, которая лежит в больнице. Валера записал, обещал достать и прислать. Я обещал деду стеклянный змеевик для самогонования.

Покидали хутор по-доброму. Хороший дед Онуфрий Антонович. Добрая, чуть язвительная жена («А ты с хлопцами разве до станции не поедешь? По кобетам пойти не хочешь?»).

Трудяга Иван Грецкий, с настороженностью во взгляде. Смотрит на тебя, улыбается, но видит боковым зрением все вокруг. И медленно поворачивается, чтобы сзади не зашли, чтобы лес видеть, дорожку к дому, забор оглядеть...

От моего дома на Петроградской до хутора Рымки ровно 685 километров по спидометру. Валера до дому довез...

Коричневая записная книжка

* * *

Афродита Чеснокова — хорошее имя для афиши провинциального цирка.

* * *

Деньги нужны только для того, чтобы от них не зависеть.

* * *

На судоремонтном заводе: «Ты будешь создавать национальный доход или будешь дурака валять? Бери кувалду, лоботряс!»

* * *

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

А чего кудрявой радоваться? И почему кудрявая? Что за фамильярность?

* * *

Необходимое всегда проявляется через случайное.
Или: случайное — форма проявления необходимого.
Подыскать примеры и написать юмористический рассказ с рассуждениями.

* * *

«Истинная любовь никогда не протекает гладко» — К. Маркс, «Капитал».
Ни хрена себе!

* * *

«Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» — «Капитал».

* * *

— Чернилы кончились, — сказал мальчик.

* * *

«Насилие — повивальная бабка Истории» — Ф. Энгельс.

* * *

Работники Монетного двора взяли встречный план — выпустить больше денег.

* * *

Поменял шило на мыло. Такая форма обмена у Маркса называется простая, единичная, случайная. Случайная — потому что сдуру.

Сдуру, как говорит Скворцов, и хрен сломать можно.

* * *

Вещам все равно, что о них думают люди. Или нет?

* * *

Начинаю понимать строки из романа: «Прошли года томительно и скучно...» Есть доля скуки и никчемности в наших весельях; несомненно есть.

* * *

«Прежде чем зажигать светильник в темноте, подумай о комарах» — Декарт.

* * *

В нужде человек не свободен.

Голод — лучший советчик.

Разобраться!

М. Зощенко: «Он (Керенский) с горячими речами выступал против смертной казни, а сам ввел ее». Керенскому было 36 лет в 1917 году.

Ловлю себя на том, что, встречаясь с крепкими незнакомыми мужчинами, пытаюсь оценить, как бы я его вырубил, если бы он пошел в атаку? «Троечкой», хуком с левой, крюком в солнечное сплетение? Теперь эти остатки бокса на всю жизнь? Разговаривал с мужиками-боксерами, у них те же обязательные подготовительные мысли в компаниях.

30 декабря 1976 г.

Что прочитал в уходящем году, что запомнилось?

1. Братья Стругацкие, «Улитка на склоне». Забавно, но не понял о чем. Намеки, намеки, намеки...

2. Братья Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу». — Блестящая веселая вещь! И язык хорош, и диалоги! Хохотал в трамвае. Пассажиры просили показать на-

звание книги. Показывал — некоторые тут же начинали смеяться: «Ага! Читал! Умора! Сильная вещь!» Один даже процитировал, потрясая указательным пальцем: «Вы мне это прекратите! Вы мне это бросьте!»

3. «Капитал» К. Маркса — гениальная вещь! В. Ленин — «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм», «Как организовать соревнование?» И другие статьи к экзаменам по философии. Бодрит!

4. Виктор Конецкий, «Среди мифов и рифов», «Морские сны», «Соленый лед» (перечитал), «Повесть о радисте Камушкине»... — Люблю больше всех современных. Мой идеал!

5. Ал. Михайлов — сборник рассказов. Забавно. Обстоятельно.

6. Юрий Казаков — сборник «Голубое и зеленое». Великолепно! До слез и вселенской грусти по ночам после прочитанного. «Трали-вали» — шедевр!!!

7. Василий Шукшин, рассказы. Очень хорошо, но прав был Евг. Лебедев, назвав стиль Шукшина немного топорным, неотделанным.

8. Юрий Трифонов, сборник (повесть «Обмен» и рассказы) — очень сильные вещи!

9. Георгий Семенов — повести «Вечером после дождя» и «К зиме, минув осень». Плавный язык.

10. Вадим Шефнер — «Сестра печали» и «Имя для птицы» — очень сильно!

11. Федор Абрамов, «Братья и сестры» — тяжело читается. Но знать это надо.

12. Н. Лесков — продолжаю знакомиться и удивляться его силе в языке. В сюжетном плане — не очень. (Отец учил нас: «Читайте Лескова!»)

13. К. Симонов, «Живые и мертвые», тяжело читать, но интересно.

14. Было и еще много чего, но сейчас не вспомню...

О чем думал?

О разном. О нашей большой семье, об ушедших родителях; о том, как славно получается с аспирантурой — впереди три спокойных года, и надо бы к концу аспирантуры вступить в Союз писателей... Для этого требуется две изданных книги. А их надо написать. Но о чем? Почти все, что читаю в журналах, не нравится. Точнее, стало не нравиться после Конецкого. И компании литературной нет, говорить не с кем... Конецкий — в морях, да и не ровня я ему... А в журналах сидят блатные мальчишки в замшевых пиджаках и джинсах — не подступись...

Чего хочу?

Написать повесть или роман, чтобы все прочитали и ахнули. И спокойной размеренной жизни хочу — без этих загулов «на два персональных дела», как говорит ставший партийным начальником Б. Чтобы писать и радоваться. Чтобы получалось. Уйти от юморесок в прозу. Аркаша Спичка сказал, что юмористическую прозу у нас в журналах со времен Зощенко не любят, побаиваются. Даже иронию не приветствуют... Хотя в «Литературке» бывает «ироническая проза».

26 января 1977 г.

Сегодня состоялось посвящение в аспиранты. Выдавали синенькие, пахнущие свежим клеем билеты. С напутственными речами выступали седые, лысые и курчаво-бородатые профессора.

— Вы будете нашей сменой, — без всякого энтузиазма мямлил один. — Через семь-восемь лет в ваших руках окажется вся техническая политика министерства. Поэтому надо много и плодотворно работать. Работать и еще раз работать. В науке не бывает

выходных. Читайте, расширяйте свой кругозор, Пишите статьи. Публикуйте их. Зарабатывайте авторитет ученого. Никакого отдыха.

Затем выступил другой:

— Об отдыхе забывать не следует. Шесть дней действительно необходимо напряженно работать, но седьмой день — отдыхать.

И примеры из своего богатого жизненного опыта. Что надо читать, как читать и по сколько читать. Но один день — выходной! Это святое. Спорт, художественная литература. Иногда можно развлечения: танцы, хобби и проч.

Третий сказал, что все это ерунда. Надо заниматься не больше четырех дней в неделю. Остальное время отдыхать. Затем он сказал, что математика, как и иностранные языки, легко забывается, если ею не пользоваться каждый день. Один великий математик и грандиозный мыслитель начинал свой рабочий день с того, что брал с полки, где стояли книги с труднейшими математическими примерами, наугад том и решал три первые попавшиеся примера. Вместо физзарядки. Вот такой это был замечательный академик.

Аспиранты внимательно слушали. Делали вежливые лица.

Профессорско-преподавательские круги, напротив, оживились. Зашептались, с места бросали реплики выступавшим и, наконец, взялись ссориться. По проблемам водного транспорта. По проблемам роли естествознания в написании диссертаций. И просто так — на почве старых разногласий, вставляя друг-другу шпильки. Еще нас приветствовал ответственный товарищ из парткома. Был краток. Ссылаясь в основном на постановления пленумов и съездов.

Выступило человек восемь.

Затем они с шумом разошлись, как студенты после лекции, оставив нас Ларисе Федоровне — завотделом аспирантуры. Та говорила по существу. Что называется, в рабочем порядке. Какие требования к диссертации, какие будут лекции. Когда отпуск. Права и обязанности.

Мы записывали. Сказала с дрожью в голосе, что она очень любит молодую талантливую молодежь и мы за ней как за каменной стеной. Если, добавила, мы будем работать. Лентяев она терпеть не может. Лентяям от нее спуска не будет. На наших лицах было написано, что быть лентяем в нашей советской аспирантуре — нам дико. Нет, никакого спуска самим себе — работать и работать над диссертацией.

— Я буду первая просить, чтобы отчислили!

Вот такая она — Лариса Федоровна Селезнева — сорокапятилетняя симпатичная женщина. Крупная, уверенная и женственная. Что-то в ней и от Екатерины Второй, и от гимназистки.

Сегодня разобрал на диване фотографии и думал о разном.

В моей жизни была заполярная Кандалакша! Сопки, Белое море, каменистая река Нива. Мы прожили там с родителями неполных пять лет — отец зарабатывал повышенную северную пенсию. Меня возили на полгода, год, но чаще — на несколько месяцев. Мой родной ленинградский класс под руководством первой учительницы Ольги Константиновны встречал-проводил меня на Московском вокзале.

Сначала жили в деревянном коттедже на две семьи, в Соцгородке. Печка, дрова, деревянный клуб через дорогу, куда ходили со своими табуретками. Орсовский магазин, пропахший рыбой, двухэтажное здание треста, где в двух комнатках располагалась редакция отцовской «Стройки». Потом нам дали двухкомнатную служебную в новом доме на улице Спекова — с нашего пятого этаже были видны Кандалакшский

залив, порт, рыбозавод, суденышки, маленькие острова, лысая сопка на другом берегу залива, напоминавшую гигантский противотанковый надолб или египетскую пирамиду... Красиво! Я подолгу смотрел в окно, любовался видом и представлял, как сбегу с ребятами на один из островков и мы будем жить там, как Робинзон Крузо.

Фото — я около праздничной трибуны отдаю рапорт высокому комсомольцу: «Пионерская колонна для прохождения почетного марша в честь Дня рождения пионерской организации построена! Разрешите начать!» Солнечно. Коротковатые школьные брюки, сандалии, белая рубашка с пионерским галстуком, согнутая в пионерском приветствии рука над головой.

На следующем, сделанном через несколько часов на берегу Нивы — дымит костер среди камней, белеет лед по берегам, но пацаны по очереди ныряют в ледяную воду купальни... Лечу и я руками вперед в обжигающую воду. 1960 год, мой четвертый класс. Это называлось «разжигать сезон».

А вот на лыжах — готовлюсь скатиться по крутому склону Нивы. Худой, как тростиночка.

И так хорошо вспоминалось, словно вчера было, а не полтора десятка лет назад...

...Я был заводилой в небольшой компашке. Витька Гаврилов (жил с матерью и братом на втором этаже двухэтажного многоквартирного дома в Военном городке, отец-капитан мотался по командировкам), Володя Корона (сын майора-танкиста из большого офицерского дома), Славка Цыбин, сын лесничего, жил в бараке, Вовка Власов жил в большом бревенчатом доме с коммунальными квартирами, у матери собирались шумные компании, съедавшие все, и наша учительница подкармливала его — носила консервы и концентраты из офицерского пайка мужа. Помню, я подтягивал его по английскому в пятом классе, и мама кормила нас на кухне ухой и яичницей.

И еще был Герман Змейков, из зажиточной бухгалтерской семьи — мать и отчим запрещали ему водиться с нами, но он хвостиком таскался за нами и приносил конфеты — «Каракум» и «Мишка на севере». А что нам конфеты! Мы покупали в гастрономе на Набережной прессованный фруктовый чай за пять копеек, сделанный в Китае, и лизали, жевали брикеты, как мороженое. Или маленькие морские окунята холодного копчения из подвального магазинчика ОРСа по двадцать семь копеек за килограмм — его сосешь и мочалишь, гуляя на лыжах по городским дворам, где живут знакомые пацаны... Змейкову потом подарили велосипед «Школьник» с надувными шинами, который он бросил под приближающийся поезд и убежал на несколько дней из дома — его нашли на паровозном кладбище, он спал в будке сторожа. И мать уехала с Германом в Кировск... От него пришло письмо, что приезжал его отец и подарил ему спальный мешок геолога и молоток и что он, Герман, уже отжимается десять раз, но хочет сорок. И отец обещал брать его в экспедиции. Где теперь этот Герман Змейков? Где остальные ребята?

Бурливая речка Нива. Сопки: Лысая, Железная, Крестовая... Хоть рассказы пиши. Меня тянуло забраться на самую высокую — Железную. Она, как лежащий тигр, наблюдала из-за реки за городом Кандалакшей и манила меня. Ее каменистый лоб спустился в ущелье...

1963 год, начало июня. Мама уехала в Ленинград, и мы с отцом жили в квартире на улице Спекова вдвоем, тоже собираясь в скорую дорогу — в отпуск и на каникулы.

Утром отец уходил на работу, я болтался на спортплощадке или шел с ребятами за речку жечь костры и выплавлять свинцовые битки для игры в чеку.

Сопка продолжала манить.

Я собрал компанию.

Наврал отцу, что идем ловить форель на речку. Взрослые пугали, что в сопках могут попадаться волки и медведи. Или беглые преступники из тюрьмы. У нас на этот случай был деревянный учебный карабин с примотанным четырехгранным штыком времен Империалистической войны. Его притащил живший в военном городке Вовка Корона, тоже ленинградец.

Ущелье, до которого мы наконец добрались сквозь бурелом и ручьи, поразило крутизной скал, по которым мы собирались влезть на Железную. Издали склоны ущелья казались дружелюбнее. Мы поели бутербродов с плавленным сыром и полезли. Поросшие мхом камни, кустики, влажные скользкие валуны, маленькие плато, словно для отдыха... Верхушки сосен, растущих из дна ущелья, скоро оказались рядом, за спинами, а наши голоса разносил поднявшийся ветер. Если аккуратно ставить ноги и не спешить — не упадешь. Но страшновато от возрастающей высоты.

...Забравшись на самый верх, мы орали от радости — под нами была Кандалакша и дымящие трубы КАЗа, по дороге на Ниву-3 букашками ползли автобусы и машинки... Ветер валил с ног, и мы, взявшись за руки и наклонившись вперед, стояли против ветра, и ветер не давал нам упасть. Такой был ветер. Гудела невысокая бревенчатая вышка, заваленная у основания камнями, и мне было обидно, что кто-то побывал на кумполе сопки раньше нас.

Склон сопки, обращенный к городу, был покрыт плотным настовым снегом, чернел спинами валунов, и мы стали по очереди кататься на офицерской сумке и рюкзаках по заснеженному склону, объезжая валуны, а потом написали карандашом записку со своими именами, уложили в консервную банку и сделали для нее пирамидку из камней.

В противоположную от города сторону открывался простор Белого моря с пассажирским пароходиком, идущим, наверное, в Умбу, с линией горизонта, сверкавшей солнечными бликами, и от этого вольного простора пела душа. И мы решили расширить свои географические приобретения: спуститься к морю, искупаться и шлепать к дому по берегу выступа, напоминающего формой Камчатку на истрепанной карте в кабинете географии.

Пробрались сквозь мелкоколесье склона к морю.

Костер, купание на мелководье, ловля рыбок майками в ручье, несоленая уха... Морские звезды в каменной косе, убегающей в море... Камушки из воды, быстро теряющие свою красоту на суше...

Но вот зашипели угли костра — это стремительно пришел прилив, и мы, подхватывая разбросанные манатки, поняли, почему прибрежная трава была сырая.

Часов ни у кого не было, но солнце опускалось, и мы торопливо пошли каменистым берегом к нижней Кандалакше, где Нива впадает в море.

...На подходе к порту мы не захотели идти по скалам поморского кладбища, где стоял большой деревянный крест и могли бродить ночные духи, и двинулись тропочкой по карнизу, бежавшему вдоль скалы над подступившим морем. С высоты карниза были видны оранжевые морские звезды на белом каменистом дне, шевелящиеся водоросли и стайки рыб. Я шел первым и подбадривал, что если упадем, то не разобьемся — вода смягчит удар, главное, не падать брюхом или спиной... Да и глубина пустяковая — не больше двух метров.

Примерно в середине пути в карнизе возникла яма — выбитый зуб. Перескочить провал можно было, ухватившись правой рукой за тощую березку, словно специально выросшую из расщелины на высоте наших плеч. Трех березка выдержала — помогла перескочить яму, но перед белобрысым Славкой Цыбиным, который хлопал

огромными девичьими ресницами на веснушчатом лице, обессиленно рухнула в воду, осыпав воду камешками. Мы замерли. Теперь, если впереди тупик, и нам, троим, не вернуться, и Славке придется идти по кладбищу. И тут же вздрогнули — усатая нерпа с фырканьем выглянула из воды, чтобы посмотреть на тонконогих мальчишек, пробирающихся каменной тропкой. Мы смотрели на усатую сопящую голову и осторожно рассуждали, кусаются ли нерпы. Славка погрозил нерпе деревянным карабином с примотанным штыком, пообещал выстрелить, и зверь, понимая, что с дураками лучше не связываться, шумно втянув воздух, ушел под воду.

Все обошлось. Мы дошли по карнизу без происшествий, а Славка с карабином и удочками в одиночку пробрался через поморское кладбище, перекликаясь с нами сжатым от страха голосом. Лишь в конце над нашими головами раздался его ужасающий вопль и сверху посыпались камушки. Мы втянули головы в плечи. Оказалось — старая черная собака, которую Славка принял за волка и с которой они благополучно разбежались.

...Когда в четыре утра я в разорванных шароварах и с якорем-кошкой на веревке позвонил в квартиру, отец стремительно распахнул дверь и порывисто обнял меня. И не сказал ни единого бранного слова. Только спросил, откуда и зачем якорь и где остальные ребята. Я сказал, что якорь нашел на побережье, он нужен мне для будущей лодки. Сказал, что ребята пошли домой. Отец запер входную дверь, велел мне раздеваться и мыться и принялся звонить другим родителям и в военный городок <...> (Якорь приехал в Ленинград в вещевом контейнере и пригодился, когда мы с Виталькой построили в Зеленогорске плоскодонку.)

<...>

А зимой! В школу — на лыжах, после школы — на сопки или крутые берега Нивы! Ленинград — красивый город, люблю его, но Кандалакша — это море, простор, настоящие белые ночи, когда окна завешивают одеялами, а во дворе до утра играют в волейбол.

С нашего пятого этажа был виден, как на ладони, залив с островками, на которые мы с пацанами готовились убежать и сделать там лагерь, но нас выдала отличница Лариска Карельская, которую я пригласил в компанию поварихой. Она вышла к доске и, блестя стеклами очков, за которыми чернели красивые, чуть раскосые глазки, сделала заявление, что группа ребят из нашего класса вместо того, чтобы хорошо учиться, собирается бросить школу, бросить бедных родителей и смыться на остров в заливе, чтобы там хулиганить и бездельничать. Уже и ялик присмотрели на лодочной станции, и восемь банок консервов натырили, и спичек напасли, и оружием запаслись... При слове «оружие», учительница, одобрительно кивавшая Ларискиным доносам, выскочила за директором и быстро привела его: «Вы только послушайте, что творится! Это все Каралис с друзьями! Я вам говорила!»

Насчет оружия Лариска попала в точку, но не совсем. Я привез из Ленинграда технологию дымно-пленочного пистолета, которая была в ходу у пацанов нашего двора и школы. У гильзы от винтовки под корень спиливалась сужающаяся часть, оставался ровный цилиндрок, который прикручивался изолентой или проволокой к деревянному пистолету; да хоть к палке. Бралась автоматная гильза, которая в своем первозданном виде туго-туго входила сужающейся стороной в цилиндрок винтовочной гильзы и становилась, так сказать, пулей. А как же ее выстрелить?

Элементарно! В автоматную гильзу вставляешь свернутый кусочек фотопленки, поджигаешь торчащий кончик, и когда пленка вспыхивает, гильзу быстро вставляешь в ствол и тыкаешь, забывая, о стенку, землю или подоконник. И быстро прицеливайся! Фотопленка сгорает, дает дым, и через пару секунд пуля-гильза с визгом и свистом летит метров на пятьдесят. Разбить окно — нечего делать! Если попадает в ногу или вы-

ше — синяк. Простое и страшное оружие, придуманное, как поговаривали, ленинградскими пацанами в блокаду, на случай уличных боев с фашистами.

Винтовочные и автоматные гильзы мы полными карманами привозили со стрельбища на Охте, а фотопленкой можно было легко разжиться на любой помойке или дома. Делали и дымовухи, для чего пленку туго заворачивали в промокашку или газету и поджигали. Дым, вонь, красные глаза, кашель, замечание в дневник, вызов родителей в школу; если не повезет, поставят на учет в детскую комнату милиции... И вот это оружие, тайно привезенное мною из Ленинграда, отличница Карельская безжалостно сдала педсовету во главе с одноруким директором-фронтовиком. Сдала вместе с моими начинающимися симпатиями к ней. Наверное, поэтому я до сих пор не люблю отличниц...

Сильно разочарованный женским коварством северянки, я тогда написал Миху письмо, в котором интересовался, как поживает наш Епифанчик, и просил передать ей мой пламенный привет и напомнить, что скоро приеду и, может быть, навещу, если ее не увезут на дачу — у меня есть для нее камушек с золотыми прожилками, найденный в горах. Мих передал, но Ирка уехала в деревушку Поддубье на Луге, и я загорелся идеей сколотить плот и сплавиться на нем к Иркиной даче. Она идет, ничего не подозревая, на речку Лугу купаться с подружками (корзинки, мячики, надутые автомобильные шины), а тут мы с Михом в ковбойских шляпах на плоту с черным пиратским вымпелом на мачте: «Привет, Ирка! Узнаешь?» И залп из наших пленочных пистолетов! Хорошо бы еще пневматические ружья и пони с седлами...

...Да, Кандалакша. Пес Дембель с простреленным боком, которого мы тайно выхаживали на конюшне военного городка — его подстрелил пьяный капитан-интендант... Шишки, за которыми мы, скинув валенки, лазали по заснеженным соснам, чтобы заработать денег в лесхозе!

А как меня, новенького, поначалу испытывали после школы, когда я в темноте полярной ночи возвращался домой... И сколько пришлось драться и отрабатывать приемы, показанные мне братом пограничником Юрой, вернувшимся в те годы из армии. И боксерская груша из футбольной крыши, набитой тряпками, долго висела у нас на резинках в широком проеме между комнатой и коридорчиком — я прыгал вокруг нее козликком и бил кулачками в меховых кожаных рукавицах. Но потом снял грушу, вычитав в газете «За рубежом» про новый способ накачки мышц — статический: несколько раз в день упираешься руками или ногами в стену и давишь, давишь, сколько хватает сил. Мышцы и сила воли должны были расти не по дням, а по часам...

...Военный городок, в который мы ходили к одноклассникам, как к себе домой. Дымные танковые ангары, фанерные макеты американских ракет «Минитмен-2» с описанием их данных, стадион с бегающими солдатами и первой хоккейной коробкой в городе, военный универмаг, у дверей которого вечером прохаживается солдат с гранатометом за спиной... И Дворец офицеров, со сцены которого я в четвертом классе объявлял концертные номера и читал стихотворения...

И слет пионеров в Мурманске, куда меня послали от школы: торпедный катер и памятник защитникам Заполярья на высоте, где мы хором клялись защищать Родину. И филателистический магазин на главной улице, где я потратил все деньги, купив набор диких марок треугольных марок. И как уже в Кандалакше выменял в темноте кинозала кляссер с марками на «настоящий дамский пистолет» с перламутровыми щечками на рукоятке, при свете оказавшийся зажигалкой, и судорожные поиски незнакомого меняльщика...

...И полет Гагарина в 1961 году. Мы выскочили из школы — еще лежал снег, и на горе чернела раскатанная тропинка — и стали подбрасывать в воздух черную лохматую

собачуху с криками: «Да здравствуют собаки, проложившие человеку путь в космос!», а потом кучей покатались с визжащей собакой под гору.

Какое счастье, что удалось поездить в командировки! Были Мурманск, Роста, Комсомольск-на-Амуре! Командировки в Омск на судостроительный завод, в Горький, Городец, Бор, Куйбышев, Череповец, Москву, Астрахань, Хабаровск, Новосибирск, Выборг... Много чего было.

Но роднее всего — Кандалакша!

Какое счастье, что у меня было детство в Кандалакше!.. И тянет на Север, тянет...

Записная книжка

* * *

Дорога в ад вымощена благими намерениями.

* * *

Где ничего нет, там и император утрачивает свое право.

* * *

На плоской равнине каждая кочка кажется холмом.

* * *

Общаясь с писателем, ты общаешься с вечностью. (Ни фига себе!)

* * *

Бархатный весь, а жальце есть.

* * *

Бережливость лучше богатства. (Не знаю, у меня нет ни того, ни другого. Хотя... если сравнивать с другими ребятами, у меня есть отдельное жилье и неплохая работа. Богатство? Да! А книги? Бесспорное богатство! Я еще и половины не перечитал...)

В час ночи в нашу квартиру позвонили. В дверях стояла женщина в плаще болонья и с чемоданом в руках.

— Здравьте! А Катя Григорьева дома?

Катя Григорьева — это надо понимать — моя соседка, тетя Катя, которой в этом году исполняется 76 лет.

— Кажется, дома. Но она спит, — сказал я, сам еще не проснувшись.

— Как спит? Я же писала...

* * *

Апрель. Баня. Мухи. Запах апельсиновых корок.

— Пиво есть?

- «Мартовское».
- А свежего, апрельского, нет?

* * *

Прочитал «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы. О чем это? Не понял. Удивительно нудная вещь!

* * *

Гегель, «Философия права»: «Под образованным человеком следует понимать прежде всего того, кто может делать все то, что делают другие».

Здравствуйте, товарищ Гегель! Приехали! Физик-теоретик, по-вашему, необразованный тип, потому что не умеет забить гвоздь. А филолог — тот и вовсе неуч: не знает, как пахать, сеять, чинить сгоревшие пробки и водить трамвай. Впрочем, приношу глубокие извинения, товарищ Гегель. В ваше время, очевидно, не было узкой специализации. Но вопрос личного свойства: что вы могли делать из того, что умели делать ваши современники?

* * *

На кафедре из рук в руки передаются «Колыбель для кошки» и «Бойня номер пять» Курта Воннегута. Интересный писатель. Цитируют все. Шеф: «Ты человек нашего карраса...» Ирония и юмор — вот что нравится у Воннегута. И точность языка.

* * *

На спор тащил на спине канцелярский стол — от флигеля нашей кафедры до главного здания института, метров четыреста. Выиграл у парторга В. С. бутылку коньяка. Дело было так.

Шеф менял мебель на доставшейся ему кафедре, и В. С. стал с озабоченным видом собирать загодя бригаду из молодых сотрудников — уносить старую канцелярскую мебель на склад. Составил список, расписание выноса, ответственные пары за каждый стол и стул — в общем, развел бюрократию, о чем я и сказал ему, когда он стал оформлять меня в список.

— Чего тут носить-то? Положите мне стол на спину — я и один снесу.

Сказано было при людях. Слово за слово, смешочки-хренуечки, поспорили на коньяк.

И я понес в окружении толпы. Условие — останавливаться можно, но стол должен быть на спине. По дороге встретился шеф. Поулыбался, узнав условие спора, но вмешиваться не стал. Раза три я отдыхал, разглядывая свои ботинки. При переходе трамвайных путей стол чуть было не съехал с моей спины — там булыжник, я малость покачнулся... Но донес! Народ радостно взвыл.

В. С. спросил, не возьму ли я спиртом. Нет, только коньяк, как договаривались! В. С. принес бутылку азербайджанского, и мы с Валерой, Виталькой и Козликом раздавили ее в пивбаре у кинотеатра «Москва». Аспирантура!

* * *

Письмо в газету:
«Уважаемая редакция!

Начальник нашего отдела кадров возмутительно нетактичный человек. Судите сами. Узнав, что инженера Петрову Алису Ивановну бросил муж, он рассказал об этом факте своим сотрудницам. Это, на наш взгляд, в высшей мере бестактно! Просим написать об этом возмутительном, аморальном факте в вашей газете, чтобы вся страна узнала о его чудовищном поступке и дала должную оценку его так называемым деяниям. Фамилия начальника отдела кадров — Козлов. Зовут Аркадий Константинович. И фамилию инженера Петровой просим не скрывать. Так будет действеннее.

Группа сотрудников».

* * *

Витебский вокзал.

Носильщик толкает тележку с вещами, а на вещах сидит сгорбленная старушка в плюшевом жакете с клюкой и застенчиво улыбается.

* * *

Заготовка к юмореске.

На даче залили в водопроводный бак двадцать литров пива. Девять рублей потратили. Гостям сказали небрежно, но таинственно, что у них секретный пивопровод от пивного ларька.

Гости восторженно ахали, хвалили за смекалку и связи, наливали пиво из-под крана, обещали держать язык за зубами, а на следующий день нагрянула милиция. И первым делом к умывальному крану!.. Посмеялись, ушли.

Хозяева пригласили через неделю тот же состав гостей. Один не пришел. Снова пили пиво. Небрежно сказали, что пивопровод хотели перекрыть, но они договорились с милицией... Авторитет хозяев возрос. Шептались по поводу отсутствующего. Шептались по поводу хозяев.

Через пару дней новая проверка — люди в штатском.

— Зачем вы это делаете?

— А просто так! Хохма!

— Додохмитесь!..

Снова званные гости. Пять человек из десяти.

Пиво льется из крана, улыбочки: дескать, договорились и на этот раз.

Через два дня — проверка! Комплексная! Со снятием показаний, тщательным обследованием всей территории, представителем СЭС.

И додохмились — оштрафовали за нарушение санитарных норм. Нельзя заливать пищевые продукты в систему водоснабжения дачного дома, так как могут быть отравления трудящихся граждан.

* * *

Сосед Роберт Александрович, вдовец, звонил по телефону знакомой женщине, клал трубку на полочку и играл на гитаре. Женщина слушала и тихо подпевала. Роберт Александрович интересовался — нельзя ли сделать такое устройство, чтобы и он ее слышал, и она его. И чтобы громко, как в концертном зале.

— Можно, — встряла в разговор тетя Дуся. — Съехаться вам надо, Роберт Александрович... Съехаться. Тогда и телефон занимать не будете, и хоть заиграйтесь на своей гитаре...

Роберт Александрович обиделся.

* * *

Прочитал роман «Рэгтайм» писателя Доктороу в «Иностранной литературе». Перевод Василия Аксенова. Тема не тронула, но язык хороший!

* * *

Юморески придумываются легко, но выписываются трудно. Если самому не смешно, то не берусь. Греют душу небольшие, но гонорары. И радует мысль, что Чехов — тогда еще Антоша Чехонте — начинал с юморесок.

11 июля 1977 г.

Одесса. Юный одессит фамильярно подмигнул мне на вокзале и надул из жевательной резинки пузырь. Спортивно-оздоровительный лагерь на базе Одесского института морского флота. Вот они — прелести дневной аспирантуры.

Двадцать студентов. Два физрука. Я — куратор студенческой группы. Как бы. Якобы... Как будто.

* * *

Во дворце графа Потоцкого — картинная галерея. Люблю картинные галереи в любом городе. И краеведческие музеи люблю.

Милый моему сердцу Верещагин (так далеко от его родного Череповца). Запомнились две картины: «Арабы в пустыне» и «Мусульманское кладбище». В первой — голубое и сурик, по которым я сразу его узнаю.

Айвазовский: «Пушкин на берегу Черного моря» и «Купание овец».

Врубель: «Валькирия» и «Болотные духи» (?). Не тот это Врубель. Слишком ранний. Когда он еще только учился.

Н. Ге: «В чем же истина?» Понтий Пилат и Христос. Христос настолько изнеможенный, что ему можно дать лет пятьдесят. Высокопарный взгляд и жест руки Пилата.

Подземный ход и грот дворца. Экскурсовод бойко и решительно распределила всю толпу по спускающейся вниз лестнице. На груди у нее висит маленький усилитель. Она смеется и подносит микрофон к губам, чтобы все слышали ее смех.

В подземном ходу — два туннеля. Один к морю, другой — в пропасть. Восьмиметровой глубины яма. По этому ходу отправляли прогуляться нежелательных элементов. Там колья, вода и верная смерть. Так сказал экскурсовод. Сомнительно...

* * *

Собирались на экскурсию в катакомбы. Мастер спорта по фехтованию, Леша за сомневался: «А мы в обеденный перерыв не попадем?»

* * *

Одесский рынок «Привоз». Старик сидит на ящике и продает мочалки. Их никто не покупает. Изредка старик кричит зычным голосом:

— Дамочки, не напирайте на прилавок! В очередь, в очередь! На всех хватит! Сейчас еще подвезут.

И опять дремлет косматый старик. Вокруг него пусто.

Дух коммерции витает над Одессой. Ремни, пряжки, холщовые мешочки с надписями и рисунками, набалдашники на переключатели скоростей для автомобилей, юбки, кофточки с цветочками. Купил себе гипсовую пепельницу в виде черепа, крашенную бронзовой краской. На хрена, спрашивается, купил? Для форсу, не иначе. У нас таких нет.

* * *

Кубинский студент Анакарья. Выпили с ним бидончик сухого вина и подружились.

Кроме него, в семье девять детей. Отец бросил семью, ушел к другой женщине. Там у него родился пятый ребенок. Анакарья отсылает матери часть стипендии. До поездки на учебу в Союз он работал механиком на судоремонтном заводе. Ему 24 года. Летом он в стройотряде. Все деньги, заработанные в стройотряде, кубинцы передают в фонд Фестиваля молодежи, который состоится в Гаване.

Застенчивый улыбчивый Анакарья. Его паспорт по размерам и оформлению похож на небольшую иллюстрированную книгу. «Negro» — написано в одном из пунктов. Он просто смуглый. Его старший брат воевал в Анголе, в которой, как я знал из газет, нет ни одного кубинского солдата, есть только небольшая группа советников. Брат погиб в прошлом году. Анакарья безнадежно влюблен в нашу Ольгу. Высокую, статную, белокурую и такую же застенчивую во всем, что не касается ее любимого волейбола. Или спорта вообще. Там она — «ух!»

* * *

Наловили с Лешкой-фехтовальщиком мидий. Нырjali у волнолома и отковыривали их ножом от склизкой стенки. Ели сырыми, как нас научили. Впервые в жизни. Напоминают яичный желток. Сетовали, что нет соли. Старый одессит, похожий на Утесова, бывший голубятник, лежал в шезлонге и учил нас, как делать из мидий плов. И рассказывал, что они помогают от гипертонии, голубиные яйца тоже помогают. Мы с Лешкой мотали на ус и кивали, как будто вот-вот и у нас обнаружится гипертония. А хрен его знает, может, и обнаружится...

* * *

Ходили всей стаей на футбольный матч «Черноморец» — «Зенит».

Наш нападающий Маркин прорывается к воротам. Болельщик-одессит кричит:

— Маркина к телефону!

А я кричал при счете 0:1 в пользу «Черноморца»: «„Зенит“, только победа!»

Милиционер обернулся в мою сторону с улыбкой: «Кто там хочет получить пятнадцать суток за хулиганство?»

* * *

Когда человек бросает пить, он снимает с повестки дня, по крайней мере, три неприятных вопроса: 1) Как бы выпить? 2) О, зачем я вчера пил? 3) Как бы опохмелиться?

* * *

Сопитухи = собутыльники.

* * *

Играли с Лешкой в шахматы. Лешка: «Сдаюсь, прохожу по разряду военнопленных».

* * *

Пьяный проспится — дурак никогда. Утешение самому себе.

* * *

«Лучше недосказать, чем пересказать» — Чехов.

* * *

«Шум — это информация, не несущая содержания» — авиаконструктор Антонов. Спорный вопрос. Терминологически спорный.

* * *

Описания выпивок и пьянок у западных авторов, романтические фразы: мы выпили кальвадоса, мы хлопнули мартини, потом кальянди — ни шиша не стоят. Пьют рюмками, а нам кажется, что бутылками. Заглотил бы Хемингуэй или Фолкнер граненый стакан розового пойла, от которого пахнет тем, чем в России издавна называли плохого человека, и посмотрели бы мы на них. А то — кальвадос, «Наполеон», виски... От них пьянеют, а от этого балдеешь. А Валера недавно прожег свои кримпленовые брюки молдавским розовым, который мы распивали в кафе-стекляшке на причале г. Петрокрепости в ожидании «Метеора» на Ленинград. Портвейн был настолько дрянным, что мы толкали по столу стакан с остатками друг другу и дотолкались. Брюки на наших глазах почернели, заскорузнули, а когда мы выходили из «Метеора», Валера уже сиял дыркой ниже ширинки. А совсем новые были брюки.

* * *

То, что не посеешь весной, не вырастет летом, то, что не соберешь осенью, не съешь зимой. Народная мудрость.

* * *

Ученый тупица.

«...Читает массу, отлично помнит все прочитанное. Характерные черты ломового коня, отличающие его от таланта, таковы: кругозор его тесен и резко ограничен специальностью; вне своей специальности он наивен, как ребенок. Короче говоря, это не хозяин в науке, а работник» — Антон Павлович Чехов, «Скучная история».

(Валера Барахманский, от которого я впервые узнал, что есть такой писатель — Михаил Булгаков («Зойкина квартира», «Роковые яйца» и еще что-то), говорил так: «До хрена знает, но ни хрена не понимает».)

«...Если молодой ученый или литератор начинает свою деятельность с того, что горько жалуется на ученых или литераторов, то это значит, что он уже утомился и не годен для дела» — Чехов, «Скучная история».

Как тут не вспомнишь нашего Володю Козлика! Легендарный человек! Легендарный!

* * *

В последний день нашего пребывания в Одессе море наконец-то показало свою силу. Разыгралось. И я его впервые почувствовал на себе. На своей коже, мускулах, голове, руках, ногах, спине и вестибулярном аппарате. Это мощь!.. Стоять долго на волноломе невозможно. Сшибает. Переворачивает. Крутит. Засыпает шипящей пеной. Если поднырнешь под волну и тебе повезет — окажешься мористее волнолома, то следующая волна подхватывает тебя, и ты ласточкой, с замиранием сердца, летишь над бетонным осклизлым телом волнолома, едва не задевая его животом.

Нырял с мола. Вставали с Лешкой на перила. Высота — метров пять-шесть. Первый раз в жизни. Страшновато и интересно.

3 августа 1977 г., 11 часов

Едем по Белоруссии. Проехали Невель. Солнце, тепло. Через двадцать семь дней явлюсь на кафедру в институт, встречу Валеру, Игоря, Витальку. Шефа загорелого. Козлик расскажет про очередную «беду». Мы выслушаем, а потом будем хохотать в пивном баре, вспоминая его истории. Начну ходить в Публичку. К Новому году надо написать пару рассказов и десяток-другой юморесок. И желательно показать шефу первую главу диссертации. Еще два доклада на конференции молодых ученых надо сделать.

Иногда думаю: за что мне даны такая свобода и обеспеченность? Есть еда, комната с мебелью, одежда в полном порядке... Живу в лучшем городе страны, а то и мира. И ни хрена толком не сделал еще! Лишь нагулял, как говорит партийный Барабаш, на два персональных дела. Мы с ним недавно так загудели, что вспоминать противно. Пили с какими-то гопниками у него на квартире. Гопники рассуждали, что надо вывезти с мебельной фабрики левый заказ шкафов и обеспечить себя «на всю жизнь»... Потом они пошли за выпивкой и пропали. И слава богу! Я взял такси и поехал домой. А начиналось все с Эрмитажа, куда Барабаш завлек меня, чтобы прикоснуться к прекрасному. Прикоснулись — через двадцать минут Б. сказал, что жутко захотел есть, и мы спустились в буфет...

* * *

Слушаю радио. Репортаж из детского сада. Корреспондент спрашивает:

- А что нужно, чтобы скорее вырасти и пойти в школу?
- Много есть.
- Правильно. А еще?
- Бабушку слушать. И маму, и папу.
- Правильно.
- Хлеба много-много есть.
- Так...
- Волков не бояться, — говорит мальчик.
- А где же ты можешь волков встретить?
- В дремучем лесу. Мы с папой ходили за грибами, и я видел волка. Он к нам подбежал, а я его саблей по спине. Он и убежал.
- Ну да? А зубы у него большие были?
- Да! То есть нет. Маленькие такие зубы. Меньше, чем у меня.

- Наверное, он твои зубы увидел и испугался. А может, это был не волк, а кошка?
- Да, наверное, кошка... Нет, волк! С такими огромными зубами!..

* * *

То, что мир тесен, лучше всего ощущаешь в утреннем автобусе.

* * *

Пили с Михайловым пиво с креветками. Я пытался рассуждать о смысле жизни. Разговор не получился.

Брат Володя дал почитать книгу Ральфа Ингерсолла, «Совершенно секретно». М., 1947.

Это про подготовку и вторжение союзников в Европу через Ла-Манш.

«Во всяком документе всегда заключается больше, чем в нем изложено», — автор служил в оперативном отделе штаба Американских вооруженных сил. План вторжения с двумя десятками оговорок. Вторжение возможно, если:

- ветер будет не слишком сильный;
- прилив будет как раз такой, какой нужно;
- если луна будет именно в той фазе, какая требуется;

<...>

— если в Германских ВВС существенно сократится число истребителей.

И если все эти «если» будут выполнены, то вторжение возможно. Но еще не факт, что состоится. Готовились к вторжению трусовато и обстоятельно, как к экспедиции на Северный полюс. Как будто и не было осажденного Ленинграда, не было Сталинградской битвы, не было подвига Гастелло и Матросова. Другие стандарты ведения войны. А чего? Над ними не капало, их не бомбили... Когда высадили десант, шла колонна грузовиков с надутыми резиновыми лодками — на случай возможных водных преград. И жратвы сто пароходов шло...

Последняя глава называется «В заключение — посидим и подумаем». О послевоенном устройстве мире. Такие есть строки: «И все же мы ее выиграли <...> Непобедимость американского оружия — это детище всего американского народа. Его мускулов, его мозга, его души». Далее: «Для девяноста процентов американцев — а девяносто процентов — это солидное большинство, — война есть нечто такое, что доставляет каждому работу — и кое-какие неприятности — с вознаграждением, какое ему и не снилось, независимо от того, кто он — миллионер, фермер, фабричный рабочий, девушка-служанка или проститутка».

Проститутки!

* * *

Отклонение от нормы — это норма.

* * *

Неожиданный ты человек!

* * *

Были в Летнем дворце Петра Первого — я, Михайлов, Барышев. Потом выпили. Пошли посмотреть склоны Лебяжьей канавки, где в блокаду пионеры разводили огоро-

ды — я повел. Барышев поскользнулся и загремел в холодную воду. Мокрый по пояс. Взяли такси и отвезли его домой, к мосту Володарского. Матушка нас обругала. Батя дал денег расплатиться за такси и потихоньку налил нам водки. Серега лег под одеяло, но через минуту встал и взялся играть на баяне. Матушка гневно ушла к себе в комнату, а мы прослушали «Амурские волны» и ушли восвояси. Серега во время музицирования впадает в умственную летаргию и похож на юридического: закатывает глаза, кривит рот, иногда некстати чихает, сморкается и т. п. Играет он только пьяный. А был гордостью класса — круглый отличник, золотой медалист, надежда школы. Поступил на журфак — бросил. В армию не взяли — хроническое воспаление легких. Поступил в Военмех. Три курса — выгнали за пьянку и прогулы. Женился на армянке Нонке. Родилась дочь. Через год развелись. Нонку безумно любит. Сейчас работает в СЗПИ на кафедре вычислительной техники. Пьет казенный спирт. Говорит, что учится в своем институте и скоро получит диплом, но мы с Михайловым не верим. Пьют вместе с батей. Матушка борется с ними обоими и считает, что мы с Михайловым (про меня: «Этот-то вообще в аспирантуру поступил!») сбиваем его с пути истинного. А видимся мы — раз в два месяца, а то и реже. Золотая башка, но дураку досталась.

У его матушки в комнате висит большая картина маслом без рамы, на которой она изображена совсем молоденькой — идет с букетиком подснежников в плащ-палатке и пилотке по зеленеющей рощице.

Серегины родители познакомились в конце войны — батя шоферил, матушка была по медицинской части. Каких времен картина — неизвестно...

* * *

Мальчик пришел из зоопарка.

— Что тебе больше всего понравилось?

— Бегемот.

— А почему?

— Сам такой большой-большой, а глазки такие маленькие-маленькие...

* * *

Людей воспитывают люди и обстоятельства.

* * *

Соседка сказала: «У меня от вашей стереомызыки даже часы настенные остановились...»

* * *

Общество без мысли. Есть общества, которые человеческую личность разъедают, опошляют, искажают...

* * *

Все схватились за Чехова. «Чехов! Ах, Чехов!» Язык мне его не нравится. Видно обилие прилагательных, которыми он навязывает настроение. Слова-сигналы видны. По стилю не нравится...

* * *

Осенняя хандра.

* * *

«Было убито более десяти человек». Это сколько? Одиннадцать или сто? Газеты так часто пишут.

* * *

Правда — хорошо, а счастье лучше (разговорное).

* * *

Улица Большая Переpletная. Шли мы по Большой Переpletной улице и угодили в большой переplet.

* * *

Маленькая девочка, дочь хозяйки, спросила:

— Мама, а почему мужчины всегда по утрам холодную воду пьют? А ты мне не разрешаешь...

* * *

Барабаш рассказывал про устройство электронных часов. «Два магнита, сегмент между ними и электронный плевок размером с копейку... И ходят!»

* * *

Объявление: «Продам розовые очки».

* * *

Народ устал и требует картошки.

* * *

Формула академика Трапезникова: «Знать — мочь — уметь — хотеть». Хороший журнал «ЭКО». Смелый.

* * *

Помолчишь — за умного сойдешь. Иди и помни: сила дурака — в молчании!

* * *

Чем отличается ночью комната, в которой нет электричества, от той, в которой оно есть? Тупиковой невозможностью зажечь свет. Он тебе и не нужен, но невозможность его зажечь — угнетает.

* * *

Объявление на дверях Публичной библиотеки: «Придерживайтесь, пожалуйста, за дверь!» Подчеркнутое дописала чья-то шкодливая рука.

* * *

«Быт, зараза, затирает. Нет полета, как у горного орла крыльев!»

* * *

Написать бы диссертацию: «Социально-экономические аспекты искажения информации в больших системах». А по-простому говоря — почему врут на производстве? Почему врут на производстве и выше, и выше? Надо создать такие экономические условия, чтобы врать было невыгодно.

От нашего казенного формализма хочется крыть матом! Вот гражданская оборона. Командует ей на факультете седой пузатый отставник Б. В.. Меня назначили от кафедры ему в помощь. Он дал мне расписаться в десяти бумажках. Еще пять велел приготовить и срочно сдать для отчета. Справка о размерах противогазов, наличие стендов-оповещений, проверка пожарных гидрантов на предмет потертостей и износа и т. п.

Спрашиваю: а где у нас бомбоубежище и где хранятся противогазы? Он на меня посмотрел, как на врага народа, и попросил «не нагнетать». «Когда надо будет, тогда и узнаете, где бомбоубежище. И противогазы появятся...» Словно ему из Америки обещали за неделю до нападения позвонить, чтобы он успел противогазы раздать и бомбоубежища проветрить... Все знают, что ГО — формализм, но делают вид, что так и надо. Про социалистические соревнования к датам я молчу...

* * *

«Входа нет». Но выход-то должен быть. Или черный ход. Нет ничего такого, во что не имелось бы входа или выхода.

* * *

Владимир Петрович К-к — это для студентов. И на заседаниях кафедры. В остальных ситуациях — Вова К. С ним всегда случаются нелепые истории. Мужика — под сорок. Я несколько раз ездил с ним в командировки и натерпелся жути. Потом служебные траектории разошлись — я стал ездить один, он поступил в аспирантуру, но несколько раз в неделю мы встречаемся на кафедре, и «жуть» проступает. Как говорит Барабаш, проработавший с Козликом три года, «чужая мать наплачется». Причем говорит он это со смехом...

Вчера выяснилось, что К-к потерял диссертацию, которую должны были слушать на заседании кафедры. Черновики не осталось: дочка-пионерка сдала их в макулатуру. Три года аспирантуры — псу под хвост! Он зачем-то носил ее в портфеле несколько дней, и на Московском вокзале, когда он шел к своей электричке, чтобы ехать в Купчино, он услышал свистки и увидел, что милиция гонится за парнем. Он подставил ножку, помог задержать парня, который подозревался в наркотиках, но упал сам, и портфель отлетел в сторону. Когда он с милиционером скрутил парня, портфеля не было. Вова покрутил головой и увидел убегающего с его портфелем мужичка. Рванул за ним,

но теперь подставили ножку ему, думали, что хочет удрать, и подоспевшие милиционеры скрутили его... Портфель пропал. Еще и наставили Вове синяков. А когда привели в отделение и он начал качать права по поводу портфеля, его посадили за решетку, так как он выпил две кружки пива и от него пахло. Разобрались только к часу ночи — парень успел выбросить наркотики и все отрицал. Сержанта, вместе с которым К. задерживал подозреваемого, куда-то вызвали, и правда выяснилась слишком поздно. Когда вернулся сержант, на К. уже составили протокол за дебоширство в общественном месте, а то, что написано пером, не вырубишь и топором. Короче, еще и пришлют бумагу в институт.

К. тяжело, по-коровьи вздыхает у окна и рассказывает всем, кто выходит покурить, о своем несчастье. В нашем здании три кафедры — люди приходят послушать Володю, как Жванецкого, только со знаком минус.

Шеф отправил его домой, чтобы он не светил своими фонарями.

«А почему же диссертация была отпечатана в одном экземпляре?» — задавали все вопрос. К-к говорил, что из-за недостатка средств на бумагу. Он все равно рассматривал ее как промежуточный, кафедральный, вариант, хотел кое-что улучшить и потому не видел смысла занимать денег на бумагу. Он и так всем должен. «Понимаете, парни, теперь придется подождать...»

Еще и теща называет его тунеядцем, потому что он мало получает и сидит по ночам на кухне — жжет свет, курит, а дым идет в комнаты. Теще, видите ли, надо сейчас жить у них, потому что она поссорилась с тестем. А Вова может работать только по ночам: он сова. А недавно теща вышла ночью на кухню и сделала ему замечание, что он раскачивается на стуле и тем самым ломает мебель. К-к взбесился, потому что она сбила его с очень умной мысли.

— Так мебель не ломают! — воскликнул К-к и показал, как ломают — стукнул стулом об пол. Тот развалился.

Теща завопила. Прибежала в ночной рубашке испуганная жена.

— Не трогай маму, негодяй!

— Ах, я трогаю твою маму? Я негодяй? — рванулся, чтобы уйти из дома, где даже по ночам ему не дают спокойно писать диссертацию. Ему порвали рубашку — неправильно поняли намерения. Расцарапали лицо.

...Однажды на Алтае меня укусила в лоб огромная пчела. Я помогал пасечнику вязать сруб нового дома, а пчелы вечером летели с лугов в улья. Вот она меня, чужака, и тыпнула. Жало вытаскивали плоскогубцами. Лоб распух, посинел, и всю ночь болела голова. Глядя на баклажанную голову К-ка, я вспомнил этот случай.

* * *

Бобиков лежал на диване и лениво просматривал брошюру «Страхование от несчастных случаев». Жена читала заметку в журнале «Будьте здоровы», которая называлась «Как надо правильно сморкаться».

Теща писала длинное путаное письмо в вечернюю газету, в отдел «Спрашивают — отвечаем», суть которого сводилась к одной фразе: «Не вредно ли выдергивать волоски из носа?» Любознательное семейство.

9 мая 1979 г.

Тепло. Толпы нарядных людей. Блеск медалей и орденов на одеждах фронтовиков. Мало их осталось.

Пошел на футбол — пешочком через Дворцовый мост.

У стадиона Ленина пьяный мужик торговал квасом и страшал очередь, что сейчас закроет торговлю по причине усталости и наступления обеденного перерыва.

— Я, — говорил, — тоже, может быть, хочу отдохнуть.

Играли «Зенит» и «Пахтакор». На трибунах — шум, рев и звяканье бутылок. Наслушался стишков:

В жизни всяко может стать,
Может муж с женой расстаться,
Можно бросить пить-курить,
Но «Зенит» — не разлюбить!

«Пахтакор» нам не помеха,
Он на поле лишь для смеха!
Что-то этот «Пахтакор»
На голы не очень скор!

В перерыве на поле выбежали мальчишки. Красно-белые против полосатых (почти тельняшки, только полосы пошире). Изящные выпрыгивания вратарей (подражают старшим), звонкие голоса, веселая техника. Куда она девается, когда они вырастают?

Три узбека в тубетейках болели, естественно, за «Пахтакор». «О, небо! — вскрикивал один и возносил над головой руки. И тут же: — Ах, шайтан!» Серьезно он это делал или дурачился — не знаю.

* * *

Говорят, в Москве вышел толстенный том Воннегута — «Бойня номер пять», «Колыбель для кошки», «Завтрак для чемпионов» и «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер». Тираж весьма скромный — 50 тыс. Надо бы найти и купить, хотя бы на толкучке. Воннегут меня греет... Как Конецкий. Как Паустовский. Как Салтыков-Щедрин и Лесков. Как Хемингуэй.

Надо составить отдельный список.

Иногда плакать хочется от собственного бессилия — никак не переложить чувства на бумагу!

Из фиолетовой тетради (лето 1979 года)

Денег не хватает. Писать юморески некогда и не хочется. Лето стоит теплое, солнечное.

В июне работал на чистке леса — в садово-парковом хозяйстве. Подрубал разросшийся кустарник — делал куртины. Вырубал и спиливал все, что ниже и тоньше телеграфного столба.

Лесник, отмерявший мне участок, сулил приработок на дровах — дескать, только начнешь пилить и рубить — прибегут за дровами. И сжигать не придется — все растащат. Успевай только денежки считать. Но мы, дескать, на это глаза закрываем.

Хрен в нос, а не денежки! Через три дня, с мозолями на руках, я всерьез задумался о специальном механизме — огромных ножницах, которые могли бы перекусывать стволы деревьев не тоньше руки взрослого человека. Именно на этом молодняке ли-

ственных пород я и споткнулся. И на кустарнике, который с дороги кажется просто симпатичной зеленой волной выше человеческого роста. У меня были два остро заточенных топорика и две пилы с разными зубьями. Рюкзачок с едой. Я приходил на делянку с утра и работал часов до шести вечера. Все спиленное полагается сжигать. Я решил дать листве высохнуть и сжечь все в конце работы.

Неделю шли дожди.

Для сжигания пришлось привозить канистру керосина.

Генка Семенов с нашей улицы, приехав ко мне на велосипеде, глянул на участок и сказал, что лесник меня обдурил: засоренность леса выше нормы, и должны применяться повышенные расценки.

— Тут и леса-то с гулькин хрен! — обводил он рукой открывшиеся полянки. — Сплошной сорняк. Одни кусты и три сосны. Ну вот еще березки. Они этот участок уже трижды чистили. По бумагам. А деньги пропили. Этот Резо — известный химик. Мы с братом у него два года назад работали, около Чертова озера. Сам знаешь, какие там сосны. И чистить нечего. Вали сушняк да продавай. Мы машину себе взяли, машину продали. Давай лучше с июля на вагоны пойдём...

Денег я получил всего семьдесят пять рублей. Но зато моральное удовлетворение: три большие полянки открываются с дороги. И на них — пяток куртин. А дальше — сосны да березки бегут к лесу.

* * *

Работаю на зеленогорской овощной базе. Разгружаем вагоны. У нас бригада из шести человек и сухой закон до вечера.

Приезжает Валера. Он приезжает к Людке, которая живет в доме напротив вокзала. Заходит к нам на вагоны. Посмеивается. Несколько раз мы ездили в ресторан «Горка» в Солнечное. Валера оставлял машину у нас на участке, и мы брали такси. Ездим бригадой купаться на Чертово озеро. Вода бурлит и вскипает, когда мы всей стаей с грохотом влетаем в озеро.

Питаемся мы с Джексоном как попало. Он вегетарианец уже лет пять. Поутру мы покупаем на вокзале знаменитые зеленогорские пирожки — берем прямо в цехе, в подвальчике под рестораном. Их достают для нас шумовкой из кипящего масла. Даем немножко остыть и едим. Джексон вскрывает пирожок, вываливает на бумажку дымящийся фарш и ест только золотистую хрустящую оболочку. На вагонах, естественно, трескаем арбузы.

Недавно варили конину — поменяли на арбузы у рефрижераторщиков с соседнего пути. Варил Лешка-боцман, он работает в столовой сторожем. Привез дымящуюся кастрюлю, хлеба, соли. Вкусно. Татары не дураки. Ой, не дураки татары...

Сентябрь 1979 г.

Арбузы наши с дынями кончились плохо. Уже на исходе августа, когда я ходил на весовую подписывать наряды, дурак Гешка продал пару арбузов с вагона двум тетенькам, которые представились заслуженными артистками, и тех прихватил в ста метрах от базы наряд вневедомственной охраны, возвращавшийся на черной раздолбанной «Волге» с ложного вызова. Наряд остановился, поинтересовался, откуда арбузы, и артисточки, давшие рубль за два пудовых арбуза, сказали, что они честно купили их у ребят на вагоне.

Они заслуженные артистки, отдыхают в Доме творчества, им трудно стоять в очередях по причине своей популярности, и они попросили ребят продать им два арбуза... Наряд пожелал артисткам приятного аппетита и поехал к разгруженному рефрижератору.

Вагон был сдан весовщику как разгруженный, но, строго говоря, таковым не являлся: в углах, под соломой еще лежало штук двадцать отборных полосатиков — наш истинный дневной заработок на всю бригаду. Обычное дело. Наряд залез в вагон, раскидал солому и заставил весовщика оприходовать арбузы.

— Надо же! Недоглядели! — подмигивал нам весовщик. — Соломы-то вон сколько! Разве их тут разглядишь? Быстренько их в клеть и на весы! А ты что же, бригадир, недосмотрел?

— Недосмотрел, — соглашался я. — С бумагами бегал...

Весовщику и кладовщику было все это до фени — хоть полвагона унеси, он отвечал только за то, что прошло через весы на склад.

Арбузы отвезли на весовую, составили простенький акт без всякого обвинительного уклона, и работники базы расписались: «Сдал» — «Принял». Дали расписаться и мне. Я чиркнул нечто неразборчивое против слова «Бригадир». И забыл об этом. Не украли же! Протокол не составляли, документов не спрашивали. Ни в чем не обвиняли. С пониманием, можно даже сказать, отнеслись: взяли три надтреснутых арбуза. Работа у них такая... И на базе все тихо — рукой махнули!

В сентябре нам пришли повестки из Сестрорецкого отдела ОБХСС. Мы собрались бригадой: я, помощник тепловозного машиниста Толик Смирнов, крановщик Гешка, шофер из пожарки Володя, Джексон с нашей кафедры и еще один паренек — прапорщик Вова, развозивший на своем «запорожце» наш дневной заработок по дальним дачам. Решили сходить, но держаться твердо: никогда ничего не брали, ошибка вышла.

Не получилось. Индюк Гешка подписался, что он не собирался ничего продавать, но хотел отнести два арбуза детям, потому что на работе вкалываешь, как ишак, а платят мало.

— Если детям, это ничего, — сказал следователь. — Если только правда детям... Правда?

— Правда, — кивнул рыжий крановщик. — Зачем нам воровать? Только детям.

— Ну, распишите вот здесь, что взяли арбузы детям.

Нас вычислили по паспортным данным, указанным в наряде.

Остальные тоже несли околесицу. Да и я нес.

— Значит, вы не готовили это к тайному хищению?

— Нет, конечно. Просто не заметили в соломе. Я с бумагами бегал, ребята расслабились, курили.

— Пили во время работы?

— Ну что вы! Никогда!..

— А вы были бригадиром?

— Неформально. Такой должности нет. Мы все — временные работники, по наряду.

— Но вы расписались за бригадира. Что в вагоне оказались недосданные арбузы.

— Попросили, я и расписался. Был факт промаха с обеих сторон. Мы его и подтвердили. Товар сдан на базу...

Следователь походил на двоичника-придурка, и я считал, что меня, аспиранта, он хрен на чем подловит. Он написал с моих слов объяснение, я перечитал, попросил исправить некоторые места — нечетко, дескать, сформулирована моя непричастность к затерявшимся в соломе арбузам, он переписал аккуратно, дал мне расписаться.

А через две недели в «Ленинградской здравнице» вышел фельетон про бригаду, которой заведовал аспирант в очках (почему в очках? наверное, для смеха), который вместе со своими сподручными проглядел в соломе двадцать арбузов. Вот такие у нас, дескать, аспиранты. А еще один научный работник (имелся в виду старший инженер нашей кафедры Женька-Джексон) был у него в заместителях. И тоже проглядел, хоть и научный работник. И все такое прочее.

И документы вместе с газетой пришли в институт. Шеф вызвал нас с Джексонем и допросил, как было дело. Рассказали в общих чертах. Шеф взял тайм-аут на два дня. Сказал, что посоветуется с руководством, как прикрыть нас, придурков.

Через два дня объявил, что мне нужно срочно отчислиться из аспирантуры по собственному желанию и на год куда-нибудь спрятаться. Должен утихнуть весь этот шум в институте, и тогда через год можно защищаться. Нашел мне несколько мест. Джексон он понизит в должности на два месяца. До простого инженера. Отпишут в газету и ОБХСС, что над нами состоялся товарищеский суд. Все, идиоты! Свободны!

Я написал заявление и побежал с ним к Ларисе Федоровне. Она все знала. Получил запись в трудовой книжке: «Отчислен из аспирантуры» без указания причин. Сейчас стою перед выбором: или место в НИИ, или уехать на БАМ на год?

Гешка, у которого на работе и дома тоже не все ладно, подстрекает ехать на БАМ.

— Два года поработал — машина без очереди, — соблазняет он.

— А если год? Мотоцикл с коляской?

— Тоже неплохо. На рыбалку ездить, за грибами...

— В аспирантуру...

Времени на раздумья остается немного. На БАМ хочется. Когда еще такое будет? А годы идут...

Нужны твердость и ясность мысли. Нужна цель. Если ее не удастся сформулировать, то, наверное, надо послушаться зова сердца. А куда оно зовет? Пока не выяснил...

* * *

Сердце подсказало — на БАМ!

Пошли с Гешкой брать путевки в горком комсомола, в Смольный. Заполнили анкеты. Гешку обрадовали — со специальностью крановщика железнодорожного крана его примут на БАМе с распростертыми объятиями. Гешка расцвел. Меня, сказали, с высшим образованием тоже примут, но вполне возможно, что мне придется вспомнить свою рабочую специальность — электрик. Это нужнее. Да и платят больше.

— А сколько, — спрашиваю, — платят?

— Да уж побольше, чем здесь! — говорят загадочно. — На месте все узнаете. Сейчас езжайте в Колпино, там формируется отряд.

Дали адрес. Мы расписались в получении путевок, вышли на улицу, рассматриваем. Симпатичные брошюры на мелованной бумаге. Гознаковская печать, номер, серия. На обложке рисунок: парень и девушка мужественно стоят на ветру. Читаем: «Товарищ такой-то по призыву Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи направляется на строительство БАМа». И ниже: «Комсомольская организация уверена, что Вы примете активное участие в выполнении ответственных задач, поставленных XXIV съездом КПСС перед работниками торговли и сферы обслуживания, и своим самоотверженным трудом оправдаете доверие Ленинского комсомола». Подпись, печать. «20 октября 1979 года». И по корешку книжечки, вертикально: «Сфере обслуживания — комсомольскую заботу!»

Гешка говорит:

— Чего-то не то! Сфера обслуживания какая-то. Я крановщик пятого разряда!
— Да, — говорю, — может путаница получится. Поставят на кухню картошку чистить или пуговицы на ватники пришивать — вместо того, чтобы БАМ строить.

Вернулись.

— В чем дело? — спрашиваем. — Почему сфера обслуживания?

Нас тихонько успокоили. Дескать, желающих много, а путевок отпечатали мало. Вот нам и дали, какие остались. Все верно, на БАМ едете, на БАМ. Летите быстрее в Колпино, пока отряд не закончили формировать, а там вас определяют по специальностям.

Рванули в Колпино. В электричке все сигареты искурили — волновались: вот оно свершилось, обратного пути нет! Забежали в магазин на площади за сигаретами, заодно взяли две маленькие — очереди почти не было, не хотелось упускать такой случай. Хорошо бы, думаю, сестру не встретить. Она с мужем и моими племянниками тут живет. Всех мужиков — знакомых и незнакомых — пасет на почве выпивки. А родственников — особенно. Мы ее, помимо всех праздников, еще с Днем милиции и Днем пограничника поздравляем. За повышенную бдительность.

Приходим по указанному адресу: строительный трест 35 «Главзапстроя», комитет ВЛКСМ.

— Отряд еще не сформирован? — спрашиваем.

— Нет, — говорят. — Но заканчиваем. Быстро давайте путевки, паспорта, трудовые книжки. Нам уходить надо!

Нервно себя как-то ведут, как будто им поручено все взорвать и уйти в партизаны.

Пролистали документы, записи в путевках сделали, печати шлепнули — возвращают: «Товарищ такой-то принят в СУ-235 треста 35 транспортным рабочим. Секретарь комитета комсомола. Подпись. Дата. Печать».

— Сейчас, — говорят, — в парткоме подпишете, а завтра к девяти вас ждем. Будут бригады составляться. Сначала здесь поработаете, чтобы притереться, но не позднее чем через месяц десантируетесь на трассу!

— Минуточку, — говорю. — Мне непонятна формулировка. Я — электрик. Приятель — крановщик. Почему «транспортные рабочие»?

— Да, — возмущается Гешка. — Я крановщик пятого разряда, там написано. И как это «десантируетесь»? С парашютом, что ли? Так я не умею. Я танкистом служил. В Германии.

— Это мы образно. Поездом повезут. А «транспортный рабочий» — это на период стажировки. Электрики и крановщики нужны, как никогда. Бегите в партком, пока там не ушли.

Поднялись на второй этаж. Постучали, открываем дверь — Ваня Стрикалов сидит! Мы с ним неделю назад в футбол в Зеленогорске играли. Приятель моего зятя, Сани Молодцова.

— О-о! — говорит. — Какие люди! Какими судьбами?

— А ты чего тут делаешь? — Гешка улыбается. Они с Ваней в одной команде играли, и Гешка у них капитаном был. — Тоже на БАМ собираешься?

— На какой БАМ, — отвечает Ваня. — Сiju чуть живой, вчера на банкете был...

— Это дело поправимое, — оглянувшись на дверь, показывает маленькую Геха. — Выйдем в туалет, нальем...

Ваня оживился:

— На хрена в туалет? Закроемся и вмажем! У меня и закуска найдется...

— Прямо в парткоме? — оглядывается на знамена и портреты Гешка-крановщик. — Прийти ведь могут?

Телефон нервно зазвонил. Ваня взял трубку.

— Слушаю, Стрикалов. Не могу. Занят. Решим твой вопрос. Звони позже.

Тут до нас доходит, что Ваня и есть хозяин кабинета. Никогда бы не подумали — в футбол хорошо играет, пьет, купаться с ним на озеро ездили, дом нашей семье строить помогал. Знали, что строитель, вместе с Молодцовым работает... А он секретарь парткома!

Ваня дверь запер, стаканы из сейфа достал, два куска хлеба вытащил...

— Давайте по чуть-чуть, только не шумите...

Выпили. Гешка вторую маленькую достает.

— Может, Молодцова позовем? — кивает на телефон Ваня. — Мы с ним вчера вместе на банкете были...

Пришел Молодцов. Бледный, глаза мученика за правду. Сначала выпил, потом на нас бровь поднял: «А вы как тут оказались?»

Мы рассказали, путевки показываем. Он про наши обстоятельства с арбузами знал.

— Пустое это дело, — жует хлеб Саня. — Ни хрена вы там не заработаете... А где вы водку брали? Из города привезли?

— Здесь, у вокзала, — говорим.

— Б...! Я этому долбо... яйца оторву! Я же ему подсказал, что надо к вокзалу! А он чуть ли не в Тосно поехал!

— Григорьич, он ведет себя аполитично! — уточняет Ваня. — Я ему дал партийное задание умереть, но найти. А он по бабам ездит и пустой возвращается. Хорошо, ребята принесли...

— А почему мы там не заработаем? — спрашивает Гешка. — Нам в Смольном сказали...

— Хрен ли им там из Смольного видно! — злится Саня. Румянец слабый появился, ожил. — Этот долбаный отряд наш трест формирует. Мы туда все дерьмо сливаем. И мудозвонов вроде вас. И так во всех трестах делают.

— У меня пятый разряд крановщика! — гордо говорит Геша.

— Вот и работай на своем кране! Это же афера! У меня уже пять человек вернулось! Там в-о-о-обще ничего нет! Понимаете? Во-о-о-бще! Полный ноль в смысле подготовки. Люди из автомобильных баллонов костры днем и ночью жгут, чтобы согреться! Палаток и тех не хватает. А зима на носу!

— А тайга? — спрашиваю. — Кругом лес, дрова...

— А идите вы...! — махнул рукой Саня. — Вам говоришь, а вы не понимаете... Тайга! Х... это все, а не тайга! Все, мужики, я пошел! Спасибо, поправили. Ваня, я сейчас на газгольдерный, а потом на стан прокачусь... Пока! И к нам обернулся:

— Не ездите никуда! Х..., я вам говорю! Растолкуй им, Иван!

Если мой зять так сказал, значит, действительно так. Проверено. Посидели немного у Ивана, он нам еще кое-что растолковал. Умеет с людьми разговаривать — секретарь парткома...

— Вы там сопьетесь, чего доброго. Бабы тут хвостом вертеть начнут... — он строго посмотрел на Гешку. Тот свирепо повел глазами, словно представил, как его жена вертит тут хвостом, пока он в тайге валит деревья или опускает краном шпальные клетки.

— Может такое случиться? Может. Ну и куда вы потом вернетесь, если вернетесь?..

Я сказал, что книжку хочу написать. Тайга, экзотика, стройка века... Когда еще такое представится?

— Чудак человек, — крутит головой Ваня. — Этот вот... Лев Толстой... Косил траву в своем поместье и дальше рынка, может, вообще никуда не ездил. А вон сколько

наворотил! Вы думаете, на БАМе от проблем спрячетесь? Вы их там только огребе-те. Правильно Григорьевич сказал. А Григорьевич — главный инженер треста. Мы с ним пол Ижорского завода построили. Я на стройке с бригадира начинал... Это авантюра.

— Может, еще сбегать? — предлагает Гешка. — Очередь небольшая...

— Нет-нет, — загородился рукой Ваня. — У меня сегодня совещание. Спасибо, мужики. Тренируйтесь, еще сыграем! — Это он про футбол вспомнил. — Гешка, ты просто Пеле! А Димка — Гарринча! Пока, мужики!

Так мы с Гешей на БАМ и не уехали. Хорошо это или плохо — не знаю.

7 октября 1979 г.

В ночь со 2-го на 3 октября, в свой день рождения, погиб Валера. Попал под то-варняк в Левашове. Ехал поддатым на последней электричке из Зеленогорска, от Люд-ки. Зачем-то вышел в Левашове. Вчера хоронили на Северном кладбище. Нелепая и за-гадочная смерть в день 30-летия. Страшно. Мы дружили четыре года. Почти каждый день были рядом. Понимали друг друга. Эх, Валера, Валера... Светлая тебе память!

Похоронили на Северном кладбище, в Парголове.

Есть повод задуматься...

Валерий ЗЕМСКИХ

* * *

Огромный глаз
Как черная луна на бледном небе ночи
Кто смотрит им
Не спрятаться в домах
Зашторенные окна не спасают
Ты сам прозрачен для него
И страшно оглянуться
Что там
Что за твоей спиной

* * *

Смогу ли я догнать себя
Подняться и взглянуть
кто суетится
кто выходит из дома
в поисках того
кто не пришел на встречу
с самим собой
По-видимому нет

А если вдруг столкнусь
То не узнаю
Во всем есть умысел
Но нет того кто все подвесил
Кто должен был за ниточки подергать
Он позабыл и не явился

* * *

Тут ведь так
И там ведь так
А вот здесь совсем не так
Здесь совсем ведь по-другому

Валерий Земских родился в 1947 году в г. Волхове Ленинградской области, окончил физический факультет ЛГУ, член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза российских писателей. Редактор-составитель пятитомной антологии петербургской поэзии «Собрание сочинений». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого за книгу «Кажется не равно» (2009). Публиковался в газетах, журналах, сборниках, альманахах, антологиях. Переведен на многие европейские языки. Вышло 20 книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

Как-то так совсем не так
А мы думали что так
Мы надеялись на этак
Вот и зря
Не так не этак
По-другому как-то так
Как-то так
        но вкривь и вкось
Даже где-то поперек
Даже где-то вверх ногами
А вот там совсем без ног
Тут ведь
        впрочем
        вам не здесь
Тут ведь
        не совсем как там
Ну а там мы не бывали
Ни к чему нам
Нам бы тут

* * *

Ветрено в пожарном проезде
Шапку срывает
И снег по лицу наждачной бумагой
До угла доберусь
Передохну и дальше
А дальше
То же самое
Только похлеще ветер и острее снежинки
Мир обманывает ожиданием
Знает что падки
У нас нет иллюзий
Но и другого не густо
У колокольчика вырван язык
И ветер бессилен
Заставить его звенеть

* * *

Все может быть	В этом все
А может и не быть	Вдруг нам не надо
Но будет	Да кто нас спросит
Хотя как знать	Подсунут и уйдут
Но лучше бы не знать	Мол разбирайтесь сами
Спокойней	А нам зачем
Бог знает что там	Нам лучше без всего

* * *

Вы не заметили что время
закончилось

А что осталось
Да ничего

Быть
это убивать за мигом миг
Мы в этом преуспели
И больше времени не будет
И можем не спешить
Да если б и хотели
Куда
Не стоит волноваться
что опоздаем

Это не грозит

Того что нет
нельзя потратить

В карманах пусто
И молчит кукушка
В часах
И цифры осыпались
И стрелки заржавели

* * *

Как форму дать
Тому что не имеет формы
Набросить платье на фигуру без фигуры
И сделать вид что понял
Что очертил объем

исчислил протяженье
предел поставил миру

Шаг в сторону и видишь
все напрасно

ни тверди под рукой
ни очертанья чего-либо

Ни слов
Ни звука
Ни тишины

* * *

Картина на стене
Не помню что на ней
Наверное пейзаж
Или портрет

Или случайный силуэт на фоне мира
Мир выдуман
Почти как настоящий
И даже лучше

Это и смутило
Примерить попытался
Жал в плечах
Но ниже
    болтался балахоном
До земли
    не доставал
Торчали ноги
В ботинках вымазанных глиной

Хотел вернуться
Но не удалось

* * *

Нам выдали постельное белье
Места в купе
И прицепили тепловоз к составу
И кто-то поспешил сказать
Поехали
Но проводник прошелся по вагону
Невнятно бормоча
Мол неполадки с путями
Ждите

Мы стали ждать неведомо чего
Поглядывать в окно
Платформу заносило снегом
Включили тусклый свет
И стало ясно
Что надо жить
Здесь и сейчас

* * *

Нам всего на все хватило
И даже слишком
А думали не хватит
Сентябрь был теплым
Но и он закончился дождями
Подходит человек и говорит
    А я вас знаю

Вот ты-то мне и нужен
Расскажи что я такое
Зачем торчу на свете
И есть ли миру от меня прибыток

А он в кусты
Мол имени не помню
А без него какие справки
И что такое электричество не знаю
И выключил фонарик

Могло быть все иначе
Могло
Могло быть как сейчас
За это поручиться рискованно
Редчайший случай
Один из многих тысяч вариантов
Что так и не смогли осуществиться

Я думал это чайки гомонят
А это дети
гуляют во дворе

* * *

Легко ли
Нелегко
И что сказать не знаю
Я не уверен нужно ль говорить
Но что есть человек
Он говорящая машина
даже когда молчит
А он молчит всегда
Даже тогда
когда без остановки извергает
потоки слов
О чем они
неважно
Легко ли говорить
А какво молчать

ПО ОСЕНИ. ВОР

Рассказ

Старик лежал передо мной на земле и подвывал от боли. Вытирал порванным рукавом разбитые губы, плевал кровью и загибал ушибленную ногу. Я сшиб его с ног палкой, когда он пытался неуклюже бежать, ковыляя. Ну, попался наконец. Я посмотрел на сломанную монтировкой дверь террасы. В сумерках темнели распахнутые буфет и навесные шкафы.

— Как ты не вовремя. Завтра полно работы, сумасшедший день. А теперь с тобой возиться, в полицию тащить.

Старик что-то замычал в ответ и дернул рукой. Жалкое зрелище. Деревенский домик вскрывали около года, с регулярностью раз в пару месяцев. Технику, инструменты не брали, зато наголо подчищали продукты: крупы, сахар, соль, макароны — все, что я оставлял между приездами по выходным. Только вот замки ломали. Я удивлялся неэффективному воровству и, пожимая плечами, продолжал оставлять продукты после себя. В нынешнее тревожное время, как его называли у нас в Законодательном собрании, это было забавно.

Так вот какой он, наш воришка. Худой, в обносках, с седой щетиной, торчащей пучками... Старик заворочался и попытался сесть. Не помер бы тут еще.

— Ну что, дед, в полицию сейчас поедем.

Он взглянул на меня и стал ощупывать ногу.

— Вставай, а то отделение неизвестно где еще, в городе, наверное, а это тридцать километров, да по нашему бездорожью. Испортил ты мне, зараза, единственный выходной.

Я ухватил его за шиворот и потянул вверх. Старик приподнялся, но едва оперся на больную ногу, как замычал и осел на землю.

— Только не говори, что сломал ногу, я и бил-то не сильно.

Старик замотал головой — не сломал.

Я зашел на террасу. Аккуратный вор, кроме замков, не сломал ничего. Застал я его уже под конец. Новенький китайский джип подъехал тихо, старик и не услышал, пока мы не столкнулись в дверях.

Я зажег свет, вернулся и помог старику добраться до террасы. Усадил за стол.

Илья Луданов родился в Тульской области в 1985 году. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Участие в литературных конкурсах: финал премии «Мой дебют» 2010 года в номинации «Малая проза», лонг-листы премии «Дебют» (2012, 2013, 2015); лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова (журнал «Приокские зори»); дипломант конкурса «Золотой витязь»; финал премии «Радуга» 2013 года; лауреат III степени премии Пассека, 2013; лауреат конкурса «Мост дружбы» за 2014 год. Публиковался в сборниках премии «Дебют», в журналах «Сибирские огни», «Нева», «Новый мир», «Приокские зори», «Наш современник», «Литература», альманахах «Литературный оверлок» и других.

— Полтора часа дороги, чтоб тут с тобой возиться.

Старик молчал, но не с виноватым видом, как можно было ожидать, а с выражением, будто все понятно и говорить не о чем. Он обтер разбитые губы и посмотрел на руки. Они были в крови. Я подал ему старое полотенце.

— Ладно, поставим чая. Устал я с тобой.

Я достал электроплитку, налил чайник.

— Как ты плитку-то еще не умыкнул.

Старик закончил обтирать лицо и прохрипел, корявя звуки:

— Вещи не беру.

— Только еду? — усмехнулся я. — Я заметил. Каждый месяц одно и то же. Рискуешь тюрьмой за гречку?

Старик снова взглянул на меня и не ответил.

— Сейчас в полицию поедем. А то вечер скоро, темнеет уже рано. И холод.

— Вези, — сказал он. — Только нога совсем не ходит.

— Болит?

Он кивнул.

— Что ж делать. Погоди, так у нас же медпункт есть. ФАП называется. Я, кажется, сам его и открывал год назад. С шариками. Там фельдшер должен быть. Не знаю, работает ли...

— Работает, — хрипел старик.

— Так ты местный?

Он отвернулся.

Зашумел чайник. Я посмотрел в пустой шкаф.

— Чай там был?

Старик развернул набитый рюкзак и достал открытую пачку чая. Я заварил покрепче и смотрел, как в кипятке разворачиваются черные листья. Говорить не хотелось. На днях важное мероприятие, как указано в плане. Подготовка уже неделю идет. Первых ребят отправляем. Я от областной думы с внимательным лицом. Торжественное построение, гимн, напутствие, слезы родных. Моя задача — чтобы все прошло достойно, сочувственно, но не скорбно. Чтобы напутствие не превратилось в панихиду, а скупые материнские слезы — в плач Ярославны. Таких проводов еще много будет, нужно держать государственное лицо. Правда, эти первые. Ничего, всегда что-то впервые. Вот впервые чуть не угробил старика. Калечить я его не хотел, он сам побежал, я его только с ног сбил палкой и в зубы двинул, чтобы не дергался.

Чай насытился цветом. Я налил себе полную кружку, достал ложки.

— А сахар?

Старик снова полез в рюкзак и выудил полпачки рафинада. Я кинул три куска, гудела голова. Размешивая, не удержался:

— Сахар-то зачем? Ты голодаешь, что ли?

Старик молчал, не глядя на меня. И грустно, и смешно. Я хмыкнул, достал из буфета еще кружку и налил старику до краев. Он схватил и стал жадно пить.

— Бери уж... сахар-то, — подал ему ложку.

Он взглянул на сахар, поколебался и взял кусок.

— Налей лучше еще. Замерзаю.

Потом я подогнал к террасе джип и помог старику усесться. Он кряхтел от боли при каждом движении.

— Ого машина, — выдавил старик, — я такие только по телевизору видел.

Мне не хотелось говорить, я был зол на него за потраченное время. Ничего, упеку вот злоумышленника — полегчает.

Окошечко медпункта тускло светилось в густых сумерках октября. С темнотой резко похолодало. В своей худой курточке старик трясся, пока я выводил его из машины. Я заглянул в багажник. Одежды для него не было.

— Акимыч, ты чего это к нам? — встретила удивленно нас фельдшер — грузная, с толстыми рабочими руками и добрым лицом, она недоверчиво поглядывала на меня. По должностным обязанностям я привык с порога представляться, потому вынул депутатское удостоверение — демонстрируя авторитет государства в своем лице — и негрубо, но твердо потребовал оказать первую помощь, как это у нас называется.

— А мне что депутат, не депутат, — вздохнула фельдшер, проводя нас в кабинет. — Депутатов много, врачей не хватает...

Я хотел оборвать ее, как привык, должным образом, но вдруг не нашелся. Она могла довести старика до кушетки, бережно осмотрела ногу, по которой расплзлось огромное синее пятно. Попутно расспрашивала:

— Как там твой-то? Слышала, Ирочка никак устроиться не может?

— Худо, Валь, мелкий у нее совсем, не берут, — старик шурился на нее и усмехался от стеснения. — Декрет по закону-то.

— Отца-то не слышно?

Он только крикнул и махнул рукой, снова неловко улыбаясь.

— Ну, перелома вроде нет, Акимыч. Опухло не сильно. Ушиб, похоже. Снимок бы сделать.

— Вы можете? — спросил я.

— Что вы, это только в районной больнице, и то не в нашей, в соседний район ехать нужно.

Она густо замазала ногу йодом и дала старику обезболивающее. Меня все подмывало рассказать, что старик — вор, что нам сейчас в полицию, но я не говорил.

— А лицо-то где разбил? Когда упал?

— Угу, — прогудел старик.

— Где тут ближайший отдел полиции? — спросил я.

— Так это ж в городе. Оттуда к нам участковый ездит.

— И долго ехать?

— До асфальта как доберетесь, и там с полчаса. Но куда ж вам сейчас на ночь глядя-то. Да и дороги сейчас развезет.

— А что? — обернулся я к темному окну.

— Так дождь же.

Откуда она знает про дождь? Я вышел на крыльцо медпункта. Вокруг ни огня, чернота такая, словно весь мир замазали черной краской. В темноте слабо шумел дождь — холодный, по-октябрьски затяжной — он пах сыростью. На меня накатила волна слабости, как бывает, когда не чувствуешь сил. Захотелось бросить все, уехать и забыть. Весь мой план выезда в деревенский дом, еще дедовский, привычное расписание каждого дня, словно сведенное в таблицу, скукожилось и оказалось ненужным. Без него я стоял здесь, как ребенок на пустой дороге, озираясь по сторонам. Как бывает в такие моменты, я почувствовал эту слабость и рассердился: что ты, ну что ты? Хватит! — и очнулся.

Фельдшер позвала меня. Она помогала старику подняться с кушетки.

— Сюда, Акимыч, давай, вот так.

— Да пусти, я сам... — волновался старик, вырываясь из ее рук.

Она отступила. Он остался стоять посреди кабинета, пугливо оглядываясь и словно не понимая, сам ли он стоит. Сделал мелкий шаг, покачнулся, я двинулся к нему поддержать, но старик устоял. Сделал еще шаг и еще.

— Денек-другой похромает, а после бегать будет, — фельдшер довольно вытирала руки полотенцем.

— Спасибо, — сказал я. — Сколько мы должны? — и вынул кошелек.

Она махнула рукой.

— У нас же медицина бесплатная... Вы ж Акимыча довезете? А то до их Ильинки километра четыре, да по грязи...

— Справимся, у меня джип, — я проводил Акимыча до машины, прикрываясь от дождя, и вспомнил, что забыл в медпункте куртку.

— Спасибо, что помогли Акимычу, — прошептала фельдшер, когда я вернулся. — Кто поможет... У нас и так нелегко, а старикам... Тут еще и дочка с ребенком на руках... — мялась она, словно не могла выразить мысль, потом совсем запуталась, пытаясь разглядеть, понимаю ли я, о чем она говорит.

Я сделал участливый вид.

— Да, да. Не нужно... — улыбнулся я, как делал всегда, чтобы отойти от навязчивых просителей.

Вся эта нелепая история вконец мне надоела, и я только и думал, как избавиться от старика. Тот стоял под дождем у машины.

— Ты чего не садишься?

— Боюсь, сломаю тут чего у вас...

— А двери ломать ты не боишься?

Я завел машину, мы тронулись, буксуя в колее. Включил внедорожный режим и прибавил ходу. С трудом пробираясь в морозящей тьме, мы ехали вдоль села.

— Это другое, — бурчал старик, кутаясь глубже в куртку.

Дороги развезло, маслянистая грязь обволакивала колеса и, словно голодное болото, хотела поглотить машину.

— Это ты в полиции расскажешь, в чем другое.

Мне приходилось резко крутить руль, чтобы удержать машину и не выскочить на пашню, где мы бы тут же увязли. До полиции мы не доедем. Грязь, дождь, темень, и я вот-вот закопаюсь в какую-нибудь трясины. Что было делать? Снова накатила волна слабости. Я остановил машину и стал колотить по рулю.

— Черт бы тебя побрал, дед! Черт бы тебя побрал!

Я глубоко дышал, как после забега.

— Да вот никак не прибирает. Другие заботы у него, видимо, — прохрустел из куртки дед.

Я глянул не него. Наружу торчал крючковатый иссохший нос, и поблескивали глаза, уставившиеся в пелену дождя. Еще раз для вида чертыхнувшись, я свернул к дому.

— Сгинешь тут в вашем захолустье. Придется утром везти тебя.

Старик не ответил. Он был словно лист, плывущий по реке, принимал все как есть, не сопротивлялся и словно не задумывался, куда несет его вода.

Холодно и сыро в доме. Скрипит сломанная дверь. Еще и ночь с этим чудачком. Не вздумает ли он сбежать или напасть на меня? Представилось (как показывают в детективах): под покровом ночи старик, блестя глазами в темноте, с бритвою в руке подходит сзади к изголовью кровати, секунду смотрит на спящего, после чего бросается, желая разрезать мне горло. Я вдруг развеселился от этой фантазии. Развели огонь, и старик поковылял к печи. Вскоре в комнате стало теплее, а изнутри мы согрелись чаем. После обезболивания старик приободрился, подносил дрова и возился с печкой.

— Вы в Ильинке живете? — спросил я.

— От рождения. Как мать на кровати у печки родила, так и живу.

— Я бывал там в детстве, когда приезжали на лето с бабушкой, — вспомнил я. — Деревня же совсем небольшая?

— Дворов с дюжину. Было когда-то. Две старухи остались и мы. Летом пяток дачников наездами.

Лампа вдруг погасла, потом заморгала и разгорелась, но слабее, и мы оказались в приглушенных сумерках.

— Акимыч... Аким... не помню, мы летом ребятами в Ильинку купаться ездили.

— Был у нас пруд. Сейчас, считай, болото. Акимыч — это по батьке, царство ему небесное, меня-то Сергеем зовут. Комбайнером всю жизнь при колхозе.

— Комбайнером? — издали всплыл гул огромной желтой машины с косилкой, крутящейся, как барабан; поле золотистой пшеницы уходило за край неба. — Комбайн, дом с желтой крышей, необычно яркий цвет такой?

— Желтой, точно, — усмехнулся старик. — Братушка, царство ему небесное, краски на заводе уволок бидон, вот и применили. Была желтой, тридцать лет назад. Сейчас грязная.

— Там девочка жила, мне ровесница, мы играли все вместе, на великах гоняли, купаться ездили... Ира, кажется... с отцом жила, здоровый мужик такой.

— Подсдал, наверное, уж, — хмыкнул старик.

Сумрак комнаты перед моими глазами стал переворачиваться и сменился ярким летним днем. Жарко, дети плещутся у пруда. Сам он, мальчишка, с ними, резв и задорен. Чтобы казаться сильнее перед девочками, чуть выпячивает хилую грудь. Ему нравится высокая худая девочка в купальнике с длинными ногами и прозрачными светлыми глазами. Она чуть старше и редко глянет на него из бурлящей стайки девочек — а когда глянет, смеется. Тогда он чувствует не смущение, но радость. Помню и сейчас ту радость, желание понравиться, тепло дня, искры брызг в воде. После купания они несутся по деревенской дороге, мелькают травы и цветы, курчавятся облака. Он изо всех сил давит на педали — выпало счастье везти на раме перед собой ту девочку — руки лежат на руле по обе стороны от ее рук, чуть не касаясь, и раз, подскочив на яме, он прислоняется грудью к ее спине и чувствует ее тепло. Не помню, какой точно это был год, кто были те дети, даже лица той девочки не помню, а помню тепло ее прикосновения.

— Да, я помню ваш дом, — сказал я.

Старик только махнул рукой.

— Было хорошо тогда.

Он молчал.

— Та девочка, Ирина, ваша дочь? Фельдшер спрашивала.

Старик закивал, как болванчик, мелко и часто, снова не отвечая и глядя в топку печи.

— Надо же, та девочка — ваша дочь. Как все тогда было по-другому!

— Да, по-другому, — прохрипел старик и бросил полено в топку.

Он замолчал, точно выдохнул скудный запас слов.

Вся моя работа и жизнь были говорение. Я не был от природы оратором, политика развязала язык — день за днем, годами, я готовил и произносил речи, особенно в последние, депутатские годы, когда речи раздулись пафосом, как воздушные шары, мы зывали молодежь отдать долг родине, как это называлось в наших обращениях. Говорение стало моим заработком, капиталом. В этом я и мои коллеги преуспевали. Отрежь мне язык — и на другой день я бы обнищал. И вот теперь в этой темной, сырой комнате, у печи, с этим стариком, слова иссякли, точно что-то надвинулось на меня — не вос-

поминания или картины ушедшего, а словно одно большое, полное чувство, как бочка с водой, накатило сверху и придавило. Под этим чувством все мои слова показались пустословием и закончились. Теперь я глядел на мерцающее в топке пламя и молчал.

Не скажу, сколько мы просидели так. Только с того момента словно все поменялось. В груди образовался теплый круглый комочек, и в центре его было лето, купание, девочка с прозрачными глазами.

Я повернулся к старику. Ежась в куртке и боясь упустить тепло, он уминал что-то за столом. Во мне не было злости. Передо мной сидел жалкий, нищий старик, вся жизнь которого свелась к прокорму. И в то же время я знал, что должен сдать его полиции.

Я бросил старику спальный мешок на диван, закутался в одеяло на кровати у печи и с уверенностью, что он не сбежит и не зарежет меня во сне, удивительно легко и быстро заснул.

Снилась мне всякая чертовщина, как бывает на свежем воздухе. Точно домыслы и фантазии перемешались с памятью, изобразив загадку. Лето, жаркий день, пшеничное поле. Я одет в нацистскую военную форму, которую я не видел, но знал, что я в ней, стою в поле и поджигаю созревший урожай. Тут появился ярко-желтый комбайн и стал гнать меня, грозя разрубить косилкой. Внутри его сидел здоровый мужик с черными усами и шаловливо подмигивал мне черным глазом. Я бежал по полю, рожь хлестала мне по ногам. Вдруг я упал в пруд и переплыл на другой берег. В тени плакучих ив на меня выплыла девочка из детства, но не подросток, а зрелая девушка, с пухлыми губами и открытой полной грудью. Глаза ее были не прозрачные и светлые, а зеленые и холодные. Водоросли блестели на мраморной коже. Она смеялась, плескалась, и я увидел вместо ног рыбий хвост. Вокруг веселились такие же девушки и парни с хвостами. Я тоже засмеялся. Тогда она схватила меня и потащила в заросли, стала целовать ледяными губами и расстегивать черный китель. Я не сопротивлялся, наоборот, хотел ее и не мог понять, как сделать это, если у нее хвост. Увидев мою слабость, она разозлилась и потащила меня на самое дно, шепча, вернее, шипя что-то на ухо. Холодные глаза ее сверкали от ярости, как изумруды. Я никак не мог услышать, что она шипит, казалось, от этого зависела моя жизнь. Но так и не услышал. Она бросила меня на дно и сверху надвинула на грудь тяжелый камень. Из моего рта большими пузырями стал выходить воздух, я стал что-то кричать. Она только смеялась. Тут лицо ее переменялось. Это была уже не девушка из детства, это была Вика, с которой мы прожили два года, собирались пожениться и расстались пару месяцев назад. Вика тоже смеялась, распушив в воде густые каштановые волосы, освещенные солнцем, что пробивалось через толщу воды. Я понял, что воздуха больше нет, ощутил, как в легкие затекает вода, и проснулся.

Было так холодно, что стыли кости. В мутном окне занимался сизый рассвет. Я вскочил и стал махать руками, чтобы хоть как-то согреться. Чугунная голова гудела, то ли от свежего воздуха, то ли от этого жуткого сна, который не получалось забыть. И еще в мозгу застряла Вика. Самый близкий мне человек. Как она ушла от меня. С трудом я добрался до умывальника. Плеснул в лицо ледяной водой. Она обжигала руки, но лицу было приятно. Может, потому я и уехал в эту глушь, в этот полуразваленный дедовский домик? Ото всех. Вика, Вика. «Как ты так можешь?» — сказала она в тот раз. Я поднял лицо. Передо мной висело старое мутное зеркало. Изображение тускло и расплывалось в нем. Вместо заросшего щетиной лица в зеркале появилось лицо Вики. Она говорила мне в тот раз: как ты можешь, как ты можешь оставаться здесь, там ведь гибнут дети, там горят целые города! Она смотрела не с укором, словно я был его недостоин, а будто хотела сказать: так же нельзя, так же просто нельзя. Смотрела

и молчала, и у меня не получалось забыть Вику, лицо, ее взгляд, как не получалось забыть девочку из детства. Они смотрели на меня. Я шлепнул себя по щеке, чтобы вернуться в зеркало свое отражение. А когда вернул, стало гадко. Я ударил себя еще и еще, сильнее, и стал бить себя по щекам и шипеть с бешеной злостью:

— Сволочь, сволочь, сволочь!

Пока не увидел себя настоящего, слабого, бесполезного.

Вернувшись в комнату — старика нигде не было, — я сварил на кухне большую чашку кофе. Кутаясь в куртку, с кружкой в руках я вышел с террасы. Старик стоял у изгороди и смотрел на лес в тумане: через небольшой луг от деревни, на возвышении, подернутый темно-желтыми и бордовыми тонами осени. Из-за тумана лес выглядел, словно отражение в мутном зеркале.

— Какое прекрасное утро. Как красиво, — сказал, не оборачиваясь, старик.

Я морщился от сырого холода и мелко глотал горячий кофе.

За ночь дорога укрепилась изморозью, и минут через пятнадцать мы остановились у двора старика. Я все время молчал, мне стало трудно говорить с ним. Старик ждал, куда его привезут. Дорога спускалась с холма, шла по плотине и поднималась к дому с крышей грязно-желтого цвета.

Пруд был на месте, только зарос кустами. На воде, словно живое существо, шевелился туман. Летом, наверное, здесь кувшинки. Нужно было на всей скорости слететь с бугра на велосипеде и проехать по плотине, держась в колее и не съехав в горляющее лягушками зеркало воды. Пруд из моего сна, каким я помнил его в детстве: широкий, чистый, с округлыми ивами на берегах.

Мы вышли из машины. Поднялось солнце, лучи его переливались разноцветными искрами на мокрой траве и в густой паутине высоких лопухов. Как хорошо.

Старик бегло оглядывался по сторонам, точно это был не его дом.

— Ступай, дед. Иди.

— А полиция?

Я не ответил, вернулся к машине и хотел ехать, когда хлопнула деревянная калитка и к нам выскочила женщина в одной футболке и наспех натянутых джинсах.

— Папа, папа, ну как же ты?! Мы всю деревню обегали. Господи, ты где расшибся?

Она взглянула на меня.

— Вы его нашли? Как благодарить-то вас! Мы уж думали, пропал. Ходит все где-то. Боимся, забредет куда-нибудь и дорогу назад забудет.

Те же прозрачные глаза. В лице больше сухости и морщин, лет двадцать прошло, нет, больше, но то же, светлое и живое.

— Ну что же вы стоите! Папа! Ну как же так?! — она не знала, плакать ей или смеяться, и стояла между нами, глядя во все свои большие глаза.

На порог вышел мальчик лет шести, в одних трусах, потирая глаза.

— Мама, ты где? А куда дедушка уходит?

— Куда это я ухожу? Никуда, — оживился старик и, быстро ковыляя, точно подпрыгивая, пошел к мальчику. — Ты чего на холоде голышом?! А ну давай-ка в дом!

Женщина снова повернулась ко мне.

— Спасибо вам, спасибо! Ну что же вы стоите, пойдите в дом, у меня завтрак готов. Не бог весть что, ну чем богаты, тем и рады.

Нужно было что-то отвечать. Я с трудом выговаривал слова, точно клещами вытаскивал их из себя, через противление организма.

— Нет, спасибо, мне нужно ехать.

Главное, не сказать, кто я такой, главное, не сказать.

— Извините. Вы где-то рядом живете? Я вас тут не видела.

— В соседней деревне. Не живу, так, дачник.

Я хотел отойти от нее и не мог. Стоял и смотрел, не в силах отвести глаз.

— А, да, да... — помялась она. — Спасибо, что подвезли его. Будете рядом, заходите всегда, заходите.

Я кивнул, нашел силы улыбнуться, чтобы отойти от нее. От дома старика отъехал с облегчением. С каждым километром, когда я вырулил на асфальт и мой грязный китайский джип влился в поток машин, становилось легче. Скоро я вновь был депутат Законодательного собрания, нужно было спешить, впереди трудный день, беготня, подготовка, ведь завтра мы отправляем первых ребят на передовую, и нужно подготовить оркестр, отредактировать все напутствия, проверить список школьников, которые будут их читать, и трехцветные гроздья шариков будут взлетать в небо, и будет много торжественных слов, и напомнить родне, чтобы не хлюпала носами на проводах, а улыбалась, для этого мы объявляем меры поддержки бойцам и семьям погибших, такие меры, что живи и радуйся: и землю дадим, и льготы, и детям обучение, а какие выплаты раненым — все расписано, проверено, утверждено государственной печатью. Только бы глаза ее не мешали. Стоят передо мною, прочерк черных бровей, изгиб губ, розоватые в рассветном солнце волосы. Какая она... только не сейчас, не мешай мне.

Евгений ЭРАСТОВ

* * *

Он покинуть совсем не жалел
Ни закат, что так долго алел,
Ни тебя, обветшала пашня.
Уходить в безъязыкую тьму
Так, без друга, совсем одному,
Было вовсе не больно, не страшно.

И жену он покинуть был рад,
И любовницу Любу, и сад
С огородом, и сельские дали.
Даже книги — и те потерять
Не боялся. Ему ль не понять —
В многих знаниях — много печали.

Раньше, позже ли — что за беда!
Снегом был, а сегодня — вода.
Жизнь — комедия, грязная драма.
Но однажды он вспомнил о том,
Как мальчишкой играл в бадминтон,
Как купила волан ему мама.

И заплакал он, словно дитя,
Вспоминая, как жил он, шутя,
Наплевав на судьбу-профурсетку,
В захудалом советском раю.
Вспомнил школу и маму свою,
Долгожданный волан и ракетку.

Там гусиные перышки в ряд
О свободе своей говорят,
Неразгаданной тайне полета.
Есть ли в мире Божественный План?
Без сомненья — ракетка, волан.
В этом есть запредельное что-то.

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

Боже, как он был счастлив тогда!
Из фонтанчиков била вода,
Тлело небо в лиловых накрапах.
Не пятеркой в его дневнике,
Не синицей в озябшей руке —
Счастье было — резиновый запах.

* * *

Сосняк и пружинист, и колок,
И строен, что твой звукоряд.
И столько прилипло иголок
К коричневым шляпкам маслят!

И столько листочков прилипло
Ольховых, что просто беда!
Кукушка устало и сипло
Считает в чащобе года.

Родное мое бездорожье!
Залетных стрекозок слюда!
Однажды пред Ангелом Божьим
Предстану, и скажет тогда

Мне Ангел, что в век озверевший
Барыг и безумных вождей
Не грех, что сосняк побуревший
Я больше любил, чем людей.

Поэтому с чувством ребенка
Я вижу сплетенье корней
И трогаю шляпку масленка,
Сухие иголки на ней.

* * *

Причелин и наличников резьбу
И деревенек русских городьбу,
Средь зарослей черники мох наждачный
Мне повезло увидеть, и табу
Я наложил на пошлую борьбу
И жалобы на подлую судьбу —
Моя судьба была весьма удачной.

Я слышал, как шевелится трава,
Спит водород в земных упругих порах,
Я по слова ходил, как по дрова
В березнячок, где вечен хруст да шорох.

Пусть суд решит, моя ли в том вина,
Что ветром был полуденным не понят.
Зато со мной подруга-тишина,
Рябь на воде да впалая луна,
Короче, вся родная сторона —
Никто меня отсюда не прогонит.

Свидетелей я взял не за гроши —
Они один букварь со мной читали.
Ужи, жуки, букашки, мураши —
Все приползли, кого вы вызывали.

Их столько у меня — не перечеть!
Особенно мне дорог, Ваша честь,
Тот крошечный, промокший и несмелый,
Певец сквозной сирени — соловей.
Он древних, неразбавленных кровей.
Его признанья приобщите к делу —

Все семь неутешительных колен,
Сонорных стон, среднеязычных плен.
...А ветру что — Случевский или Кафка?
Он никогда их книжек не прочтет —
Куда милей бухгалтерский учет
И к скучной конституции поправка.

Я соответчик травам, их поэт,
Я твой защитник, мокрый бересклет,
И не прошу, чтоб дали мне отсрочку —
Ведь годен к службе я нестроевой —
Держать ответ в пучине мировой
За каждую написанную строчку.

* * *

«Кто знает цену розе? Соловей».
Пословица имеет много смыслов.
Его понять не сможет муравей —
Общественник, пример для коммунистов.

Ему, трудяге, точно не до роз —
Куда полезней старая береста.
Замучили одышка и артроз —
Соломинки таскать не так уж просто.

Оскомина сведет беззубый рот,
И зазвучит излюбленная тема:
«Я знаю, почему он так поет —
Бездельник он, досужий рифмоплет,
К тому ж его испортила богема!

Он чистоплюй, эстет и эгоист,
Он выскочка, лишенный чувства долга!»
Но перед ним трепещет каждый лист
От чувства небывалого восторга.

И знать он не хотел про муравья.
Он свищет так, что дрожь идет по коже.
А что там в голове у соловья,
Вам не узнать, и я не знаю тоже.

Его скрывает мокрый бересклет,
Он там живет, лирический поэт,
Как Ленский, опечаленный и томный.
Наохлившийся маленький клевет
Лингвистики лесной и назаемной.

Так отчего же щебет этот, шелк
Тебе дороже, друг, сокровищ Креза?
Попробуй, разберись, какой в нем толк —
Ни золота, ни цинка, ни железа.

Он славит племя вязов и берез,
Мир бабочек и вкрадчивых стрекоз,
Бессмертника, полыни, горчицвета.
...А то, что соловей — ценитель роз,
Придумали персидские поэты.

* * *

Спал младенец в яслях вифлеемских,
И не ведал значения слов,
И не видел в гостях иноземских
Исполнительных Божьих послов,

Что стояли печально и смиренно
У кровати младенческой, свет
Застилая. Там золото, смирна,
Терпкий ладан — чего только нет.

Шелк халатов, барашка курчавость,
Голосов шепелявость, картавость,
Теплый пар от крестьянских корыт.
...Неужели Он ведал хоть малость,
Что ему испытать предстоит?

* * *

Сосед по даче хрипло крикнет: «Рекс!» —
И включит то ли триммер, то ли бритву.
Он пьет коньяк и ест бисквитный кекс,
Забыв про поминальную молитву.

А впрочем, он и знать ее не знал.
К тому ж сосед, должно быть, не католик.
Он с коньяком немного перебрал —
Виной тому хозяйственный аврал.
И вот сидит, свершая ритуал,
Облокотясь на ветхий дачный столик.

А в небесах такие облака,
Застывшие на солнечной короне,
Что кажется, узиришь издалика
Того Царя, сидящего на троне.

Глядит на поднебесные края,
На мир, где я любил и ненавидел.
И Свицкого Андрея вспомню я —
Лишь он однажды Троицу увидел.

С лопатой и секатором в руках
Застынешь сам у грядки эфемерной,
Покуда Царь пирует в облаках,
Величие которого безмерно.

Разрежет стриж два облака, как нож,
Плеснет сосед коньяк себе на gratis,
И ощутишь — бежит по телу дрожь
При звуках «Rex Tremendae majestatis».

Я ж не стрижом, а ласточкой кружу
В мирке своем, причудливом и тесном.
... Все думаю — а что я Там скажу?
Отвечу ль на Экзамене Небесном?

* * *

Мне снился Розанов. В помятой старой шляпе,
В пенсне кривом, он был угрюм и сед.
Усталый, выпивший, он почему-то папе
Передавал привет.

На даче в летний день он мял ногою глину.
Читаешь «Розанов», а думаешь — «малина»,
Да, та, пахучая, в запущенном саду,
У ржавой перекошенной ограды.
Шершни шерстистые ей так в июле рады —
Летят к ней сквозь пырей да лебеду.

Ау, народники! Эсеры! Демократы!
Что муравейники напрасно ворошить?

«Что делать?» — спросите. А тот, в помятой шляпе,
 Ответит мудро: «Ягоды сушить».

Когда бы выборы, то, взяв скорей половник
 С кривой кастрюлею, мечтатель и поэт,
 Голосовал бы я, наверно, за крыжовник —
 Ворсистый, маленький, но в бюллетене нет

Того крыжовника, хоть он того достоин.
 А коль не веришь мне, спроси пчелиный рой.
 Мне снился Розанов — идеи русской воин.
 Хотя на первый взгляд какой уж он герой...

* * *

На старуху бывает проруха,
 Ну а эта глядит, как пророк.
 «Это что за деревня?» — «Чернуха.
 Ничего здесь не трогай, сынок.

Тканой скатертью будет дорога.
 Так-то, милый. Вот Бог, вот порог.
 Эта кара, вестимо, от Бога.
 Ничего здесь не трогай, сынок».

Далеко ль до беды неминучей?
 Нет от горя спасенья, мой свет.
 Превратишься в татарник колючий
 И не вымолвишь слова в ответ.

Я не верю ни в лихо, ни в чудо,
 Но не надо мне новой беды!
 Если просишь, то трогать не буду
 Ни татарника, ни лебеды.

Если дружишь еще с головою,
 Не касайся домов и оград!
 Люди стали цветами, травой.
 Посмотри — это люди стоят!»

И ведра над колодцем убогим
 Я касаться не стану, уйду
 Поскорее по пыльной дороге,
 На Полярную глядя звезду.

В огородах — пырей да полова,
 А на улицах нет ни души.
 «Как ты, бабушка, смотришь сурово!» —
 «Уходи подбру-поздорову,
 И об этом нигде не пиши.

До тебя ли, старуха, мне дело?
 Облака постепенно, несмело
 Начинали на солнце сползать,
 И печально ромашка глядела,
 Будто силилась что-то сказать.

БОКОВОЙ ТОННель

Роман*

Что такое тоннель

Было уже полвторого, когда Игорь ее дождался. Она вышла из учебного корпуса с двумя девицами явно постарше, из матерых заочниц, все трое направились к проспекту, то есть прямо к его машине, потом свернули по тротуару. В этот момент Лена, конечно, его заметила, сначала не подала виду, но тут же ясно встретилась с ним глазами и сделала еле уловимый жест. Очень короткий и неопределенный, будто вкручивала лампочку. После чего повернулась в профиль и подхватила обеих товарок под руки, как бы призывая ускорить шаг. Шли они, понятно, к остановке, и это явная демонстрация чего-то, но вот чего? Ехать за ней можно было только задним ходом. Нет, в другой раз он, вероятно, и отколлот бы такой номер, это в чем-то эффектно — непринужденно пятиться, все время тревожа ей боковое зрение. Но тут случай явно иной.

Игорь был озадачен и не заметил, что Лена по проезжей части подошла к машине, открыла дверь и села справа.

— Прости, хотела так уехать, ни слова, ни полслова. Но потом подумала: вдруг начнешь меня искать, время терять, в общагу явишься и все такое... Я не поеду к тебе, ни сейчас, никогда. Чувствую себя мерзко, сама себе отвратительна. Я грязная вся, понимаешь, липкая, грязная. Я шлюхой себя чувствую, понимаешь?! Ты думаешь, наверное, что за истерика, расклад все тот же: мужняя жена и любовник, гордишься втайне, что не тебе рога приделывают, а ты как раз...

— Лен, ну что ты сочиняешь...

— Не касайся меня, я липкая, поганая. Он унизил меня, намеренно. Нет, внешне все по-человечески, ласково: соскучился, ты же знаешь, всего на день вырвался. Но глаза при этом... До печенок, как рентгеном. Чувствую: ждет. Малейший повод — и начнет: ах ты, стерва, не было, значит, недостатка в мужской ласке? Я не ко времени? Мешаю хвостом крутить?! Как вытерпела, не знаю. С утра его на вокзале встретила, поехали к Володьке, его приятелю, тот в однокомнатной холостякует, Олег с ним договорился, что сутки побудет. Приехали, позавтракали, Володька на работу ушел, а Олег сразу меня в постель потащил. Ну, дело понятное, думаю, все честь по чести. Ладно, встретились разок после разлуки, но мне ж готовиться, у меня утром экзамен.

— Сдала?

Михаил Косарев родился в 1961 году в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Томского госуниверситета. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Литературное обозрение», «Сибирские огни», «Москва», «Подъем» и др. Живет в Новосибирске.

* Журнальный вариант.

— Сдала, хотя тоже позорище, да ладно об этом... В общем, он меня из постели просто не выпускает. Какая подготовка? Как будто я проститутка и он меня на весь день выкупил. Куда ты поехал?

— Куда-нибудь в тень. Стоял в холодке, а теперь солнце-то уже вон где. Спечемся. Поехали, хоть ветерком обдует.

— Дома бы я его легко отфутболила. А тут не могу. Чувствую: с резьбы соскочит. Глазами так и сверлит. Прахом все темы экзаменационные. Говорю, Володьке бы ужин приготовить праздничный, отблагодарить его. Согласился, сходили в магазин, я у плиты отдохнула, вечер уже, а он снова полез. Мне кажется, он хотел, чтоб Володька нас в постели застал. Но тот задержался немного. Посидели. Выпили они. Крепенько так. Отмяк. До чего примитив. Успокоился. Было б в нем больше душевной тонкости, сообразил бы, что женка перед ним кругом виновата и ведет себя соответственно. Потому и огреб он ласк, сколько в медовый месяц не имел. Уехала в общагу. Оба за руки хватили: куда на ночь глядя. Нет, говорю, отоспаться хоть перед экзаменом. С утра нарисовался под окном. Поехала его провожать, потом на экзамен в последних рядах. Преподы не любят, когда тянутся жидкой вереницей, им домой охота. Получила трояк. Тоже первый раз в жизни. Куда ты все-таки едешь?

— В «Дубраву», ты ведь тоже ничего с утра не ела? Только вот суббота, народу будет много.

— Какая, к чертям, «Дубрава», мне бы в угол забиться и скулить, скулить. Еще бы в кипяток ненадолго нырнуть. И опять скулить.

— И дадут тебе в общаге поскулить? А воды горячей там, поди, опять нет? Вот ведь чертов город!

— Ты о чем?

— Смотри — река полукольцом. Поставьте баржу списанную, лучше две, пять. Откройте на них кофейни. Студенты последние копейки там оставлять будут. Человеку хочется над водой посидеть и поговорить с другим человеком. А тут приткнуться негде, город, центр культуры...

— Слушай, поехали туда — на берег, на наше место, где я еще была чистой.

Игорь явственно заскрежетал губами. Но тут же перестроился в левый ряд и развернулся на разрыве двойной сплошной.

— Ну что ты играешь скулами? Думаешь, я совсем сдвинулась? Нет, я в своем уме. Даже ясности прибавилось. А тот день был великолепный. И я действительно была чистой.

— А потом я сделал тебя грязной.

— А потом ты меня соблазнил. Погубил, как говорили когда-то.

— Прямо Карамзин. «Здесь утопилася прекрасная невеста, топиться, девушки, в пруду всем хватит места».

— Оказывается, циники были и в прошлом веке.

— Это восемнадцатый.

— Я математик, мне можно не знать. Топиться не выход. Кто ж Ленку-маленькую будет поднимать. Вот давай начистоту, день сегодня такой. Ты ведь на мне не женишься?

— Ты же знаешь. Да с радостью, хоть сегодня. Просто не уезжай, и все. Но я еще четыре года с лишним несуществующий человек. Ни прописки, ни работы штатной. В любой момент военкомат может меня вычислить и прихватить. Когда права получал — просто трусил. И вообще, жениться раньше тридцати — это безответственно. Наши прадеды не дураки были: сначала встань на ноги, перебесись заодно, потом, годам к тридцати пяти, женись.

— Понятно. Только в тридцать пять ты на меня не посмотришь. Потому что мне тоже будет тридцать пять. У меня дочь уже будет невеста.

— Кстати! А я чем не партия для нее?

— А рогов не боишься? С такой-то мамашей. Да и сам будешь уже старичком поистаскавшимся. Я-то как раз считаю, что в прошлом веке было принято все по-дурацки. Нельзя юное чистое существо отдавать в лапы человеку, который не может разделить с ней... как бы это сказать... восторга жизни. До тридцати пяти он бегал по борделям и таким, как я, развратным матронам. Но ты лет через десять женишься на двадцатилетней, тут я не сомневаюсь.

— Лен, ну к чему этот разговор? Ты думаешь, я холодно, цинично использую тебя, безо всяких обязательств и прочего. Но все же не так! Ты знаешь, сколько я работаю. Мне надо непрерывно руками и ногами колотить, чтобы только на плаву удержаться. И твои приезды для меня — радость невыразимая. Полгода будней и вдруг три недели радости. А дольше и нельзя, если месяц радости — я иду ко дну.

— Какая я удобная! График самый подходящий. Но наша связь — заметь, точное юридическое слово, у меня теперь их полно, — наша связь по определению конечна. Мне осталось приехать сюда на две сессии. И сдать один экзамен в эту. И все. Закончатся наши отношения. Все равно закончатся. Так уж лучше сегодня, как я решила. А то представь гомерическую картину: ты провожаешь меня с дипломом в кармане на вокзал. Что ты скажешь? «Ну вот, отучилась. Большому кораблю — на все четыре стороны!» А ты был ответственный за внеклассную работу и с задачей справился.

— Да, язычок у тебя...

— Ты пойми, я все об одном. Нет у меня другого пути — только к мужу притулиться и больше уж не грешить. Он Ленкин отец. Он строит жизнь *нам*. У него нешуточные карьерные амбиции, вот досрочно звание получил. У них, в прокуратуре, звания смешные, я опять его забыла. Он уже почти пять лет в очереди на жилье. Ленке четыре всего, а он умудрился. Получит — второго скажет рожать. И рожу. Кстати, забыла сказать: начальник нашего КБ обещал, что как только перейду на пятый курс — получу инженерную должность. То есть сразу, как с сессии вернусь. Это я к тому, чтоб ты не думал, что я от мужа материально завишу. И квартира — моя, ну, то есть бабулина, конечно. Могу выставить его за дверь. Проживу. Но буду — одна и Ленке жизнь испорчу. Не прилетишь ты на крыльях любви. Ко мне и чужому ребенку.

Они уже довольно долго ехали за городом. Справа стояли сосны, а слева были простор и знойная хмарь.

— Ты даже слова такого не знаешь — «любовь».

Реплика повисела некоторое время в воздухе. Они свернули на грунтовку.

— Слова — моя специальность. Абсолютных слов нет. Работают они только в контексте. Слово «любовь» — самое безразмерное. Каждый видит за ним свое. Сколько в мире половозрелых женщин? Миллиарда два. И столько же мужчин. Следовательно, возможное число пар — два миллиарда в квадрате. Столько имеем вариантов «любви». Математика выражает это числом с несчетными нулями. Язык экономнее — одно слово: по-своему. «По-своему она его любит». А вообще, усредненно, в обиходе, это слово у нас означает: «я тебя так хочу, что согласен быть с тобой почти всю жизнь или около того».

— Замолчи, замолчи, замолчи! Мне надоел этот высокомерный цинизм! Ты мне десять раз объяснял, что не циник, а... как?

— Гедонист.

— Гедонист, но тошнит уже. Я ее чувствую, понимаешь?! А ты меня уверяешь, что это какая-то переменная. Можно долго думать головой и надумать: разве достоин

любви такой прямолинейный и ограниченный человек, как мой Олег! А я его люблю и посмей только произнести про себя «по-своему»! И еще одного, циника и демагога, тоже люблю! Назови меня любвеобильной. Только я ее приговорила, свою любовь к тебе, мы расстаемся, можешь ты это осознать? Хоть как-то сердце твое способно на это отреагировать?!

— Не терзай.

— Я терзаю! По моей любви топчутся ваши мужские амбиции, и это я оказываюсь ворон, а он Прометей! Кстати, я совершенно спокойна за твою печень. Я считала тебя железным, а ты бетонный, бесчувственный. Ты никогда, оказывается, особо и не переживал, что твоя женщина чуть-чуть переместится в пространстве — и уже спит с другим. Ну понятно, муж, но в постели только двое голых и никаких паспортов. Стыдно признаться, но мне вчера, среди этого унижения, в один момент даже было хорошо.

— У многих вообще мужика порядочного нет. А у тебя двое. Гордись. Кстати, если «в один момент хорошо» умножить на два — то получится существенно выше средних значений по стране.

— Звон раздался. Значит, все-таки железный. Держишь удар.

Игорь притормозил и мягко перевалил через вспученную обочину.

— Береги зубы.

— Козья тропа? — живо отреагировала Лена.

Именно эти слова он сказал ей здесь год назад.

Тогда она не сразу его послушала, продолжая дышать смолистым воздухом бора через полуоткрытый рот, — и вдруг зубы ошутимо лязгнули. «Настоящая козья тропа», — пояснил свое предупреждение Игорь. И она, как и сейчас, стиснула зубы и вцепилась обеими руками в приборную панель.

Один лишь ГАЗ-69, машина геологов и военных, мог здесь пройти. Даже велосипедисту пришлось бы попросту тащить свое транспортное средство среди ямок, бугорков, оголенных сосновых корневищ. Автомобиль трясся, как студень, но полз вперед с целеустремленностью лунохода.

Это было одно из лучших, любимейших ее воспоминаний: пять или шесть часов здесь, на бережочке, только солнце, только влажный воздух с реки, только густой хвойный аромат и спокойствие, спокойствие — полная отрешенность от забот.

А началось все с того, что Игорь пригласил ее... Нет, строго говоря, началось все шесть лет назад, на первой абитуре¹. Это для нее она первая, ибо потом была и вторая, а они — Паха, Нинка, Игорь, Диман — поступили сразу, в тот же год.

Их с Ниной в шутку называли близняшками. Не из-за сходства — оно невелико, — просто фамилия одна и родились едва ли не в один день: второго и пятого апреля. Их отцы, братья-погодки, всегда были очень дружны, дружили и их семьи. Конечно, поступать поехали вдвоем, Нина на филфак, Лена на мехмат, их фамильный факультет. Но в итоге пришлось расстаться.

Однако горечь от нехватки в полбалла накрыла ее в самый последний день, когда вывесили списки, а до этого была шумная, веселая, какая-то щенячья возня со своей вдруг обретенной самостоятельностью. Образовалась компания в семь человек: трое парней из шестой комнаты, трое девчонок из тридцать шестой и она, неразлучная с Ниной. Парни были будущие журналисты. Перезнакомила всех Пахина одноклассница, которая поступала на филфак, но сама в итоге оказалась девицей некомпанейской, из комнаты ни ногой, тряслась над учебниками и нервничала.

¹ От абитуриент — сдающий вступительные экзамены.

Все прибыли из промышленных городов и городков, и университетский центр с парками, красивой набережной, рошей, со старинными особняками и фрагментами сохранившейся булыжной мостовой сам по себе был для них удовольствием. Они просто гуляли по нему и болтали. Даже легкого флирта ни у кого не намечалось. Это казалось пресноватым Диману, широкоплечему спортсмену с ясно читаемым на челе ранним сексуальным опытом. Но и он считал, что ради удачи на экзаменах стоит попоститься.

А потом были эти злополучные списки. Лена убежала к себе в мехматовскую общагу и не высывалась оттуда больше суток, пока не явилась Нина и не увела с собой на вокзал. Парни уже разъехались. Отправились домой и они.

На следующий год Лене удалось поступить, но интересной компании не случилось, а старых знакомцев она встретить и не могла: август, все дома, на первых каникулах. Потом было замужество, перевод на заочное. На первой сессии, уже с заметной беременностью, повстречала Игоря. Обрадовались друг другу, он с неподдельным восхищением поглядывал на ее тугой живот. Она слегка недоумевала, но потом поняла: Игорь ее героизировал. За решительность. Именно потому, что сам героем не был и искренне надеялся, что его с подружкой минует чаша сия. Миновала. К моменту их расставания никаких «хвостов», академически выражаясь, за ними не было. Нина держала в курсе последних событий из жизни общих знакомых. Диман рано женился. Паха был факультетской звездой. Игорь в середине третьего курса бросил универ, но домой не уехал.

Приезжая на сессии, Лена никого из них не встречала. Только однажды столкнулась с Пахой: тот катил по проспекту — веселый, большой, округлый, довольный. Все пять минут разговора непрерывно хвастался, но это ему шло. На прощание спросил: «А ты как?» — и вполне удовлетворился односложным ответом.

Прошлым летом, когда она сдала первый экзамен и в утреннем холодке гуляла с Ниной по набережной, набрали на Игоря. Тот весь просиял, сказал, что впервые за два года устроил себе день отдыха, и потащил в кафе-мороженое. Они болтали не переставая, как пять лет назад вчерашними школярами, Игорь смешил их и тормозил расспросами. «Для тебя концерт», — скажет потом Нинка, но будет неправа: все в нем выдавало человека, свалившего какую-то тяжелую работу и впавшего от этого в понятную эйфорию.

Из общих знакомых у Лены с Игорем были только его друзья, речь зашла о Пахе и Димане, Нина вяло вставляла шпильки: имела какие-то претензии морального свойства к обоим, особенно к последнему.

— Нин, ну ты Димана-то с вашим Солодиным не путай.

— Солодкиным.

— Да, да. Вот тот — бабник, и как не устает стойку делать на каждую! А Диман — человек природного благородства, ни одной порядочной девушке не скажет и самой малой бестактности. А что девок вокруг него хороводы — ну извини. Вот существует театр профессиональный и параллельно — самодеятельный. Так и с древнейшей профессией: есть сугубые профессионалки, а есть любительская лига. Тоже самодеятельность своего рода. Как раз его главная клиентура. Мне это не близко, но осуждать — за что? Ну задрал десятки юбок, но ни одного сердца не разбил и судьбы не сломал.

— Кроме Тamarки.

— Тamarка только доказывает, что я прав. Единственный раз запал на достойную девушку — сразу женился. В двадцать лет — мыслимое ли дело!

— А Паха? — спросила Лена, чтобы спор не разгорелся, и, кроме того, ей был бы почему-то неприятен разговор о ранней женитьбе.

— У Пахи все хорошо. Одна беда — влечет его почему-то к интеллектуалкам. А интеллектуалки — это такие создания... Все нормальные женщины сомневаются до, а они строго после. И начинают выедать Пахе мозги. К счастью, долготерпение не относится к числу его добродетелей.

Часа два просидели они на набережной, пока аномальное солнце лета 1984 года не достало их даже сквозь кроны старых кленов. Перед прощанием Игорь поинтересовался, где Лена живет. Оказывается, он не знал, что мехмат перевели в новую общагу — в построенную недавно типовую башню с узким входом, который блокировался турникетом под управлением вахтерши-человеконенавистницы. И следа прежней вольницы не было на новом месте, расположенном к тому же довольно далеко от университета.

— А, знаю, порядки там как в казарме химиков, ну, тех, кто химию не изучает, а отбывает. Условно-досрочно.

— Не иначе, какая-то быстроногая лань скрылась от тебя в этой крепости, — ввернула Нинка. За прошедшие годы она стала язвительной и к мужикам строгой.

— Да нет, Паха жаловался. Я, кстати, рядом часто бываю. Как раз за общагой один кент живет, я у него «репортер» погонять беру. Магнитофон радиожурналиста, — пояснил он. — Значит, вы сегодня Нинин диплом обмываете, а завтра Лена с новыми силами за подготовку?

— Да, — ответила Лена. — К девяти на консультацию, потом в библиотеку, потом с кучей учебников в общагу.

Они разошлись в разные стороны, а назавтра, придя к остановке, Лена увидела Игоря сидящим на бетонном блоке чуть поодаль. Она подошла.

— Ты как здесь?

— Остановку караулю. Приятель мой дома не ночевал, но вроде сейчас подъехать должен. Не упустить бы, мне «репортер» срочно нужен. Слушай, уже припекает. Как ты учить-то будешь?

— Ой, главный предмет обсуждения у девок. Одни на пляж собрались. Но какая там учеба? Волейбол, теснота, дети орут...

— Кавалеры беспривязные...

— Да, со своими понятиями о галантности. Другие хотят окна настежь, дверь на ключ, раздеться до фиговых листков и зубрить, не сходя с кровати. Но тоже окосеть можно. У кого-то есть тайный ключ от крыши. Там ветерок и загар африканский. Места много, лежи, читай. Спрашиваю: крыша гудроном, поди, залита? Головная боль обеспечена.

— Ну а ты?

— Есть такая комнатка в общаге, называется библиотека. При том, что книг в ней нет. Но туда можно прийти со своими, сесть спокойно за стол, читать. Там тоже душевно в первой половине дня...

— Значит, так. Сегодня пусть библиотека. Но завтра... Мы собираемся на реку. Идеальный пляж — песок и сосны. Тридцать километров от города, девственное место. Шашлык, шезлонг, прохладительные напитки. Берем тебя с учебниками.

— Большая компания?

— Не меньше двух и не больше пяти человек. Вместимость машины. Диман женатый, но отдыхает всегда без жены. Раз. Паха неженатый, но всегда с подружкой. То одной, то с другой, то снова с первой. Три. Ты — четыре. Ну и шофер. То есть я.

— Спасибо, конечно, но я не поеду. У вас своя компания, вам отдохнуть хочется...

— Да перестань! Взрослые же люди. Никто книжку у тебя вырывать не станет, насильно вино не воьет. Сядешь в сторонке, читай. Искупись — и снова читай.

— Ну, Игорь, ну неудобно мне...

— Отчего? Всех знаешь. Мы ребята четкие. Я шашлыками занимаюсь, Диман топливом, будем шуршать, тебе не мешать. Шашлычков на свежем воздухе поедем. Можешь выпить, можешь не пить. Увезем и привезем. Вон твой троллейбус, не пропусти. Значит, завтра на этом месте в этот час, с полотенчиком и книжками. Беги, он сейчас тронется.

Троллейбус действительно готов был отъехать. Лена побежала, так и не успев окончательно отказаться.

Весь вечер мучилась, понимая, что завтра Игорь приедет и ситуация будет дурацкая. Она выйдет, будет мямлить, выглядеть как кривляка-ломака, набивающая себе цену. И решилась.

В половине девятого утра возле того же бетонного блока уже стоял выдавший виды автомобиль со скошенным брезентовым тентом. Игорь вышел ей навстречу, усадил на переднее сиденье.

— Диман отпал: сильно провинился и должен загладить. Едем сейчас на «больничку» за Пахой—Ларисой и креслами.

Они приехали в какой-то проулок позади больничной ограды, Игорь ушел и отсутствовал минут десять. Вернулся один, неся легкое складное дачное кресло.

— Лариса не в духе, и Паха остается при ней, — сообщил он, заводя мотор.

— Постой! Тогда отвези меня назад. Я не поеду!

— Послушай, но почему? Хоть ты не рушь праздник. Ладно, мужики при бабах остались. Там у них своя стратегия и тактика. Я не в претензии. Но тебе-то что мешает?

— Ты сам должен понимать.

— А я понимаю. И безо всякой иронии говорю, что эта поездка, даже в наши раскопанные времена, тебя скомпрометирует. Но просто рассказывать о ней никому не надо. Особенно мужу во время игры в откровенность. Мужик этого никогда не поймет, я сам бы не понял, честно скажу. Я не понял бы и поездки с тремя охламонами и одной разбитной девицей, как бы ты ни уверяла, что все не так и это в высшей степени интеллигентная компания. Ты ведь не собиралась рассказывать мужу об этом пикнике?

— Конечно, нет.

— Ну вот и прекрасно. Осталось выяснить один вопрос: не считаешь ли ты меня способным на насилие по отношению к давней знакомой, которой я всегда очевидно симпатизировал?

— Перестань.

— Я думаю, не считаешь. Тогда что мы имеем? Солнце летит к зениту, у нас в кастрюле замаринованное мясо, ты мне доверяешь, в багажнике пол-ящика лимонада и еще кое-что, мы никому ничего не скажем, у тебя полная сумка учебников, время дорого — значит, по газам!

Удивительно, Лена сидела, улыбалась и понимала, что успокоилась. Почти совсем.

Она не помнила, о чем они болтали дорогой. Видимо, о его работе. Очень к месту она вернула один мучивший ее вопросик:

— А зачем тебе срочно понадобился магнитофон, если на сегодня был запланирован пикник?

— Ты знаешь, сколько времени надо на интервью? Час. И час потом все это расшифровать. Еще два часа — придумать связки и напечатать материал. Готово. Через неделю утречком в передаче «Говорят участники соревнования» слушай моего дядьку. Через месяц мне начислят шесть рублей. Магнитофон я мог еще вчера назад увезти.

Звучало убедительно. Но Лена отметила: значит, ее точит какое-то сомнение. Неужели мерещится западня?

Она хотела еще кое-что мимоходом прояснить, но машину закачало, и вот тут Игорь произнес:

— Береги зубы.

Ползли долго. Сквозь сосны заблестела река. Автомобиль осторожно съехал вниз. Когда-то здесь было устье ручья, о чем говорили и заросшая ложбинка, и песок, намытый полукругом. Пляж, да и только. Что-то вроде бухточки, под углом с реки не увидишь.

Игорь не глушил мотор, пока не развернулся на узком пяточке. Газик замер в готовности стартовать вверх по собственным следам.

Как здесь было чудесно!

Лена вышла из машины и с хрустом потянулась. «И это все мое?» Почувствовала себя вдруг маленькой балованной девочкой.

Игорь разгружался. Первым делом он унес к воде ящик с лимонадом. Тот был заполнен ровно наполовину, а в свободных ячейках болтались три бутылки другого размера. Лена опознала в одной из них коньяк. Судя по литражу, пикник действительно намечался на пять человек. Она опять себя успокаивала.

Игорь уже нес к берегу «шезлонг» и какие-то одеяла. Лена медленно пошла по склону вверх, к деревьям.

— Лена, не ходи в лес. Клещи во весь рост. Я даже дрова из дома привез, хотя тут валежника видимо-невидимо. Пройдись лучше по песчаной полосе. Там за поворотом коряги замечательные.

Лена промолчала, но к корягам пошла. Бог знает, сколько здесь пролежали эти выброшенные на берег пни и стволы. Древесина была гладкой и выбеленной до блеска. За их нагромождением действительно было укромное место.

Игорь устроил все по высшему разряду. Организовал ей удобный лежак. Чуть поодаль поставил раздвижное кресло и на него водрузил сумку с учебниками. Лимонад остывал в воде, спиртное оставалось на суше, но в тенечке. Из багажника был выгружен ворох тонко наколотых березовых дров. Легко снимавшийся диванчик заднего сиденья пристроен на плоском бугорке.

— Переодеться можешь в машине, — сказал он вернувшейся Лене.

— Не надо, — ответила она, распустила пояс и стянула через голову сарафан, оставшись в бирюзовом раздельном купальнике.

— Тогда приступай. Один вопрос: к какому часу приготовить шашлык? Сейчас девять пятьдесят. К двенадцати?

— Ну, хорошо.

Лена взяла учебник и для начала подставила солнцу спину. Потом поворачивалась разными боками, перебиралась в кресло, возвращалась на лежак и сидела по-турецки, читая параграф за параграфом. Время от времени она неявно наблюдала за Игорем, но тот не бросал на нее никаких похотливых взглядов. Он тоже разделся и выполнял давно отработанный план: вырыл ямку под костер, соорудил вокруг каркас из привезенных стальных прутьев. Лишь однажды, когда она выходила из воды, открыто посмотрел на нее, разулбался и поднял вверх большой палец. Он сидел возле высокого огня и нанизывал мясо на шампуры.

Лена знала все про свою фигуру. Ровные стройные ножки можно было признать идеальными. Плечи были широковаты, а таз узковат, но после родов бедерные косточки чуть разошлись вширь, талия же вернулась к прежнему, девчачьему размеру. Так что теперь она выглядела сексуальнее, чем в юности. Несколько неожиданной на ее сухопаром теле была грудь номер три, но кто это примет за недостаток. Шея была высокая, что помогало признать гармоничным продолговатое лицо и нос с горбинкой. Самым слабым местом были волосы. Она считала их редкими. Сухими они обретали пышность, но после душа смотреть на себя в зеркало было неприятно.

Понятно, сегодня она не стала окунаться с головой.

— Зачем так много шашлыков готовишь? — спросила она, чуть смущаясь своего мокрого купальника.

— Придется жарить все, иначе пропадет. Но ты имей в виду, что на природе съедается в два-три раза больше, чем обычно. Проверено.

Скоро над пляжем уже витал аромат жареного мяса. От таких запахов решено было не дожидаться двенадцати. Сымпровизировали стол на клеенке: редиска, петрушка с базара, хлеб и пирамидка шкварчащих шашлыков. Игорь принес коньяк, сухое красное и марочный портвейн — на выбор. Лена плеснула себе в кружку портвейна и пила по глотку. К концу обеда убедилась, что спутник совершенно не собирается ее спаивать. И съестных припасов было привезено явно на пятерых.

Последние смутные тревоги рассеялись. Она вернулась к книжкам, а в один момент даже задремала, устроив над лицом домик из задачника.

Проснувшись, она украдкой наблюдала за Игорем. Видел ли он ее «подготовку»? Понять было невозможно: сидит на своем автомобильном диванчике, грызет ручку и время от времени пишет что-то в большом блокноте. Диванчик он перемещал вслед за тенью и загорать не собирался. На остывающих углях стояла накрытая фанеркой громадная сковорода, куда сложили оставшееся мясо.

Лена вернулась к учебникам. Чтение совсем не утомляло, какой-то небольшой участок мозга привычно обрабатывал и складировал информацию. Покой и беззаботность объяли ее всю. Если это не рай, то царство гармонии: тишина, жаркий песок, медленный ток реки, ясное солнце, хвойный воздух соснового бора.

Так пролетели несколько часов. Солнце зарулило за сосны. На удивление повеяло прохладой. В городе сейчас самый душный час, но здесь вокруг — целый заповедник свежести.

— Больше солнца не будет. Поедем, наверное. В тени комары сожрут, — сказал Игорь.

Они очень быстро собрались, засыпали и затоптали кострище, ничего не забыли, и старенький газик послушно полез в гору.

Когда с «козьей тропы» свернули на грунтовку и стало возможно разговаривать, Лена сказала:

— Спасибо тебе! Все было просто роскошно. Этот день я надолго запомню.

— Следовательно, — мгновенно подхватил Игорь, — запомнишь и прочитанные сегодня параграфы. А это и было нашей главной целью.

В этот раз их поджидало громадное разочарование. Как только открылась прогалина, от которой и начинался спуск к реке, они увидели внизу, прямо на песке три как попало брошенных мотоцикла. Еще один, с коляской, стоял повыше, примерно на месте их прошлогоднего костра. Как бы пораженный такой наглостью, газик заглох, и до них донеслись плеск, визги девчонок и маты их кавалеров, столь забористые, что ими можно было глушить рыбу.

— Тьфу! — сказал донельзя раздосадованный Игорь. — Истинно в одну реку не войти дважды. Потому что благосостояние растет, сельская молодежь покупает транспортные средства. Чтоб их! И ведь не поленились, притащили своих коняшек! Суббота чертова.

Он вышел из машины и прикидывал, как развернуться. Потом молча завел мотор, осуществил в три приема непростой маневр, и их снова закидало на «козью тропу».

Вывернув на шоссе, Игорь сказал:

— Так. Принимаю волевое решение. Едем ко мне.

— Нет, нет и нет. Никогда.

— Давай рассуждать здраво. Взгляни на время. Мы пропустили не только завтрак, но и обед. Я устал крутить баранку. Тебе хочется в ванну. Сразу решим все проблемы.

— Нет, говорю же. Высади меня на остановке, если устал.

— Да не могу я тебя в таком состоянии в общаге оставить!

— Ты ко мне теперь никакого отношения не имеешь.

— Ошибаешься! Это с мужем развелась — и он чужой. А мы с тобой давние друзья.

— Перестань плести словеса. Куда ты сворачиваешь?!

— Завтра. Все будет завтра. Завтра начнешь новую жизнь. А сегодня имеешь право отдохнуть и привести себя в порядок. Завтра с самого утра отвезу тебя в общагу.

— Ты надеешься оставить меня на ночь?!

— Мы взрослые люди. Да, кровать у меня одна, но одеяло второе я для тебя найду. Выдам тебе пижаму, есть у меня, смешная такая.

Они уже подъезжали к знакомым зеленым облезлым воротам.

Те памятные шашлыки были вкуснющие, но острые. Пожар во рту основательно заливали холодным лимонадом. На обратном пути, едва выбрались на трассу, Лена озабоченно спросила:

— Долго до города?

Игорь прикинул:

— Минут сорок. Так. Едем с промежуточной остановкой. Крюк небольшой.

Километра через полтора к основной дороге примыкала боковая. Указатель гласил: «Пансионат „Солнечный“». Игорь свернул туда и продекламировал:

— Вот моя деревня! Не удивляйся: в домике будет сюрприз.

Странно устроена женская голова. При этих словах она тут же представила волоокую красавицу затворницу, которой нельзя бывать на людях. Допустим, из колонии сбежала. Маргиналы нашли друг друга.

Они на всем скаку подлетели к высоким деревянным воротам с облупившейся зеленой краской.

— Оставайся в машине.

— Почему?

— Соседи любопытные.

Игорь мгновенно проник в калитку, распахнул ворота, въехал во двор. Тут же вернулся на место деревянные створки и запер их толстой доской. Лена вышла на травку, разминая затекшие ноги и пытаясь распознать тропку к дощатому сооружению. Но Игорь уже махал ей с крыльца:

— В дом, в дом.

Недоумевая, она последовала за ним. Вблизи домик оказался совсем плохоньким. «Ну, машина тоже непрезентабельная, но ведь этот раритет исправно возит его куда надо. Значит, и халупа все же исполняет свою функцию жилища», — подумала Лена.

В первом помещении, кроме окна и древнего шкафа, была еще только печка с кружками на массивной чугунной плите. Большую ее часть занимал огромный прямоугольный бак, сваренный из потемневшего стального листа. От него исходило тепло. Игорь уже открывал боковую дверь. За ней была ступенька вниз. Она вела в длинный светлый коридор, выложенный разноцветной квадратной плиткой, как в кухнях общепита. Стены до половины тоже были в плитке. Через две распахнутые двери сюда проникало солнце. Лена заглянула в первую комнату и обомлела, увидев ванную площадку метров в двенадцать. Посередине, на невысоком постаменте — и опять все выложено плиткой — возвышалась огромная ванна, такие бывают только в сталинках.

Рядом с ней у стены находились два металлических крашенных цилиндра. Во втором, который поменьше, она опознала титан из пассажирского вагона. От них тянулись трубы, в широкий край ванны был вмонтирован массивный смеситель с душем. По стене справа одна за другой располагались большая мойка из нержавейки, перекочевавшая сюда явно из столовой, и вполне обыкновенная фаянсовая раковина для умывания. Далее унитаз с голубой крышкой, а в углу — стиральная машина. В торцевой стене — большое окно с желтыми занавесками. Игорь прошел туда и распахнул одну створку, оконный проем был предусмотрительно затянут марлей от насекомых. На обратном пути он шелкнул каким-то тумблером на большом цилиндре, улыбнулся Лене и притворил за собой дверь.

«Сюрприз!.. А что тогда во второй комнате?»

Когда Лена вошла в нее, то первым делом увидела свою сумку на стуле. «Зачем он ее принес?» Потом взгляд упал на сколоченный из досок стол вплотную к окну, во всю ширину комнаты. Справа на нем стояла пишущая машинка, слева рассыпаны были какие-то черновики, валялось несколько авторучек. По углам стола лежали книги, блокноты, какие-то гроссбухи, стопки бумаги разного формата и прочая, прочая. Сзади, за своим правым плечом, Лена обнаружила глубокую нишу с огромной застланной кроватью, чуть не два метра в ширину, тоже самодельной. «Это вполне можно называть альковом!» Еще в комнате имелись небольшой столик у боковой стены и несколько стульев. Несмотря на наличие «алькова», обстановка была спартанской.

— Как тебе моя ванная комната?

— О! Колоссаль!

— Страдал без ванны, человек я городской, на первые же деньги сделал. Ну и всю систему с нагревом воды, конечно. Сейчас хорошей теплой воды в баках литров двести. Через десять-пятнадцать минут появится и горячая. Примешь ванну? Река илистая.

— Ты сегодня просто осыпал меня благодарениями. Но нет, это будет лишнее. Боюсь, потребуется ответная любезность.

Лицо Игоря стало жестким. Он шагнул вперед и слегка сжал ладонями ее предплечья. Коснулся впервые с абитуры.

— Ты знаешь, что уже три дня я свирепо тебя вождедею. Но, как видишь, держу себя в руках. Никакой отдачи долгов не потребуется. Скажешь «нет», обсохнешь, и отвезу тебя назад. Я сам противник всякого нажима.

Он отпустил ее руки.

— Вот, — он показал на сумку. — Тебе что-нибудь может понадобиться.

Отошел к окну и запустил в комнату свежий воздух.

Лена выхватила из сумки несколько вещичек.

Игорь обернулся.

— Слева от двери на полках чистые банные полотенца. А надеть после ванны рекомендую халат, висит там же. Это мой, но абсолютно чистый, летом я в другом хожу. Влезать после ванны сразу в узкую одежду...

Лена ожидала, что он скажет «негигиенично».

— ...Неаристократично.

Заперев дверь и путив в ванну воду, Лена присела на табуретку, пытаясь додумать какие-то свои мысли. Он ее «вождедеет», словечко-то откопал. А она действительно ни сном ни духом. Или понимала? И себя обманывала? Нинка так сразу усекла. Во всяком случае — он сделал откровенную декларацию о намерениях. Бежать надо со всех ног. А она в ванне понежиться решила.

Воды уже на четверть. Лена разделась и легла в ванну, с наслаждением вытянув ноги. Приятно, черт побери, когда коленки вверх не торчат!

Итак, сдаем одну позицию за другой. «Коготок увяз...» Если бы кто-нибудь нагадал позавчера, что она будет в доме одинокого мужчины принимать ванну, — подняла бы на смех. А вот поди ж ты. С другой стороны, Лена ясно чувствовала: стоит определенно дать понять, что она его не хочет, — Игорь из одной гордыни отступится и пальцем не тронет. Гордыня в нем великая.

Вода становилась все горячѐй. Ура! Правда, пены нет и шампунь самый простецкий, но зато с ней ее чудесное мыло. Она будет плескаться долго. Сам предложил.

Конечно, он чудо как ловок. Не подталкивает грубо вниз со ступеньки на ступеньку, а как будто наклоняет лестницу. И она сбегает сама, по законам физики. Но есть в его рассуждениях не то изъясн, не то подвох. Почему она должна говорить «нет»? Она порядочная и при этом несвободная женщина, а значит, «нет» уже сказано. Не только ему, а всем, вперед, авансом, на любые притязания. «Нет» персональное будет означать, что мужа в расчет она не берет, ощущает себя вольной пташкой и позволяет надеяться...

В один из моментов Лена задремала. Проснулась от всхрапа и страшно испугалась. Не хватало еще утонуть, вернувшись с реки, в доме. Игорь тогда пойдет по этапу. «Он заманил ее в дом без адреса, не обозначенный на карте, и утопил в ванне». Вот какая чушь лезет в голову — ежедневное общение со следователем прокуратуры не проходит бесследно.

Словом, пора было заканчивать. Прекрасное ощущение чистоты и расслабленности. Халат так халат. Трусики она все же надела, не купальные, запасные. А проблему с волосами решила, намотав на голову тюрбаном свое пляжное полотенце.

Оно-то ее и подвело.

Войдя в комнату и ответив на естественное «С легким паром!», она не очень обрадовалась мизансцене. Игорь был в легком халате, а позади на столе маячили вино и пара фужеров.

Однако именно в этот момент тюрбан разъехался. Лена мгновенно представила свою как бы лысую голову с прилипшими мокрыми космами и пролепетала:

— Отвернись.

«Дуреха! — пронеслось в мозгу. — Это кокетство, а не мягкое, но бескомпромиссное „нет“!»

Руки сами рванулись к затылку, ловя съезжающее полотенце, из-за чего отвороты халата радостно распахнулись. В ту же секунду Игорь был здесь, вплотную, он обхватил ее голову и целовал в губы. Поцелуй был долгий, его язык гонялся за ее языком, рука теперь была на талии и держала крепко.

У нее не было сил ни оттолкнуть Игоря, ни обнять. Чуть разведенные в стороны руки висели безвольно и как бы доказывали кому-то, что она никакого отношения к происходящему не имеет. Но изменившееся дыхание говорило о другом...

Девятый вал отхлынул, обратные токи пережитого наслаждения разбегались по всему телу, но привычное умиротворение не приходило. Вдруг из Лениных глаз брызнули слезы. Какие-то странные: крупные, будто водянистые, почти холодные. Словом, не *горючие*. Слезами радости они тоже не были, что-то незнакомое, ошибка организма. Выдрав руку из все еще цеплявшегося за нее халата, она убежала в ванную.

Там был ее сарафан, мелькнуло: надеть! — но она не стала. Возвращаясь, крикнула из коридора:

— Не смотри на меня! Я голая!

— Вот как?! Погоди, очки найду.

Ну да, глупо запирать ворота, когда коней увели. Она вошла в комнату грудь вперед. Игорь тут же помог ей влезть в халат. Свой он уже надел.

— Ты понимаешь, кто я теперь? Такая же шалава, как они! Едут на сессию погулванить. Специально половину экзаменов не сдают, чтоб учиться подольше. Чтoб на сессии приезжать, пока морщинами не пойдут от фасада до фундамента. Теперь и я такая. Выпить, перепихнуться, день прошел не зря.

— Лена, прекрати. Ты никогда не станешь пошлячкой и шалавой. И если между нами кое-что произошло, то это как раз говорит об обратном. Я не в состоянии воспламениться от первой попавшейся особи противоположного пола. Мне кажется, и ты тоже.

— Просто ты не выпил. Но я-то клюкнула. Все по сценарию.

— Ну почему ты хочешь непременно унижить и себя, и меня? Я трезвым подстерег подвыпившую мадам и воспользовался. А ты, дескать, как они. Но компашка твоих раскованных сокурсниц считает обязательным мужика, понимаешь, мужика как такового. Извини, я не готов считать себя просто одним из. И вполне одобряю твой выбор. А своим просто горжусь.

— Выбор? У меня был выбор? Я имела право на выбор? Ты элегантно затащил меня в постель, а теперь просто заговариваешь зубы. Видна огромная практика. Сколько нас уже побывало в этом алькове? У тебя и кровать на вырост. Вдруг толстуха попадетсЯ.

— Ты пока мало меня знаешь. На самом деле у меня очень высокий порог сексуальной возбудимости. Большинства женщин для меня просто не существует, хотя у каждой, я знаю, имеется нужная снасть. О чем Нинин сокурсник Солодкин, например, забыть совершенно не в состоянии. Крайне редко — я не знаю, что для этого должно сойтись: голос, глаза, ум, походка, биохимия какая-нибудь, — крайне редко понимаю, что вот, вот она. Влечет. Прочих можно лапать сколько угодно, а этой просто коснешся — и электрический разряд. Значит, не отвертеться.

— Ей не отвертеться?

— Мне не отвертеться.

— А им удавалось? И сколько разрядов ты получил за свою жизнь?

— Всего-то пять. Всего-то пять девушек мне понравились. За шесть лет, начиная с одноклассницы Инны, которую я не считаю. Она, что называется, выпрыгивала из платья, раннее взросление и все такое. В десятом классе очень хочется просто попробовать. Благодаря ей многие получили начальные знания. Вот там разряда не было.

— А когда случился первый?

— Помнишь, мы все пешком бродили, а однажды забрались далековато и возвращались на троллейбусе. Все семеро на задней площадке. Троллейбус несся, последний рейс, нас мотало из стороны в сторону, и тут я поддержал тебя, схватил за руку, в самом верху, у подмышки. А потом качнуло обратно, и ты плечом коснулась меня, а моя рука — точнее, всего лишь тыльная сторона ладони — прижалась к твоей груди. И по мне пробежал разряд.

— Ты хочешь сказать, что я твоя первая любовь?

— Получается.

— Ты сейчас все это придумал?

— А ты не помнишь разряда?

— Разряда не было. Но что-то такое вспоминается, да, троллейбус тоже помню, мы какие-то радостные, завтра экзамен, а нам по фиг. Я тебя немножко выделяла... И сколько разрядниц побывало в этой постели?

— Четыре.

— Высокий процент! Меня уже посчитал? Ты оборотистый малый! Не подумай, что это ревность, мне просто нужно понять, куда я оступилась. Я оступилась, понимаешь? Между нами не может быть этого всего — секс, ревность, разряды. Я замужем, у меня дочь, у меня свекровь, свекор и две золовки.

— Похоже на название профессии. Или детали сложного механизма.

— Да, механизмы. Трут очень здорово. Особенно оступившихся.

— «Оступилась». Хорошо еще, что не «вляпалась». Зачем сталкивать все куда-то вниз, в грязь? Я не вижу грязи в наших с тобой отношениях. Да, произошло то, что произошло. И это было здорово! Просто выкинь на время из головы золовок и все брачные обязательства, которые ты, да, не спорю, нарушила. Но не надо быть максималисткой. Выкинь, вынеси за скобки, ты не ты, я не я. Мы просто двое молодых людей, которым хорошо вместе. Ты пастушка, Маша Печкина. И я пастушок Федя... э... Печкин.

— Тоже Печкин?

— Да, Федя Печкин. Все считают нас мужем и женой, а мы даже не однофамильцы. Потому что Фединога деда неграмотный писарь записал через мягкий знак. Но Федя надеется привести Машу в сельсовет, расписаться и взять ее фамилию. Писарь будет посрамлен.

— Скажи, а когда ты пишешь свои заметки про хозрасчет и передовиков, ты так же буйно фантазируешь?

— Случается. Но там есть канон. Его надо соблюдать. Как в сказке. Начинается «жили-были», дальше какой угодно бред, но в конце — «долго и счастливо и умерли в один день». Хотя в наш двадцатый век это наводит на мысль не об идиллии, а о катастрофе.

Лена против воли улыбнулась. Игорь решил закрепить успех.

— Кстати, про «заметки». Пойдем, покажу еще одну комнату с сюрпризом.

— Еще сюрприз? Я не выдержу.

Но Игорь уже увлек ее в коридор. Там в тупике оказалась узенькая незаметная дверь. На ней тоже была наклеена плитка. Окна в маленькой комнате, почти чулане, не было, но Игорь включил сильную лампу, дававшую резкий свет. Лена увидела стол из фанерного листа, его поверхность была разделена брусками на шесть квадратов. В пяти из них тоже брусочками, но потоньше было устроено по многу ячеек и лежали какие-то грязно-желтые кубики.

— Наборная касса. Шрифт выдвлен из нагретого оргстекла, воспроизводит шрифт пишущей машинки. Я им набираю быстрее, чем печатаю.

В свободный шестой квадрат Игорь поставил деревянную рамку с картонкой внутри, нанес полоску клея и быстро-быстро начал лепить друг к другу литеры, выравнивая их по обрезку деревянной линейки. Набранную строку он подпер сверху и снизу тонкими плашечками по ширине рамки. Они ничем не крепились и держались враспор. Сняв со стеллажа жестянку с краской, Игорь обмакнул в нее кисточку и аккуратно промазал верх литер. Затем на рамку он положил стопку бумаги, потом вытянутой откуда-то киянкой по стопке ударил, после чего выдернул нижний листок.

На нем Лена прочитала: «Леночка Губская — самая замечательная девушка на свете!» Она уже отвыкла от своей девичьей фамилии. Никто бы не сказал, что это не напечатано на пишущей машинке.

Игорь меж тем продолжал колотить деревянным молотком и выдергивать листы. На каждом из них был один и тот же текст про замечательную Лену, правда, оттиск становился все слабее и слабее.

— Остановись! Что ты с ними будешь делать?

— Договорюсь с пожарной авиацией. Пусть разбрасывают с самолетов. Все равно облеты делают.

— Наверное, это и называется «ославить»?

— Да, шутка была глупая. Нет, я просто хотел тебе продемонстрировать. Правда, когда текста полная страница, технология другая, более медленная. Но все равно чувствую себя Гутенбергом.

— А зачем тебе это? С советской властью бороться?

— Нет, что ты! Исключительно в целях заработка. Пойдем назад, тут вдвоем никак. О чем я? Знаешь ли ты, что у меня в амбарных книгах больше пятисот адресов районных газет? А для чего? — они вернулись в комнату, Игорь взял бутылку и штопор, продолжая разглагольствовать. — В районках катастрофическая нехватка материалов. Особенно внештатных авторов. А на внештатников, хочешь не хочешь, должно быть расписано сорок процентов всего гонорарного фонда. Гонорары в районке мизерные. Но — можно расширять площадь посевов. Иногда я пишу короткие материалчики без привязки к конкретным адресам. Стараюсь как можно чаще. Проблемы-то везде одни. Я занимаюсь сельским строительством. Специально читал районки других областей — всюду одно и то же. Ну вот, написал что-нибудь «из блокнота журналиста», рассуждения некие, немного юмора — и разослал. У них дырка на полосе — тут мой материалчик в ход и пошел. Присылают рубля три-четыре. Обычно из двадцати-тридцати газет. Круглым счетом выходит стольник. Но писем-то разослать мне надо сотни две-три. На машинке столько печатать — невозможно. Давай за советскую журналистику!

— Да, твоя фабрика впечатляет.

Они чокнулись, выпили.

Игорь взял ее за руку.

— Пойдем? — и сделал шаг к постели...

То была их первая ночь в избушке с ванной и подпольной типографией. А сегодня последняя. Игорь опять уговорил ее. «Завтра!» Да гори все синим пламенем, пусть завтра. Две ночи переночевала в общежитии и опять пропала. Ее заселили к второкурсницам. Какие-то туповатые, все хвосты сдают. Принимают ее за махровую заочницу с бурно-запутанной личной жизнью на воле. Они не так уж далеки от истины.

«Дома» хотя бы можно переодеться в банный халат, мягкий, привычный. Игорь греет воду, придется подождать. Но уж потом она залезет в ванну часа на полтора. Смывает с себя пот, унижение, ласки любимого мужа.

А пока надо заняться ужином. Игорь и сам, конечно, приготовил бы, он умеет как-то легко, между делом, но сегодня она возьмет на себя. У нее почти пять лет семейного стажа, кое-чему научилась.

Игорь носится: печка, насос, ТЭНы, краны. Надо нагреть большое количество воды, но чтоб в спальне не стало жарко. Там работает вентилятор, пара рукописных листов улетела на пол.

Он прав, конечно, в своей ясной поверхностной логике. Еще один вечер и ночь ничего не решат. Но даже не подозревает, до чего глубоко он прав. Не решат, потому что она уже все решила.

Кажется, «пасынкование» называется эта операция у садоводов. Просто удаление лишних побегов. И слабых, и сильных. Особо и не приглядываются, их просто не должно быть больше положенного. Разумеется, никто не станет обрывать тот, на котором завязался плод.

Ленушка — плод. И спасибо ей. Благодаря дочке она избавлена от мучительного выбора.

Случалось, Лена жалела себя за то, чему многие завидовали. Раннее и удачное замужество сослужило ей странную службу. Нина, например, сегодня намного старше ее, из детства так и не вышедшей, только обзаведшейся живой куколкой. И другими своенравными игрушками.

У Нины все сплошные черновики, творчество, поиск, сожженные клочки с подлежащими забвению тайнами, а ей пришлось писать сразу набело.

Она давно у Лены, эта черта. Еще с периода полового созревания. К своим неудачам, конфузам, самым мелким и полупридуманым, она всегда стремилась найти словечко позлее, понасмешливей, на грани, за которой уже просто ругань неприличными словами. Со временем она достигла в этом незаурядных высот и остроумия.

Свои отношения с Олегом она называла «любовь с первого раза».

Той весной она чувствовала себя снова десятиклассницей. Работала лаборанткой — эта должность введена специально для таких вот второгодниц со школьным аттестатом, — но все мысли были только о поступлении. И у родителей тоже. И совершенно не ко времени был этот длинный, спортивный, взрослый уже парень. Что он нашел в ней, для него еще малявке?

Отвязаться было трудно: одна компания. Маргарита, поздняя дочь гармоничной пары чрезвычайно увлеченных наукой нефтехимиков, была центром некоего постоянного клубления. У нее дома, в большой профессорской квартире с весьма либеральной бабулей, то и дело замышлялись какие-то походы на лыжах непременно по льду реки, выезды с рюкзаками ни больше ни меньше как на бардовский фестиваль и так далее. Основной состав был студенты двух имевшихся в городе вузов. Но главным образом с младших курсов, ровесники Маргариты и, соответственно, Лены. А Олег со дня на день должен был защитить диплом в филиале юридического.

Он ухаживал, как вежливый танк — прямым и кратчайшим маршрутом. При этом, конечно, знал себе цену: без пяти минут работник прокуратуры, кандидат в мастера по триатлону, просто видный парень из хорошей семьи. Никогда не упускал случая взять за руку, чуть приобнять, прокладывая в толчее дорогу, посадить в автобус, предлагал те или иные варианты времяпрепровождения вдвоем, отдельно от компании. Рассказывал, какая она красивая и чудесная. Может, держал за дурочку, а может, и впрямь увлекся, а выдумки не хватало.

Больше ее не провожали домой всем хороводом, Олег как-то оставил это право только за собой. Он целовал ее под топодем, прощаясь, и Лене это отчасти нравилось и казалось началом новой, взрослой, интересной жизни, продолжением которой совсем скоро станут ее студенческие годы в другом городе. Каждая первокурсница обязана иметь дома полумифического воздыхателя.

Летом молодежь часто бывала на даче Маргариты, причем в будние дни, чтоб не пересекаться со старшим поколением. Времени стало больше: студенты сдали экзамены, Олег получил диплом, Лена уволилась. В один из вечеров они вдвоем прогуливались по улочке дачного поселка чуть в стороне от Маргаритино дома. Это были так называемые «старые дачи». Дачи новые — у большинства горожан, в том числе и у родителей Лены, — были просто участками по четыре сотки со щитовыми домиками. А здесь почти деревня, зрелые черемухи и ранетки, заборы, скамейки у ворот, многие дома двухэтажные.

Неожиданно Олег подмигнул ей и в один момент запрыгнул на высокие ворота. Погремев чем-то с той стороны, он распахнул одну створку.

— Прощу.

— Ты с ума сошел, увидят!

Улица была пустынной, но в некоторых домах светились окна, хотя солнце еще не село. Лену как ветром сдуло — до того ей не захотелось быть застигнутой в момент взлома. Она оказалась во дворе, Олег закрыл ворота и повел ее на крыльцо застекленной веранды. Лене подумалось, что сейчас будет шум, звон разбитого окна.

— Зачем ты?! Уйдем скорее!

Но Олег открыл дверь ключом, который просто лежал на притолоке.

Веранда была большой, со столом и тахтой. Солнца здесь уже не было, сгушалась полутьма.

Олег захихикал:

— Открою секрет: это наша дача.

У Лены отлегло от сердца. Выходка дубоватая, но не криминальная. Действительно, где еще может иметь дачу Олегов отец — уже двадцать лет как представитель военной приемки на главном городском предприятии.

Олег принялся ее целовать. Сначала так же, как под тополем возле подъезда, но потом все жарче, давая волю рукам. Можно было закричать или заплакать, давя на жалость, но сцена была бы некрасивая, и Лене не захотелось в ней участвовать. Альтернативой было расстаться с девственностью. Что ж, она совершеннолетняя. Тахта вот только не очень.

Грудь жгло любопытство и острое чувство, вызываемое любой неотвратимостью. Она отдала себя в руки Олегу, он был опытен, но совершенно не владел собой. Лена удивилась — какое почти безумное желание она способна вызвать, обычная девушка со всеми своими несовершенствами...

У подъезда Олег ее поцеловал и спросил, где и когда они увидятся завтра. Лена ответила, что, конечно, у Ритки, и ушла. Весь следующий день она не высовывала носа и зубрила. Вечером, к радости отца, расщелкала все его задачки, которые он во множестве помнил еще со студенческой скамьи.

Неосознанно Лена сделала сильный ход.

Еще в апреле на семейном совете было решено, что на этот раз она отправится на сдачу экзаменов заранее. Походит на университетские консультации, посветит лицом, привыкнет. Но Олегу сказала, что уезжает в конце июля, как и в прошлом году. Зачем? Ей хотелось, чтоб он поумерил свой пыл и немножко отложил решительный штурм, поскольку время в запасе у него еще есть. Расчет оказался неверен. Но когда через два дня после неотбитого штурма Лена укатила за тысячу километров — Олегу стало очень плохо. Он обидел девушку, был излишне настойчив, даже агрессивен, она ему доверилась, а он воспользовался, она не хочет его видеть.

Через Маргариту, через приехавшую на каникулы Нину он пытался хоть что-нибудь разузнать. Те могли лишь обрадовать его твердыми пятерками Лены. Она станет студенткой, а его залистнет, как наивную страничку девичьего дневника, как неприятное воспоминание, как тяжкий урок.

Лена действительно сдавала экзамен за экзаменом на «отлично». Перед последним ее уже не покидала уверенность, что в этот раз она будет в списках. И ровно так же росла уверенность, что залетела. Не высшая математика, недели и на пальцах посчитать можно. Что она и делала, но результат всегда получался нерадостный.

Домой ехала в растрепанных мыслях. Мечта сбылась. Ее ждут пять лет увлекательной жизни, потом она станет дипломированным специалистом, далее, конечно, все в тумане, но она будет работать, создаст семью... Надо только поговорить с мамой, признаться, сделать аборт. Гордость за дочь, поступившую в университет, будет с трещиной. Можно ничего не говорить маме. А в первые же дни на новом месте, едва при-

писавшись к студенческой поликлинике, делать аборт «по-взрослому» — без помощи мамы и ее связей. Пройдет уже девять или десять недель. А вдруг потом у нее вовсе не будет детей? Важно ли это для хорошего математика? Отсюда, из сегодняшних восемнадцати, не решишь и не угадаешь.

Была суббота, на перроне ее встречали родители и красивый, женщины шеи сворачивали, молодой человек метр восемьдесят семь ростом, в новой форме прокурорского работника. Звание было невелико, но кто разбирается в их погонах?

Олег выдержал паузу и подошел, отрекомендовался «хорошим знакомым Лены», поздравил с поступлением. Поперек лба у него были прописаны серьезные, они же честные, намерения. Мама была сражена, папа хмурился. Именно здесь, в эти мгновения перед Леной крутился кубик судьбы — чет или нечет? Возненавидит она Олега за предстоящий ей унижительный визит в абортарий или примет в душу как спасителя от всего этого, как отца ее ребенка? Два пути, два зияющих пролома в толще медленнотекущего времени открыты были перед нею, и вдруг один из них схлопнулся, кубик приземлился. Не сама она выбрала, что-то свыше или изнутри, что-то женское — недаром она тут же обняла радостную мать и сказала поверх ее плеча:

— Приходи к нам завтра. Без помпы, без букетов — просто приходи, посидим, поговорим.

Дочь впервые самостоятельно при родителях приглашала кого-то в гости. Взрослым каким тоном. Отец это оценил и закручинился.

Олег просиял, тут же вызвался поймать такси, его уняли, сказали, что уедут как-нибудь самостоятельно, и распрощались.

Назавтра они проговорили в ее комнате около часа.

Олег уверял, что любит, предлагал руку и сердце, рисовал красочные перспективы. Главной его целью было вымолить перевод на заочное.

— Тебе не надо работать, только учишься, — заявлял он. — И... у нас ведь могут быть дети.

— Ты хочешь детей?

— Ну, конечно. Я думаю, они у нас непременно будут. Со временем...

— А что тут думать. Будь уверен. Время пошло.

Он не сразу понял. Но потом широко раскрыл глаза. И прошептал:

— Правда?

— Девять из десяти. В больницу еще не ходила.

И тут Лена полюбила его окончательно. Есть все же мужики, которые не шарахаются от подобных новостей.

Он схватил ее в охапку — а до этого не коснулся ни разу — и расцеловал. Это были в чистом виде поздравление и благодарность, безо всякого сексуального подтекста.

Когда они вместе появились у стола в большой комнате, родителям и так уже было ясно. Папа разгонялся пыхтеть, как маневровый тепловоз. И во второй раз дочь не смогла стать студенткой! Поэтому Лена, пока Олег собирался огласить свое официальное предложение, подошла к отцу и шепнула на ухо: «Я беременна».

Что ему еще оставалось, как не признать в Олеге человека глубоко порядочного и весьма способного. Дочь была воспитана в целомудрии, а этот гусар все же своего добился.

Первого сентября Лена перевелась на заочное, тридцатого сыграли свадьбу. Четвертого апреля, ровно между матерью и теткой, родилась Леночка-младшая.

Игорь приучил ее спать нагишом. Дома, и в детстве, и в самостоятельной жизни, считалась обязательной длинная ночнушка, она их любила, всегда с удовольствием

выбирала и покупала новую. Но в ту первую ночь ничего с ней, конечно, не было, и она попросила какую-нибудь футболку подлиннее.

— Устроим примерку! — бодро отозвался Игорь. — Но завтра. Потому что я знаю, чем это закончится. В самой затрапезной майке ты окажешься чертовски привлекательна, а твои ножки не скроет ни одна из них. Будем спать в костюмах Адама и Евы. Для спокойствия. Учти, что полуодетость более сексуальна, чем раздетость.

И они легли обнаженными, с интервалом, впервые заняв всю площадь постели. И очень скоро уснули. А наутро, почти в полусне, любили друг друга. Как-то очень мягко, согласно. Лена впервые не стеснялась помогать Игорю словами и руками.

Потом мололи кофе. Игорь варил его, как положено, в турке. Наслаждаясь ароматом, Лена думала, что холостяцкий быт хозяина этого дома не такой уж холостяцкий. Она вписалась сюда легко. И до нее кто-то «вписывался». И после будут.

Вчера выпили совсем немного, но сегодня как будто наступало отрезвление. Да такое противное, что становились понятными муки жаждущих опохмелиться. Сейчас, никуда не торопясь, они соберутся, опять ничего не забудут, он отвезет в общагу, будет настаивать на новом сеансе дня через два-три. Но дом с турникетом поглотит ее. Она заточит себя в башне наедине с покаянными мыслями. Что-нибудь соврет девчонкам: сидели у костра, пели песни. Опять ее захватит вся эта, если разобраться, муть — от экзамена к экзамену, теснота, женский треп. К последнему дню будет уже до нытья хотеться домой.

Она обещала позвонить сегодня Олегу. Домашнего телефона у них не было, по воскресеньям можно было звонить свекру и свекрови: муж приходил туда, и там была Ленуська. Но супруг настаивал, чтобы они разговаривали чаще. И Лена в будни с почтамта набирала его служебный номер в прокуратуре. Надо было уловить момент — последние обеденные минуты, когда его сослуживцы в чинах еще не возвратились, а самый молодой уже сидит на месте.

Вскоре они выехали. Лена была в отглаженном сарафане, противоречащем легенде с костром. Игорь пытался балагурить, но Лена как-то не отзывалась. И вдруг он сказал:

— Я вчера выдвинул неправильную версию. Мы не Маша-Федя, мы в боковом тоннеле времени. Время течет линейно, но есть перпендикулярные отрезки. Надо только уметь их найти. Или чтоб повезло. Пока мы в боковом тоннеле, мы не стареем. Потому что снаружи ничего не сдвигается. Выйдешь — и окажешься в той же точке. У всех ровно те же сиюминутные заботы, а ты прожил несколько часов или дней сверх положенного.

Лена и тут не ответила. Но мысль ее захватила своей красотой.

Когда до общаги остался один поворот, она попросила:

— Высади меня где-нибудь в стороне.

— Да, я думал об этом. Но выходящая из древней машины красивая девушка везде привлечет внимание. Давай я отвезу тебя в абсолютно конфиденциальное место, мы там уже были.

— В тот тупичок? Где Пахина пассия рядом живет?

— Да, — ответил Игорь. Неясно, относилось это и к пассии тоже или та выдумана. Впрочем, неважно, Лена давно поняла, что пикник Игорь сразу спланировал для них двоих, все прочее был добросовестно продуманный антураж. Он даже предупредил ее намеком, когда сказал: «Не менее двух и не более пяти».

Они опять приехали к больничному забору. Конечно, Игорю хочется обнять ее перед расставанием и уговорить на следующую встречу. И она сама предпочла бы, чтоб в этот момент рядом не оказалось случайных свидетелей. По рассказам Нины, та па-

лилась и сама палила своих неверных друганов в результате совершенно нелепых совпадений.

— Лена, — сказал Игорь, заглушив мотор, — боковые тоннели не бывают сквозными. Но все же их можно углублять. Не отказывайся, прислушайся честно к себе. А предложение такое: собирайся — и едем ко мне. Сколько там у тебя еще экзаменов? Все сдашь на пятерки, обещаю. Мы создадим тебе такие условия! Лужайку оборудуем лучше любого пляжа. У меня тоже дела найдутся, но в командировки я пока ездить не стану. Ты можешь радовать меня своей благосклонностью, а можешь и посылать.

Лена видела, что он втайне волнуется. Не наблюдалось за ним прежде такой эмоции.

— Это что — специальный закуток для охмурения? Здесь разлито вещество, раздражающее женщинам мозги?

Не то, все не то! Лена понимала, что нужно не язвить, а чем-то его просто оглушить.

— У меня сегодня телефонный разговор с мужем! А через день-другой месячные!

— Да переживем мы неделю воздержания. А на почтаме я тебя отвезу.

— Что ты передо мной рассыпаешься? Я обычная, серая, похотливая, как выяснилось, бабенка.

Любой бы на его месте тут выпалил: «Я тебя люблю!» Ей было бы приятно до холodka в груди, но он оказался бы пошляком. Игорь же ответил почти зло:

— Ты яркая, умная, незаурядная, сексуально же вообще неисчерпаемая женщина. Прекрати поливать себя грязью.

Сказать было нечего. Ничего и не хотелось говорить. Он должен был сам догадаться, что она опять согласна. Молча открыть дверцу, выйти? Если честно, было страшно разрешить себе еще один взбрык.

Внезапно Лена склонила голову Игорю на грудь и разрыдалась. Между всхлипами она вставила:

— Я наврала-а-а про месячные...

Он гладил ее по голове и беззвучно смеялся.

— Что девкам сказа-а-ать?

— Ну, переселяешься к Нинке, пока ейный хахаль в отъезде.

Лена совладала наконец со слезами.

— Так они вчера еще уехали, она домой, он к восточным морям.

— Да какая разница? Никто не проверит.

— А про мужа я тебе правду сказала. Про то, что звонить сегодня должна.

— Все успеем. Потом пообедаем в ресторанчике напротив почтама. Ты только мужу никаких сигналов в подтексте не посылай. Есть у женщин такая форма честности.

— Тебя так интересует сохранение моего брака? И откуда твой богатый опыт? Помогал любовницам не сбежать к тебе?

— Это все сложные истории. Могу при случае рассказать.

— Конечно. Я жажду подробностей. Про каждую!

— Хорошо. Но только вечерами. Сначала ты отчитываешься о пройденном за день материале. А потом я немного тебе рассказываю о своей жизни в основном тоннеле.

В тот же день весело обустроивали лужайку. У Игоря не было огорода, все какие-то постройки и трава посередине. Из бани была вынесена широченная лавка, отшлифованная целой династией морщинистых задниц. «Баня пока нерабочая. Осенью займусь». Тут же поставили «шезлонг», который, как и примеченный Леной «репортер», не надо было никуда срочно возвращать. Судя по всему, они принадлежали Игорю.

Между домиком и гаражом натянули два бельевых шнура, на них развесили широкие простыни. Теперь дворик не просматривался ни с улицы, ни с нижней дороги, где мало кто ходил, но сновали туда-сюда, бренча звонками, дети с велосипедами.

— Можешь загорать по-аристократически — только в кепке с длинным козырьком. Она и попыталась однажды. Но хватило ее лишь на полдня. Несмотря на жару, быть все время голой оказалось как-то некомфортно.

Однако загорела за пять солнечных дней знатно. Это был просто курорт. И соответственно, курортный роман.

Потом погода внезапно испортилась. Они сидели со светом, и это в пять вечера, небо было черным. Хлестал обильный дождь. Лена устроилась на кровати, а Игорь не столько писал за столом, сколько нервничал.

— Нет, за пристройку я совершенно спокоен. А вот старая крыша... Там проводка.

— Не беспокойся. Дождь как дождь. Отвлекись. Чего работаешь? Большой материал или заметку?

— Мелочь. «Из блокнота журналиста». Разошлю адресов в триста.

— Слушай, я ведь тоже читаю газеты. Там всегда «бригадир такой-то с завода такого-то». И как ты умудряешься это обойти?

— Вот сейчас сосредоточусь и за двадцать минут напишу простенькую историю. Один начальник ПМК² рассказал. Строили в селе новую улицу. Разбили участки в чистом поле. На крайнем оказалась береза. Красивая, раскидистая. Он приказал прорабу, чтоб дерево не трогали. Пришлось экскаваторщику, крановщику, всем как-то крутиться. Костерили начальника, но сохранили. По осени дома сдали, весной оказался он снова на этой улице. А березы-то и нет. Спилит хозяин. Затеняла, видно, грядку.

— Да. Бывает.

— Мой главный союзник — дырка в полосе. Возникают они регулярно. Что делает ответсек? Лезет в материалы АПН³. Все редакции их получают. Толстые подборки новостей со всей страны. Но они длинные и тоскливые. А тут моя заметка. Она даже украсит полосу. Это, кстати, важный фактор. Написать надо так, чтоб самому прожженному газетчику было интересно. Однажды я сочинил стихотворный фельетон. Здорово в тему попал: ремонт коровников и так далее. Так в тот месяц я по итогу около тысячи получил. По переводам гонорарным проследить трудно, но вышло, что рублей семьсот он мне принес.

— Мне почти полгода работать за эти деньги! Наш директор столько не получает.

— У директора квартира бесплатная пятикомнатная в центре. А я на эту тысячу пристройку сделал, тридцать метров. И то, если б не дружил с сельскими строителями, ничего бы не срослось. Все у нас дефицит и все по знакомству. Ладно, учи давай! Дождь вроде ослабел.

У них сложился свой быт, местами абсурдный. Раз в два-три дня он возил ее на пчтамт разговаривать с домом. На консультации и экзамены она отправлялась автобусом, Игорь подъезжал к университету часа через два. Любая вылазка в город заканчивалась в ресторане, он ценил «ранние» рестораны, то есть сразу после открытия, в двенадцать. В этот час здесь царили тишина, вежливость и крахмальная благопристойность. Даже не верилось, что в этих же стенах к вечеру будет чад, шум, толчея. Думали они, конечно, и о конспирации. Студента в ресторане днем не встретить. Тем более в загородной «Дубраве».

Однажды, когда Игорь в очередной раз рассчитывался, Лена не выдержала:

— Я, получаюсь, содержанка.

— А что ты предлагаешь — складчину устроить? Ты мой гость.

— Да, этакий засидевшийся гость.

² Подвижная механизированная колонна — сельская строительная организация.

³ Агентство печати «Новости».

На самом деле она с ужасом видела, как утекают между пальцами дни и ночи. Сначала их было тринадцать. Тринадцать дней и четырнадцать ночей. Потом восемь, потом уже не хотелось считать.

Быстро ответив на предпоследнем экзамене, она получила в распоряжение часа полтора и пошла по магазинам. Первым делом купила довольно большое зеркало на замену маленькому и мутному, что висело у него в ванной. Накупила всяких бытовых мелочей, о которых мужчина не думает. Пусть пришедшая за ней следом не испытывает неудобств. Купила также кофейную пару, втайне надеясь, что после расставания Игорь спрячет ту в шкаф и никому не будет предлагать кофе из ее чашки.

Когда распаковывали покупки, Игорь сказал:
— Теперь мы парочка: содержанка и альфонс.

А потом настал день отъезда.

Проснувшись, Игорь не искал ее благосклонности, хотя ценил утренний секс. И накануне, укладываясь спать, они обошлись почти без ласк. Как будто постепенно переходили к соблюдению приличий.

Он отвез ее на остановку автобуса. Вокзал — место случайных встреч земляков. Лена вдруг подумала: попроси она Игоря довезти ее до родного города, тот бы согласился, даже поднял бы ее на третий этаж и из рук в руки вручил открывшему дверь мужу.

Договорились писать, естественно, до востребования.

За полгода он написал трижды. Письма были выдержаны в странном тоне, начинались «Дорогая Елена Валентиновна!», подпись была «Ф. Печькин». Уловить их содержание было сложно, иногда оно сбивалось на производственные вопросы: «Следующий разряд я еще не получил», «Работы в боковом тоннеле не ведутся». Если б она когда-то работала в школе для дебильных детей, то так мог бы написать благодарный повзрослевший ученик. Оттенок легкой шизы несомненно делал эти тексты совершенно конспиративными, Игорь и здесь проявил выдумку. Она отвечала односложно, сухо и мрачновато: «Папа две недели лежал на обследовании, но слава богу, все хорошо», «Долго сидела с приболевшей Ленуськой, это все садик». В сущности, главное было сообщить дату приезда в конце января.

Она помнит тот морозный день.

По перрону шла медленно, чтобы все обогнали. Народ, как всегда, торопился на автобусы и такси. В вагоне было несколько семей из родного города, незнакомые, но все же.

Смешно, если ее предусмотрительность окажется излишней. Почему она вообще решила, что он ее встретит? Командировка. Постоянная подруга. Или вообще ничего этого, а просто — полгода. Прошло полгода.

От автомобильных выхлопов привокзальная площадь просматривалась плохо. Зимнее утро, темень, фонари освещают какие-то клочки прямо перед собой и только. Его самобеглая коляска приметней всех, но как ее обнаружить, если, ко всему прочему, той здесь просто нет?

— Молодайка, все такси уж упустила. Поедем, много не возьму.

Это был он. Конечно, он и должен был быть именно здесь, лучшая точка для наблюдения. Лена молча улыбалась.

— Ну сидор-то давай, — не выходил из роли Игорь.

Боже, целое представление — чтоб ее удивить, и развеселить, и не скомпрометировать.

Они скрылись в клубах дыма. Газик стоял недалеко, Игорь плюхнул в него сумку, открыл перед Леной дверцу, обежал машину, влез на водительское сиденье и только потом поцеловал.

— С приездом! У меня сердце в пятках, думаю: пропустил. Как ты эффектно выглядишь! Немногим женщинам в зимнем это удается.

Лена что-то отвечала, однако на языке вертелось единственное слово, которое хотелось произнести: «любимый». Но случай как-то не представлялся.

Поехали. Поехали как будто опять в лето, хотя впереди были серые сугробы и низкое городское небо.

— Куда ты меня везешь?

— Как куда? Я место жительства еще не сменил.

— Но сначала ведь надо в общагу.

— Да зачем? Кто тебя там будет искать?

— Представляешь: сталкиваюсь с девчонками на консультации. И откуда я такая?

— Скажи, что по благу устроилась у филологов. Чтоб ближе. Да не думай о них. Еще неизвестно, появятся ли вообще твои знакомицы, а мы будем огород городить. Сейчас приедем, и все будет прекрасно, я основательно приготовился. Теперь даже баня функционирует.

— У меня месячные. На этот раз правда.

— Ну что ты сразу все выложила, как пионерка? Подумаешь. Мы свое потом наверстаем.

Игорь был очень оживлен. Откровенно рад ее приезду. Все как она и мечтать не смела.

По мере приближения сессии Лена проводила «среди себя» воспитательную работу. Выдумывала новые уничижительные определения для своих будущих походов, пытаясь вызвать к ним отвращение и понимая, что отменить их, наверное, не в силах. Но «курортные процедуры для органов малого таза» и даже «мохнашкины гастроли» не могли сработать по простой причине: всякий раз приходила мысль, что он ее и не ждет. К чему тогда тренировать волю? Поведение ее будет безупречно безо всякой работы над собой.

И вот встреча.

В одночасье она как бы обернулась, была лягушка, теперь царевна, скорее наоборот, это как раз неважно, просто другое агрегатное состояние, вместо весомого льда — невесомый туман. Боковой тоннель своими сводами ограничил ее — и освободил.

Снова их странный, и честно говоря, счастливый быт. Игорь повесил второй светильник над постелью, возле маленького столика поставил торшер с красивым абажуром. Раскладное дачное кресло втащил в кухню-прихожую, где печка. Шкаф ему пришлось переставить, зато теперь появилось еще одно место для чтения. Рядом были новая проводка и розетка. Выдал ей теплые домашние тапочки. Господи, можно лежать на печи, как Иван-дурак, сдать все экзамены!

— Зимой опасна гиподинамия! Будешь дорожки расчищать.

И они в первый же день кидались снегом, который вьюжистый ветер сдувал с лопат, превращая их труды в бессмыслицу. С грехом пополам все же осилили внутренний дворик.

Пили чай по-зимнему, с коньяком, на плите шкварчало что-то со знакомым запахом. Рядом был пансионат для ветеранов войны и труда с мощной кухней, там пекли чудесный ноздреватый очень белый хлеб, и если ты гений коммуникабельности, как Игорь, можно было покупать полуфабрикаты: пельмени и вареники, куриные крылышки в соусе, слабосоленую селедку в кольцах лука. Иногда в полчаса как-то сам собой образовывался обед.

Игорь вообще крайне экономно относился к своему времени. Когда Лена впервые это осознала, ее обьял ужас: какую прорву не часов, а дней отнимает она! Удовлетво-

рить естественные мужские желания можно гораздо проще, а он обихаживал ее. Значит, думала она... И тут же прикусывала язык: ничего не «значит».

Конечно, ее занимал вопрос, как часто он предавался удовольствиям в те полгода, когда и она исправно дважды в неделю отдавала набежавшие проценты супружеского долга. Подъезжала с вопросами тонко — надо было весело, иронично, без нажима, к месту; когда все сходилось, он кое-что рассказывал, но иногда уводил в сторону.

Как-то упомянул мимоходом Наташку, которая, приехав защищаться, почему-то страшно занервничала. Ему пришлось здесь, вот в этом дворике репетировать с ней выступление на защите диплома. Он то смотрел пристально, то вставал и уходил ей за спину, шумел чем попало, запускал бумажные самолетики и солнечный зайчик. А она, не сбиваясь, должна была продолжать свою речь. Забавно.

Забавно и то, что все это могло происходить за неделю-другую до первого Лениного появления здесь. Но все же *до*. К тому же — вдруг та неприступно верная супруга?

Про Наташу, на которой он едва не женился, Лена знала многое. Они были официальной парой долго, около трех лет. После четвертого курса вышла замуж и уехала с мужем. За весь последний учебный год журналисты проводили в стенах университета не более трех месяцев, поэтому она спокойно закончила учебу. Очень красивая девушка, у них в группе вообще было несколько красавиц — хоть сейчас на ЦТ. Каждый год первого сентября всей группой они фотографировались, такая сложилась традиция. Зав факультетской фотолaborаторией с профессиональной фамилией Лейкин очень любил молодежь и охотно традицию поддерживал.

Лена рассматривала эти снимки. На них была запечатлена еще одна «разрядница», самая секретная, встречи с которой, видимо, продолжались.

Как-то Игорь все же о ней рассказал. Начал так:

— Назову ее... Оксаной, да, Оксаной, такого имени нет ни у кого из наших. Она мне сразу, с первого дня учебы понравилась. Но уже была Наташка, за которой я усиленно бегал, охмурял, ревновал, все по полной программе. А Оксана так вообще по прямой колее тут же вышла замуж за одноклассника. Их там чуть не с детсада друг другу предназначили. В общем, учимся, каждый день видимся, но я с Наташкой, и Оксана замужняя дама. Между вторым и третьим курсом сына родила, академ не брала, училась как училась, это у нее легко. После четвертого наши собрались на отвальную — почти на полгода расставались: каникулы, а потом практика самая длинная, до середины ноября. Ну, и меня позвали. Хорошо посидели. И я с Оксанкой танцевал. Боже, меня сразу же пробило. Множественные разряды, танец долгий.

— Обычно говорят: танец закончился слишком быстро.

— Нет, тут показалось: вечность. И что после этого я не смогу смотреть на нее неохальными глазами. Чем оскорблю. Но она потом мне призналась, что сама испытала нечто похожее. И вообще, я ей с первого первого сентября нравился.

— Индийское кино.

— Да, кино. Убежала она тогда втихаря. А я сам не свой. Рыщу по городу и выясняю, где практику проходит. Все разъехались кто куда, вплоть до Сахалина, интересно же страну повидать на государственные деньги. Но у нее семья. Точно: нахожу в нашей областной газете. Заводим разговор на профессиональные темы. Приглашаю посидеть в кафе. И тут ее прорвало. Она вообще очень эмоциональная. Оказывается, у нее кругом проблемы. Муж ревнивый до припадков. В газете ничего не получается. Подруги не понимают. И так далее. Хорошо, отвечаю, пойдём по порядку. С журналистами все ясно. Мэтры областного масштаба, сомнение как компенсация заурядности. Ты молодая, красивая, семейно благополучная, а они все ловеласы траченные — им хочется тебе просто чем-то отомстить, ибо поезд ушел.

— А что, одни мужики в редакции?

— Есть и женщины, но с ними еще хуже. Причины те же: молодая, красивая, сын еще ребенок, а не уже балбес. Прикрепили ее к Борейше. Четырежды женатый — дважды разведенный. В статье, говорит, тема не важна, факты не важны, ничего не важно, главное — стиль. Прикопаться способен к семи словам из девяти. Все это знают. Не носи ты ему, говорю, материалы, не позволяй в них ковыряться. Спокойно работай и жди, когда в отпуск уйдет. Он золотое перо, ему положен лучший сезон: конец августа — начало сентября. Останется в отделе Перельгин, он молодой, ленивый и только что из отпуска. Портфель будет пустой. И тут ты со своими двумя или тремя большими статьями. На ура пойдут. Мы еще их отшлифуем, я помогу, я реальные требования знаю, а не Борейшины понты.

— То есть ты ее сюда заманил под предлогом литературной правки?

— Этот выпад я пропускаю мимо ушей. Далее: подруги. Ты им не плачься, ты лучше их выслушай. Твои проблемы их раздражают, они думают, ты не ранима, а просто изнежена. Ну а с мужем совсем просто. Переверни доску. То есть он не должен гвоздить тебя: «Я знаю, что ты то, я знаю, что ты се...» Он должен бегать за тобой и стенать: «Умоляю, ведь все это неправда, да?...» И ты не сразу царственно ответишь: «Хорошего же ты мнения о своей жене!» А потом я сказал, что она всегда меня влекла, и Оксана призналась, что тоже давно мне симпатизировала. Мы стали «встречаться». Для нее это были своего рода психотерапевтические сеансы.

— Ничего не путаешь? Я бы назвала это физиотерапией.

— Понимаешь, ей вот что было важно: немножко шире и свободней взглянуть на мир и себя в нем. А то запуталась буквально в трех соснах...

— А ты предложил услуги по распутству! Нет, подробностей не надо!

«Оксану» легко вычислить с помощью Нинки. Но Лена ни за что к ней не обратится. Больно прозорлива сестренка. Ее отец, дядя Толя, помнится, недоумевал: «Загадка! Одна словечки отпускает, что твой Зоценко, и все тома Чехова до дыр зачитала, а собралась на мехмат. Вторая вычисляет в уме, как Эйлер, — и на филфак!»

Они были близки, совсем как настоящие близнецы, и всегда делились тайнами, но разговоры о делах сердешных в последние годы были сплошь монологами Нины. Поддержать паритет было просто нечем — что такое ровный мещанский быт по сравнению с порывом, звонкими дребезгами и американскими горками Нининых приключений. И хорошо, что Ленины губы были долгое время сомкнуты, а провокационные расспросы сестры остались в далеком прошлом. Первые дни хотелось признаться, выплакаться, но мудрый змей прошептал: «Тш-ш-ш!» Время от времени, в качестве разрядки, Лена всего лишь представляла Нинину реакцию, если ей рассказать, например, как они с Игорем вдвоем принимают ванну и какие штуки откалывают потом под душем...

— Я, конечно, сама напросилась, но ты нанес мне травму. И теперь обязан рассказать о той единственной, которая устояла.

— Зойка? Имя подлинное... Ты знаешь — странно, она была совсем не в моем вкусе. Бойкая, постарше, курящая. Время от времени открывала беспорядочную пальбу глазами. Ну, попреж на телевидении — работа вообще не для застенчивых. Говорили о ее связи с главредом. Замечаю: стало меня тянуть на студию. Хотя заработать там почти нечего. Однажды на лестнице обнял ее за талию — и вштырило, как от чифиря. Ну все, понеслось. Я и так, и эдак, и буром, и изящно, и смешу, и на лирику давлю — отскакивает, как от стенки. От всех предложений отказывается, со смешком, свысока. И дальше все ровно, будто забыла о моих наскоках. На одной гордости уполз, пацаненком быть не захотелось.

— Видитесь?

— Нет, она вскоре уехала.

— Ну-у, это неспортивно. Я-то думала... Она б не устояла. Засчитываем ей техническое поражение ввиду неявики, а ты — чемпион абсолютный.

Разговоры тоже были эrogenны. «Боже, до чего ты пристрастилась к клубничке!» — привычно осуждала себя Лена.

Самой смутно-опасной представлялась вытканная из этих разговоров некая Аня. Игорь говорил о ней как будто с оттенком ревности. По его словам выходило, что та предпочитает товарищеский стиль общения с парнями, однако за пределами добра, и убедительно поплакавший у нее на груди может получить телесное утешение. Понятно было, что сам он нашел к ней особый ключик, но ему неприятно быть обласканным на общих основаниях.

Аня единственная из его разрядниц была незамужней, к тому же на два или три года моложе. Конечно, он на ней не женится и даже не подженится — он женится через несколько лет, приглядит юное чистое создание, влюбит в себя. К тому времени будет уже манипулятором четвертой или пятой степени. Девочка пойдет за ним, как под дудочку, наивно-счастливая, будет в восхищении от мужа до самой пенсии, следуя незаметно расчерченным для нее линиям.

Аня была студенткой, иногородней, и самое неприятное в мысли о ней — как здорово сопрягаются их графики: каникулы у одной совпадают с сессией у другой. Подобно двум половинкам разорванной купюры, они составляли целое, и сексуальная жизнь Игоря представлялась максимально упорядоченной. В его способности предусмотреть почти все она уже имела случаи убедиться. Когда эта догадка стучала в висок, Лена обхватывала голову руками и говорила: «Я в домике».

В зимнюю сессию Игорь однажды все-таки не смог отбойриться от одной командировки. Успокаивал: «За день легко обернусь». Уехал очень рано. Значит, далеко, но Лена все равно глядела в календарь, соображая, разъехались ли уже студенты-очники.

Под вечер накатило беспокойство, почти паника. Она кляла себя: Игорь за рулем дышащего на ладан драндулета сейчас среди снегов на длинном перегоне, она должна была поддержать его своей энергией, а не слать в пространство деструктивные сигналы, рожденные капризной и незаконной ревностью.

Когда окончательно стемнело, она уже не могла ни читать, ни заставить себя прикоснуться к давно готовому ужину. Погасив свет, стояла у окна, глядя на дорогу. Думала, думала. Например, что она — двоемужница, бывают же двоеженцы, их полно, а вот она — двоемужница. Пробегал и совсем уж бред: прекратить пить таблетки, привезти в подолé сына. Олег, человек позитивный, тут же найдет в нем черты фамильного сходства.

Игорь приехал вымотанный, закоченевший из-за барахлившей печки. Как рада была Лена, что в нужный момент она рядом. Он сказал: «Извини!» — и еще минут двадцать сидел за столом, записывал в блокнот мысли, пришедшие на дороге. Ничего не должно пропасть — это был его принцип. Из любой поездки он привозил один обязательный материал и еще несколько попутных.

Лена сказала, что сумела самостоятельно нагреть воду. Нужный объем для ванны можно было обеспечить только сочетанием печки и ТЭНа. Игорь благодарно ее к себе прижал, говоря: «Чудесно! А завтра устроим баню!»

У мужчины может быть много женщин, но жена — это другое, жена — это жена, думала Лена.

Они опять лежали в метре от друга. На Лене была стариковская пижама фасоном из пятидесятых — Игорь купил где-то в дальнем районе, просто позарившись на ди-ковинку. Он из солидарности был в длинных трусах.

Молчали. Сон не шел.

Лена думала, где прокололась. В полуистерическом возбуждении прошедшего дня это как-то не влетало в голову, а сейчас казалось очевидным. С чего вдруг муж примчался? Это ее восьмая по счету сессия. Правда, раньше он и не имел такой возможности. Положенный городу по статусу большой аэропорт строился уже пятый год, и конца-края не виделось, на поезде же туда и обратно ровно двое суток. В прокуратуре царила железная дедовщина, и только сейчас, перестав быть самым младшим, он получил право на некоторые послабления. На два дня отгулов, например.

Несомненно, его отношение к отъездам жены год от года менялось. Поначалу он хорошо помнил, что это был основополагающий камень их брачного уговора. На первые сессии провожал ее с гордостью — за умницу супругу и за себя, такого великодушного и широкого. Потом появились нотки раздражения. Но в подозрения они не выливались. С сессий Лена всегда приезжала соскучившейся. Особенно с последних двух — так должен был решить Олег, чувствовавший, что жена нежнее и сговорчивее, чем обычно. Лена понимала, что уронила в грязь не только свою честь, но и его сверкающую честь мужа и супермена.

Когда собиралась и уезжала на зимнюю сессию — была задумчивой и подавленной. А вот перед этой, летней, ей овладело какое-то лихорадочное состояние. Припомнился конфуз: забыла уложить ночную рубашку. Это пришло в голову, когда уже собирались посидеть на дорожку. Вот удивился бы муж, увидев в бельевом шкафу полный комплект ее ночнушек и наверху — голубенькую, самую любимую, которую так привык задирать на ней до ключиц. Может быть, в эти дни перед отъездом он заметил особенный блеск ее глаз?

Но могло быть и проще. Какие-то общие седьмая вода на киселе знакомые видели ее садящейся в приметную машину. Или кто-то мог обратить внимание, что в универ она всегда приезжает на пригородном, дальнем автобусе, который в городе почти нигде не останавливается. Или Володька, Олегов однокурсник, следил за нею? Тот ему письмом прислал фото и приметы? Нет, это уже детектив... Какая-то змеюка могла гнездиться в общежитии, где Лена показательно отсутствовала.

Тогда Олег должен был попытаться застукать ее, застать врасплох, а не сообщать день своего приезда. Впрочем, она звонила ему в среду в обед. Отгулы уже были разрешены, и в кармане лежал билет на четверг. Не сообщить об этом он просто не отважился.

И куда побежала она, растерявшаяся от этой новости? Разумеется, к Игорю. Тот быстро все за нее решил: «В универ за направлением в общежитие! Неважно, что сессия к концу, они обязаны. Пропуск у тебя остался?» Ее заселили к двум очницам, изможденным пересдачами. Потом они с Игорем поехали к нему, собрали сумку... и решили, что переберется она завтра. Раньше пятницы муж появиться не мог.

Что, кстати, делал и думал Игорь в эти сутки? В субботу как ни в чем не бывало он ждал ее с экзамена...

— Не такой уж и примитив, — сказал вдруг Игорь надтреснутым от долгого молчания голосом. Лена сразу поняла, какой разговор он продолжает. — Как бы то ни было, а своего добился. Поселил в тебе комплекс униженности, никому-кроме-него-ненужности.

— Спи давай. День прожит.

В общаге крутились свои механизмы. Приехав туда, Лена не обнаружила сокамерниц. Ей даже в голову не пришло спросить, когда у них последний экзамен, а он, похоже, был вчера.

Комендантша бдительно следила, чтоб никто из заочников не оставался владельцем «отдельного номера». Как будто была в неведении о параллельном сексе на двух кроватях. И перевела Лену на второй этаж, к рабфаковцам. Рабфак, или — иначе — подготовительное отделение, состоял из взрослых людей, большинство из которых даже при всех льготах обладателям трудового стажа никогда не станут студентами. Нравы здесь царили простецкие. Лена была в тихом ужасе, хотя уже смирилась еще с одной тройкой. Из вежливости перекинулась несколькими фразами с обитательницами своего нового жилища. Пришлось рассказать кратко биографию. Она не сразу решила, кто меньше поразит воображение слушательниц в качестве мужа — журналист или почти прокурор. Четырехлетняя дочка их умилила. Им было по двадцать, выглядели на тридцать, детей не имели.

Про сегодняшнюю консультацию Лена вспомнила слишком поздно, пришлось пропустить. Но в библиотеку надо. Сдать кучу книжек и взять одну, и та будет лишней. Троечку всегда поставят, с ее-то зачеткой.

Когда после библиотеки снова подходила к общежитию, хотелось выть. Не приткнулся ли где-то рядом смешной автомобиль защитного цвета? Хотя вот это как раз ни к чему.

В коридоре миновала двух взрослых парней, один светил уголком тельника. В комнате никого не было. Рабфаковцы видели, как она открывала дверь ключом, сейчас придут знакомиться. Лена быстро освободила сумку от некоторых вещей, сложив их в тумбочку, оставила на кровати учебник и вышла из комнаты. Парни как раз решались постучать. Пришлось запирать дверь, повернуться к ним спиной.

— Красавица, когда вернешься? — раздалось ей вслед ненаходчивое, когда она уже стартовала по коридору.

«У меня была всамделишная гиподинамия от этой Игоревой машины! — думала Лена, шагая по улице и сильнее, чем надо, размахивая сумкой. — Что я, в самом деле, не могу самостоятельно передвигаться? Руки-ноги на месте. До остановки трехать к самому мосту, но ничего. Нагрузки полезны!»

Деревеньку она теперь знала. Конечная автобуса, пансионат. Знала, как пройти нижней дорогой, на которой нет лавочек с бабушками. Знала секрет щеколды на нижней калитке. Пройдет сквозь крапиву по поясу — и окажется в узком длинном дворике. По машине сразу будет ясно, дома ли Игорь. Если нет — подождет в бане. Или нет. Наденет купальник и выйдет на солнце, сегодня опять жарко. Или нет, не будет надевать купальник, сядет в кресло загорать просто в белье — сиреневых трусиках и белом лифчике. Некомплект, ну и что — приватная территория.

Пусть пацаны глазуют с пустыря на взрослую тетеньку, по-мальчишески грязно воображая, как она распоряжается своей взрослостью. Им в каждой молодой женщине видится развратница. Что тут скажешь...

Машину она увидела еще с дороги. Та стояла не под навесом, а просто во дворе у ворот. Значит, Игорь или куда-то собрался, или только что приехал.

Она заторопилась. Через крапиву переправилась, подняв вверх оголенные руки с сумкой. Зашагала по склону. В этот момент из дома вышел Игорь в шлепках и домашней футболке: собрался убрать газик с солнца под крышу. И вдруг увидел ее.

Она прошла еще несколько метров и сказала:

— Пижаму свою асексуальную отдай соседу на чучело.

Игорь улыбался. Она подошла.

— А со мной моя любимая мягенькая ночнушка. Правда, у нее спина почти протерлась. Но я знаю, что в этом доме спине моей ночнушки ничто не угрожает.

— Ты — чертик из табакерки. Бедовая девчонка. Подарок небес. Ну как тебя такую не любить!

— Замри! — Лена подняла ладонь. — Слово не воробей.

Наяда обыкновенная

Идея поначалу казалась глупой, но в итоге всем понравилось. Учебу партийных и советских руководителей по актуальным вопросам хозрасчета в строительстве провели не в Москве, а в пустой, сонной, гулкой зимней Юрмале. Гостиницы здесь были ничуть не хуже столичных, обычные просьбы домашних привезти из Белокаменной длинный перечень товаров можно было смело игнорировать, к тому же волей-неволей получалось как-то приобщаться к европейской жизни. Здесь было много баров, Петр Лукич чувствовал себя в них несколько скованно, но это заставляло держать себя в тонусе, быть подтянутым и осанистым. Коллеги, видел он, с трудом терпели местный персонал, медлительный, немногословный и надменный, но Петр Бережной был третий руководящий работник и понимал, что в его власти, а что нет. Пыхтеть по поводу недостатков в сфере обслуживания пристало разве что сталевару, приехавшему по профсоюзной путевке.

В последний день его затащили на фотовыставку. Сроду не посещал он никаких «культурных мероприятий», но до вечернего поезда действительно надо было как-то скоротать время. Разлетались все из Москвы, ночной СВ с выпивкой в простой, русской, человеческой обстановке уже приятно будоражил воображение, поэтому с утра четвером отправились запечатлеть в памяти местную архитектуру, подышать напоследок морским воздухом, ну и затем в примеченный кем-то выставочный зал с завлекательной афишей.

Экспозиций с работами фотохудожников оказалось несколько, различались названия и тематика, но их как-то прямым и безвариантно занесло туда, где преобладала обнаженная натура. Петр Лукич и здесь показал себя вполне европейцем, хотя еще минуту назад был уверен, что такое безобразие в СССР попросту невозможно. Свысока и как-то даже кислотовато скользил взглядом по черно-белым грудям и прочим формам — и вдруг ощутил тепловой удар. С одного из снимков призывно улыбалась его семнадцатилетняя дочь Виолетта. Ошибки тут быть не могло. Самое смешное, что он узнал даже Кривое озеро с его неповторимым клочковатым туманом, камышовым дальним берегом и ветлой, обрезанной краем кадра. Дерево это, местная достопримечательность, обозначало условную границу между владениями купальщиков и рыбаков. Петр Лукич сживал с удочкой значительно дальше: самые рыбные места находились в каплевидном заливчике, которым озеро заканчивалось, а настоящий пляж, напротив, располагался у ближнего к дачам берега. Место возле ветлы было красивым, но к купанию не располагало из-за вязкого илистого дна.

Именно в момент, когда ровная пелена тумана рвалась вдруг на клочки, начинался самый клев. Берег как будто отрисовывался, становилось видно восходящее солнце и росу на каждой травинке, рваные белые полотнища устремлялись к середине озера — а он и ему подобные почти не замечали всей этой красоты, подсекая и таща.

Зато теперь можно вполне разглядеть остановившееся мгновение. Фотограф поймал едва ли не первый утренний луч солнца, который осветил бесстыдную физиономию Ветки, абсолютно голой, если не считать венка из полевых цветов на голове. Ладочки сложены перед подбородком лодочкой, с озорной улыбкой она сдувает какую-то пу-

шинку. Широкие сахарные бедра уходят в темную и наверняка холодную воду, прикрывающую, как говорится, срам. «Застудит придатки, дура!» Петр Лукич едва ли не по квадратному сантиметру изучил всю площадь снимка, обнаружил, что дочура тщательно выбрила себе не только подмышки, и наконец дошел до подписи. «Федор Припасихин. Наяда обыкновенная». В голове несколько раз как будто прокрутились вхолостую некие жернова. А потом все же уцепили зернышко и размололи его: «Это ж не Доска почета, тут в подписи автор, а не изображенное лицо!»

Да... Предстояло выяснить, кто такой этот Федор, развлекавшийся ранним утром с его повзрослевшей дочерью практически на глазах у соседей по дачам. И обувь его из сапог в лапти по полной программе. Ну а Виолетте кнута бы хорошего... Чтoб долго еще голой не могла никому показаться. Кроме терапевта.

Петр Лукич обошел всю экспозицию. Подробно ничего не разглядывал, просто отмечал названия, фамилии авторов «фотохудожеств», сюжет и степень разнuzданности творимого в кадре. Невольно сравнивал моделей со своей дочерью «по красоте». И пришел к выводу, что во всем зале она одна более-менее приятная девушка, все прочие были какие-то стервозные, что-то из себя гнули и позы принимали самые непристойные. Обнаружил также, что фотографы все нерусские, из Прибалтики и обеих столиц. Припасихин был один из глубинки, отчасти в пару к нему можно было добавить некоего Александра Доценко из Владика, но тоже... портовый город, фарца, моряки привозят японскую порнуху. Это не Россия.

В общем, жажда мщения по отношению к Федору, конечно, не улеглась, но стала менее яростной. Воздадим пропорционально содеянному. Петр Лукич помнил, что курирует правоохранительные органы.

Утро у Олега Николаевича Климовских не задалось: вызвал прокурор города и поручил дело, «которое будет на особом контроле». Ничего хорошего это означать не могло, что и подтвердилось тут же. Некий фотограф Припасихин баловался съемкой обнаженки, даром что работал на заводе художником-оформителем, а фотолабораторию ему соорудили, чтоб заполнять Доску почета ликами передовиков. Так, бытовуха, но угораздило его запечатлеть в чем мать родила дочку первого зама predisполкома. А той нет восемнадцати, может, и семнадцати не было на момент совершения деяния... Раз несовершеннолетняя — подключайся, прокуратура, так в инструкции написано.

— Но ведь Бережному, кажется, под шестьдесят?

— Шестьдесят ровно. Он рано овдовел, а в сорок с небольшим женился во второй раз. Виолетта — его любимое дитя, сын от первой жены — офицер, служит далеко. Так что, Олег Николаевич, задача следующая: посадить этого шукаря. Изготовление порнографии, развратные действия, растление малолетних. Санкцию я дал, Мануйлов — опер толковый, уже, наверное, проводит обыск в «студии» — у этого Припасихина восемьдесят квадратов помещение! В заводууправлении на четвертом этаже. Потом в СИЗО голубчика — и берись за него вплотную.

— Может, не надо в СИЗО? Испугается, замкнется. А так сам наговорит на нужные статьи.

— Решай. Мне нужен результат, подходы — твое дело. Поезжай на завод, посмотри на фигуранта, избери меру пресечения.

— А заявление будет?

— Какое?

— От дочери Бережного.

— Петр Лукич сказал: дочь не впутывать, фотографа посадить!

Следователь понял, что от него требуется луна с неба, и больше вопросов не задавал, а отправился на завод.

Припасихин оказался педантом. Наверное, иначе и нельзя при его занятиях. Негативы лучших людей с четкими подписями лежали в одной группе конвертов. На другой полке были конверты все как один пухлые — калым, детские садики и школы. Следующая содержала искомое: негативы и пробники авторских работ Федора Припасихина. На конвертах были пометки типа «Алла с ПТО», «О. Тим», «Шурочка», «Лера (может кастюмы)».

Выделенное помещение он грамотно разделил на лабораторию и студию. Первая была темнушкой сразу при входе. Вторая имела три больших окна. На длинном столе, придвинутом вплотную к подоконнику, лежали листы ватмана, красные полотнища, кисти, краски, плакатные перья. Пространство в середине было занято лампами на штативах, белыми экранами, стульями, креслами, какими-то драпировками. Вломиться без спроса сюда никто не мог: хозяин вывешивал на ручку входной двери табличку «Проявляю» и закрывался на ключ. Нельзя рисковать засветить пленку. Срочные указания до него доносили голосом через запертую дверь.

А художник мог в это время бесконечно ставить кадр с очередной ундиной.

Федор Сергеевич Припасихин был невысоким чернявым мужичонкой сорока одного года, понятно, бородатым, понятно, в джинсе и вообще облика самого богемного. Большого испуга в его глазах не просматривалось. Не женат, живет с мамой. Вряд ли хранит что-то дома, но обыск надо делать и там.

Олег Николаевич отозвал Мануйлова в сторону, они договорились о стратегии. Поначалу следует предъявить Припасихину только изготовление порнографии.

Вдруг раздался удивленный возглас — это помощник Мануйлова отодвинул портьеру, закрывавшую глухую стену. На ней была целая выставка — ничего, кроме обнаженных женских тел. Каждая работа имела название, надо признать, вычурное: «Sancta simplicitas», «Эй ты, здравствуй!», «Освещенная молнией», «Где мой пеньюар?». Там же, за портьерой, обнаружили низкая софа и тумбочка с электрическим чайником. Тумбочка была почти пустой: банка растворимого кофе и упаковка презервативов.

Еще раз обойдя помещение, Климовских решил возвращаться в прокуратуру. Возле двери Припасихин картинно, как в итальянских фильмах, потрясал перед грудью сложенными кистями рук и втолковывал оперу:

— Нельзя же так примитивно подходить! Я художник, понимаете?

— Понимаю. Вот и в штатном расписании написано: художник... оформитель, — отвечал ехидный Мануйлов.

— Федор Сергеевич! — веско вступил в разговор Олег. — Я вас скоро вызову повесткой, вот тогда ваше красноречие пригодится. А пока вам назначена мера пресечения — подписка о невыезде.

Фотограф мгновенно сник. «Знал бы ты, что альтернативой был СИЗО!» — подумал следователь.

Пятый десяток мужику, но в чем-то он совершенный теленок, думал дорогой Климовских. Запутать, завести такого в мышеловку — элементарно. Он как черт от ладана будет отрешиваться от порнографии и не заметит, что признал развратные действия и растление. И невдомек ему, что санкция за изготовление порнухи без цели сбыта — детская, а вот расплывчатые «действия» могут обернуться серьезной статьей.

Но надо иметь на руках хотя бы один козырь. А его нет, учитывая позицию семьи Бережных.

Мешало также, что сам Олег Николаевич не мог пока определиться — насколько эти веселые картинки для взрослых являются искусством. Припасихин, как из пулемета, обрушит на него длинный перечень Боттичелли—Ренуаров, и что тут возразить? Ты не Боттичелли, Федя? Это безусловно так, но нужно логическое обоснование. Лучше всего было бы посоветоваться с Ленкой, кругозор у нее пошире, чем у него, правоведа-практика, но жена опять на сессии. Слава аллаху, это предпоследняя сессия. А последняя будет просто куцей формальностью: два госа и защита.

Как-то постепенно он невзлюбил регулярные и законные отлучки жены почти до полной непереносимости. Прошлым летом сорвался и приехал за ней вслед. Потом, задним числом, понял, что легко отделался. В принципе, по ее характеру, она могла и гораздо жестче отреагировать. Не там, понятно, а по возвращении. Но мудрая супруга в первый вечер после приезда спросила только: «Что — одолела ревность иррациональная?» И не допустила к телу. Впрочем, это могли быть женские дела.

В выходные она будет звонить, но не по телефону же... Кстати, в выходные придет и тещь. Они с тещей приведут Ленуську — такой порядок. В субботу внучка у них, а в воскресенье у его родителей, которым в понедельник и отводить ее в садик.

Можно поговорить о фотоискусстве, если таковое существует, и с тестем. Но Олег, честно говоря, того недолюбливал. Валентин Юрьевич представлял собой законченного всезнайку с неиссякаемым запасом доброжелательности и деликатности. Любой вопрос, мимоходом возникший в застольной беседе, он углублял, развивал и раскладывал по полочкам. Если кому-то случалось ляпнуть нечто мимо кассы, тещь очень уважительно, тактично поправлял, а мог и промолчать, но все прочитывалось на его лице.

Иногда казалось, что он напрасно избрал для себя точные науки. Впрочем, три десятка авторских свидетельств (он оклеил ими простенок в дачном домике, когда не хватило обоев) что-нибудь да значат.

У самого Валентина Губского и на этот счет имелась своя любимая теория. Только техническая интеллигенция, утверждал он, является сегодня подлинным хранителем и ценителем искусства и литературы. Ее интерес к ним бескорыстен. А гуманитарии нечистоплотно используют отданное под их присмотр, приспособливают для своих нужд, в конечном счете — просто паразитируют.

Скрепя сердце Олег все же задал в воскресенье свой вопрос тещю. И получил страннный ответ, из которого выделил два полезных соображения.

— Это западная мода или, если угодно, тенденция, — говорил Валентин Юрьевич. — Там вообще любят все технологичное. Не только фотографию, но и, скажем, дизайн готовы объявить искусством. А мóдерн-арт? Просто конструирование из повседневных предметов неких композиций. Это им ближе, не любят они, когда душа живет в картине, а если ее нет, то сразу видно. Им надо этот момент замазать. Тут важно, насколько у нас укоренился этот западный взгляд, много ли у него влиятельных сторонников. Потому что явно уже собезьянничали. Я не удивлюсь, если где-нибудь в Прибалтике есть целые сообщества «фотохудожников». Это им и по темпераменту, кстати, ближе. Скажем, итальянцы в силу живости природы, развитой эмоциональной сферы очень восприимчивы к прекрасному. И фотографию как искусство просто не примут. А северяне — с большим удовольствием.

Вторая мысль была для правоведа-практика просто неожиданной.

— Конечно, этот гений доморощенный будет говорить: Тициан запечатлел обнаженную натуру, и я запечатлел обнаженную натуру. Но аналогия совершенно нелепая. Художник пишет с живых людей, однако волен придать им любые черты в соответствии со своим замыслом. Та, что позировала долгие дни, подойдет к холсту и скажет:

это не я, это Даная, Венера, похищенная Европа. Натурщик обезличен в картине. Но не на фотографии! Недаром фото — основной элемент удостоверения личности. Маша Петрова остается Машей Петровой. И если она снимается голой, а потом появляется на стене выставочного зала, то мы можем задать вопрос: что если б Маша в костюме Евы пришла в общественное место? Ее загребли бы в кутузку!

Вот способ здорово наехать на Шурочек и Лерочек! А это всегда полезно — сбить с позиции. Там, глядишь, и откровения польются.

Что же касается чертова искусства, была у Олега Николаевича мыслишка — обратиться в местную картинную галерею за научным заключением. Разумеется, старушки, трясая седыми бровями, черным по белому с приложением синей печати напишут, что фотоработы Федора Припасихина никакой художественной ценности иметь не могут. Ход беспроигрышный, но теще прав: еще неизвестно, что там в столицах и на западных окраинах творится. Бойкий адвокат привезет оттуда другое заключение, и кто знает, кем оно будет подписано.

— Итак, Федор Сергеевич, уточним факты. Пользуясь расположением начальства и бесконтрольностью, вы в принадлежащей заводу фотостудии наладили изготовление непристойных изображений. В рабочее время вы приводили сомнительных девиц, запирались под предлогом проявки пленки, вступали с ними в половую связь и фотографировали без одежды. Так?

Припасихин, конечно, подготовился и, возможно, даже отрепетировал свою речь, но в первое мгновение все же оторопел. Потом на помощь пришло природное занудство, и он забубнил. Климовских не торопился с вопросами: пусть у подследственного закончатся готовые формулы.

Да, толковал фотограф, начальство ему доверяло. А все потому, что за четыре года он ни разу не подвел, все исполнял в срок и предельно аккуратно. Не перепутал ни одной фамилии, не сорвал ни одного мероприятия. Кстати, он непьющий. Фотостудия — его идея, теперь Доска почета и стенды профсоюзные, ветеранские и прочие обновляются регулярно, а не по большим праздникам. Его призвание — художественная фотография. Но она не приносит ни копейки. Поэтому он добросовестно трудится, часто вечерами, ночами, ибо сроки всегда горят, а в свободное время, как тысячи советских людей, занимается творчеством. Может он один день в неделю отдать своим личным делам, если четыре вечера работал, когда все заводоуправление уже разошлось? Может он воспользоваться заводской студией, если снимает передовиков и орденосцев своей собственной камерой и своими объективами, которые стоят ой как недешево?

— Олег Николаевич! — продолжал Припасихин окрепшим голосом. — А вот это, извините, обывательщина — считать, что женщина, позирующая обнаженной, потаскуха. И фотограф ее сначала имеет, а потом снимает. Или наоборот.

— В деле имеются показания гражданок...

— Было, не отрицаю. Но ведь это и между коллегами бывает, а они друг перед другом одетыми ходят, иногда в робах самых уродливых. Что же касается непристойности... Тут по-разному. Трудно договориться. Наверняка законодательство определяет границы, но рядовому человеку про них ничего неизвестно. У нас, у фотохудожников, принято простое правило. Кстати, и на полотнах старых мастеров оно работает. Если не видна мочалка, значит, не порнография, а искусство.

— Какая мочалка? Вы о чем? Потрудитесь без жаргона.

— Ну... Как это назвать...

— Вы хотите сказать: волосы на лобке?

— Да.

— Тогда так и говорите!

Похоже, художник излишне взбодрился. Следователь решил сбить с него спесь — пусть узнает, откуда ветер подул.

— Расскажите историю этого снимка.

Перед Припасихиным лег пробник «Наяды».

Против ожидания Федор не спик, а оживился.

— О, это редкая удача. Я задумал композицию «Две наяды». Одна, блондинка, выходит из воды, вторая, брюнетка, заходит, их руки встречаются, как в хороводе, — вверху. Вместе они держат кувшинку, поднимают ее, как рабочий и колхозница факел... нет — серп и молот, кажется. Надо было поймать самый восход солнца. И тут Жанка, брюнетка, уже в воде, забрала мою кувшинку, полезла за другой и вон из кадра. А Виолетта, блондинка, начала дурачиться. И я снял шедевр! Потом мы отработали и первый вариант. Но мне он сразу перестал нравиться.

Первый вариант был среди тех, что висели в студии за портьерой. Олега он поразил: насколько повернутая спиной брюнетка увлекает больше раскрывшей все прелести блондинки. Смуглая спина и рельефно выписанный круп — по-иному не назовешь. Так и представляешь его зашедшимся в ритмичном постельном танце... да, это уже диагноз — две недели без жены. Он тряхнул головой.

— Вам известно, что Виолетта Бережная несовершеннолетняя?

— Как?! Клянусь, нет! Вы посмотрите на это тело! Как тут подумаешь. Жанка гаворила — студентка.

— Когда сделан снимок?

— Этим летом, в июле.

— Тогда ей нет еще семнадцати. И вряд ли она уже студентка. Сейчас — да, на первом курсе.

— А это что — особая статья?

— «Раствление малолетних».

— Ну, Жанка! Говорю: найди модель контрастную тебе, только роста одного. Чтб блондинка белокожая, роскошная. Привела, все обговорили и на другой день уже сняли. Я ее видел два раза по полчаса, один раз одетую. Какое тут растление!

— Суд разберется. Расскажите, как вообще вы вовлекаете женщин в свою деятельность?

— «Вовлекаете». Да уж... По правде, никаких особых приемов и не требуется. Это у женщин в природе — раздеться. Каждой хочется. Понятно, воспитание, условности всякие. И потом, скажу, фотоаппарат на них магически действует. Замечали ведь — сразу начинают прихорашиваться. «Нет-нет!» В смысле — не снимай меня. Но это такое же «нет-нет», как перед постелью. Которое на самом деле «да». С обнаженкой, конечно, сложнее. Но... Я вот видите — совсем не оратор. А почему-то кажется, что любую уговорю...

Федор заметил тяжелый взгляд собеседника и торопливо ляпнул:

— Кроме вашей жены, разумеется.

— Какого черта, Припасихин! Зачем приплел мою жену?!

Художник мгновенно покрылся испариной и забормотал:

— Ну, вы так взглянули... Кольцо на пальце... Жена Цезаря — вне подозрений...

— Перестаньте нести чушь! Я задал конкретный вопрос. Ответьте на примере...

Оксаны Тиммерман.

Что-то непонятное мелькнуло во взгляде Припасихина, испуг не испуг, быть может, досада. Олег специально выбрал из подготовленной Мануйловым шпаргалки даму с пометкой «Спала с П». Еще раз заглянул в бумагу. Исправился:

— Виноват. Олеся Тиммерман, по мужу Тимченко.

— Нет, она фамилию не меняла. Ну, это случай не совсем подходящий. Дело в том, что мы сначала стали любовниками, а потом... Мне пришла идея как раз для ее фигуры. И я ее, так сказать, запечатлел.

— А что она мужу скажет? Фотография — не отопрешься.

— А что она всегда ему говорит? Я-то не первый. Наверное: «Нечего по командировкам шастать!» А он еще и учится заочно. В Питере. Чем мужик думает...

Олегу захотелось вышибить коротышку за дверь одним ударом.

— И потом в нашей глуши первая выставка художественной фотографии пройдет лет через пять, не раньше.

— Ладно, Припасихин. Пока все. Это не последняя наша встреча. Поинтересуйтесь у Жанны Крюковой, кто такая Виолетта Петровна Бережная.

Фотограф ушел. Климовских схватил телефонную трубку. Маленький кабинет без окна следователи использовали для допросов. Телефон здесь не был нужен, но для солидности поставили.

Олег набрал по межгороду Володькин номер. Длинные гудки. Хорошо они там работают, в пятницу с полудня нет никого.

Вторник, четверг, воскресенье — в эти дни, по уговору, жена звонила. Вчера он припозднился с обеда: ходил в отдел к Мануйлову. Веселые опера не отдавали «вещдоки», пока еще раз не пересмотрели всю коллекцию, задержав его минут на двадцать. Ладно, вчера не удалось, но ведь могла сегодня перезвонить. Не стала.

Еще раз набрал Володьку.

— Старший следователь Мурашко слушает.

«Ого! Володька уже старший!»

— Привет! С повышением тебя!

Воскресенье, не надо думать о работе, надо играть с дочкой, говорить с родителями. Но мысли все равно сворачивали на недоделанное.

Олег Николаевич с удовольствием вспоминал моменты, когда бедного Федю бросало в жар. Таких было несколько в ходе пятничной беседы. Но как ни перетряхивал свои активы — набрать на полноценное обвинительное заключение не мог. Отделается Припасихин легким испугом. С завода, понятно, вышибут. За негативами своими полтора года ходить будет. И все. Места, не столь отдаленные, ему не грозят. Даже СИЗО не понюхает. Надо было сделать, как прокурор говорил. Чтоб хлебнул баланды.

— Ты что напряженный такой? На работе неприятности?

— Да нет, мам, все нормально. Думаю, как одного шибздика упаковать.

— Господи, Олежек, какой ты...

— Жесткий? Ну, ведь сама говоришь: одна гнилушка весь урожай испортит. Надо гниль вовремя распознать и выкинуть.

— Ладно, ладно. Давай ты завтра займешься своей работой?

Зазвонил телефон. Протяжные требовательные сигналы — межгород. Но Ленка обычно выходит на связь ближе к вечеру.

Мать сняла трубку.

— Леночка, здравствуй, здравствуй. Да, мы в сборе. Все хорошо, все здоровы. А что мои ноги — лет-то мне сколько? Тебе кого первого позвать? Олега...

Олег подошел, взял трубку.

— Привет!

— Привет-привет, — ответила супруга. — Трубку поплотнее прижми к уху.

— Что? Не понял.

— Трубку, говорю, как можно плотнее прижми. А теперь слушай. Ну что, был вчера твой соглядатай. Прямо в девять вечера. Прикинул, наверное, что в этот час самый борделиус. Молчи, ничего не говори. В полной форме транспортной прокуратуры явился, это в субботу-то. Вахтерша, наверное, сначала в обморок грохнулась, а потом сама его на руках на четвертый этаж вознесла. Разврата никакого не обнаружил, а потому лепетал что-то про четверг, звонок и ты беспокоишься. Молчи! Нет, скажи что-нибудь для порядка. Мои были вчера?

— Одна Лидия Павловна.

— Так вот, я тебе это на всю жизнь запомню! Кстати, в четверг я звонила. Сиплый баритон ответил, что тебя нет.

— Это Камаев.

— У меня до полночи уши от стыда горели. Тут вокруг, конечно, не задушевные подруги, но все равно, так припозорил твой Мурашко! А сам-то он что про меня думает с твоей подачи? Молчи! Нет, скажи: на работе все нормально.

— Да, на работе все нормально.

На глазах у родителей и дочери он не мог швырнуть трубку, разораться, даже просто свернуть разговор или вставить хоть словечко в свое оправдание. Жена методично возила его мордой по столешнице.

— Завтра экзамен, в субботу — последний, через неделю я дома, тогда крепко поговорим. Дай Ленуську.

Дочка давно уже терлась о колено и с радостью вцепилась в трубку обеими ручками.

— Але!

Климовских сидел в полутьме и швыркал пустой чай. Мать накормила на два дня вперед.

С утра он почти смирился с неудачей и понимал, что Федя отскочит. Но после звонка жены в груди что-то заныло, потом закипело, а потом возжаждало крови Припсихина, так не вовремя шатнувшего веру в женскую добродетель. Мерзкие делишки, божественные ухмылочки...

Захотелось сосредоточиться. Олег даже ушел от родителей пораньше, чем, кажется, обидел дочку. Но в ее возрасте обида живет полчаса... Интересно, позвонит Ленка во вторник или не станет?

С женой, увы, все штатно. Девушка повзрослела, слегка охладела к мужу и вообще к чувственной стороне жизни.

Но этот фанфарон с неубиваемой верой в свою звезду, султан-коротышка с гаремом провинциальных «моделей», да просто жук навозный и явный асоциальный элемент — неужели не удастся его прищучить? Климовских снова методично всверливался в обстоятельства дела. Зацепка была единственная: неуходящее чувство сделанного в один из моментов упущения.

Что-то мешало, раздражало, как камушек в носке. Значит, надо методично переобуваться.

Интуиция подсказывала: ощущение какой-то шероховатости в проделанной работе и желание размазать Федю-пушкаря — импульсы встречные, надо только напрячься, они сойдутся в одной точке. Это и будет конец иглы, где смерть Кощеева.

Следователь достал из портфеля тринадцать конвертов и разложил веером. Не хватало рулетки из передачи «Что? Где? Когда?». С какого начать? Некоторой пухлостью выделялся подписанный «О. Тим». Олег помнил: в нем было меньше всего пробников и больше всего негативов. Первоначально, при беглом осмотре, что-то в негативах царапнуло, но плотно поработать с вещдоками было задачей Мануйлова. Стоп! Имя

Олеси Тиммерман вызвало нервную реакцию Припасихина. Правда, потом он вполне безмятежно рассказал про их связь и замысел фотоработы «Освещенная молнией».

Мануйлов — опер дотошный. Но как он просматривал негативы? Наверняка в свете окна или потолочной лампы. Это не дело.

Климовских поставил на стол две стопки книг и между ними небольшую лампу с абажуром, снял со стены свой диплом победителя давних соревнований, вынул картонку и бумажку, а рамку со стеклом водрузил на книги. Сверху он клал полоски негативов и рассматривал те через лупу.

Есть! Олеся Тиммерман вдруг внезапно помолодела. Вот что занозой сидело в памяти. Детальное изучение не оставило сомнений: это была не она, а девица с такой же прической и вообще очень похожая, но с фигурой все же подростковой. Сестра! Наверняка звать Оксана. Явно несовершеннолетняя. Федя, ты попал.

К разговору с потерпевшей, которая еще не знала, что она потерпевшая, Климовских был подготовлен основательно. Мануйлов, пораженный находкой молодого следака и собственной промашкой, хорошо поработал. Действительно, две сестрички. Действительно, младшая — Оксана, папаня-немец оказался выдумщиком и дал дочерям исконно славянские имена, да еще на одну букву. Вызванная для повторной беседы Олеся Тиммерман устала запирается и рассказала оперу все, не только факты, но и подоплеку. Младшая сестра во всем завидовала старшей, такой уж характер. А когда узнала, что Леська позирует обнаженной для художественного фото — вообще с катушек слетела. Упросила, практически шантажируя, свести с Припасихиным. Тот отказать Олесе, понятно, не мог, разрешил привести сестренку, поснимал ее немного и сказал, что лес кругом дремучий и их, Оксаны и Олеси, чудесные снимки оценят еще не скоро — но непременно оценят.

Когда робеющая десятиклассница явилась по повестке, Олег Николаевич не стал заводить леща за бакен, а сразу предложил ей написать заявление.

— Так ты будешь, по малолетству, потерпевшая, а не свидетель или соучастник.

— Соучастник чего?

— Изготовления порнографии.

— А Леська тогда кто?

— С ней сложнее. Суд разберется. Ты не о ней думай — о себе. О Владимире Оскаровиче. Уважаемый человек, главный инженер ТЭЦ.

— А суд обязательно будет?

— Обязательно. Но возможно, закрытый, публично это голозadie демонстрировать не станут.

— А как писать?

— Начни с того, что хотела стать персонажем... героиней... как-то так, понаивней... художественного фото. Узнала о Припасихине. Он сказал, что снимает только голых. Ты согласилась, но сказала, что частично прикроешься. Дальше строго придержи-вайся фактов — когда, где. Пиши в свободной форме. Но обязательно упомяни, что он тебя касался. Он ведь тебя касался, когда ставил кадр?

— Да, раздражался, что я слов не понимаю. А сам объяснить толком не умеет. Брал меня за плечи, поворачивал.

— А ты была в это время обнажена?

— Ну да.

— Вот видишь. Еще напиши обязательно, что Припасихин постоянно упоминал про диван за портьерой.

— Да нет, он всего один раз сказал Леське: иди приляг, не мельтеши.

— Ну ведь упоминал о диване? Где один раз, там и несколько.

— А если я не буду писать заявление?

— А ради чего тебе запирается? Другие, сестра твоя — хотя бы знают, за что их имя трепать будут. С ними Припасихин сделал художественные снимки, с названиями — хоть сейчас на выставку. Кстати, в Юрмале в эти самые дни одна его работа уже экспонируется. А твоего фото нет даже в пробниках. На каждую модель Припасихин заводит отдельный конверт, а на тебя нет. Твои негативы лежат в Олесином.

Глаза Оксаны коротко полыхнули, и больше вопросов она не задавала.

Как там пройдет суд, неизвестно, но изменение меры пресечения уже в кармане. Отправится художник в СИЗО.

Олег стал думать о жене. Не звонит, принципиальная. Но приедет — отмякнет. Дом есть дом.

Воскресение в понедельник

Коридор учебного корпуса был почти пуст, лишь возле одной аудитории стояла группа студентов, все как один с учебниками. Картина до того банальная, что казалась созданной кистью жанриста-передвижника. Один великовозрастный балбес приткнулся к узкой щели меж створками дверей. Три или четыре зрелые девахи тряслись, как в очереди к стоматологу, и, казалось, были уверены, что сейчас из аудитории донесется вой истязаемого. Парочка пофигистов оживленно болтала на подоконнике напротив. Название, естественно, «Экзамен».

Паха подошел, глянул на номер — сто семнадцатая, все сходится. Обошел болтунов, намереваясь занять следующий подоконник. И остолбенел — на нем сидел Диман.

Сидел и пялился в окно, явно пребывая в этом состоянии уже некоторое время.

— Привет!

— Здорово! — обернулся Диман. — Ты как здесь?

— Узнаю старого друга.

— А чтоб тебе меня не узнать? Ты на бороду намекаешь?

— Нет, я узнаю знакомый почерк. Игореха как был педантом, так и остался. На всякий случай послал с миссией не только меня, но и тебя. А то люди мы ненадежные.

— Он и тебе звонил?

— Да, почти в самом начале января. Звонил, говорят, раз восемь, меня ж на кафедре не застать.

— И мне — как только на работу вышли после Нового года.

— Поручение нам с тобой, понятно, одно: найти Леночку Губскую?

— Да, инструкции четкие. Узнать расписание экзаменов, явиться с утра на один из них...

— А почему ты пришел чуть не на последний? Сессия у них давно.

— А ты почему? Как-то прособирился, прооткладывал. Да и сегодня опоздал. Вчера нарушал спортивный режим. Хорошо, что они начали в одиннадцать.

— Не, я в деканате заранее узнал, когда начнется. А весь январь сильно занят был.

— Выходит, прав Игореха. Не очень-то мы добросовестные.

Из аудитории кто-то вышел. Розовощекий парень сиял, как медный пятак, хотя пальцами показывал монету помельче — трояк. Что они там сдают сегодня?

— Из всего следует вывод, что наш Игорек по-тихому, как Штирлиц, востроглазую Леночку оприходовал, — сказал Паха.

— Не то удивительно, а вот эти заочные нежности.

— Ну, просто он уверен, что девушка будет переживать. И все же я несколько озадачен.

Паха любил неторопливо, подробно разбирать хитросплетения в отношениях различных пар, постоянных и случайных. Диман над этим посмеивался в усы, а теперь вот и в бороду.

— Нинка про Леночку иначе, чем «моя кругом положительная сестра», не говорит, — продолжал Паха, как будто приглашая к плодотворной дискуссии. Но Диман молчал. — А ведь она, как ты знаешь, замужем. Мы ведь ищем не Губскую, а какую-то невообразимую фамилию.

— Нормальная фамилия. Из так называемых «сибирских».

— Она давно замужем, у нее дочка уже большая...

— Ключевое слово: «давно».

— Ну да, предположим, заскучала дамочка. Но здесь-то она бывает наскоками. Опять же Нинка говорила: к учебе очень серьезно относится.

— Это ты с ней общаешься, я Нинку года два уж не встречал. А Леночку, боюсь, вообще не узнаю.

Снова открылась дверь аудитории. Вышла девушка помоложе остальных, негромко произнесла: «Пятерка!» — и вдруг стремительно подошла к подоконнику с Пахой и Диманом.

— Паша, Дима! Здравствуйте! Вы здесь случайно или...

— Привет!

— Привет, Лена! Мы...

— Что-то с Игорем?!

— С ним все нормально, — поспешил успокоить Паха.

— Мы тут — да, по его поручению, — начал объяснять Диман. — Он далеко, и связи нет почти никакой.

Бог знает, сколько всего успело пронестись в Лениной голове меньше чем за секунду. Опять какой-то боковой зигзаг хронометра.

...Расставаясь летом, решили, что «до востребования» писать больше не следует. И вообще, она освободила Игоря от любых обязательств, даже из мира самых тонких материй. Впрочем, иных обязательств у него и не было.

Сама — написала. Короткое письмо с датой приезда. Но вокзал и привокзальная площадь на этот раз оказались пусты. Сколько себя ни уговаривала, не смогла до конца поверить, что так и должно было случиться. Первые дни, выходя из общаги, универа, библиотеки, ждала оклика. Потом надеялась: ладно, он ее отставил, но пусть случайно проедет по проспекту, она увидит его в машине.

Хотелось съездить в деревеньку, посмотреть на окна пристройки. Если темные — значит, длительная командировка. Но вдруг там свет? Она просто этого не выдержит.

Нет, свой единственный шанс, эту самую затянувшуюся командировку, нужно было заслужить смирением и оставлением всяческих надежд. Лене удалось и это, но день проходил за днем, вероятность приближалась к нулю, две недели — срок запределный. А потом прошло и больше.

Как прыгнуло ее сердце, когда скрипучий голос вахтерши произнес в приоткрытую дверь: «Климовская! К тебе по срочному делу!» Но ввалился Володька. Хотелось просто спустить его тщедушный скелет с лестницы, тем более что цель своего визита он замаскировать не сумел.

И еще по периферии сознания тогда мелькнуло: Игорь спас ее. Своим абсолютным, безнадежным отсутствием. Скандал, развод — всего этого Лена почти не боялась,

иногда даже подсознательно желала. Но попасться на мелкопакодном вранье, когда по инерции изворачиваешься и понимаешь, что теряешь последние капли достоинства, — это было бы ужасно. А ведь так и провернул бы дело опытный уже следователь Олег Николаевич Климовских, если б субботний вечер она коротала у Игоря.

Назавтра ее действительно жег позор. Но не от бесцеремонного догляда неотесанного Мурашки, а от ощущения, что вляпалась в скверну, в низость, безнаказанностью своей тем более постыдную. Воздалось за это мужу, и к концу телефонного разговора Лена была уже полностью уверена в своей правоте. Игоря в ее жизни больше не будет стопроцентно, а другого любовника она даже представить себе не в состоянии. Это вообще не про нее.

Он останется тайным и уникальным воспоминанием, понятным ей одной шифром на затененных скрижалях, почти мифом. К старости она уже не вполне будет уверена, что не выдумала своего Игоря, — ведь судьба обделила ее, отпустив так мало лет для девичьих грез.

И вдруг полдень понедельника разом смахнул все монашеские мысли. Лене хотелось смеяться и тормозить всех вокруг. Хотя последняя, самая фантастическая и микроскопическая надежда увидеться с ним разрушилась, она была счастлива. Игорь ее помнит. Из какой-то тьмутаракани сквозь треск помех он дозванивался до Пахиной кафедры и Димановой редакции, вливал в похмельные посленовогодние головы друзей четкий алгоритм. И ведь сработало.

Втроем они вышли из универа и пошли вдоль проспекта.

— А как он понял, что на хвост села контора? — спросила Лена.

— О, это длинная история, — ответил Паха.

— Знаете, больше всего мне сейчас хочется длинных историй про Игоря. Давайте поедим в «Дубраву». Это наше место. После каждого экзамена — туда. Я приглашаю. Ну, что вы нахохлились? Без обид, я намного больше зарабатываю. У нас квартальные премии тридцать восемь процентов. То есть в год я получаю не двенадцать зарплат, а шестнадцать с хвостиком. Поехали! Дим, останови вон ту «Волгу».

— Вообще-то, я сейчас беседую с тренерами ДЮСШ⁴, — сказал Диман.

— Значит, беседа затянулась. Они перерыли весь архив, но не нашли обещанной тебе фотографии. Да мало ли что. А ты, Паша, как на это смотришь?

— Я, конечно, никому не подотчетен, но реально наметил сегодня несколько дел.

— Все пункты из списка никогда не вычеркнешь. Что-нибудь да останется. Мне самой на проезжую часть выходить?

Вышел Диман. Его монументальной фигуре полосатый жезл был не нужен. Остановилась первая же машина. Мордастый парень, явно персональный водитель большого босса, сказал: «Предупреждаю, поедим очень быстро, спешу, а тут за город. Четыре рубля!» Последняя божеская цена была трешка, но Лена не собиралась сегодня считать деньги.

В машине болтали о ерунде.

— Значит, ты, Дим, в молодежке спортом заведешь?

— Да. Ибо больше ничего не знаю. Всю жизнь с одних соревнований на другие...

— А ты, Паша, что ж не на родном факультете аспирант?

— У меня охранная грамота от ректора — что занимаюсь только СТЭМом⁵ и КВН. Но ФЖ маленький. Рано или поздно возникнет соблазн нагрузить бездельника, то есть

⁴ Детско-юношеская спортивная школа.

⁵ Студенческий театр эстрадных миниатюр.

меня. В ректорат из-за каждой ерунды не набегаешься. Уж лучше на филфаке, там аспирантов — гроздь, на каждой кафедре произрастают, я даже не мог их сосчитать.

— Нинка через полгода к тебе присоединится.

— Да, я в курсе. Вот видишь: ей два года в сельской школе приходится отработывать. А я — вольная птица.

В «Дубраве» все было привычно. Тихо, безлюдно. Чинный официант принял заказ. Диман очень попросил притащить нарзан побыстрее. И разом выпил полторы бутылки. К удивлению Лены, Паха отстал от него ненамного. Оказывается, воскресенье выдалось бурным у обоих.

— Ну, кто лучше расскажет длинную и темную историю про КГБ? Да, но сначала, ребята, я хочу попросить об одной вещи. — Лена посерьезнела. — Получается, вы теперь в курсе. Но вы же мужики. Можно устроить так, чтоб ни одна живая душа?

— Лен, задача ясна. Собственно, мы трепаться и не собирались, но будем бдительны вдвойне, — сказал Диман. Паха кивал, не отрывая от губ стакана.

— Паш, особенно Нинке — ни полнамека. Она безошибочно строит функции по двум точкам, даже по одной. Из всех она должна узнать предпоследней.

— Почему предпоследней? — удивился Паха, прикончив нарзан.

— Ты, Паха, неженатый, — усмехнулся Диман, — и не знаешь, кто обо всем узнает последним.

— А-а. Ну так вот. Произошло все в точности, как Игореха и предсказывал. «Рыжие кудри примелькаются и начнут бить». Но он думал, просто кормушку перекроют. А вышло все наперекосяк. Обычное совещание в обкоме. Редакторов районных газет. И какой-то хрен-инструктор вдруг на мужиков напустился: почему одни и те же материалы печатаете? Прямо как информацию ТАСС. Не смей халтурить!

— Там еще момент смешной был, — вступил в разговор Диман. — «Все как один печатаете зубоскальство какого-то еврея!» А у Игорехи как фельетон по-настоящему смешной получится — так он его любимым псевдонимом подписывает: С. Тет. Эстет. Я ему говорил: брось пижонить. Из эстетики как раз подпишись просто. Пантелеев или Болдырев, Смирнов или Михайлов. Никто такие фамилии не запоминает.

— Но Игореха держался этого псевдонима. Дело в том, что «тет» — «голова» по-французски. А это как-никак его главный орган. Могут быть, конечно, другие мнения... — Паха посмотрел на Лену.

— Паш, я развратница очень закомплексованная. И насчет головы соглашусь.

— А дальше... Диман, ты, наверное, не знаешь. Поднимается один пенек — месяц, как с Алтая перебрался, — и говорит: «Да и у нас в крае газеты сплошь и рядом печатают этого парня. У него псевдонимов разных шесть штук. Сам гонорарные ведомости подписывал, знаю». И понял народ масштабы нашего Игоря. Но все ничего, если б хрен обкомовский не ляпнул: «Это кто же ему размножает?»

— Сообразил, засранец, — подтвердил Диман. — А ведь тупой-тупой, я его знаю, Мутовкин фамилия.

— И вот уже дня через два в каждую районку отправился запрос из обкома: пришлите письма серийного автора. У Игорехи куча знакомых, узнал практически сразу. И в сорок восемь часов предприятие ликвидировал. Потому что незаконное «размножение» — это дела конторские.

— Как ликвидировал? — не совсем поняла Лена.

— Наборные кассы разобрал, литеры сплавил в один бесформенный ком, все напечатанное больше чем в двух экземплярах сжег. Более того — снял автомобиль с учета в ГАИ, оформил на меня доверенность для получения на почте гонораров, и это все за два дня!

— А повестка из КГБ была?

— Нет, конечно. Стал бы он ее дожидаться.

— Он не комитета испугался, — выдвинул версию Диман. — Что там ему могли предъявить — это еще большой вопрос. Но он правильно сообразил, что конторские его бы просто в военкомат отвели. Призыв как раз начался. Всем хорошо. Нет чело- века — нет проблемы.

— В общем, глухой ночью на автомобиле с транзитами пересек наш Игорек границу области. Машину потом продал. Сел на самолет и улетел в Москву.

— А дом?

— Дом стоит закрытый. Ключи у Димана. Приезжал строитель... как его... Матвей.

— Матвей Копнин! — вспомнила Лена рассказы Игоря.

— Показал, как воду слить, чтоб не замерзло. Все Игореха предусмотрел.

— Он был уверен, что приедет в январе. Продажей дома займется и другими делами оставшимися, — сказал Диман. Для Лены это прозвучало музыкой. — Просил квартиру найти на два месяца за любые деньги. Но что-то не срослось.

Беседа, как обычно, двигалась зигзагами, но картина в Лениной голове сложилась. Игорь начал осуществлять план, который прорабатывал еще давно, в том числе — в разговорах с нею. Если захронометрировать, они трепались намного больше, чем занимались любовью. По правде, он был ее единственной и душевнейшей подругой. И про балагановские рыжие кудри, которые непременно примелькаются, она от него тоже слышала.

План оформился такой. Максимально вытащить денег из районных газет и скопить существенную сумму. В день «Х» все продать и с большими резервами отбыть в Москву. По возможности купить в Подмоскowie домишко. Но чем там заниматься, куда пробиваться?

Он советовался с ней. Лена искренне предлагала варианты, хотя понимала, что об- суждает Игореву жизнь *без нее*.

Главной проблемой являлось отсутствие прописки. Здесь она у него, в принципе, была — в студенческом общежитии, с жирным штампом «На период учебы». Но кто ж будет вычислять, когда этот период кончается! Игорь мог получать переводы, завести сберкнижку, сдать на права. Не мог только устроиться на работу.

В Подмоскowie все будет проблемно. Внештатничать где-нибудь в Калуге? Но это бег по кругу. Лена предлагала: разберись прежде всего со своими желаниями. Смело помечтай. И так же скажи: а вот этого я больше ни под каким видом не хочу.

— Строго говоря, — рассуждал Игорь вслух, — я на свои накопления могу год жить бездельничая. Могу и больше. Пока обороты не набрал, вообще жил на семьдесят рублей в месяц.

— Ну и потришь этот год в Москве, в редакциях.

Игорь показывал как-то свой очерк в «Сельской молодежи» — его героем был молодой специалист прораб Матвей Копнин. Полтора миллиона тираж, а Лена этот тоненький журнальчик впервые видела.

— Да ты знаешь, сколько в Москве журналов? — спросил тогда Игорь.

Она не знала. Не знал и он, но список, составленный навскидку, поражал воображение. Безусловно, какая-то столичная братия запросто существовала при этих редакциях, пристраивая разные мелочи. Короткий рассказ для юношества о внезапном шторме в тихой бухте — в журнал «Катера и яхты». Научно-популярную статейку о природной косметике древних славян — в «Крестьянку». Юмореску с фантастическим уклоном — в журнал «Техника — молодежи». До бесконечности.

— Вот что я про себя понял: нравятся мне свобода и независимость. Пока другого пути, правда, и нет. Но через четыре года... Возможности появятся. А я желаю быть вольным художником.

— Тогда становись писателем.

— Думал и об этом. Но привык к хорошим заработкам. А у них... Представь, я даже планчик набросал. Выяснил все предварительно. Наибольшие шансы имеет повесть о молодом строителе коммунизма. Ну, это только звучит страшно, на самом деле под определение подходит любой работающий человек. Необязательно Павлик Корчагин или Павка Морозов. Важна свежая, незатасканная сфера деятельности. Чтоб не завод-НИИ-ударная стройка. У меня такая поляна есть, я знаю ее досконально. Сюжетец надо сделать полудетективным. Мне Маттео столько порассказал! В сельском строительстве сажать надо через одного. Молодой прораб вместе с молодым работником прокуратуры разгоняют камарилью приписчиков и заодно показывают, что честно работать — выгоднее.

— Почему из прокуратуры? Ты так надо мной прикалываешься? Почему не журналист?

— Журналист-правдоискатель — банальщина. К тому же читатель сразу увидит в нем автора. А это, словами Остапа, «низкий сорт, нечистая работа». Молодой помощник прокурора — свежий поворот. Его из города после вуза прислали, он не знает, как из деревни слинять, все немило, все раздражает. Но столкнулся со сплоченной командой махинаторов — и закусился. Из принципа. Нет, такую вещь оторвут с руками. Пусть не «Юность», но «Литучеба» хотя бы.

— За чем же дело стало?

— А я с чего начал — с денег. Заплатят тысячу рублей. Мне работы на три месяца. С виду хорошо. Но эту тыщу ты должен делить не на три месяца, а на три года. Вот реальный заработок. Потому что чаще публиковаться не удастся.

— И что же остается?

— Очерки. Чтоб потом собрать их в книгу. В каждом издательстве в плане есть производственная тема. Графа есть, а текстов нет. Мой шанс. Но для начала кто-то должен посылать меня в командировки. Ты права, надо ходить и ходить по редакциям.

Лена вспоминала разговоры с Игорем. Потому что застольная беседа давно уже от него отвлеклась. Паха не мог долго говорить не о себе. Тем более его театру миниатюр постоянно подрезали крылья.

— Просто идиотизм! — восклицал он. — Невинная реприза: «Автор — художник Петров-Минералкин». Вычеркнули. Гаерствуем и вышучиваем борьбу за трезвость. Комсорга Анечку Нажимаеву — наш постоянный персонаж — велели перерядить в старосту. Тьфу!

«Дубрава» считалась рестораном охотничьей и рыбацкой кухни. И потому вина тут не было отродясь. Игорь всегда брал для Лены что-нибудь из настоек. Традиции ради, чтоб не огорчать официанта. И она сегодня поступила так же. Но парни, приняв чуть-чуть «на старые дрожжи», быстро добавили к заказу пятьсот водки. «Лен, это строго за наш счет!» И милые посиделки быстро закончились. Потому что пьяные мужики любой степени интеллигентности — это прежде всего пьяные мужики.

Почему ей всегда не хватает решительности? Подозвать официанта, расплатиться, сердечно попрощаться с Пахой и Диманом... Оставить их обсуждать ее маленькую тайну. Определенно разговор сразу переключится со свободы творчества именно на нее. Может быть, пока любовница друга идет по залу к гардеробу, они успеют обсудить ее стати.

Но получится: сама зазвала и вдруг прерывает веселье в разгаре. Надо было заранее думать головой. Это они с Игорем заскакивали сюда на час или меньше. У парней другие понятия.

В ресторане становилось шумнее. Вдруг над столиком нависла чья-то физиономия: Володька!

— Здравствуй, Лена!

— Здравствуй! Ребята, это Владимир, студенческий товарищ моего мужа, ныне подвизается здесь в транспортной прокуратуре. А это мои однокашники: Павел, Дмитрий.

— Милости просим к нашему очагу, — произнес Паха, входя в какую-то роль.

— О нет, спасибо, я с дамой.

— Везет кому-то! А вот мы с боевым товарищем, которая другому отдана и далее по тексту.

— А как ты здесь в рабочий день? — спросила Лена.

— В отпуске я! С сегодня...

— С Олегом еще не говорил? Я с ним вчера пообщалась.

— А я сегодня с утра позвонил ему с работы. Как всегда, в первый день отпуска пришлось срочняки всякие добивать. Но с обеда я вольный казак. А вы каждый экзаме́н так отмечаете?

— По формуле, — веско сказал Диман, решив побыть загадочным математиком.

— Это значит, — подхватил игру Паха, — что не каждый и даже не каждый второй. Это значит, что зависимость нелинейная. Интегральное исчисление — способ упорядочить стихию. Случайность есть пересечение двух причинно-следственных рядов, развивающихся закономерно.

Что на это мог ответить Мурашко? Только откланяться.

За минуту-другую Лена уже успела сочинить отповедь мужу, если он излишне вдохновится очередным рапортом друга.

«Поскольку ты меня в чем-то подозреваешь, я решила тебе не перечить и встать на скользкий путь. Попробовать хоть каплю из того, что там рисует твое воспаленное воображение! И Володька оказался в нужном месте очень кстати! В умных книгах пишут, что это лучшее средство от ревности».

— Хорошо, что ты сразу упомянула прокуратуру, — негромко сказал Диман. — Роба такая, что хотелось в табло заехать.

— Как мне вчера хотелось ему заехать!

— Он что — тебя преследует? — удивился Диман.

— Верх пошлости! За такое надо ребра ломать! — высказался Паха. — Жена друга — неприкосновенна!

— Нет, ребята, он осуществляет прокурорский надзор.

— Даже так? Выходит, ты плотно под колпаком?

— Вот почему Игореха не мог просто написать тебе письмо, — догадался Диман.

— Тогда понятна эта свержконспирация. Ну Штирлиц и Штирлиц! Даже мы ничего не знали, а уж мы-то в курсе его...

— Паха, — бесстрастно сказал Диман. От выпивки он лишь тяжеле́л, глаза становились красными, но не теряли осмысленности.

— Ах, пардонте, заносит меня, Лена, извини.

— Да нет, я понимаю, что он тут не монашествовал. Я приезжала раз в полгода, на десерт. Он сам мне про всех рассказывал.

— Неужели про всех? Давай сверим списки?

— Аспиранту больше не наливаем.

— Нет, Диман, ты не понимаешь, это же интересно. Это психологически жутко интересно.

— Любая сплетня психологически жутко интересна. А я вот не психолог, — отрезал Диман.

— Паша, бог с ними... Ответь на один вопрос. С присущей тебе откровенностью и открытостью.

— Кажется, это шпилька. Но я готов.

— Среди них есть... скажем так... очевидные, общепризнанные...

— Давалки?

— Да.

— Хороший вопрос. Его всегда тянуло к скромницам. Чей потенциал он, так сказать, раскрывал. Иногда на свою голову.

— Лен, ты учти, что Паха у нас очень любит обобщать по одному факту.

— На эту реплику я отвечу позже! А пока по существу вопроса. Есть. Критерию отвечает некто Аня Высокова.

— Историня-третьекурсница? — тут же уточнила Лена.

— Историня. Курс не знаю. Четвертый, наверное. Значит, о ней он доложил? Странно, ибо хвастаться нечем. С ней пол-обшаги переспало.

Грубовато даже для пьяного. И Диман не попытался смягчить слова друга. Похоже, репутация у девушки и впрямь...

— Что же касается Наташки, то это не единственный факт. Это ряд фактов. И обобщение тут напрашивается. Первоначально — почти эфирное существо, ангел с серебристым голосом и роскошной женской фигурой. Уже в семнадцать лет. Мужская часть факультета в тот сентябрь надолго остолбенела. Не исключая матерых пятикурсников. Правда, все быстро улеглось, ибо ни на одну уловку девушка не клевала. Что же наш Игорь? Расколдовал принцессу, тут первенство за ним. Но что потом началось? Он высох, как урюк. Раз в три месяца они разбегались. Даме вдруг стало лестно любое мужское внимание. Кто только с ней не был замечен! Не утверждаю, что она с каждым спала. Но... все делала как-то широковещательно и демонстративно. Потом периодами: на время почти семейная идиллия — и снова девушка в поиске. Игореха из-за нее универ бросил.

— Как? — удивилась Лена. Она помнила лаконичное объяснение Игоря: академическое неуспеяние.

— А так. Очередная черная полоса совпала с сессией. Он к тому еще с парой преподов поцапался. Те оказывали Наташке обычные профессорские знаки внимания. Нормальное такое псевдоотеческое амикошонство. Чего полез в бутылку? Видно, накопилось. Ну ладно, казалось — рванул с корнем. Но ведь и после они оставались с ней в каких-то странных отношениях. Временами — как будто ничего не произошло.

— Высокие отношения! — вставил Диман саркастически.

— Да. Приехала диплом защищать — почти неделю у него жила. В библиотеку ее возил. Как до мужа не дошло? Он, правда, не местный.

— Наш ученый друг, — взял слово Диман, — сделал пространное, но интересное сообщение. Не знаю, поняла ли ты суть проблемы. Потому что я до сих пор ничего не понимаю. Дело прошлое, конечно. Наташка — что о ней толковать? Просто фря. Ну, слаба на передок, природа, ничего не попишешь. Только зачем при этом строить из себя существо высшего порядка и ценный приз? Какой приз, когда любой может в лавку зайти и приобрести? Если очереди не испугается. Но Игореха... Или выставь ее за порог, или морду набей очередному соискателю...

— Ну, ты же знаешь, — вклинился Паха. — Насчет морду набить он не того. Интеллектуально дерзок, а физически трусават.

Лена совершенно четко видела график: чем больше выпито, тем резче речи. Однако вдруг ее накрыла догадка — фантастическая, конечно, но совершенно завладевшая ей на некоторое время. А что если это спектакль? Если Игорь из своего далека сумел дать друзьям подробные, обширные инструкции? Попросил обрисовать его в мутно-черных тонах. Бесхарактерный, трусливый. Потом вылезет что-нибудь третье. В конце концов, «Лекарство от любви» он читал. Овидия изучают на первом курсе. Но и она читала. Единственный экземпляр в городской библиотеке. Два месяца ждала.

Он хочет, чтоб расставание с ним было для нее не столь болезненным. Он джентльмен, в этом ее никто не разубедит.

Лена очевидно выпала из разговора. Сидела, углубленная в себя.

— Ты на работу сегодня не добираешься? — неожиданно Паха припер Димана вопросом, который не решилась задать она.

— Не пойду. Майка прикроет.

— Беременную женщину заставляешь сочинять и изворачиваться. Как это скажется на развитии плода?

— Будет, как папаша, предприимчивый сочинитель.

— Опа! Ты хочешь сказать... Я и сам подозревал. Но чтобы Майка прокололась — на нее вовсе не похоже.

— Может, она из соображений евгеники. Стоп, меня, кажется, заносит.

— Какой месяц? — Лена резко вернулась в диалог.

— Пятый, — машинально ответил Диман.

Майя — имя редкое. Фамилия — Девицкая. Их сокурсница. Вот она и есть «Оксана», Лена догадалась мгновенно. Вспомнила фотографию их группы. Эта разрядница с чудесными каштановыми волосами в сентябре забеременела, и, по мнению не выкшшего попусту болтать Димана, не от мужа.

Вот оно, явление третье! Незамедлительно, как с конвейера, выкатываются гвозди, которые ты, Леночка, должна заколотить в гроб своего чувства.

Но это никак не может быть спектаклем, актеры изрядно набрались, это бред, *ее* бред! Однако его надо обдумать.

— Поправлю прическу.

Лена встала и пошла через зал. Очень кстати подвернулся их официант, Лена попросила подготовить счет, но к столу с ним не подходить.

— Я сама подойду и расплачусь.

На обратном пути она не удержалась и поискала глазами Мурашку. Он сидел спиной, а его спутницу можно было подробно разглядеть. Миниатюрная, ладная, с жестоко обесцвеченными волосами. Справедливо или нет, но Лене она показалась несколько вульгарной.

Официант уже все подсчитал, Лена расплатилась и дала больше трех рублей на чай. За столиком Диман сокрушался, что не хочет домой.

— Вчера не ночевал, сегодня придется выслушивать...

— Тогда поедем на просмотр! — предлагал Паха. — Я каждый понедельник устраиваю просмотр. Только девки. Единственный самодеятельный театр, где всегда не хватает актерок, а не актеров.

— Ребята, я убегаю, — Лена лучезарно улыбнулась друзьям. — Все оплачено, никому да не торопитесь.

— Как, ты одна? — удивился Паха.

— Лена, я чувствую, ты и водку оплатила. Это зря, я просил... — заговорил о своем Диман.

— Все в порядке. Спасибо вам.

И Лена ушла.

В воскресенье Лена уезжала. Поезд отправлялся в 10.10. Она встала рано, с запасом. Явственно ощущался упадок сил. Он был связан, конечно, с одним — со вчерашним известием. На экзамене, который принимал замдекана, она узнала: защиту ей поставили на апрель. Попробовала протестовать, но замдекана «успокоил»: защиты нынче начинаются в апреле, этого никто не отменит, а кроме нее и Блойштейна, по-настоящему успевающих студентов на курсе просто нет.

Где найти в субботу Паху или Димана, она не представляла. Она даже не знала названия кафедры, на которой подвизался Павел Вишняк, а их на филфаке четыре штуки. Не знала и домашних адресов, чтобы написать.

Игорь не узнает, что в июне, их счастливом месяце, ее здесь уже не будет. На подкорку давило ужасное слово «никогда».

Выйдя из общежития, услышала хлопок автомобильной дверцы и медленно, под черкнуто безразлично обернулась. Из вишневой «восьмерки» ей навстречу шел все тот же Владимир Мурашко.

— Лена, доброе утро! Садись, довезу до вокзала.

— Напрасно беспокоился. Я и сама прекрасно доберусь.

— Не-а. Не дотащишь. Десять кило муксуна.

— О чем ты?

— Садись, садись. Тебе поручено доставить Олежке презент. Десять или около того килограмм муксуна. Николай Степанович тебя встретит. Он-то знает, что такое муксун слабосоленый, он уже часы считает.

Лена с трудом вникала, но успела понять, что ехать с Володькой придется.

— Водный транспорт — тоже наша епархия. Мне с низовьев деликатесной рыбки подкидывают. И решил я со старым другом поделиться. Позвонил вчера, сказал, что с тобой передам. Олежка не может завтра, а Николай Степанович все бросит и примчится на вокзал. Так что тебе тяжелый груз таскать не придется. А рыбки северной попробуешь! Это грандиозная штука.

Лена промолчала, что в свое время все в той же «Дубраве» с Игорем муксуна вполне себе распробовала.

На вокзал приехали, естественно, слишком рано. Сидели в машине, ждали, пока подадут состав. Володьку пробило на откровенность.

— Понимаешь, моя беда в том, что я завидный жених. Должность хорошая, квартира, машина. Ну, квартира не вполне моя заслуга, тетушка бездетная дом большой, каменный оставила в деревне Васяткино.

Лена вздрогнула. Совсем недавно она узнала, что Игорева деревушка возле пансионата зовется мило и забавно — Васяткино.

— Но я ж его умудрился на квартиру в городе обменять! Задача была не из простых. На машину в очередь сразу встал. Мы структура новая, очередь у нас короткая. Нынче осенью — пожалуйста, приобретайте. В общем, упаковался на свою голову. Потому что девушки, которые для серьезных отношений, как-то сквозь меня смотрят. То есть я хочу сказать — не видят меня как личность, а видят лишь мой социальный статус.

Володька выражался, как внештатный лектор общества «Знание», но в целом мысль донес. Лена отреагировала:

— Понимаю.

— Получается, Олежке всю жизнь завидую. По-доброму, конечно. И в студенчестве, и теперь. Как он — р-раз! — и женился снайперски. Не перебирал претенденток, а просто и естественно. И жена у него чудесная, я-то вижу. Ты ему скажи, чтоб не ревновал. Это он от разлуки бесится. Ничего ему про ресторан не сказал. Посмотрел я на твоих парней, фактуристые ребята. Но у меня глаз наметанный, сразу вижу, что у тебя ни с кем ничего даже не намечалось. Верить: на этой работе как рентген стал. Потому что очень часто должностные преступления и половая связь на службе — переплетаются. Кажется: не должна она его покрывать, с чего бы. А увидишь их вместе — и понимаешь: любовники. Значит, будет врать и выгораживать.

— То есть сначала он ее покрывает, а потом она его?

Володька рассмеялся.

— Здорово! Всем расскажу! Ты еще и остроумная. Понимаешь, вот такую хочу супругу — чтобы независимая, самостоятельная, личность, и в то же время я в ней уверен на все сто. Потому что хвостом крутить — ниже ее достоинства. Олег везучий.

— Пора.

Володька полез в багажник за ведром с рыбой.

...Лена сидела у окна и под стук колес думала. Конечно, Олег везучий. Жена чудесная, муксун слабосоленый, диплом в апреле, вся жизнь впереди. Ясная, без «слепых», неконтролируемых зон.

Союзы нерушимые

Прозаик Радий Рябинин изводил себя тонно-километрами бесплодных раздумий, но запроваженный в машинку лист неделями оставался чист. Героев нельзя выбрать, наметить, они должны сами оказаться вовлечены в орбиту сюжета. Однако и сюжет — не первотолчок. Его тоже нельзя сочинить, расчертить. Он рождается из интонации. При этом интонация — все равно не чистая музыка, все равно читателю надо что-то сообщить. Но что? Смотри пункты выше. Порочный круг.

«Играли в карты у конногвардейца Нарумова». Мощный зачин. Правда, у Пушкина в начале фразы стоит совершенно ненужное «Однажды». Лишнее слово в прозе Пушкина? Вот что Рябинин, оказывается, обнаружил. Мудрено ли, что ему теперь абсолютно все слова кажутся лишними? В скит, в одиночный скит... Готовый схимник-молчальник.

Ну нет, жизнь Рябинин любил. И в самых простых ее проявлениях. Солнышко. Приятная усталость после ветеранского волейбола. Снисходительная привязанность жены и обожание дочери, маленькой шельмы. Умные мужские разговоры за выпивкой. И конечно, «рады скупые телеграммы» — публикации.

Две книги стояли на полках. Недорозданные. Оказалось, не так много автографов он может начертать.

Про книги надо забыть, как про вчерашний результат в спорте. Правда, сыгранный матч — всегда победа или поражение, ничьих в волейболе нет, а вот книги... Какими-то крупными в них хочется гордиться, но читатель — не коллекционер крупниц.

Главное: третья книга не вытанцовывается.

К началу восьмидесятых журналы и издательства заполнили бойкие дебютанты совершенно одного пошиба. С фотографии глядела непременно бородастая физиономия, часто ее подпирал ворот грубого свитера. Главное заключалось в биографической справке: изыскатель, горноспасатель, участковый милиционер в Магаданской

области, на худой конец — механик рыболовецкого траулера. Люди дела. Рябинин именно так это и воспринимал — как упрек себе, как предупреждение о неполном служебном соответствии.

У него биографии не было. Банальщина: школа, волейбол по юниорам. Институт — филфак педа. Звали в команду мастеров, но тут — рассказ опубликовал известный журнал. Выбор призвания состоялся. Честно говоря, спорт давал мгновения высокого вдохновения, но и отталкивал: здесь царили грубость и примитив, а иногда и откровенное жлобство. После вуза была армия, но в облегченном варианте: всего год, и тот в армейской газете. Очень удачно во время службы вышел второй рассказ. Вернувшись, сразу определился редактором в областное издательство. В том шли постоянные реорганизации: то сливали с московским, то выделяли в филиал, штат то рос, то сокращался. В отрезок до очередного сокращения Рябинин и уложился. Высидел две книги и членство в СП. Ушел с облегчением, работа была не по нему.

В его сборниках явно прослеживались циклы: студенческий, спортивный, армейский. Плюс лирическая повесть о подростке-фантазере. Ползучий эмпиризм. Взмыть не получалось. Выходило: третья книга должна повествовать о провинциальном литераторе. Все от этого предостерегали: моветонище.

Может быть, потому и не писалось, что «жизнь» полагалось искать где-то на стороне, в среде каких-то неведомых «настоящих» людей? Подлинных героев эпохи. Времена менялись, глядишь, скоро потребуются дать портрет современного кооператора.

Странно, но Рябинина совершенно не занимали амуры. В жизни они были явлением естественным, но в текст не просились. Как то самое солнышко — приятно, черт побери, пожмуриться-погреться, но посвящать ему строки и абзацы? Между тем многие коллеги умело раздували костерок, который всегда при себе даже у записного кабинетного затворника. В ход шли мимолетные чувства, потаенные грезы и изрядно отредактированные воспоминания. Огонь крепчал, котел бурлил, обеспечивая бесперебойное движение поршня. Одна за другой сходили со ступеней повести.

О юной девушке, которая, пройдя чередой невинных заблуждений, предпочла красивому и успешному себялюбцу человека внешне непримечательного, но с богатым внутренним миром и жадной творчества (нет, не литератора, упаси господь! самодеятельного художника, а лучше — заводского рационализатора).

О разочаровавшейся в семейной жизни зрелой женщине, встретившей бывшего одноклассника, тоже несчастного в постылом супружеском союзе. Конечно, женщина вырывает давно и тайно любимого мужчину из цепких рук осатаневшей приобретательницы, требующей от мужа лишь денег, денег и не дающей заниматься творчеством (разумеется, научно-техническим).

О красавице студентке, которой неинтересны примитивные, горластые сверстники, — она влюбляется в приятеля отца, седовласого, старомодно галантного, умного и немного загадочного. В постели с ним она понимает, что прежние ее парни — просто отбойные молотки безо всякой выдумки. С молодой энергией девушка наводит порядок в запущенном хозяйстве заслуженного изобретателя, и патенты начинают приносить доход.

Ну а в финале саги маячит повесть о человеке, прожившем интересную, богатую событиями жизнь. Многие женщины его любили, но на склоне дней он понимает: настоящая, единственная любовь осталась там — в деревенском детстве. Чем дальше, тем яснее в памяти соседская девчонка с вечно исцарапанными коленками, однажды решительно пошедшая с выдернутой из плетня жердиной на главаря мерзких, страшных гусаков. Она защищала своего избранника, ибо уже тогда он был не приспособлен к практической жизни и знал наперед, что его удел — творчество.

Рябинин отчасти завидовал авторам подобных опусов. На выходе шлак? — не беда. Зато упоенно стучал по клавишам месяц-другой-третий. А это само по себе награда.

Сам же Радий дисциплинированно просиживал четыре утренних часа в своем восьмиметровом кабинетике. Что-то заносил в записные книжки. Почему-то их было всегда несколько, и одной из недостижимых целей стало заполнить до конца хотя бы одну. Ходил по узкому проходу между столом и штангой на рогульках. Присаживался на низкую банкетку возле книжного шкафа. Работа кипела. В том смысле, что все уходило в пар. Машинка безмолвствовала.

После обеда шел на службу. Членам союза полагалась льгота: получая полную ставку, присутствовать на работе они обязаны были только полдня. Рябинин и от этой половины немного времени отпиливал в свою пользу. Как бы сообщал коллегам: не мог прерваться, работа затягивает.

Оставив издательство, Рябинин полтора года вел жизнь свободного художника. Потом подсчитал: его литературные труды принесли восемьсот рублей за девятнадцать месяцев. Примерно студенческая стипендия. Приходилось подрабатывать: летом шашка (заодно сложился рассказ о ней), зимой дворничал (тоже лирический кусок в очередной рассказ). К счастью, освободилась штатная единица в областном отделении СП. И он стал ответственным за работу с молодежью.

Служба непыльная, в основном болтовня, редко-редко требовалось составить некий отчет. Перманентное состояние — подготовка всегда отодвинутого в туман, в плохо просматриваемую перспективу альманаха молодых авторов. Ясно, что бумагу на него все равно не выделят. Но все же это была живая жизнь, общение.

Кто-то откровенно приходил к Радию просто потрепаться. Одним из таких был мэнээс из полусекретного института напротив — Андрей. Первый раз он заявился с патриотическими стихами. Рябинин тогда был в ударе и сумел убедительно их распатронить — поборник русской идеи даже не причислил его к масонам, что, вообще-то, делал запросто. Молодой ученый лишь отметил у писателя ряд пробелов в общественно-политической подготовке и теперь регулярно его просвещал, а виршеплетство бросил.

Другим оригинальным собеседником был Марк Еселевич — семидесятивосьмилетний драматург, очеркист, эпиграммист, детский писатель и прочая, прочая. Старшее поколение функционеров СП было ему неинтересно. Он нашел благодарного слушателя в Радию.

— Плутоний! — громко восклицал он на пороге и для большего шума пристукивал тростью. — Кто придумал самую оригинальную рифму к слову «троцкист»?

Правильным ответом на любой его вопрос всегда было «Еселевич».

— Да, именно. В тридцать третьем году, вот тут, за углом, на летней эстраде в парке, мы давали агитобозрение. Наш с Нёмой первый опыт после отсидки и выселения за сто первый километр. Так вот: «На трибуну пробрался троцкист, речь пустая, как ветра свист». Каково?

Старик беспрерывно хвастался, но в речах его раз за разом мелькали интересный факт, а то и мудрый совет. Был он законченный, идеально круглый, без швов, оптимист и жизнелюб. И не мог им не быть. Карающая длань ОГПУ дала ему всего лишь подзатыльник. На фронте осколок снаряда избрал длинный маршрут от бедра до плеча, вместо короткого — вглубь. В тот памятный день их ансамбль песни и пляски выступал рядом с каким-то штабом, который и накрыла дальнобойная артиллерия. В 1951-м, когда всюю шли повторные посадки, в лагерь отправился друг Нёма, чей брат в Ленинграде оказался близким сотрудником самого Вознесенского. Еселевич не сразу

открыл зажмуренные от страха глаза — и понял, что вокруг тихо, пыль осела и он остался невредим.

Рябинин интересовался его биографией у старших коллег, но скоро уяснил, что бодрый старец и сам все успеет рассказать. Именно все — его короткие, яркие сценки, почти анекдоты, нанизывались на непрерывную нить сюжета, двумя-тремя штрихами в них непременно прописывался фон, своего рода театральный задник. Обретая цельность, мозаика становилась почти эпической фреской.

Прочие заходимцы были докучливы и однообразны. Начинающие литераторы всех возрастов могли из глубоких тылов бомбардировать журналы и издательства рукописями. Могли и с открытым забралом бесконечно уютить передний край, то есть литобъединения. Но наиболее дерзким из них успех виделся в молниеносном рейде на штаб. Каковым по невежеству они считали областное отделение Союза писателей. Такие в итоге добивались до Рябинина.

Радий не страдал комплексом вахтера. Ценил себя очень высоко, но заставлять «малых сих» участвовать в созидании собственного постаменту ему никогда не пришлось бы в голову. Он был ровен со всеми, пресекал всякие попытки говорить с ним снизу вверх. Это было лучшей тактикой, ибо исподволь доносило до просителей главную мысль: «А кто я такой и что я могу?»

Не все ему верили, некоторые продолжали осаду. Пытались делать разного рода подношения. Рябинин был невозмутим. Он изобрел не менее двенадцати формулировок, означающих «это не ко мне, а к кому — не знаю», и бесконечно комбинировал их, не забывая при этом доброжелательно улыбаться.

Недавно с одной девицей запас был израсходован полностью, и пришлось пойти по второму кругу. Поэтесса, похоже, надеялась на вечер и не столько повторяла попытки, сколько тянула время. Явилась в полной боевой раскраске и бесконечно перекрещивала ноги, будто не могла решить, которая из ее коленок надежнее сразит этого пышущего здоровьем лося. Рябинин знал финал, но иногда детектив оттого становится только интереснее.

— Регина, вы зорко подметили, что рукописей у меня вагон. И подоконник тоже ими завален. Я объясню. Есть люди ну буквально неадекватные — кстати, внутренняя рифма, оцените. Чтоб не длить с ними тягомотных препирательств, я беру рукописи. Прошу четко подписать имя, телефон, адрес. И кладу в стопку. Но вы-то разумная девушка. Зачем я буду с вами использовать этот трюк? Союз писателей работает с писателями. Это профессиональное объединение. Становитесь профессионалом и приходите.

— Радий, вы всеми силами пытаетесь меня убедить, что проникнуть в этот закрытый клуб можно только в результате сбоя в системе. И я вам верю. И я вижу эту систему. Но не делайте вид, что не понимаете: я желаю, чтоб система сбойнула именно на мне.

Надо отдать Регине должное: сказку про белого бычка она тоже умудрялась рассказывать многими разными способами.

Незадолго до восемнадцати в коридоре послышалось: «Здравствуйте, Ирина Петровна!» — и ответное приветствие теплым, мелодичным голосом. Дверь приоткрылась, в кабинет заглянула жена Рябинина.

— Готов?

На сегодня у них был намечен поход в театр, от Союза писателей — две минуты пешком. Ира и без того была эффектной женщиной, а в театрально-вечернем наряде... Регина мгновенно поняла, что даже молодость не на ее стороне. Десять лет форы —

это не фора вовсе, это еще один ее минус: «соплячка». Рябинин, ничем не выдав своего удовлетворения, вежливо попрощался, и поэтесса вынужденно ушла.

Как всегда, стрелки немного зашагнули за полтретьего, когда Радий Рябинин появился возле своего кабинета. Его уже ждали. Сегодня это был парень лет под тридцать, какой-то весь ладный и подогнанный, в дорогих туфлях и кожаной куртке.

Назвался Игорем Игнатьевым и сразу приступил к делу:

— Хочу оценить перспективы вступления в союз через ваше отделение. Прописан в области. Живу то там, то сям. В основном мотаюсь по командировкам. Обычно от московских журналов.

— Вы журналист?

— Да.

— Вероятно, вам больше подойдет Союз журналистов.

— Я там уже пять лет. Но — набор благ несравнимый. Писателям полагается гораздо больше. Главное — они не привязаны к трудовому коллективу и профком у них при союзе. В идеале хотел бы квартиру.

— Ну... Резковато как-то.

— Вот об этом и пришел поговорить. Мысленный эксперимент: появляется человек двадцати семи лет с двумя книгами и некоторым количеством журнальных публикаций сверх того. Вы принимаете его в союз. А он говорит: живу в развалюхе, в дальней деревне. Хочу квартиру в областном центре. Как реагируют областные власти?

— Знаете, лет десять назад предоставили бы квартиру в первом же сданном доме. Если б, конечно, председатель пошел к нашему обкомовскому куратору и походатайствовал. А сейчас... Не знаю даже.

— Да, времена высокой турбулентности. Хочется вскочить в последний вагон. Буюсь, как бы борьба с привилегиями не укоротила руки кураторам и не отбила охоту помогать кому-либо, кроме самих себя.

— А что у вас за книги? Когда, где вышли?

— Книги выйдут в этом году. Одна точно, вторая — надеюсь. Первая очерковая, в основном о чудесах хозрасчета и прочего экономического новаторства. Вторая — юмористические рассказы и фельетоны. Есть еще повесть, сельский детектив. Строительство, приписки, следовательно, райком защищает честь мундира и так далее. Порхает из журнала в журнал. Везде требуют правок. То слишком остро, то недостаточно забористо по нашим временам.

— Я правильно понял: все только в перспективе?

— Да. Но я привык прорабатывать заранее. Черт возьми! Хочется хоть что-то получить бесплатно. Все всегда за свои деньги. А они как-то туго копят в последнее время.

Рябинин получил четырехкомнатную квартиру в центре, как только дочка родилась. Существовала для творческих союзов какая-то квота в новостройках, иные любвеобильные собратья по перу раз за разом меняли жен и без задержек въезжали в новую квартиру. А вот брак родителей супруги был вторым для каждого, и надежд получить жилье у себя на производстве почти не было. Тесть с тещей влезли в долги и купили кооперативную «двушку», за которую расплатились, когда Ира уже была студенткой. Рябинин запоздало поежился при мысли: а если б ему пришлось покупать свои квадратные метры?

— У вас семья?

— Нет, я один.

— Даже не знаю, что вам сказать. По-моему, перспективы не ахти. Но вступать в союз все равно следует.

— Да, конечно. Съезжу еще в Калинин, во Владимир...

— Вряд ли там по-другому. Потом, знаете, надо все же... Прижиться, что ли. Две книги — хорошо, но нужно как-то участвовать в местной литературной жизни. Помелькать.

— Логично. Что для начала? Дать текст в альманах молодых? Поездить от бюро пропаганды по районам?

Парень знал даже о существовании бюро пропаганды художественной литературы, чьей задачей было организовывать встречи с читателями. Предприимчивый. При этом он скорее понравился Радию, но разговор вышел какой-то сухой и короткий. Гость несколько раз без нажима пытался перейти на более свойский тон, но Рябинин не шел ему навстречу.

Словом, Игорь Игнатьев распрощался, откусив от присутственных часов Радия всего-то пятнадцать минут. Тот ничего определенного визитеру не посоветовал, пригласив заходить время от времени и пообещав представить руководителю писательской организации.

В одиночестве Радий просидел недолго.

— Приветствую тебя, о Цезий! — в кабинет шумно вкатился Еселевич. Уселся напротив и положил обе ладони на трость. Так он походил на важного сановника царских времен. — Муза Клио ветрена и забывчива, а часто бестолкова. Поэтому когда тебя потомки спросят, кто первый на сцене нашего театра ввел в спектакль обнаженную актрису, ты должен дать точный ответ.

— Минуту на размышление... Еселевич! Я прав, Марк Самойлович?

— Истинно так. Предчувствую, скоро на подмостках без портков будут носиться толпами. А я добился этого в семьдесят пятом году. Что характерно, в юбилейном спектакле о революции пятого года.

— Расскажите.

— Конечно. Но сначала небольшое отступление. Вот как работаете вы, одинокие гении? Запретесь, зацыкаете домашних, чтоб не шумели, радио не включали...

— Магнитофон.

— Вот видишь, я угадал. Дочка?

— Она. Ей потанцевать, ну, то есть повертеться хочется.

— Вот вы добьетесь тишины и ждете музыки сфер. Что она напоет, вы переверете в поисках фразы, но это и неважно. Потому что это ваш личный разговор то ли с Богом, то ли с эхом. Вы покажете его конспект другу, он скривится, но похвалит. Потом редактору, он разулыбается, но отвергнет. Горечью наполнится ваше сердце. Вы добавите горькой и в желудок для равновесия, а назавтра с похмельной головушкой снова уставитесь в потолок. Придет удивительно ясная мысль, как всегда бывает с бодуна: а чего, собственно, ты ожидал, старичок? Головы у всех разные и забиты материями разными. К несчастью, миг просветления у одинокого гения недолог. Скоро вы съезжаете все в ту же колею. В искусстве два главных вопроса: «Что?» и «Как?». Ответ на второй вы знаете прекрасно, но впереди всегда проклятый первый. Что писать, что писать — долбите вы себя...

Рябинин вздрогнул, как будто задел оголенный провод под напряжением. Улыбка на мгновение сошла с его лица, но тут же вернулась.

— ...А потом ищите подсказку на потолке. Но потолок зеркалит только ваше собственное «я» во многих его видах. Да... А что же старый Марк? Я не гений, я профессионал. Пусть мне скажут «что», а я уж выдам «как». Меня вовсе не задевает щедринское «Чего изволите?». Заказчик — необходимое для профессионала лицо. Скажете, за читателя-зрителя самозвано представляет какой-нибудь главреж или — ху-

же того — прыщ обкомовский? Поверьте, лучше уж они. Не дай вам бог узнать и исполнять запросы собственно народных масс...

Еселевич перевел дух, даже помолчал, давая Рябинину вставить слово. Но тот просто ждал продолжения.

— Итак, близится семидесятилетие революции пятого года. Обком ставит задачу, театр роется в ваповских рассылках... Все не то. Придется воспевать Красную Пресню или Орехово-Зуево. А мы сами с усами. Ну, не написано в учебниках про наших героев, но ведь были же они! История партии глаголет: всенародный подъем. Значит, не миновал и нас. Надо творчески домыслить. Зовут. Откликаюсь, пишу пьесу. Очень быстро, однако не халтурю. Читка. Тоска зеленая всеобщая. Остаемся вдвоем с главрежем. «Надо спасти». Ну, я же не гений, в бутылку не полезу. Он тоже профессионал, все видит. Где, говорю, зритель первый раз уже клюнул носом? Вот здесь — надо сцену... Сцену чего? Этого он не знает, это должен я. Постепенно созревает: там вставим сцену комическую, здесь лирическую, а в финале — тарантелла. Ну, то есть недопосаженные большевики собрались под видом свадьбы на маевку. Частушки, пляски, переходящие в «Интернационал». Околоточный подтягивает, думает, величальная песня. А подпольщики шпарят пролетарский гимн по-французски.

— Мне двадцать было. Мог бы видеть, да жаль, не соблазнился тематикой.

— Вот-вот. Не знал тогда, так хоть сейчас пойми: неважно что, важно как. Ты не увидел Лялечку Соснину обнаженной. Венера — усталая прачка рядом с ней.

— Что — и впрямь голая была?

— Я железно стоял на своем. Говорю: зал приготовился подремать. И их нужно огорошить. Нужна, понимаешь, декларация о намерениях: мы тут не сопли жевать собираемся, и если кто заснет, то потом волосы будет рвать с досады. Герой молод, он встречает первую любовь. Пусть поймут, что это действительно любовь, а не идейное единение. По замыслу Лялечка ранним утром купалась в одиночестве. А подпольщик встал еще раньше. За газовым занавесом — как бы остатки тумана — Лялечка спиной к зрителям уходила в воду. В телесных плавочках, если честно. Но из зала сквозь легкую ткань как раз их-то и не разглядеть. Говорю режиссеру: во втором действии ее арестовывают. Жандармы над ней всячески глумятся, осмеивают, грубят. И зритель должен переживать: вдруг жеребцы эти Лялю там, за сценой, изнасилуют. А на такую догадку наводит именно сцена купания.

— А комическая сцена?

— О, это просто. Такими эпизодами должен быть разбавлен любой спектакль. Иначе никакого тебе ни мимесиса, ни катарсиса. Ни чувства не зря потраченных денег. Там у нас главный герой уперто, как всякий неофит, пытался распропагандировать местного мужичка, паромщика. Тот его время от времени срезал в споре, хитрый крестьянин и тоже упертый. В конце выяснялось, что под личиной паромщика скрывался видный партийный вождь, перешедший на нелегальное положение. Такие вот вариации на тему шалаша-разлива.

— Представляю, как вы это исполнили!

— Увы, остались одни воспоминания. Спектакль «датский», сошел быстро. В памяти только: Брюханов играл замечательно. Слегка пародировал киношного Ленина.

— И Ляля?

— Ну и конечно, Ляля. С острыми грудками.

— Марк Самойлович, а почему бы вам не написать мемуары? Это же интересно. Сейчас можно уже практически открытым текстом...

Еселевич помрачнел.

— «Можно...» — он вдруг заговорил отрывисто, будто фыркал после каждой фразы. — Я столько пережил разных поветрий... ураганной силы. Это ваше «можно» слизнет целый материк. «Открытым текстом» пишут протоколы. В прозе, хоть и мемуарной, должен быть люфт, неоднозначность. Фаза догадки. А вас напотчуют «голой правдой». Без плавочек даже. Вот задумайся: сплетня — чаще всего правда. И все ж это сплетня. Давно мог написать мемуары. Нормальным текстом, а не «открытым». Но я рассказываю их друзьям. Это особый жанр, высший. А книг у меня вышло достаточно. Жаль вот только нет томика пьес. Смотрелся бы. Но и без того — штук двадцать детских, три книги очерковых...

— Как же я забыл! — Рябинин обрадовался возможности развернуть разговор. — Вы же у нас классик очерка! Дело к вам такое. В августе проводим обычное наше областное совещание молодых. Я настаиваю, чтоб было не два семинара, а три. Поэты, прозаики надоели уже. Много пустой породы. Их подсократить и собрать третью секцию — очерка. Пойдете руководителем?

— Отчего ж... В пару мне Афанасия дайте, Иванова.

— Иванова?

— А что ты удивляешься? Это он только в последнее время все про грибочки-туесочки. На самом деле — крепкий очеркист. Деревню знает. Экономику знает. За словом в карман не лезет — так припечатает, что держись.

— Решено.

— А вот ответь мне: почему я драматург — и одновременно очеркист? Что общего?

— Наличие заказчика?

— Молодец. Быстро схватываешь, черноглазый! Ты, часом, не из наших каким-нибудь боком?

— Нет, Марк Самойлович. Да и глаза у меня карие.

— Может, и карие. Да... У Нёмки вообще глаза были голубые.

Еселевич замолчал, задумался, как будто уплыл куда-то. Потом потряхнул седой шевелюрой и строго спросил Радия:

— Ну? Ты начал писать пьесу?

— Да помилуйте, какая пьеса...

— О которой я тебе толковал. Которая, возможно, позволит тебе жить литературным трудом.

— Я запомнил только: если спектакль прошел в одном театре один сезон, это не оправдывает затрат.

— Но я говорил и другое: в театре любят подсмотреть у соседа. Если пойдет в двух театрах, то скоро, глядишь, и в десяти. А это — уже куш.

— Но как его сорвать?

— Нет, ну ты как еврей из анекдота. Который все время просил у Господа выигрыша в лотерею. Пока тот громовым голосом с небес не откликнулся: «Ты хоть лотерейный билет для начала купи!» Ты напиши сначала пьесу!

— Но ведь заказчика нет?

— Не надо понимать буквально. Заказчик есть — любой театр хочет пьесу о современности со сценически ясным конфликтом. Ну вот, с налету. Двое друзей решают создать кооператив и обеспечивать население травяными сборами. Из экологически чистых районов. Но травы нужно собирать строго в определенной фазе роста. Иначе свойства теряются. Оба это понимают, но один готов ради прибыли технологию нарушать. А второй нет. И женщина. Выбирающая из двоих. Конечно, сначала ее привлекает прагматик. Но потом она видит, что он всегда уговорит себя на то, что ему выгодно.

Легко оправдывает любой свой корыстный маневр. И... Это же твой сюжет: самокопание, самооправдание, долгие борения и, наконец, поступок.

— Почему «конечно» сначала прагматик?

— Да потому что женщина. Ей хочется норковое манто. И чтоб возили в новом автомобиле.

— А что с ней происходит потом? Почему она его оставляет?

— Потому что мы с тобой призваны вселять в людей оптимизм. Расскажу при случае одну историю. Про двух друзей. А сейчас пойду — пора в госпиталь.

Через месяц открылся Первый съезд народных депутатов СССР. По этому случаю Андрей-мэнэс бывал у Радия каждый день. Все толковал за какого-то Семочкина, который был избран в том числе и его стараниями и теперь просто обязан озвучить их общую согласованную позицию. Допускалось, правда, что Семочкину интриганы-аппаратчики слова просто не дадут. Но говорить об этом не хотелось, хотелось бить в набат: съезд пошел проторенной гибельной дорогой заигрывания с национальными субъектами, надо спешно менять фальшивую повестку на действительно насущную для трех четвертей населения Союза. Рябинин, в принципе, был согласен с очевидным: десятилетиями русские были основным тягловым сословием и все проблемы в стране решались за их счет, но запал Андрея был ему чужд и непонятен. Дальше Радий скатывался, как всегда, к самобичеванию: вот такие нелепые, но пассионарные личности, возможно, что-то и сделают для него, русского беспартийного провинциала, писателя, человека инертного и социально апатичного.

Когда в кабинете появился Игорь Игнатьев, Андрей насел и на него.

— Следите за съездом?

— Со временем у меня не очень. Но то, что успел увидеть, в принципе, дает представление. Путем несложной экстраполяции можно получить картину в целом, и даже в раме.

— То есть вы знаете, чем все закончится?

— Да ничем не закончится. Написано о другом телевизионном действе, но здорово подходит — помните, гимн КВН: «Пусть не решит он всех проблем, не решит всех проблем, но станет радостнее всем, веселей станет всем».

— Юмора и сатиры там хватает, — вставил Рябинин.

— Сейчас, вот в эту самую минуту, — разгорячился и без того багровый Андрей, — там идет жуткая подкованная грызня. Я это знаю из первых рук. Вы не понимаете всей глубины...

Он чуть запнулся, подыскивая слово. Игорь этим воспользовался:

— Не понимаем.

Молодому ученому и общественному деятелю оставалось только махнуть рукой и удалиться.

— Здорово ты его! — сказал Рябинин. — Ничего, что на «ты»?

— Да, так натуральнее. А насчет этого парня... Разговор, если это не работа, должен быть интересен обоим собеседникам. Кто этого не понимает — просто крадет чужое время. Не хочу строить из себя делового, но я как-то очень чувствителен к подобным вещам. Наверное, оттого, что много приходится беседовать по обязанности.

— Из командировки, поди?

— Да, из Воронежской области. Получилось, как зануда, — день в день явился ровно через месяц. На самом деле просто окно в трудах.

— И хорошо, что зашел. Есть известия.

Рябинин рассказал об августовском семинаре начинающих очеркистов. Потом повел Игоря к шефу.

Средний возраст в местном отделении Союза писателей приближался к пенсионному. Если разобраться, ничего дурного в этом нет: членство в СП пожизненное — все же не спортивная команда и даже не театр. Значит, созданы условия для долгожительства, есть чем гордиться. Но молодые нагловатые поэты, которым не то что в союз, а в ЛИТО кожевенного завода преждевременно, орали о держащих круговую оборону старцах все более и более оголтело. С этим нехитрым тезисом они прорвались уже на страницы областной комсомольской газеты, а кроме того, «молодая шпана» время от времени являлась на плановые, рутинные встречи местных тружеников пера с читателями, где устраивала балаган и поношение почтенных и маститых.

Поэтому Борис Сергеевич Ключков, руководитель областной писательской организации, вынашивал план существенно омолодить ее состав, разумеется, не за счет башибузуков. Идеально было бы создать в отделении молодежную секцию под руководством Рябинина. И попробуй тогда ущипни.

Двадцатисемилетний Игнатъев хорошо укладывался в схему. Если на областном семинаре удастся найти еще одного-двух достойных, лет тридцати, ускоренно принять их в союз, — то вот тебе и секция. Радий понимал этот замысел и был рад помочь, тем более что Игорь Игнатъев — кандидатура почти бесспорная. Правда, Рябинин еще ни строчки не видел из им написанного, но особо вникать и не хотелось. В конце концов, производственные очерки существуют не для того, чтоб их читали, а для комплектности номера или темплана издательства.

— Ну как тебе наш рулевой? — спросил Радий, когда они с Игорем вышли от Ключкова. Ключков служил во флоте, там же и начал писать долгими ночными вахтами. С легкой руки Рябинина это уважительное прозвище накрепко к нему прилепилось.

— На редкость вменяемый дядька. Ясно мыслит и четко излагает.

Кабинет Рябинина, оказалось, не пустовал. Там сидели Еселевич и Регина. Старик что-то быстро-быстро рисовал на листе бумаги.

— Марк приветствует Стронция! И вам здравствуйте! Мадемуазель, как выяснилось, не знает о существовании большинства литературных профессий. Для нее существуют только поэты, ну и презренные прозаики. Я назвал ей уже полтора десятка иных и объяснил, в чем их суть. А сейчас — внимание — в прямом эфире демонстрирую, как заработать десять рублей профессией достаточно редкой. Закончил. Посмотрите все. Осталось сделать подпись и отдать в руки настоящему художнику.

Три головы склонились над рисунком. Еселевич схематично, но абсолютно понятно изобразил некий зал заседаний. Ряды заполнены людьми в пиджаках и галстуках. А в проходе — несколько человек в бабочках и фраках. Один из них что-то говорит в микрофон на ножке.

— Итак, какую мы делаем подпись? Подсказка: она основана на каламбуре.

Игорь вдруг разулыбался и сказал:

— «Наша фракция покидает зал заседаний!»

— Bravo! — почти подпрыгнул Еселевич. — Молодой человек, вы — прирожденный темист. Региночка, вот еще одна профессия — темист. Тот, кто дает художникам темы для рисунков. Самые безвестные из всех безвестных тружеников пера.

— Игорь Игнатъев, молодой писатель, — представил триумфатора Рябинин. Увидев рядом с Еселевичем папку на тесемочках, спросил: — Принесли, Марк Самойлович?

— Да. Давай сядем где-нибудь...

Регина поднялась.

— Я, собственно, пошла. У меня один короткий вопрос: рекомендации Красовской достаточно, чтоб меня взяли на совещание?

Красовскую Рябинин хорошо знал. Уже четверть века она руководила самым сильным литобъединением города, слыла очень требовательной и придирчивой. Если она рекомендует стихи этой девушки, стоит прислушаться.

— Да, Регина, конечно.

Игорь тоже распрошлся: Еселевич явно хотел остаться с Радием с глазу на глаз.

Молодые люди вместе вышли на крыльцо.

— Молодец! — сказала Регина. — Немножко заткнул старичку фонтан. Ты из действительных членов или, как я, соискатель?

— Писательского билета? Соискатель.

— Прозаик?

— Темист, слышала же. И многое другое. Но стихов не пишу.

Они неторопливо шли весенней улицей. Регина чуть придержала спутника и заглянула в глаза:

— Слушай, давай пробиваться вместе?

— Это как? Чем мы поможем друг другу?

— Много чем! На самом деле вдвоем — всегда проще. Да вот элементарно — у тебя машинка есть?

— Есть.

— А у меня нет. Рукописное никто не принимает. Приходится отдавать знакомым машинисткам, они неграмотные, еще и торопятся, начальства боятся. Столько ошибок! Если б разрешил на своей, я б все стихи в порядок привела. Выход на Красовскую тебе нужен?

— Не знаю даже, кто это. Я, в общем-то, приезжий.

— Ну даешь! Красовская — главный привратник при союзе. У тебя квартира или снимаешь?

— Снимаю.

— И я снимаю. Ты ведь один?

— Заметно?

— Нет, ты ухоженный, и взгляд не голодный. Но женатики в писатели уже, по моему, не стремятся. Я плачу сорок пять рублей за комнату. Почти за те же деньги можно снять полдома в пригороде, три комнаты, кухня, санузел теплый. Правда, горячая вода из титана и ванны нет. Если вдвоем — двадцатка экономии! При моей зарплате в сто десять — это много. Ты сколько за жилье платишь?

Игорь промолчал. За восемьдесят пять он снимал однокомнатную квартиру и до недавнего времени считал это необременительным.

— Seriously, давай зафрахтуем эти полдома, пока вариант не ушел. Вдвоем точно экономия выйдет, не только в квартплате, во всем. Можем спать вместе, можем не спать. Для меня ни то, ни другое не проблема. С шестнадцати лет по рок-командам, в семнадцать аборт, детей теперь не будет. И полная фригидность, если уж начистоту. Никаких телесных желаний. Зато если кого желания мучат — могу помочь.

Игорь чувствовал, что с этой странной девушкой можно долго идти, куда улочка выведет. Хотя жизненный опыт подсказывал держаться от поэтов подальше. Но в ней не ощущалось сжатых в тугие пружины комплексов. Какая-то высокая простота. Во всяком случае, не начнет вслух читать собственные стихи. Она была, пожалуй, привлекательна, но определенно не изящна: крупные кисти рук, кроссовки сорок какого-то размера, буйные темно-рыжие волосы, ни в какую прическу не утолканные. Поймав оценивающий взгляд, рассказала:

— Мать у меня коми-пермяцких кровей, а отец — из болгарского села под Одесой. Такая вот помесь юга и севера. Сбежала из дома после восьмого класса. Ну, вроде как учиться. Я, кстати, дипломированный кулинар-кондитер. Стихи, гитара, репетиции в гараже, концерты в парке. А потом я поняла, что рок уродует стихи. Все напоказ, все с пережимом. Весь мир бардак — во, ни х... себе открытие сделали! Для подростка годится, но потом надо вырастать. А они не хотят вырастать. Капризные такие бородачи... Давай снимем полдома, на гитаре два года не тренькала! Лежит под кроватью. Какие тут песни, если в доме не хозяйка... Для остроумца ты что-то сильно молчаливый.

Игорь улыбнулся:

— Люблю слушать.

— Ну так слушай дальше. Только имей совесть — и о себе расскажи.

— Расскажу.

Помолчали. Зашли в какой-то скверик, но садиться на скамеечку не стали, хотелось идти, весенний воздух бодрил. Игорь прикидывал, что сообщить о себе, а что опустить. Попутно отметил, что девушка из выносливых, у него ноги уже стали уставать.

— Стихи в последнее время сами на музыку просятся. Но не рок, а что-то такое бардовское. Поездить бы по их сборищам, пообщаться. Вот почему вечно о деньгах думаю: как извернуться, чтоб хоть какие-то свободные копейки завелись. А в союз — само собой. Кругом такой народ: только документу верят. Без ксивы лучше не заикаться, что пишешь. Примут за опасную дурочку. Ты-то признаёшься на работе, что строчишь?

У Игоря наконец сложился округло-лаконичный вариант автобиографии. И он изложил его Регине. Неоконченный журфак. Седьмой год непрерывной работы. В московских журналах ему достаются самые неблагоприятные задания, от которых стараются отпелгать все штатные сотрудники. И так далее.

Девушка здорово удивилась, а потом резюмировала:

— Ну, дядька седой объяснил мне, что очерки — тоже литература. Но я бы так не смогла. У меня — вот эти часы работаю за зарплату, а вот эти — уже мои, и не лезьте, творю, что хочу. Я повар-кондитер в доме престарелых. Два дня с утра до вечера — потом два дня свободных. То, что нужно. Болдинская осень порционными кусками. Брожу по городу, бормочу. А рано утром на первом автобусе в Долгушино.

— Подожди. В Долгушине, за рекой, усадьба старинная, это дом ветеранов, точно. И ты там работаешь?

— А что тебя удивляет?

— Я в этой деревне в свое время избушку купил, чисто ради прописки.

— Жить-то в ней можно?

— Летом вполне. Как на даче.

— И что не живешь? Сейчас лето. Нет, сам же говорил, что заработки упали. Или просто приbedнялся?

— Упали. В командировки реже езжу. Понимаешь, раньше в любом журнале работа шла по плану. Чтоб вся тематика была отражена, чтоб все регионы присутствовали. А теперь за этим никто не следит. Половина материалов — об ужасах сталинизма. Из архива или со слов очевидцев. Которых и в Москве достаточно. Зачем тогда нужен разъездной корреспондент?

— Ну а сократить расходы тебе не приходило в голову? Или не барское это дело?

Собеседница угодила в точку: Игорь действительно не хотел менять образ жизни, отчего в последние месяцы уже подтаивала его «подушка безопасности». Амбициозный план добиться бесплатной государственной квартиры был хорош, но шансы невелики. Год в любом случае он закончит в плюсе: издательство выплатит остальные

три четверти гонорара за книгу. Дальнейшее тревожило, но пока хотелось от него просто отмахнуться.

— Вот твои расходы могу сократить. Заезжай в мою избу с первого июня и живи бесплатно, пока не замерзнешь. Машинку тебе дам на неделю. Приведешь рукописи в порядок.

Девушка отреагировала как-то странно. Будто не услышав слов Игоря, она быстро, с подробностями стала рассказывать о своей работе. Ее любят и ценят, она да завстоловой — вот и все настоящие профессионалы из города, остальные работницы — местные деревенские бабы. Она сильная, не боится ворочать тяжелые кастрюли. На междусобойчиках по случаю чьих-нибудь именин может принять дозу, как все, но никогда не пьянеет, потому что закалилась в суровой юности. Хорошее отношение начальства позволило ей оказать услугу Красовской. У той была лучшая подруга, года три тяжело болевшая и этой зимой умершая. Навещать мать подруги, пристроенную из-за болезни единственной дочери в дом престарелых, стало теперь священной обязанностью Красовской. Удалось уговорить кого надо, и старушке поменяли сожительницу, от которой та ревмя ревела. Посещать литобъединение Регина перестала давно, потому что «там все недоделанные», но теперь Красовская и без этого, заочно, порекомендовала ее на семинар.

По затянувшемуся монологу Игорь понял, насколько щедрое предложение он сделал. Дабы Регина поверила, что все наяву, он прервал ее и сказал:

— Раз ты на хорошем счету, пусть дадут машину на полдня для переезда. Скажи адрес. Завтра занесу пишмашинку и ключи от дома.

— А ты не приедешь туда?

— Раньше июля мне по месту прописки появляться нельзя. Вдруг призыв продлят. Но потом, может быть, и заеду.

— Приезжай! Я буду твоей экономкой. Я обеспечу тебе безупречный быт. Не забывай, что повара у нас в стране кое-что имеют, кроме зарплаты. Представлю, сколько денег ты фуфыришь зря. А для писателя деньги — это будущие строчки. Не наоборот, как для вас, журналистов. Со мной ты станешь настоящим писателем, наплюешь на все эти редакции, на конъюнктуру. Будешь новым Булгаковым. Я сразу поняла, что вместе мы горы свернем!

Игорь достал блокнот:

— Говори адрес и время.

Надо было расставаться. Игорь ни на минуту не мог забыть, насколько легко и естественно эта словоохотливая девушка предложила ему свое молодое сильное тело. Предложение бессрочное. Надо взять долгую паузу — все разрешится само собой.

Ирина Петровна Рябинина была завзятой театралкой. Часто посещала московские театры, а в облдраме не пропускала ни одной премьеры. На понравившиеся спектакли приходила вторично, уже в окружении своих учеников. Старшеклассники просто обожали молодую «немку», почему-то с ней тяжеловесный язык давался легко, а еще они успевали узнать на уроках массу интересного.

Ирина была знакома со многими актерами и режиссерами, Алексей же Алексеевич Брюханов был ею просто очарован. Престарелый мэтр уже мало играл, посвятив себя общественной работе: Союз театральных деятелей и т. п. Именно к нему обратились супруги Рябиныны насчет однотомника драматургии Еселевича. Может, удастся пробить? Брюханов загорелся идеей и сказал, что знает нужных людей в издательском отделе СТД.

Марк, естественно, против не был, принес десять пьес и разложил перед Радием целый пасьянс, разъясняя наличие двойной нумерации: первая цифра обозначала последовательность текстов в книге, а вот вторая, в скобках, была оценкой, местом в общем зачете. При сокращении рукописи до требуемого объема следовало сначала избавиться от пьесы с пометкой 10, затем 9 и так далее.

Рябинин быстро ухватил суть, собрал стопки машинописи назад в папку и не удержался, спросил:

— А что нет «Вагона на целину»?

Эта пьеса в 1954–1955 годах шла чуть не в сорока театрах Союза. Когда Еселевич в первый раз принялся агитировать молодого друга написать пьесу, он говорил примерно следующее: если спектакль продержится всего один сезон — получишь слезы, меньше, чем за короткую повесть. Но ведь может быть несколько сезонов и несколько театров. Доходы вырастут кратно. А если завтра твою драму или комедию сыграют триста или пятьсот театров Союза ССР, ты будешь легальный богач.

Деликатный Рябинин не попросил пожилого маэстро подкрепить свои выкладки фактами трудовой биографии. Но, заинтересовавшись, потом поспрашивал старших товарищей. Самым осведомленным оказался нечуждый драматургии Клочков.

— Был у старика один настоящий успех, вернее, полтора. В конце шестидесятых долго держалась его драма про физиков и лириков, ее поставили не то пять, не то шесть театров. А главная удача — «Вагон на целину». Здорово в тему попал, но, ты знаешь, это просто хорошая комедия безо всякой конъюнктуры. Все действие происходит в одном вагоне. Молодежь едет на целину. И в разговорах сразу видно, кто рвач, кто дурак-романтик, кто просто вслед за всеми увязался. Понятно, героиня. Два претендента, конфликт, все очень динамично, суматошно, весело. Нет, хорошая пьеса. Курсантом ее смотрел. Три года по всей стране, считай, шла.

Рябинин удивился, не увидев веселой кассовой комедии в предполагаемом сборнике, и простодушно спросил о ней, решив заодно порадовать старика глубоким знанием его творческого пути.

Еселевич поморщился.

— Ты знаешь, что в те годы считалось хорошей пьесой? Убожество. Незачем тянуть этот старый дырявый текст в историю.

Радий ожидал, что последует очередная байка из бесконечной летописи, относящаяся к пятидесятым, но собеседник молчал и шумно сопел. Разговор разладился из-за ерунды. Рябинин переключился на предисловие: кто бы мог его написать? кто хорошо знаком с писательской биографией Марка Еселевича?

— Даже не ищи — не найдешь. Я слишком зажился на этом свете. Иных уж нет, а те в Америке. Да и не нужно всего этого — биография, театральная судьба моих детищ, прости господи. Может, и книги никакой не нужно.

— Книга, Марк Самойлович, не факт, что будет. Брюханов излучает оптимизм, но еще столько этапов впереди, и на каждом можно срезаться. Однако по вашему же правилу лотерейный билет приобрести надо. Рукопись есть, хорошо. Может, сами напишете предисловие? Кратенько так и стильненько — просто изложите одну из своих многочисленных историй. «Помню, в одна тысяча восемьсот двенадцатом году у нас вышел жаркий спор с режиссером, имя которого театральные анналы, конечно же, хранят, а вот я запамятовал...» А в конце нечто вроде: «Вот с тех самых пор я и стал драматургом со справкой». И все. Многозначительно и многозначно. Sapienti sat. А кто не «сат», сделает вид, что понял, и будет дольше других рукоплескать.

— Полоний! Вот так и пиши свою прозу — легко и отвязно. И не слушай никого. А за идею спасибо. Попытаюсь накидать.

Бодрый старикан всегда поднимал Рябинину настроение. А что иной раз в последнее время мелькала в нем мрачность, молодой писатель считал проявлением какого-то недомогания.

Через два или три дня Радий «остался на хозяйстве». Клочков уехал в Москву, а зам убыл в очередной отпуск. И надо же — именно в этот момент по телефону поступил срочный запрос, с которым отродясь не ведавший административной работы Рябинин не знал, как справиться. Некая дама из краеведческого музея требовала «объективку» на местного писателя Наума Золотницкого, погибшего в сталинских застенках. С трудом, переспрашивая и недоумеая, писатель уяснил суть проблемы. Оказывается, в музей пришла некая Берта Яковлевна Попова, вдова известного в городе руководителя промышленности, и принесла архив своего брата Наума. Сама Берта Яковлевна, год назад похоронившая мужа и не имеющая в России никого из родных, перебиралась ныне к дочери и внукам в Израиль. А вот архив Наума Золотницкого, по ее словам, не столько семейная реликвия, сколько документ литературной истории советского периода. Брат активно работал для «Синей блузы», лично знал Маяковского, Лебедева-Кумача, обоих Эрдманов, в архиве есть полудневниковые записи о встречах и разговорах с ними, тексты эстрадных скетчей, стихи, наброски пьес и рассказов. Восьмидесятилетняя старушка была настойчива, но и дама из музея не лыком шита, понимала: создай только прецедент. Понесут все и всё. Потому и требовала от Союза писателей четкой справки: какова литературная величина Наума Яковлевича Золотницкого? Тем более что он — уроженец Петербурга, сюда, под крыло к сестре, прибыл после короткой ссылки в 1933 году, архив же относится к ленинградскому периоду его деятельности и достался Берте от почивших родителей.

Испросив себе три дня, Радий с тоской думал, что этого срока может не хватить. Клочков в Москве загуляет, как уже не раз бывало, и проклятую «объективку» придется составлять самому.

И тут его посетила догадка: речь ведь идет о соавторе Еселевича, «друге Нёме»! Рябинин, недолго думая, позвонил. Старик был категоричен:

- Эта ведьма выжила из ума, причем давно! Никаких дел с ней! Всю кровь выпьет!
- Но ведь мне не ей, а музею надо ответить.
- Нёма был большой-пребольшой талант. И мой сердечный друг. Но из практической пользы исходя — напиши, что его наследие не представляет интереса. Пусть она в Пушкинский Дом архив везет.

Еселевич словно опять был не в духе. Радий быстро попрощался и задумался.

Определенно Марк мрачнел при мысли, что кто-то посторонний влезет в некие давние страницы его биографии. Но что там могло скрываться? Не больше чем та самая правда, она же сплетня, которые он однажды в разговоре приравнял одну к другой. В общем, Рябинин забыл об этом, к тому же ситуация со справкой разрешилась наилучшим образом: приехал Клочков, быстро сочинил ответ музейщикам, Радий даже не узнал его содержания.

Потом наступил август, прошло областное совещание молодых. Кругом трещало здание «нерушимого Союза», но на местах многое шло по накатанному. Итоги семинаров даже освещала областная пресса. Двоих рекомендовали в СП: очеркиста Игнатъева и прозаика Витю Сысоева, его ровесника. Последний был деревенщиком новой формации — речистые старики и старухи изъяснялись у него словечками и оборотами, почерпнутыми вовсе не в собственном деревенском детстве, а прямым из словарей диалектных говоров. Витины повести, застрявшие в издательстве, после совещания должны были все же оформиться в книгу. У Игоря Игнатъева книга уже на выходе, он показывал верстку. Семинар поэзии оказался слабее, однако троих стихотворцев,

и в их числе Регину Тонову, все же причислили к «активу» писательской организации. Это мало что означало по существу, но при аккуратном поведении должно было при вести, как минимум, в коллективный сборник.

Кадры с совещания мелькнули по местному телевидению, и это имело совершенно неожиданное продолжение.

Рябинин, как обычно, опоздал на полчаса и начала бурной сцены не застал. Мимо него фурией пролетела весьма пожилая дама с антрацитовыми глазами. Метафора подтверждалась полыхавшим в них жарким пламенем. Последняя фраза, брошенная ею в сторону открытой двери клочковского кабинета, все еще вибрировала в воздухе:

— А все же я уверена, что старый интриган Еселевич приложил к этому руку!

Борис Сергеевич слегка обескураженно рассказал о не совсем дружественном визите Берты Яковлевны Поповой. Увидев по телевизору живого и здорового Марка, старушка была неприятно поражена, — видимо, забыла о его существовании или считала немощным, доживающим век дедком. И ее пережмуло. Она решила, что тот до сих пор влиятельный литературный деятель и ответ музею только подписан руководителем писательской организации, а вдохновлен и составлен известным ей с давних времен «интриганом и пройдохой». Клочков брал все на себя, но вдова бывшего зампреда обл-исполкома сначала не верила, а потом обрушила на него залп возмущенных «почему?!».

— Лучше б я пережил осаду десятью графманами!

— Борис Сергеевич, да, может, самим взять у нее этот архив? Ответственности-то никакой. Пусть лежит на дальней полке.

— Ты знаешь, практически так мы и решили. Отдаст нам. Через пять лет все наши документы сдаются в областной архив. И наследие Золотницкого окажется там же. Будущий пытливым ум теоретически сможет до него добраться. В любом случае не в печку. Старушечка отправится к Земле обетованной с легким сердцем. Ивану Порфирьевичу мраморный монумент на кладбище возвела. Записки брата для истории сохранила. Вот, опись уже у меня.

Радий с интересом взял листочек. Взгляд его почему-то сразу уперся в строчку: «11. Друзья познаются в дороге. Комедия в двух актах». Он спросил:

— А к Самойлычу у нее какие счета?

— О, тут целый клубок. Брат после ссылки из-под Вологды к ней приехал. У них с Иваном Порфирьевичем была хорошая квартира, вес в местном обществе. Сюда их прислали новое производство развивать. Попов уже тогда был ценный кадр, талантливый конструктор водометных двигателей для танков. А вслед за другом и Еселевич заявился. Понятно, Берта его невзлюбила. Дескать, подвел братика под монастырь. Но парни продолжали писать вместе. Золотницкие, конечно, считали, что их Нёма талантливее, а Еселевич просто подмастерье. На войну Наума не взяли по здоровью, Марка после ранения тоже комиссовали. И снова они писали вместе. А уже после войны у них случился разрыв. «Не могли поделить жалкую потаскушку!» Это Попова мне сегодня выдала. Но я много с кем общался из старой гвардии, слышан и об этой истории. Золотницкий увел у Марка жену. Вот так: со школьной скамьи друзья, на одних нарах чалились, а поди ж ты... Понятно, оба переживали. И у Наума снова открылась залеченная вроде язва. Вот этого Берта и не может простить Еселевичу. Потому что вскоре братика зацапали наши доблестные органы, следствие, суд, он даже до лагеря не доехал. Какая диета у врагов народа... В пятьдесят втором умер на пересылке. А так года через четыре мог уже на свободу выйти.

Рябинина захватил рассказ рулевого. Может, вообще бросить писать о современности — о себе под разными соусами? Совсем неглубоко в историю, и вот они — страсти, рок, судьба, характеры.

Жена изредка делала попытки в мягкой форме вывести его из творческого простоя. Призывала поэкспериментировать, поменять манеру письма. Племянник, прямодушный отрок, был проще: «Дядька, напиши детектив!» Радию больших трудов стоило показать, что его не обижают эти наставления. А теперь в голове громоздились вчера еще совершенно чуждые ему конструкции. Как это осознать и представить: двойное вероломство, разом потеряны друг и женщина. А ведь было еще совместное творчество! И комедию про вагон не надо забывать.

Передача архива состоялась в отсутствие Радия. Но он в тот же день заметил в кабинете Клочкова пять коленкорových, каких-то досоветских папок с красивыми завязками и чернильными номерами на корешках. Рябинин хорошо помнил одиннадцатый пункт описи, над ним была указана папка номер два. Выждав неделю, он зашел к шефу покалякать о том о сем и в конце разговора непринужденно подхватил с полки нужную часть архива.

— Полистаю на досуге?

Клочков не был против. Рябинин ринулся к себе в кабинет и погрузился в чтение.

Текст представлял собой выцветшую машинопись, причем не первый экземпляр. Все в пьесе было так, как рассказал Клочков, описывая виденный в юности спектакль. Только ехала молодежь не на целину, а на комсомольскую стройку. Радий порадовался своей интуиции, но на дальнейшие вопросы она ответа не давала. Как спустя двадцать лет комедия попала к Еселевичу? Почему тот выдал ее за свою? Как все это связано со ссорой соавторов?

Зачем Марку, человеку избыточной творческой энергии, идти на банальный плагиат? Нет, безусловно, пьесу отдал товарищу сам автор. Она долго пролежала забытой из-за первого ареста и ссылки, спустя годы Золотницкий вытащил ее на свет и сказал: «Давай переработаем мою старую комедию, осовременим, доведем до ума!» Друзья взялись за работу, но когда пьеса была готова, Наума арестовали. Еселевич снял фамилию соавтора... Психологически достоверно, однако Радий чувствовал нестыковки в собственных рассуждениях. Так или иначе, полностью оправдать старика не удавалось.

Рябинин побыстрее вернул материалы Золотницкого на место, Клочкову сказал, что такое чтение не по нему, нужна настоящая архивная крыса. Как бы случайно он поместил папку за номером два на полку выше остальных, на самую верхнюю, куда без табуретки мог дотянуться только без малого двухметровый бывший волейболист.

Теперь в голове у него прочно застряла мысль: как найти текст комедии 1954 года? Узнал, что неопубликованные произведения драматургии распространялись через ВААП и что театры вряд ли хранили эти размноженные стеклографическим способом экземпляры. Притормозил: теперь ему могла помочь только случайность.

Сам Еселевич будто растворился. После совещания он немного приболел, затем отправился в положенный ему как инвалиду Великой Отечественной санаторий на Черном море. А потом — ни слуху ни духу, никак себя не проявлял и в союзе не появлялся.

А вскоре перестал появляться в союзе Радий Рябинин.

К исходу первого января 1990 года, когда все уже выпались, приняли на грудь лечебных капель и доедали необычайно вкусные вчерашние салатики, к Рябининым пришел Сашка Колесниченко. Радия он очень уважал, и не только за неподражаемую резаную подачу. Причин было две. Во-первых, в их команде Радий, хотя и старался всеми способами это скрыть, здорово выделялся интеллектом. Многих это только раздражало, а вот Колесниченко, напротив, восхищало. А во-вторых и в-главных, именно его, Сашку, Рябинин посоветовал пригласить вместо себя, когда отказался от предложения играть в команде мастеров. И того взяли! Больших высот, правда, не достиг,

но на иную орбиту все же вышел, потому молодого ветерана спорта без заботы не оставили. Сначала в спорткомитет пристроили, потом в облизполком забрали. И теперь Сашка хоть и невелик начальник, а имеет отношение к распределению фондируемых материалов. В том числе дефицитной во времена гласности бумаги.

Колесниченко пришел под ночь и даже без бутылки только потому, что его озарила блестящая мысль. Сколько лет не могут издать альманах молодых? Пять? Семь? Проблема будет решена! Своего издательства в области теперь нет, но надо поручить выпуск альманаха кооперативному. А кооператив соответствующего профиля они, Радий и Сашка, создадут до конца января. В феврале распределяются фонды. Под это дело выделяют бумагу. И пока альманах собирают и утрясают, кооперативное издательство выпустит две-три книги чего-то такого, что разойдется влет. Создадут оборотный капитал, потом и альманах напечатают. А дальше — пошло-поехало. Ищи только авторов, которым за давностью лет не надо платить.

— Тогда не альманах молодых, а просто альманах местных писателей. Старички помогут нам эту идею протолкнуть, — в Рябинине тоже проснулся азарт.

— Голова! Беремся?

И они ввязались в это предприятие. Которое, как ни странно, выгорело. Альманах назвали «Окоем». Умело распространили слух: если опыт будет признан удачным, издание преобразуют в литературный «толстый» журнал. Правда, Рябинину очень скоро пришлось увильнуть от встреч с коллегами, трепавшими его вопросами про очередную задержку выпуска. Отчего он и вовсе перестал приходить на работу. Не терпевший расхлябанности Клочков его уволил.

Но это было только кстати. Стихия легких денег и эстетика здорового цинизма увлекли Рябинина. Он как будто заново родился. За два года книгоиздания Радий вполне осознал, что между его «призванием» и читателями — бездна и ни единой точки соприкосновения. Потребители книжной продукции виделись ему тусклой неспокойной массой, безошибочно выхватывающей с прилавка самое примитивное, самое тухлое, самое пустое. Временами хотелось просто прикрыть лавочку.

Схожее желание было, как выяснилось, и у Колесниченко. Он видел источники еще более легких и дурных денег. Компаньоны поделили денежный актив. Сашка бросился в новые проекты, в которых Рябинин ничем помочь ему не мог. Радий же прочно оседлал простую надежную схему «купил за рубль — продал за два». И впал в пьяный анабиоз.

Подобно клиентуре Адама Козлевича новоиспеченные российские предприниматели не мыслили самореализации без «прожигания жизни». Отдохнуть от трудов они стремились немедленно, иногда даже авансом. Схема расслабона была практически одна, вынесенная из времен запретов и дефицитов: водка, сауна, проститутки, невесть откуда в избытке взявшиеся в стране высокой морали.

Рябинин и раньше принадлежал не к самому трезвому сословию — российским литераторам. А тут, поддавшись существующему в среде мелких нуворишей стандарту, перешел к практически ежедневным, обиходным возлияниям. В отличие от большинства своих деловых партнеров выпивал в одиночку. Компания — это всегда разговоры, а их сохранивший чувствительность слух Рябинина не переносил. Все же маячил где-то в глубине, на границе подсознания и спинного мозга, некий идеальный текст, полностью свободный от житейской пошлости и агрессивного примитива. И его надо было оберегать.

Маленький кабинетик, резиденция их «издательства», первое время служил местом дружеских сборищ мастеров пера. Казалось, продолжалась традиция веселых застолий. Но раз от разу Рябинин со скукой замечал, что коллеги как-то глупеют, а может,

мельчают. Встречи эти сошли на нет еще до того, как издательский бизнес прикрылся. Теперь Радий только случайно иной раз пересекался со знакомцами из прежней жизни. В очереди к зубному Витя Сысоев ему рассказал, что недолго исправлял должность ответственного за работу с молодыми. Затем областное отделение союза очень быстро усохло до председателя и бухгалтера, Клочков пытается удержать никому не нужную контору на плаву. Просторный кабинет бюро пропаганды и уютный конференц-зал он сдал фирме, торгующей оргтехникой и компьютерами. С другими ушлыми ребятами наладил выпуск малотиражных изданий местных графоманов, понятно, за счет последних. Выживает и даже имеет «черную кассу», из которой оказывает разовые вспомоществования то одному, то другому обедневшему собрату. Сам Витя работает «в сфере энергетики» — сторожем-дворником на промбазе городских электросетей. Зарплату не задерживают, а массу свободного времени он тратит на эпопею о великом предательстве — всей этой перетряске-перестрелке.

Медицинский факт: ничего не шевельнулось в душе у Рябина при мысли, что коллега по цеху все же пишет, спокойно пишет в стол. Сам он очень легко расстался с этой вредной привычкой. Дома Радий по-прежнему много времени проводил в своем рабочем кабинетике, но записные книжки были заброшены, машинка сдвинута в сторону, на уголке стола разместился калькулятор. Картина представлялась ему символической. Сколько всего сложного и ненужного в печатной машинке, вплоть до третируемой уже несколько десятилетий буквы «ё». Калькулятор легче, проще и — главное — ближе к народу.

Ирина Петровна очень быстро освоила купленный дочери компьютер, радовалась, что теперь спокойно печатает двуязычные тексты, и предлагала Радио приобщиться к современной технике хотя бы на уровне редактора «Лексикон». Вряд ли она переживала по поводу брошенного мужем писательства, скорее лелеяла надежду, что наряду с коммерцией у него появится нечто вроде хобби, короткие рассказы, отвлекающие от бутылки...

В другой раз наткнулся Рябинин на Игоря Игнатьева. Тот сидел за рулем в новых «Жигулях» и никуда не торопился. Автомобильчик был так себе, но все равно Радий почему-то решил, что дела у весьма приспособленного к жизни очеркиста идут в гору, и для затравки разговора сболтнул нечто вроде: сейчас время журналистики.

Игорь ответил:

— Возможно. Только если это журналистика, то я не журналист. Мой последний опыт — газету издавали на троих. Юмористическую. Неплохо шла, в трех областях «Союзпечать» согласилась ее брать. Нас хватило почти на два года. Юмор быстро иссякает, да и жизнь круто поменялась, сейчас почти не смеются. И видел я однажды, ты представь, очередь к газетному киоску. Народ ломился за газетенкой «02-экспресс» или «Экспресс-02», не помню. Посмотрел ее потом. Тираж — у нас девять тысяч, у них сорок. Я сразу прикинул, сколько ребята зарабатывают. А содержание... Уголовная хроника, страшилки с жуткими подробностями и так далее. На первой полосе — фото голышницы под кустом и подпись: «Характерная поза при убийстве с изнасилованием». Чем это знание поможет обывателю, неясно. Но копейки свои он отдаст. А «Московский комсомолец» держал в руках?

— Приходилось.

— Руки вымыть потом не захотелось? Нет, есть и луч света в темном царстве. У меня в багажнике лежат двенадцать пачек «Вестника садовода». Психоделическое чтение. И расходится неплохо. Сейчас мне накладные вынесут, и повезу я их знакомым до боли маршрутом — по «Союзпечатам». Сначала нашу газетку возил, потом эти старички на хвост упали. Мы кончились, а они выжили.

— Получается, шоферишь?

— Бери выше: водитель-экспедитор. Я ведь еще и документы как надо оформлю. А вообще, и просто бомбить выезжаю. Железный конь должен сам себя кормить. Бензин, масло, автостоянка. Под окном не бросишь, откроют все.

— Про коня понятно. А на себя как зарабатываешь?

— Мне много не надо. Жилье есть, спасибо Борису Сергеичу.

Рябинин знал, что в конце девяностого Клочков пробил трехкомнатную квартиру для двух молодых талантов, Игоря и Регины. Выждав полгода, они разменяли ее на две однокомнатных. Надо полагать, таким замысел и был изначально.

— Когда в девяносто первом все мои сбережения гавкнулись, остались квартира, машина — успел купить — и домик в деревне. Его не продаю, ибо растет в цене, скоро москвичи и сюда доберутся. Денег хотелось много и сразу. Но в итоге все свелось к какому-то мышкованию. Там гонорарчик, сям гонорарчик. Если одним словом, то зарабатываю я по-прежнему пером.

Игорь не спрашивал, чем занимается Рябинин, понимал и так.

Как-то давненько к Радио в офис завалилась компания знакомых еще по спорту. Прямо с утра и принялись выпивать. Тут позвонил Игнатъев. С предложением издать какого-то переводного автора. Кого именно, уже забылось, но предложение было дельное. Рябинин ответил, что этим теперь не занимается, однако немедля переговорит с дружбаном-издателем, и попросил перезвонить часа через три. Сам же продолжил увлекательную беседу под звон стопарей — о сумасшедших ударах, блоках, травмах, судейских ошибках. Ровно через четыре часа раздался повторный звонок. Рябинин всегда недолюбливал пунктуальных, да и принято было уже немало. «Слушай, Игорь, — сказал он тогда, — брось ты всю эту мутоту. Книжки, картишки... Вот я. Купил сигарет, рассовал по киоскам, выручку собрал. Купил зажигалок. Да все, что продается. Купил — продал. Две тысячи баксов для меня карманные деньги». Игорь односложно попрощался и больше не звонил.

— Иных талантов не имею, — продолжил Игнатъев. — Вот Клочков — администратор от Бога. Стабилизировал ситуацию. Людям помогает. Я, когда случается хорошее поступление, всегда к нему захожу: «Нет срочной нужды в деньгах?» В последний раз Еселевичу на немецкий слуховой аппарат собирали.

— А что с ним?

— Какое-то осложнение после болезни. Да и возраст. Но теперь у него самый лучший аппарат в городе. Я же и привез его из Москвы, там дешевле.

— Видел старика?

— Нет, зачем. Опа. Это ко мне.

К машине шел седенький, но бодрый садовод с бумагами в руках. Рябинин попрощался и вышел из авто.

Позже у него случилась еще и встреча с Региной. Но об этом эпизоде он не любил вспоминать.

Снова первого января вечером и снова без бутылки пришел Колесниченко. День в день спустя шесть лет. Он неимоверно раздался вширь, выглядел старше Рябинина, хотя был на два года моложе. Разговаривал теперь с оттенком покровительства, но по-доброму, а главное — с искренним желанием помочь.

— Романыч, пора тебе завязывать с мелочной торговлей. Большие игроки придут — не сегодня-завтра кончится твой бизнес. А чем заниматься? Сейчас расскажу. Ну, во-первых, весь оборотный капитал вынимай и срочно вкладывай в какую-нибудь ренту. То есть купи недвижимость и сдавай. Квартиру, гаражный бокс. Две, три квартиры,

сколько хватит грóшей. А во-вторых, возрождается журнал «Окоем». Под шапкой областной администрации и Союза писателей и даже с каким-то финансированием, но денег у них кот наплакал, основные затраты берет на себя производственно-консалтинговая фирма «Квантум». То есть я. Мне мои рекламщики твердят, что надо вложиться во что-то имиджевое и долговременное. Предлагали детские фестивали всякие проводить и прочую хреноту, но я решил: раз уж все равно деньги пыжить, пусть будет журнал. С него все началось. Мы же обещали писателям, что одним номером не ограничимся? Александр Колесниченко держит слово.

— Погоди, погоди. А периодичность? Штат? Тираж? Гонорары?

— Ежеквартальник. Штат — пока ты один, главный редактор. Платить тебе будет область, ежемесячно, с трудовой книжкой, в белую и все такое. Сколько — не знаю. Но я их зашугал, чтоб не смели на редакторе экономить. Печатать будем в моей типографии. Дизайнерам объяснишь, что к чему, — сделают в лучшем виде. Технику предоставим, хоть завтра заберем твой офис компьютерами, принтерами, модемами. Я все недавно поменял, а старое — не выбрасывать же. Придут мальчишки, настроят, объяснят. Тираж — пока неясно, лишнего печатать не хочется, уточним схемы распространения. Вот гонорар — вопрос сложный. Надо чтоб не каждому, а только классикам и в разумных пределах. В основном чтоб за славу работали.

— Корректор?

— Что корректор? Вы же писатели, сами грамотные.

— Корректор однозначно нужен, и хороший, из старой гвардии.

— Ну ладно, не разорит меня корректор.

Они сидели почти до ночи, обсуждали детали и вспоминали суматошные дни создания «Окоема».

Назавтра Рябинин не обнаружил дома ни одного экземпляра альманаха и пошел на работу. Офис, который в спешке они с Сашкой сняли как временный, оказался очень удобным и служил Радио вот уже шесть лет. Старый корпус обувной фабрики, в центре, второй этаж, немногочисленно, тихо, зимой тепло. Радий помнил, что в углу был свален возврат из книготорга.

Вся страна еще отдыхала, а Рябинин наводил порядок в кабинете. В ящике письменного стола отыскалась табличка «ОКОЕМ. Литературный альманах». Он прикрутил ее на дверь, на которой каких только вывесок в эти годы не болталось. Последнюю — простой листок с надписью «АОЗТ „Парус“» — сквозняк унес два месяца назад. Все расчеты Рябинин вел в основном черным налом, но приходилось создавать и юридические лица.

Да, очень вовремя пришел Сашка. Он вообще выступил как проводник в параллельный мир: раз — и открыл шесть лет назад некий портал возможностей, а вчера, опять словно по щелчку пальцев, вывел его обратно, портал закрылся. Радий чувствовал и сам: дикая, гротескная коммерция сходит на нет, но решимости выбраться из этой теплой трясины не хватало.

Неужели он не охладел еще вполне к литературе? Колесниченко ни разу не усомнился, что старый товарищ возьмется за журнал и даже с радостью. Так оно и вышло. Рябинин понимал, что все это игра в бирюльки, ничего «долговременного» в наше время быть не может, не только потребность в «имиджевой рекламе», а и сама корпорация «Квантум» может исчезнуть, как песчаная коса на своенравной реке. Ну и что? Он сделает один, или два, или пять, или двенадцать номеров. Сделает их так, чтоб не стыдно было. Понятие о норме сидит в нем крепко. Только достойная, стержневая русская проза. В поэзии допустимо пооригинальничать. Главным виделся ему раздел «О литературе». Вечерами, попивая чай с коньяком, он не только тыкал в каль-

кулятор, но и снимал с полки книги. Много охватил свободным от собственного писательского эго сознанием. И о многом теперь хотел рассказать.

Сколько себя помнил человеком пишущим — столько недоумевал: к чему эта битая штукатурка, набранная слепым петитом, в конце каждого журнала под обязательной рубрикой «Критика и литературоведение»? Ни жизни писательской, ни собственно литературы не просматривалось в этом вялом помахивании скудным набором идеологем. Сейчас можно и нужно писать о литературе иначе. И, вспоминая давний спор, неправ Еселевич: возможность почти обо всем писать открыто — продуктивна. Почему, например, не исследовать еврейский фермент в русской культуре? Тема богатая, но недавно еще совершенно невозможная, да и по сю пору никто не сподобился углубиться в нее бесстрастно и созерцательно. Но самого Рябинина будоражила другая и тоже недопустимая по меркам советских лет тема: откуда пошло почти поголовное пьянство больших советских писателей? Шила в мешке не утаишь, да и письменные свидетельства уже стали просачиваться в печать. Может быть, когда-то удастся написать некое исследование, вольное, ничем не ограниченное эссе на эту тему...

Он просмотрел найденный наконец альманах. Достоин, весьма достоин. Много, конечно, стандартного советского наива, но в целом не стыдно за давнюю работу. Да и отзывы, помнится, были доброжелательные. Приходили даже в письменном виде. Вот ведь эпоха была! Человек не просто читал журналы, а мог ответно написать в редакцию. Чаше чтобы попенять автору, оспорить что-то, но какой искренний порыв! С десятков писем, полученных после выхода «Окоема», валялись где-то в тумбе стола. Одно пришло совсем недавно, Рябинин изумился, увидев его среди деловой корреспонденции. Правда, адресовано оно было персонально автору повести «Закон — тайга», то есть Игнатьеву. У Радия даже мелькнула мысль: не брошенка ли какая разыскала злостного алиментщика? О письме он тут же забыл, а надо бы передать.

В альманах Игорь предложил ту самую повесть, которую долго мариновали московские журналы, — понял, что дальше ждать бессмысленно. Добротная вещь, динамичный сюжет. Возможно, в письме читательское восхищение, автору будет приятно. Но неохота идти к Регине в кафе «Белый слон».

Невольно всплыло не самое приятное воспоминание. С полгода назад Рябинин засиделся в этом дорогом, приличном кафе. Как всегда, в одиночку. И стала вязаться к нему какая-то компания. Ребята молодые, борзые. Все мелкие, но шестым чувством Радий опознал в них спортсменов. Дзюдоисты, наверное. По понятным причинам к нему даже в далекой юности хулиганье не приставало. Он отвечал шпанцам свысока. Что-то назревало. Раздраженный Рябинин махнул сколько-то рюмок сверх нормы. Компания вышла, но толклась на крыльце. По нынешним временам у них мог оказаться и огнестрел. Вдруг откуда-то появилась Регина, утащила его в глубины кухни, вывела черным ходом.

На воздухе Рябинина постыдно развезло. Девушка упорно кантовала его темными переулками, временами подставляя плечо, как санитарка в военном фильме.

— Ты откуда взялась?

— С кухни. Работаю я в «Белом слоне». Фрикасе заказывал?

— Да, а что?

— А то, что я его готовлю.

Радий помотал головой, будто встретил кинозвезду. Чудесная нежно-пряная крольчатина — это тебе не строчки на бумаге, это уметь надо.

Наконец вышли на проспект и поймали мотор.

— Доедешь? — спросила Радия спутница.

— Что я с пьяным делать буду?! — возмутился таксист. — Садись рядом.

Так вдвоем и приехали. На четвертый этаж Рябинин вскарабкался тоже с помощью Регины. И как ни был пьян, сообразил, что девушку одну в ночь отпустить нельзя.

В общем, они предстали перед Ириной Петровной живописной группой. Селянка и пастух, пролетарий и колхозница. Радий громко постановил, что ночует гостя в его кабинете на кушетке, а сейчас немедленно все будут пить горячий черный чай. Но и полуцифирь не поставил его на ноги. Он довольно быстро улизнул с кухни и счастливо уснул.

Женщины, не привыкшие к полуночному кофеину, до утра не сомкнули глаз и, хочешь не хочешь, многое рассказали друг другу. Назавтра Ирина от души припомнила мужу идиотское положение, в которое он ее поставил, но потом, смягчившись, кое-что передала из бесконечных былин Регины. Оказалось, девушка работает по профессии, живет одна и трезво оценивает перспективы поэзии в рыночную эпоху. Иногда у нее случаются публикации, она записала два диска своих песен, но бардовское движение «принакрылось медным тазом», и дальше будет только хуже. «Смеху ради» она поступила в Литинститут. С Игорем они видятся примерно раз в месяц, очень внимательны к заботам и нуждам друг друга, но пока, слава богу, в срочной помощи никто из двоих не нуждается. Рано-рано Регина ушла, не оставив ни телефона, ни адреса. Впрочем, разыскать ее не составит труда.

Радий порыскал по ящикам и нашел письма. В это время зазвонил телефон. Второе января! Он снял трубку и не сразу узнал голос.

— Радий Романович? Приветствую тебя, мой, увы, уже не слишком молодой друг!

— Марк Самойлович? — понял Рябинин, хотя в сочном теноре бывалого конферансье появилась очевидная трещина. Кроме того, говорил он излишне громко. — Здравствуйте, сколько лет, сколько зим!

— Прости, что звоню в час досуга и размышлений. Я давно собирался. Года три. Или пять, для меня год туда, год сюда рояля не играют. А как собрался окончательно, понял, что не знаю твоего номера. Хорошо, Клочков вчера меня поздравлял с Новым годом. Я у него спросил, у него все записано. Решил дожидаться второго числа, но твоя любезная супруга огорошила меня — на работу ушел. И дала этот телефон. Я думаю, ты просто уединился.

— Ну да, практически так.

— Тогда ты выслушаешь старика. Я обещал рассказать тебе историю. Про двух друзей. Хотел изложить ее тебе отредактированной, как все, что я «вспоминал». Но после визита в союз термоядерной Берты ты вдруг занялся поисками пьесы пятьдесят четвертого года. Это значило только одно. И я решил рассказать тебе все так, как было на самом деле. Решил, но не решился. А в прошедшем декабре... Доктора стали со мной иначе разговаривать. Я же их насквозь вижу. Драматург всегда поймет последовательность незначительных реплик. В общем, скоро я отправлюсь к ним — Нёме, Свете. Света — моя первая жена. И моя вторая жена. Я был женат четыре раза. Но дважды жена — это судьба. Ты меня слушаешь?

— Да, да.

— Вставляя время от времени слово. А то я начинаю сомневаться в своем немецко-фашистском агрегате под названием Железное Ухо. История такая. Жили-были два паренька. Один — веселый, подвижный, зоркий, как индеец, хвостун и задира. Второй — невысокий, в очочках, тихий и не вполне здоровый. Противоположности сходятся. Вместе штурмовали эстрадные подмости. Это был кайф — видеть, как наши придумки заводят зрительный зал. Но перестарались и угодили в «Кресты». Времена были не-

серьезные, детский утренник, и только. Дали три года ссылки. Потом... Ну, в общем, можно опустить. К сути. Кого из нас двоих выбирали женщины? Славы у нас строго поровну. В остальном преимущество должно быть на моей стороне. Особенно когда с фронта вернулся — интересная хромота, форма с нашивкой за тяжелое ранение и красиво поседел, уже тогда. Но нет. Прекрасный пол предпочитал Нему. Он лысеть начал, а отбою от баб не знал. Ну да ладно, мне его донжуанский список до лампочки, я тоже момент не упускал. Потом встретил Свету. Женится — расставаться с ней не хотелось. Такая была, знаешь, — животворящая. Каждый день как праздник. Потом у нее выкидыш случился. Пережили, еще ближе стали. А потом... Глазам своим первое время не верил. Но нет, очевидно все. Сама сказала: ухожу от тебя к Науму. Сюжет?

— Сложно. Сложно, что все так просто. Умом не схватить.

— Да, вот именно. Ум отказывается. А чуть раньше Нёма мне пьесу свою дал давнишнюю, еще до ареста написанную. Отстучал, говорит, в три дня, показать хотел — да пришли за нами. А потом нашелся экземпляр у родителей. «Посмотри, может, годный текст». Не посмотрел. Вся эта история между ним и Светкой началась, не до того было. Развелись со Светой. Сижу один, в голове вакуум. Бац! Нёму взяли. Свету оставили, Света официально ему никто. Хорошо, что и мне никто, за мной сейчас воронок придет. Уверен был. Но нет. Нёмка крайний оказался, дальше не пошли. Узнаем — дали десять лет. С его здоровьем — пожизненное. Так и вышло. Не стало человека в срок один год. Слушаешь?

— Да.

— А Света... Она зарабатывать совсем неприспособлена была, ее стихия — любовь и радость. Знаю: еле-еле концы с концами сводит. Что бы там между нами ни было, а она — вдова друга. Значит, я должен о ней позаботиться. И тут попадаете на глаза эта комедия. Вчитываюсь. Мило. Светло. Оптимистично. В меру наивно. Только стройки подходящей не видно. И вдруг — целина. Я решил: пусть доходы с этой пьесы будут Нёмкиной пенсией вдове. В тридцатые многие драматурги так поступали: имя репрессированного соавтора снимут, а отчисления со спектаклей его семье передают. Я, правда, не соавтор, поскольку заменил в тексте только две вещи: название и второстепенного персонажа. Был старик буденновец, а стал участник штурма Берлина. Прихожу к Свете, рассказываю. Нёмкин прощальный дар. Мы тогда и предположить не могли, что столько театров поставят. Да...

— Я примерно такое и предполагал.

— А потом произошло, честное слово, неожиданное. Мы со Светой снова сошлись. И обернулся весельчак-здоровяк обычным вором. Рассказывай теперь, что автомашину «победа» ты купил не себе, а ей, на ее деньги и по ее настоянию. Возил жену из парикмахерской в магазин и обратно. А раз в неделю — в Москву... Я даже рад был, что спектакли по «Вагону» скоро сошли почти все. Да... Потом со Светой мы развелись вторично. Ну, тут уже я налево ходил и увяз. Вот такой конец у этой ни разу не поучительной истории. Что скажешь, отставной инженер человеческих душ?

— Знаете, Марк Самойлович, ваши рассказы мне всегда настроение поднимали. И сегодня тоже. История трагическая, но через нее... прикасаешься к первобытной жизненной силе.

— Может быть... Спасибо. Никому ее не рассказывай. Даже если при тебе старого Марка будут называть мародером. Я не в оправдание все это тебе поведал. Просто ты последний, кому был отчасти интересен такой человек — Марк Еселевич, сын портного Самуила. А сейчас в прихожей уже топает Викуля. Снега нынче много. Пришла колоть меня бесполезными, но больночными лекарствами. Так что будь здоров, Актиний!

Еселевич повесил трубку.

Радий еще раз прокручивал в голове этот неожиданный разговор. Похоже, старик действительно собрался уходить. Пожил, конечно, но все равно печально. До последнего остался драматургом. Как выстроил свой монолог!

Ему, наверное, казалось, что он был предельно честен и открыт. Но текст не может быть правдой. В лучшем случае она угадывается где-то позади, игрой теней на подсвеченном заднике.

Одно время Радий, для разогрева пера и в надежде набрести на богатый сюжет, взялся записывать сны. И поразился, до чего это сложно. Силовых линий, упорядочивающих нашу явь, там не было вообще. Отсутствовала последовательность, логика, сущности легко подменяли одна другую. Причем фантастику это напоминало еще менее, чем реализм. А правда была.

В итоге Рябинин понял, что и самую рядовую обыденность описывать ничуть не легче, если не соскальзывать к привычным общепринятым суждениям. Осознал, что все так называемые закономерности — лишь сетка с правильным геометрическим рисунком, заброшенная на живую магму реальности. Иллюзия понимания и отчасти даже контроля. Этим легким покровом человек загораживается от ужаса, порождаемого бессилием разума и воли. А писатели призваны сочинять сладкие сказки для взрослых, наподобие тех, что обязательны для неокрепшего детского сознания, ну, которые с добрым и поучительным концом. Взрослые романы могут быть полны мерзости и трагедий, но это все равно сладкая сказка, потому что они как бы объясняют мир и тем читателя успокаивают. На самом деле все, что с человеком случается, — случай, язык об этом ясно говорит, а мы предпочитаем не слышать.

Самые глупые слова — «следовательно» и «значит». Ничто ничего не значит! Ничто ниоткуда не «вытекает». Мир — это хаос, каким и был изначально. Хронос не упорядочил хаос, а только усложнил. Мы продолжаем его усложнять своими умственными потугами. Но это пустая надежда — забыть жерло вулкана хворостом высоколобых рассуждений. Проще увидеть мысленным взором маршрут шарика в чаше рулетки, чем расчислить любое событие из настоящей, а не выдуманной действительности. Наум не должен был раскрыть Свете свои тренированные объятия. Марк не должен был простить Свету. А простив, не должен был ей изменять.

Конечно, найдется умник, который все объяснит. Во впалой груди Наума бушевало подспудное желание возвыситься над своим более физически одаренным другом. Света жила одним днем и именно этим была необходима Марку — состояние беззаботности не достигается волевым усилием, им кто-то должен тебя заразить. Но пережив унижение, он обязан был отплатить ей той же монетой. Сюжеты, не более. Умствования постфактум.

Некий глубокомыслитель сделал пузатого кривоногого божка с крыльями ответственным за все людские поступки. Его коллега и последователь крикнул от убожества нарисованной картины и добавил еще одного демона, усложнив схему ровно в два раза. Все та же идиотская мечта о стройном миропонимании. На самом деле идолов и бесенят бесчисленное множество, который из них и за что дернет тебя в следующую секунду, неизвестно.

Разум вручен человеку как инструмент заблуждения. И единственное его практическое применение состоит в том, чтобы бесконечно перетирать камни свершившегося в цемент — в расчете пустить последний на бетонные нагромождения правильной формы. Непрерывное обустройство заднего горизонта. Печально сознавать, что это

и твоя участь. И ладно. Рябинин будет, ничего не загадывая, делать свое дело. Да, еще следует перечитать классиков и проверить на них пришедшие к нему сегодня догадки.

Мысль нематериальна, не имеет ни одного из четырех измерений. Ее протяженность во времени — ноль секунд. На сколько ноль ни умножай, должен получиться ноль. Но это в схематичном мире математиков. В реальности же Радий понял, что провел в размышлениях чуть не час. Руки его давно теребили машинально надорванный еще во время телефонного разговора конверт. Коль вскрыл, надо читать письмо Игорю Игнатьеву. И если пустопорожнее — просто забыть о нем.

«Здравствуйте, уважаемый Игорь!»

Мой отзыв сильно запоздал, потому что альманах „Окоем“ попал в нашу библиотеку неизвестно какими путями совсем недавно. Но я все равно надеюсь, что редакция передаст вам это письмо, а вам интересно будет узнать о впечатлениях рядового читателя, и кое-что могу сообщить о дальнейшей судьбе прототипов ваших героев.

Сначала должна сказать, что я получила удовольствие уже от того, как повесть „Закон — тайга“ написана. Ну, буквально с первой строчки, где говорится: довольно скоро Геннадий понял, что райцентр — это далеко не рай и далеко не центр. (Могла напутать, запомнилось так.) Эти все иронические штучки лучше длинных описаний. Я вот не жила в сельской местности, а все представила. И конфликт от меня далек, да и райкомов уже нет, а все равно по ходу чтения хотелось, чтоб без громких правильных слов герои просто сделали свою работу и вывели кого надо на чистую воду. И в счастливом финале не сомневаешься, а наступает он как-то неожиданно, буднично, а впереди все равно маячит безысходность.

Теперь о героях. Матвей Копнин, кого все узнали в Михаиле, нынче большой человек. Много строит, в том числе особняки скоробогатеям, возле каждого — непременно свой пруд с карпами, но главный его доход — экстремальный туризм в тайге. Понастроил заимок „под старину“, возит даже иностранцев на ловлю тайменя или медвежью охоту. Моя сестра Нина с мужем-депутатом бывала у него не раз. Тот, кто выведен у вас под именем Геннадий, из прокуратуры ушел, пошел в бизнес, с женой развелся...»

В этом месте Рябинин поднял глаза к потолку. На память надеяться не стоит, но все же ему казалось, что оба молодых героя повести не были женаты. Впрочем, читательница говорит о реальном человеке, и тут ей лучше знать.

«...А потом ударился в бега из-за долгов. Такую ли судьбу замыслили вы для своих персонажей? Не знаю, существует ли у повести продолжение. В любом случае на это письмо можно не отвечать. Я просто хотела поделиться впечатлениями. Читаю я по-прежнему много.

С уважением Елена Валентиновна ГУБСКАЯ».

Фамилия была подчеркнута двумя жирными чертами. Старушка какая-нибудь. Зрение садится, а она знай читает. Но все равно автору приятно получать такие отзывы. Радий твердо решил найти Регину.

Через месяц с небольшим хоронили Марка Еселевича. Клочков все четко, достойно организовал. У гроба Рябинин и передал Игорю Игнатьеву письмо читательницы.

Конец эпистолярной эпохи

Свекор Николай Степанович любил — понятно, во время застолья — назидательно произнести:

— «Последняя» у батюшки супруга. А мы с тобой выпьем крайнюю.

Десять лет брака Лена чувствовала себя попадшей. Расстаться с женой Олег не мог, это значило сразу обесточить карьерный эскалатор. А тот вез его вверх с опережением графика.

Лене трудно было поддерживать разговоры на житейские темы в их преимущественно женском КБ. Вставить свои полслова удавалось редко, потому что сослуживицы в основном честили мужей и их родню, а она даже про золовок ничего совпадающего по тону сказать не могла.

Жизнь катилась под естественный перестук мелких неприятностей, но в целом гладко. В конце восьмидесят шестого Олегу выделили квартиру. Осведомленные друзья шепнули: это жилье для плана, с недоделками, а через год будет сдаваться роскошный современный дом в центре. Было мандражно пропустить очередь, но они решились. Квартиру улучшенной планировки пришлось в итоге ждать не год, а два с половиной. А въехав в нее, сразу приниматься за ремонт. Что-то разладилось в Датском королевстве, это ощущалось в любой мелочи. На заводе у Лены бушевала загадочная конверсия, а знаменитые на весь город квартальные премии перестали платить уже давно.

Олег настаивал на втором ребенке, но Лена чувствовала: не время. Что-то предугадала раньше других. Очень скоро, уже в девяносто втором, по гулким коридорам роддома бродили студентки мединститута и аукались. Это была практика по акушерству.

Все шаталось и хирело, но первой схлопнулась оборонка. Лена могла ходить на работу, а могла и не ходить — зарплаты не было все равно. Ее отцу, можно сказать, повезло. Он много раз говорил, что оставит кресло начальника КТО в первый день пенсии. И действительно, в шестьдесят коллеги не только поздравили его с юбилеем, но и «проводили на заслуженный отдых». Как это оказалось вовремя! Через год-полтора бывшие сослуживцы не знали, куда сбежать из ставших никому не нужными конструкторско-технологических отделов. А бодрый пенсионер уже вел факультативы по высшей математике и логике в лицее. Тогда как раз начались эксперименты в образовании. Скоро на базе лицея развернули казачий кадетский корпус — ни больше ни меньше. Валентин Юрьевич и там пришелся ко двору, став любимым учителем для большинства ребят.

Трудно представить, как сложилась бы Ленина жизнь, если б не помощь отца. Когда она осталась без работы, без мужа, он перетянул ее к себе в корпус — преподавать математику.

Да, муж ее оставил. Тогда все словно ускорило, и то, что длилось бы годами, втинулось месяцев в четырнадцать. Первой неожиданностью стал уход Олега из прокуратуры. За этим резким движением она увидела только желание побольше зарабатывать. Созданная им и тремя товарищами постарше структура называлась Фонд помощи ветеранам правоохранительных органов. И они действительно помогали престарелым и больным. Доход же приносили бизнесмены, желающие побольше узнать о своих контрагентах. Бывшие менты и прокурорские сохранили массу знакомств, знали все ходы-выходы и умело собирали досье даже на иногородних предпринимателей. Информация иногда помогала заказчикам избежать крупных потерь и потому хорошо оплачивалась.

Вслед за Олегом Николаевичем в новую организацию из городской прокуратуры переехала молодая сотрудница с конским хвостом смоляных волос и вообще по виду огонь-девка. Свобода и демократия в действии, полный слом административно-командной системы, эмансипация священнослужителей, то бишь законников. Скоро муж объявил, что у него другая и он желает быть честным, а потому уходит.

На Ленуську он передавал значительные, по Лениным меркам, суммы, квартиру же с улучшенной планировкой оставить своей первой семье не захотел. Лена не была в пре-

тензии: простая двухкомнатная в спальном районе ее устроила. Спустя два года или чуть больше Олег перехватил ее вечером идущую с работы и сказал: «Должен уехать. Несколько месяцев денег не будет, потом все восполню». — «Не переживай, — ответила она. — У нас все нормально». Когда он отъезжал, Лена заметила на его подержанном «мерседесе» транзитные номера. Что-то случилось, какой-то прокол в бизнесе. Она никому не сказала, что полгода алиментов от него не было.

Некий перевал остался позади. Годы промелькнули как минуты, а в памяти громоздились десятилетиями. Безоблачная юность, казалось, была две-три эпохи назад.

Лена не казнилась из-за краха семейной жизни. Может быть, потому, что в одночасье рухнуло вообще все. Осыпалось, как халтурная мозаика при подземном толчке. К уцелевшим фрагментам шустрые ребята спешно пририсовывали нечто аляповатое, иногда совсем противоположное по смыслу.

Тяжело было с Ленуськой. Для исполненной детского эгоцентризма девочки папа развелся с ней. Отчасти помогал справиться с ударом все тот же кадетский корпус, куда дочку удалось устроить. Наряду с полным пансионом и полупансионом были в нем и классы вольнослушателей — обычные школьные классы, только без царившей в школах повсеместно анархии. Все, не только кадеты, проводили в стенах учебного заведения целый день. Завуч по воспитательной работе Губский организовал бесчисленное множество кружков и секций, а еще — просто разговаривал, с каждым желающим, без различия пола и возраста. Валентин Юрьевич даже к завхозу для решения насущных вопросов приходил в окружении малышни. Тому бывало очень тяжело, особенно если приходилось отказывать.

Лена присматривала за дочерью, дед тоже был рядом. Как в советских фильмах, молодой учитель Елена Валентиновна стала жить исключительно работой. Если не было уроков, никуда не уходила, шла в библиотеку, помогала книжки разбирать. Их приносили чуть ли не ежедневно, видимо, люди просто избавлялись от загромождающих шкафы предметов, еще недавно считавшихся ценностью.

Для полного окукливания не хватало обрести в корпусе «личное счастье». Среди коллег преобладали мужчины. Естественно, многие из них бросали на привлекательную разведенку заинтересованные взгляды. Некоторые подступались. По-интеллигентски скромно или по-казачьи лихо, в зависимости от преподаваемого предмета. У Лены это не вызывало ровно никаких эмоций. Она всерьез не видела смысла ни в каких «отношениях» — ни в долгосрочных, ни в кратких. Ее мужчины остались за перевалом.

Азартным сторонником ее нового брака была дочь. Ей не терпелось показать отцу, что они не пребывают в шоке и печали, но вот незадача: это могла сделать только мать.

Родители Лены на темы супружеской жизни с ней не заговаривали. Лишь однажды Валентин Юрьевич без видимого повода сказал наедине:

— Достаточно женщине один раз дать кому попало, вся жизнь потом может пойти наперекосы.

Прозвучало грубо, и Лена поняла, как отец переживает. Как вспоминает самые мелкие размолвки с семейством Климовских, которые задним числом кажутся мировоззренческим разладом. Как точит себя за «соглашательство». Как продолжает верить в великую силу разума, который никогда, ни при каких обстоятельствах не стоит прятать в задний карман.

Все переживают, все имеют на это право. Кроме нее.

Выходя из ЗАГСа с новеньким паспортом, припомнила глуповатую фразу, которую Игорь напечатал в тридцати или сорока экземплярах: «Леночка Губская — самая замечательная девушка на свете!» Теперь она снова Губская и даже в каком-то смысле

девушка — почти на выданье, только вот замечательная ли? Может ли она осчастливить кого-нибудь? Вряд ли, очень уж стала приземленной.

Игоря она вспоминала, конечно. И он снова ей помогал. Благодаря ему в дни развода чувствовала себя самоценной женщиной и не могла опуститься до стандартных плачей и упреков брошенки, отдавшей неблагодарному лучшие годы.

Однажды наткнулась на телепрограмму из Питера. Та шла по новому, дециметровому каналу, и видимость была не очень. Тем не менее она определенно узнала Паху Вишняка. Тот что-то юморил с эстрады. Этот факт навел ее на мысль поискать следы Игоря Игнатьева в журналах. Он ведь тоже что-то предпринимал, куда-то продвигался.

И Лена нашла его публикации. В основном в «Крокодиле», но все до девяностого года. А потом ей совершенно случайно попался альманах «Окоем». Что-то кольнуло: все-таки Подмосковье. И уже на внутренней странице обложки среди авторов номера она увидела его фотографию. Он выглядел как обычно, сдержанно улыбался. Повесть прочла махом. Узнала сюжет, ей первой устно поведанный. Этим текстом он надеялся сразить журнал «Юность», но, зная, не вышел каменный цветок. Какой-то слабый пунктир прочертился во времени (альманах вышел давненько, в девяносто первом) и пространстве. Что если? Вспомнились роскошные послания Феди Печкина. Не сохранила, а жаль. Письмо в образе увлеченной читательницы, склонной прочитанное непременно с кем-то обсуждать, — сможет? Смогу, решила Лена и написала страничку. Запечатала в бутылку и кинула в море. Ну, не совсем — в почтовый ящик. Но примерно с таким же чувством.

Потом вдруг поняла, даже бросило в жар: все от всех зашифровала, но ему-то громко крикнула: «Я свободна!» Назойливо, даже слишком. Впрочем, до Игоря письмо не донырнет. Несмотря на уверенность в этом, несколько месяцев ждала ответа. Потом забыла о сделанной попытке. Тут главное — забыть понадежнее, без дураков. Как только действительно перестала вспоминать — а прошло года полтора, — в почтовом ящике обнаружился конверт с четко подписанным адресом Игоря.

Был ветреный мартовский вечер, они с дочерью возвращались из корпуса. В подъезде не горела половина лампочек, могли бы пройти мимо, но глазастая девочка разглядела письмо. Лена-старшая сразу спрятала его в сумку.

— Это что, тебе? — спросила дочка.

— А ты ждешь от кого-то?

— А ты?

— Я не жду. Но письмо мне.

— Дай взглянуть. Я тоже не жду, значит, может быть и мне.

Научилась у деда Вали казуистике. Дома Лена быстро прочитала обратный адрес и спрятала конверт среди книг. Дочь вошла к матери в комнату, не увидела письма нигде на видном месте и бесцеремонно спросила:

— Письмо от него?

— Ты переоденься первым делом, умойся. Поставь ужин разогревать.

Как-то Елена Валентиновна сорвалась. Трудно стало в последнее время с дочерью. Однажды малявка снова начала выговаривать матери за то, что та махнула на себя рукой, все не выкинет из головы папаню, и дошла уже до выражений вроде «он о тебя ноги вытер». И тут Лена не выдержала:

— Прекрати нести околесицу! Мерзкую околесицу! Что ты понимаешь в жизни!

— Да все я понимаю, мне четырнадцать с половиной. А по развитию — так все семнадцать. Что там понимать в вашем браке! Схема номер раз.

— А ты знаешь, не по годам развитая и не по годам наглая девчонка, что мать твоя изменяла отцу? Что у меня был другой мужчина? Почти два года...

— Что?! Ну ты даешь... Когда?

— Тебе три годика было.

— Отец знал?

— Нет.

— Но догадывался?

— Думаю, нет.

— А почему вы расстались? С тем...

— Ну, так все сошлось... Чтоб долго не объяснять, скажу: я получила диплом и перестала ездить на сессии.

— Пошловато. Типа курортный роман.

— Внешне так оно и было.

— А внутренне? Все серьезно? Ты сейчас можешь ему написать?

— Тогда он уехал в никуда, наудачу, пробиваться. Потом началась вся эта катавасия. А писать сюда я ему запретила.

— Мам, выходит, папа под фуражкой... того... рожки имел?

— Пошлячка. Ну и книжки тебе дед советует!

— На деда не волоки. Я сама... своевольничаю, короче.

— Послушай, Елена Олеговна, ты можешь считать себя какой угодно взрослой и развитой и читать какие угодно книжки, я об одном тебя прошу: в глубине души понимай, пожалуйста, что ты еще ребенок. И останешься ребенком много-много лет. Чем дольше, тем лучше. Никакой ум, никакие знания, никакой чужой горький опыт не дают ни-че-го. У тебя будет свой горький опыт. Дай Бог, чтоб ты его только пригубила. Не бросайся никуда. Притуши свою самоуверенность. Воздержись от резких суждений. Я напрасно рассказала тебе о своем... безнравственном поведении, но, может быть, хоть так ты поймешь, насколько сложная штука эта самая жизнь. Которая тебе еще предстоит. Да и у меня пока не кончилась.

— Правда, мам? Ты еще будешь покорять мужчин? Я стану тебя консультировать насчет моды!

— Не будь Агафьей Тихоновной! Жизнь состоит не из одних мужчин. Для меня-то уж точно. Забот полон рот. Кстати, зубами надо заняться. Про мою аморалку — ни гу-гу, никому, поняла? Это все гораздо серьезней, чем кажется после прочтения французских романов.

С тех пор они и словом не перемолвились о побочной связи молодой мамы. И вот на тебе — «От него?» С чего бы вдруг? Это не прославленная детская, она же — женская, интуиция, это просто глупость. Но ведь в точку.

Лена проявила характер, дождалась, пока дочь уснет, и только потом взялась читать. «Дорогая Елена Валентиновна!

Странно, что мы не выдумали друг другу каких-то имен, время было. Я мог начать письмо со слов „мой котик“ или „моя рыбка“. Пещера Алладина открылась бы на этот пароль, и мы бы увидели, что наша сокровищница не тронута.

А так придется долго отчитываться о прожитых одиннадцати годах. Потому что мы теперь в основном тоннеле и надо синхронизировать наши личные эпохи.

Это трудная задача, но я постараюсь к ней подступить.

Для начала — последний год пропал зря. Потому что я мог получить твое письмо на год раньше. А оно валялось у Рябинина в столе.

Безо всяких дежурных фигур речи — я обрадовался. А как изящно ты изложила суть дела! Слова восхищения моей повестью понадобились, конечно, для орнамента, но все равно спасибо за них.

Скоро десять лет, как я веду жизнь литератора широкого профиля. Я вложился в акции этой дурацкой профессии, когда они уже готовились к стремительному падению. Но в управдомы переквалифицироваться поздно.

Могу сделать краткую выписку из послужного списка. Я накатал три романа под чужой фамилией. У меня купили два сценария, но делать по ним фильмы никто не собирается. Я написал двухтомные мемуары за конструктора тяжелых минометов времен Великой Отечественной. Он заплатил мне из личных средств, а книга не вышла, потому что начался бардак. Год писал для Пахи монологи и репризы, естественно, тоже анонимно. Потом он сказал, что мой юмор слишком интеллигентен и сплошной „дистиллят“. Сейчас надо иначе. Не знаю, кто ему писал „иначе“, но его программу все равно закрыли.

Чтоб заработанное не съедала инфляция, вкладываю скромные излишки „в недвижимость“. Я не могу, как мой старший коллега Рябинин, приобретать квартиры и гаражи, а потому бесконечно улучшаю свое „имение“ — деревенский дом, который купил развалюхой, чтоб в нем прописаться. Надеюсь продать его богатому москвичу и ненадолго разбогатеть.

Да, было бы несправедливо не упомянуть, что звание советского писателя все же принесло мне бесплатную квартиру. Это был лучший финт моей жизни.

И продолжая тему недвижимости, вспоминаю, как приехал продавать наше гнездышко в деревне Васяткино. Приехал в самом начале мая, но оказалось — опоздал. Судьба развела нас элегантно и бесцеремонно.

Чистосердечно признаюсь: за эти годы у меня не случилось ни одного разряда. Видимо, они посещают только в период гиперсексуальности. А может быть, просто не встретила такая, как ты.

Всего не расскажешь, милая и бесконечно дорогая мне Лена. Поэтому я прерываю письмо, запечатываю, отправляю и тут же сажусь за новое. В нем постараюсь, куда не спеша, просто заносить на бумагу мелькающие воспоминания. В идеале следует писать его бесконечно, но я прервусь на точке с запятой и отошлю тебе нечто длинное и почти исповедальное.

Жду весточки от тебя. Вопросов не задаю, сообщишь, что считаешь важным.

И. И.».

Лена прочитала неполных три странички дважды, без паузы, как молитву. Решила, что утром прочтет еще раз. Что-то здесь не так.

Письмо было теплым. Как столовский чай. Радость Игорь высказал искренне, их общим прошлым дорожил, а вот настоящее видел в необязательной переписке. Единственная прокрававшаяся в текст нежность привела Лену в раздражение. «Наше гнездышко» он мог бы написать под копируку в несколько адресов. И после слов «не встретил такую, как ты» — напрашивалась запятая, а не точка.

Назавтра Лену охватили уже совсем другие чувства. А что ты, собственно, ожидала? Представь человека, которого неожиданно извращенным способом разыскала древняя любовница. Игорь ответил в высшей степени порядочно и тонко.

Весь следующий день в каждую свободную минутку она пыталась набрасывать ответ. Хотелось, чтоб в нем прочитывались уверенность в себе, достоинство и женская мудрость, но не было сухости, отчужденности. Ничего не складывалось. В конце концов через неделю, что представлялось ей крайним сроком, она отправила небольшое письмо:

«Здравствуй, Игорь!»

Очень рада, что ты откликнулся. Надежды у меня не было никакой, из чистого озорства сделала попытку. И вдруг — такой роскошный результат. Пишу тебе большое письмо, мне это трудно, не знаю, когда закончу. А это просто сигнал, что связь установлена. Опять у нас с тобой связь. Но ныне не предсудительная.

Нам рано жить воспоминаниями, но все же они иногда чертовски приятная штука. Е. Г.».

И опять, лишь только конверт скользнул в щель почтового ящика, Лена засомневалась. Не слишком ли фривольно она подмигивает чужому — после одиннадцати лет разлуки — человеку? Да и ладно, пусть думает, что она по-прежнему жизнерадостна и легко впадает в шуточный тон. Такой он должен был ее запомнить, такой она предстанет и сейчас. Не то что он — в его послании многовато стенаний.

Однако переписка никак не налаживалась. Долго промучившись с черновиками, Лена в конце концов написала девять страниц, в которых без лирики последовательно изложила события последних лет. Отправила, когда уже вовсю гремел апрель. Довольно скоро пришло письмо от Игоря. Лена долго в него вчитывалась и пришла к выводу, что это не ответ на ее длинное послание, которое, похоже, просто не дошло. Чему удивляться: дома обростали панцирями железных дверей, почтальоны увольнялись, перевозки страдали от недостатка топлива. При этом почтовые ящики в подъезде кто-то все равно регулярно поджигал. Игорь написал нечто лирическое, фрагментарное, зарисовки из своей прежней жизни (было там и о Лене), а также жизни сегодняшней.

Пришлось снова отправлять краткую весточку: твое письмо получила, а как мое? Написать его вторично не доставало сил, особенно при мысли, что оно, как и первое, может оказаться в расплзшемся мешке, брошенном в сырой грязный угол. Усилиями воли усадила себя создавать вариант второй, улучшенный, но не писалось совершенно. Одолевали сомнения: интересна ли ему банальная цепь событий, типовая, как панельная пятиэтажка. Тяжко вещать, когда не видишь реакции собеседника.

Похоже, это был тупик, конец, — как правило, любое событие завершается вот таким отдаленным всплеском, своего рода росчерком.

Миновала хлопотная весна и совсем уж напряженный июнь. После выпускных педагоги уходили в отпуск. И тут выяснилось, что Минобороны, в последнее время полюбившее их как родных, выделило корпусу несколько путевок в свой ведомственный санаторий. Как распределить эти путевки — о том, естественно, шли долгие прения, лишь одна кандидатура была бесспорной: Губский. Тем более что он покидал со следующего года должность завуча, оставив себе лишь занятия в двух кружках. Однако Валентин Юрьевич на семейном совете сказал, что никуда не поедет.

— Мне шестьдесят восемь. Матери... меньше, но тоже некоторое количество. Ленуське пятнадцать. Сдается мне, что в этом году мы еще с ней справимся, а вот через год — уже не факт. Поэтому поезжай-ка, Лена, ты. Когда еще представится возможность.

И Лена согласилась. Лет семь не отдыхала, да и раньше тоже не отдыхала по-настоящему — дочка маленькая, какой тут отдых.

Собраться предстояло в три недели. Бегала по магазинам, а в голове крутилась мысль: заскочить к родителям, открыть огромный папин атлас — Подмосковье большое, где расположен санаторий, она так и не выяснила. Заглянула. Да, всего часа два поездом, нет, не мимо Игоря, по другой железнодорожной ветке, но в принципе недалеко. Так родился недостойный разумной женщины план: в Москву прилететь на сутки раньше, съездить на электричке к Игорю, вечером вернуться, перебраться на соседний вокзал и с самого утра отправиться в пункт назначения.

Ей просто хотелось, чтоб ехидная судьба не подкидывала им больше никаких форс-мажоров и они завершили бы свои отношения вполне осознанно, если им действительно больше нечего сказать друг другу.

Женская часть коллектива поступок Губского одобряла: дочери личную жизнь надо устраивать, а это все-таки санаторий МО...

Дом оказался дохрущевским, четырехэтажным, основательным. На черных дверях подъездов весело скалились металлическими частями новенькие домофоны. Что сказать ему в это неприветливое устройство? Обязательно нужно вставить: «Я проездом».

Игорь писал, что ведет жизнь затворника, свой километраж намотал еще в молодости. Упомянул даже какие-то «кротовьи норы в толще времени», куда изредка спускается. Было б здорово, если бы он сейчас сам вышел из подъезда, например, в булочную.

Надо решаться. Домофон почему-то не отреагировал на ее нажатия. Пришлось читать инструкцию. Оказалось, нужно набирать три цифры — «039». Странно, в таком доме никак не может быть ста квартир.

— Опять глючит? Вы в какую?

Сзади подошла молодая женщина со странным продуктовым набором, выглядывавшим через борт небольшой хозяйственной сумки: две бутылки водки, фуфурь кислотного цвета газировки, в глубине, надо полагать, рыбные консервы или огурцы. В свободной руке у нее были ключи.

— В тридцать девятую, — ответила Лена из вежливости, хотя местная обитательница уже открыла дверь и пропустила ее вперед.

— К Игорю? — Женщина бросила на нее взгляд неясной этиологии. Удивление и еще что-то сверх того.

— Я проездом, — произнесла Лена как пароль.

— С дороги? Тогда пойдем, делать нечего.

Пока Лена раздумывала над странными словами собеседницы, они достигли второго этажа. Молодка уверенно открыла дверь именно тридцать девятой квартиры и опять пропустила Лену вперед.

— Там кухня, там туалет, — показала хозяйка, а сама приоткрыла дверь в комнату. — Живой?

В ответ раздалось хриплое бормотание.

— Я водки принесла.

— Пока не надо, — ответил очистившийся от жестяных обертонов голос Игоря.

— Ладно. Отдыхай.

— Ты с кем?

— Сестра из наркодиспансера.

— Прикальваешься, — голос как будто ослабевал.

— Лежи спокойно, мы на кухне посидим.

Ответом был зевок.

— Я пойду, — сказала Лена, чувствуя, как подступают рыдания.

— Не спеши, ты ж с дороги. В туалет хоть сходи. Потом все тебе расскажу.

В туалете Лена пробыла долго. Сначала плакала, потом приводила себя в порядок. Потом тупо сидела на краю ванны. Выманил ее аромат кофе, просто роскошный. Она робко вошла на кухню и притворила дверь.

— Я — Регина, — сказала женщина, меняя температуру в духовке.

— Лена.

— Взбодрись, — Регина налила кофе в красивую чашечку. Маленькую — значит, крепкий.

Лена пристроилась на краешек стула. Обстановка кухни была образцовой. Чистота, все очень удобно.

— Сейчас пироги будут. Ха, Игорь меня как-то решил научить заваривать кофе. Нашел кого. Ну, выдала ему мастер-класс. С тех пор как захожу, всегда первым делом просит кофе. Ну, не сегодня, конечно... Мы с ним друзья бог знает с какого лохматого года.

— Ну а я тогда...

— Да, понимаю, вообще палеозой. Это он про себя так любит говорить: я человек палеозоя. Мне в вашей щелочной среде не выжить. А она такая же моя, как и его. Просто распускаться не надо. Нормальный ведь мужик, крепкий, все понимающий, по уму никого равного вообще не встречала. И вот года два уже. Если не больше. Впадает в запой, как в болезнь. Позвонит: Регина, чувствую скоро меня сплющит. Прихожу, проверяю. Электроприборы выключены, дверь заперта. Угрозы жизни нет. Выношу пустые бутылки. Приношу полные. Чтоб сам из дома не выходил в таком состоянии. Время от времени грожусь, что нарколога приведу. Не действует. На него вообще ничего не действует в эту фазу. Через две-три недели — как огурчик. Звонит: посидим. Идем куда-нибудь. Все кругом пьют, я тоже чуть-чуть, а он совершенно спокойно на это реагирует. Снова захожу про лечение. Отшучивается, но если пережму — может взбелениться. Большая тема, как ни подступись.

А Лена удивлялась, что не удастся наладить регулярную переписку! Чего угодно ожидала, только не этого. Внутри как будто сходила лавина, оставляя после себя непроглядную пустоту. Регина меж тем продолжала:

— Мне легче. Два дня поэт, два дня рабочая лошадь.. График такой — «два через два» называется. Я повар. А ему, видишь ли, все хочется совместить. Работа, мол, должна приносить и материальное, и моральное удовлетворение. А с этим у писателей нынче большой разлад. Вот он и срывается. Ты кто по специальности?

— Математик. Преподаю в кадетском корпусе.

— Значит, в отпуске. На отдых направляешься?

Лена рассказала про санаторий.

— Знаменитое место, раньше был высший класс, сейчас не знаю. Погоди, а как же тебя сюда занесло? Стоп, больше вопросов не задаю. Скажи только: когда заезд?

— Завтра.

— Назад до Москвы и потом туда? У тебя есть где в Москве остановиться?

Надо было, конечно, соврать, но на Лену накатило полное безволие. Сидеть, прихлебывать горячий кофе, ни о чем не думать и только впитывать информацию, увы, подобную яду.

— Нет.

— Ночь на вокзале? Это не дело. Все решим. Я ведь догадываюсь, кто ты. По весне захожу — у Игоря улыбка блаженная на пол-лица. Письмо, говорит, получил, от старой знакомой. А глаза такие — в них все удовольствия мира играют. Понятно, думаю. У тебя ведь сын?

— Дочь.

— Что-то, значит, перепутала.

— Сын у другой.

— В смысле?

— Сын у другой, у меня законнорожденная дочь. Но любовь с Игорем действительно была. Недолгая... Скажем так, бурная. Нет — нестандартная, неожиданная. Ни на что

не похожая. Замужем тогда была, дочке три годика, аморалка сплошная, но не жалею. Я ему действительно написала «на деревню дедушке, Константин Макарычу». Сработало. Понимаешь, так не бывает! Не бывает таких удачных совпадений. Я все думала: в чем подвох? А он вот в чем. «Кротовья нора» — теперь ясно, что это такое.

— Ну, теперь я не все поняла. И неважно. Пирог готов. Половину ему, даже больше. В мешок — обязательно хлопчатобумажный. Перед уходом положим в холодильник. А пока перекусим. Сейчас послабее кофе сооружу.

Хозяйка хлопотала, Лена сидела, погруженная в мысли. Не о том, как добраться противолодочным зигзагом до санатория. А о своей несчастной доле. Как-то именно так, выспренне.

Регина зашла к Игорю в комнату.

— Машину возьму?

В ответ донеслось нечто невнятно-флегматичное.

— Значит так. Здесь нам больше делать нечего. Поедем в Долгушино, — говорила Регина, энергично расправляясь с пирогами и кофе. — Его загородное имение. У меня там огурцы вовсю спеют, помидоры на подходе. От него до твоего санатория останется километров двести. Завтра с утра, по холодку отправимся.

— Не надо, Регин, ты что? Сама доберусь.

— Нет, как раз-таки надо. Он, как протрезвеет, до жути вредный становится. И никогда мне не простит, что отпустила тебя по вокзалам мыкаться. У меня два дня свободных. Развеюсь. Ты пироги-то не игнорируй. У меня профессиональная гордость, ее нельзя обижать.

Лена взялась за пироги и поняла, что голодна. Чтоб не жевать молча, спросила:

— Ты и машину водишь?

— Люблю руками что-то делать. На гитаре играть. Когда песни свои записываю, сама за звукорежиссера. А машина — вообще кайф. Полетим с тобой, как на ковре-самолете. Хорошо, что паспорт как раз со мной. А то если на стоянке сторожа сменились...

— Паспорт спрашивают?

— Ну, у меня доверенность от Игоря, но она же рукописная. Гайцам достаточно, а эти всего боятся. Если кто новенький дежурит, покажу паспорт. Мы ж формально супруги.

В Лениных глазах отразилось изумление, и Регина поспешила прояснить ситуацию:

— Давняя история. Комбинация удалась — закачаешься. Еще до революции решили тут омолодить писательскую организацию. Игорь — первейший кандидат, ему тогда двадцать семь было. Приняли. А Клочков — местный писательский дядька Черномор — в обком: парень живет в деревне, в халупе, надо квартиру, не то сбежит, его в Калинин сманивают. А уже туго с этим делом было, слушать-то слушают, а ничего не решают. И тут мы придумали гениальный ход: пожениться. Клочков уже по-другому говорит: молодой писатель с юной женой, она тоже перспективная поэтесса, года через три созреет для союза. И сработало! Вроде как никчемная семерка в прикупе пришла — но нужной масти. И все, небитка. Раз оба писатели — значит, трехкомнатная. Мы год для приличия выждали и разменяли на две однокомнатных. Мне похуже, ему — вот эта.

— А год вместе жили?

— Да мы и раньше вместе жили. Нет, брак наш фиктивный стопроцентно. Не то чтоб мы не спали и не вели общего хозяйства. И спали, и даже недолго вели. Был у меня период — все хотелось затраты минимизировать. Игорь тогда роскошную фразу сказал: «Можно знать сто способов превратить вчерашние макароны в сегодняшнюю запеканку, но это не избавит от необходимости трудиться за деньги. А раз так — то лучше за большие». Он всегда умудрялся неплохо зарабатывать, не то что я. Когда б

я на свою зарплату машину купила? И все такое. Но он мне подарочки иногда делает, деликатно так. Да я и без них ему благодарна и, если надо выручить, на все пойду.

Лена и это приняла к сведению.

В деревеньке Долгушино чуть не расплакалась. В одной ограде стояли бревенчатая избушка, черная и кособокая, и новенький кирпичный дом. Хибара «челюстью порога» напомнила давнее Игореево обиталище, а в доме была просторная ванная комната, осовремененная копия той, что сыграла важную роль в ее грехопадении. В глазах защипало, и удалось унести из дня сегодняшнего, как будто целиком состоявшего из ржавого осадка, в прозрачный мир, где время текло перпендикулярно и не было забот.

Она не заметила, как задремала на узком диванчике. Проснулась со слегка затуманенной головой, и это было хорошо.

Помогала Регине солить огурцы, с азартом разыскивала спелые помидоры среди высоких зеленых плетей. Теплица вплотную примыкала к заднему крыльцу, в ней по центру был уложен строганный деревянный помост, приводящий прямоком в предбанник. В баню Лена тоже заглянула. Она была небольшая, аккуратная.

Легли спать по-деревенски рано. Уже в пять Регина разбудила и повезла ее где проселками, где по хорошей дороге, весь путь занял меньше четырех часов. У ворот санатория Лена бросилась ей на шею и разрыдалась, по-настоящему, с содроганиями. Что оплакивала — сама не знала. На них косились охранники. Картинка и впрямь была дикая, как будто дочь убеждает мамашу не оставлять в пионерлагере.

За неполные сутки знакомства они проговорили, наверное, часов пятнадцать. Нет, меньше: в машине около часа Регина крутила ей свои песни. Лене они понравились — светлые и очень женские. Новая знакомая рассказала всю свою жизнь: и про штормовую молодость, и про черноморскую родню, и про родню североуральскую, и про дом престарелых, и про кафе, и про бардовские фестивали. Говорили и об Игоре. То ли безупречный мужчина и впрямь изменился, то ли никогда не хандрящая подруга завышла стандарты, но иной раз она рисовала его нытиком. Однажды якобы посетовал: «Даже сына издал под чужой обложкой!» И впрямь какой-то сентиментальный моветон.

Лена бесхитростно, хотя и довольно скупно поведала о себе. Вопросы Регины и не предполагали пространных ответов. Лена тоже изредка кое о чем спрашивала, всегда с кучей оговорок, заранее давая собеседнице возможность уклониться от любой определенности. Та оказалась хоть и проста, но проницательна:

— Да нет у него никого. И меня у него нет. Одна у вас разлучница — водка.

Тряхнув ободряюще челкой, Регина — миссис Хадсон, фрекен Бок, Санчо Панса в одном лице — укатила.

Лена окунулась в спасительную рутину. Четырехразовое пресное питание, процедуры, наконец-то лечение зубов. Вечерами в столовой были танцы, партнерш не хватало, но Лена не покидала третьего этажа. Офицеры были с ней поначалу галантны, потом почти грубили. Она их жалела, многие были только что из горячих точек. Но «пожалеть» именно по-женски не могла.

Лето в Подмосковье чудесное, мягкое. В свободное время находила местечко в саду и уединялась с книгой под потолще. Хорошо пошел взятый в местной библиотеке «Петр Первый» Алексея Толстого, книга вроде бы мужская, но — увлекла. Ровный отпускной настрой был уловлен. Изводила только «музыка»: за ужином постоянно включали песняки, жуткую попсу, от которой сворачивалось молоко и сохли булочки. Пошла в администрацию, предложила для разнообразия проиграть три подаренных Региной диска. В короткое время эти песни закурили до дыр, теперь весь санаторий мог ис-

полнять их хором. Лена своими ушами слышала у окошка раздачи, как поварахи поют «Ватрушки» — про девушку Надю, что лепит ватрушки и в каждую роняет по слезинке. Одна ватрушка — одна печалька. А в духовке они испаряются навсегда.

Прошла неделя. Альбина, соседка по номеру, завела разговор:

— Капитан Сеницын, Андрей... У него товарищ — майор Круш. Импозантный такой. Молчун, но вдруг как расскажет случай из курсантской молодости — все падают. Он на тебя глаз положил. Так и сохнет.

Она выставила вперед подбородок и пошла напролом:

— Мы ж одинокие, кто нас осудит. Могли бы иначе ночевать — я с Андреем, ты со Славой. Его Ярослав зовут. Я уже таблетки начала пить, у меня хорошие, швейцарские. Могут тебе дать.

— Аля, я тебе как опытная развратница скажу: ничего нет лучше дневного секса. С обеда и до полдника обязуюсь в номере не появляться. Но спать все же хочу спокойно в своей постели.

— А Славе что сказать?

— Скажи, перед ним открывается окно возможностей. Пусть найдет себе кого-нибудь на установленный промежуток времени. Очень удобно: подустал, либидо закалилось — о! так уже на полдник пора!

Все устроилось. Лена теперь выбирала дальнюю скамеечку, возле самой ограды, чтоб ее всегда видели из окна. Любовники могли выглянуть из-за шторы, убедиться, что их никто не потревожит, и уверенно продолжать.

В один из дней она только подошла к своему уголку, как яркое пятно за оградой притянуло взгляд. Это была карминно-красная, как помада, «ауди» с номером 462, которая привезла ее сюда. Машина была брошена на обочине криво, небрежно. «Зачем Регина приехала? — пламенем пронеслось в голове. — Что-то с Игорем!»

В мгновения она оказалась у ворот, сквозанула через КПП и пошла на красный цвет, ловя руками зашедшее сердце. Автомобиль был пуст, а сзади ее нагонял... она уже поняла кто. С опозданием восстановила картину: на КПП штатский тип явно пытался о чем-то договориться с охраной. Расчехлив по случаю свою прославленную коммуникабельность. Она обернулась.

Игорь выглядел хоть куда: чисто выбритый, поджарый и подвижный. Ясный веселый взгляд. Весь в белом, как из кинофильма про тридцатые.

— Ну, здравствуй, хорошая моя!

— Здравствуй!

Они обнялись. Он поцеловал ее в лоб. Она поспешила сказать:

— Ты прекрасно выглядишь. А я растолстела.

Пошли не к машине, а по боковой тропке в глубь роши.

— Да ну, никогда не поверю. Ты сама женственность.

— И даже несколько лишних килограммов женственности.

— Не поверю, пока не увижу мой любимый изгиб потерявшим чистоту линий.

Он точным движением отправил пальцы за пояс ее летних брючек, пропустил их на левом бедре и приник к телу губами. От бедренной косточки во все направления побежали горячие токи. Лена запунцовела, как не краснела и в пятнадцать.

— Что ты творишь?!

— Во-первых, чудесный изгиб никуда не делся. А во-вторых, я сразу хотел показать тебе и себе, что теперь ты снова моя. В-третьих, никто не видел, если ты об этом.

Вот он какой бывает — разряд, поняла Лена. Сначала обожгло, а теперь потряхивает. Препираться — не твоя, и почему ты вдруг решил? — было бы пошло. Конечно, «твоя». Только плюсом к тому немалое число ограничительных рамок и оговорок. У обоих.

— Сначала ты пронизала время своим письмом в редакцию. А потом совершила прыжок в пространстве.

— Ты имеешь в виду — через проходную? Я ожидала наткнуться на Регину с дурными вестями.

Игорь обнял ее за плечи и снова поцеловал в макушку.

— Я имею в виду твой перелет через четверть ойкумены. А дурные вести... Считай, что их не было и быть не могло. Часть страниц утрачена.

— Хорошо. Поступим, как все летописцы.

Они свернули под острым углом и теперь возвращались к ограде. Игорь сказал:

— Когда к нам с сестрой в пионерлагерь приезжали родители, мы просили забрать нас до срока. У меня к тебе похожее предложение: собирайся и поехали ко мне.

— А я лето проводила у бабушки в деревне... Нет, я не могу оставить санаторий. Не могу даже полдник пропустить, так что у нас около полутора часов. Я должна дисциплинированно и в полном объеме принять дар Министерства обороны. Чтоб не подвести родной коллектив. Вдруг товарищи военные обидятся и не дадут больше путевок? Вдруг они не предложат путевок по другой причине, а кого будут считать виноватой? Только благодаря отцу я здесь, а желающих было много, и все с заслугами. Вот Альбина, моя соседка по номеру, в бухгалтерии у нас работает. Она полгода чуть не ночами исправляла какую-то отчетность, ее предшественница накосячила. Так что у нее это заработанный приз. Включая капитана Андрюшу Синицына.

— Вы тут все уже перезнакомились?

— Ни разу даже его не видела. Ну, то есть не отличу в общей массе. Это все женские тайны. Тайна на то и тайна — должна быть поведена. Тем более был у Альбины и прямой расчет. В итоге я разрешила им заниматься полуденным сексом в нашем номере. Лишь бы на моей кровати не трахались!

Словечко совсем недавно было запущено в оборот гнусавыми синхронистами-переводчиками западных фильмов и настолько пришлось ко двору, что становилось непонятно, как жили без него столько поколений. У Лены оно вырвалось сгоряча: внезапно пришла очевидная мысль, что ее кровать намного лучше и не скрипит. Надо будет Альбину усовестить.

— И на какой срок ты сюда заточена?

— Стандартный: три недели.

— Забавно: как сессия. То есть обратный билет у тебя...

— На двенадцатое.

— А занятия с первого сентября?

— Да, но я ведь не школьница. Мне надо быть гораздо раньше. Педсоветы и прочее. Двадцать четвертого, самый край — двадцать шестое.

— Следовательно, покупаю тебе билет на двадцать пятое. Две недели ты моя гостья.

Лена молчала. Они вышли на дорогу и пошли по обочине к Игоревой «ауди». Сели, раскрыв дверцы, чтоб овевало прохладой рощи.

— Ты не обижайся, мне надо подумать, — сказала Лена, глядя на приборную панель. И снова долго молчала. — Понимаешь, кино здесь кончается. Даже чуть раньше — когда герой и героиня идут друг другу навстречу по залитой солнцем дорожке. А дальше начинается реальная жизнь. Мы с тобой встретились... Да, солнце вокруг, красивая музыка за кадром. Перед нами все пути. Но это только кажется. В молодости мы были стиснуты обстоятельствами до невозможности быть вместе. А как-то умудрялись. Презрев мораль и все такое. Перспектив у нас не было. А сегодня? И сегодня нет. Тогда мы считали: хоть день, да наш. И сбегали в боковой тоннель. Сейчас это будет фальшиво.

За нами никто не гонится, от кого сбежать? Я сдам запоздалую, одиннадцатую сессию и вернусь из твоих объятий домой. Ты не подумай, я не замуж напрашиваюсь. Мне, наоборот, ничего менять не хочется. А тут маячит опять какое-то украденное счастье. Все равно что Альбина и капитан Синицын. Только не на казенной кровати.

Лена взглянула на Игоря и вдруг заметила много новых складок на его лице. А если он стал мрачен и сентиментален? Этого в мужчинах она терпеть не могла. Но тут в момент складки почти расправились и сложились в улыбку:

— Ну вот, будем считать — подумала. Одного не упомянула: именно ты, как Иван-царевич, запустила стрелу на болото. А я, одинокий лягуш, в нее вцепился. И не отдам. Ты давно домой звонила?

— Не звонила еще. Здесь такой переговорный пункт! Как в шестидесятом году, про-сти господи. Пару раз заходила — изо всех стеклянных кабинок орут, связь ни к черту. И уходила.

Игорь достал из кармана сотовый телефон с короткой — что было шиком! — антенной.

— Позвони сейчас.

— Боже, ты можешь себе это позволить?

— Эта трубка меня разоряет. Досталась бесплатно, но в итоге съела кучу денег. Это подарок... не подарок, а, скорее, чаевые. Писал роман для одного нувориша. У них теперь мода — все писатели. Один выпустил книгу — и понеслось.

— О чем желают писать новые русские?

— Да о себе, конечно. Ну, этот почти адекватный дядька. Говорю: «Евгений Натанович, все пишут, как заработали свой первый миллион. На самом деле скучно. Типа розового романа для дам. А если не сочинять ненаучной фантастики, получится явка с повинной. Давайте лучше о позднесоветской бурной молодости. Реабилитируем фарцу, ведь скоро забудут об этом замечательном явлении. Пока мэнээсы на кухнях вербально осуждали уравниловку, вы с ней боролись на деле».

— Фу-у, какая грубая лесть! Не противно?

— Это не лесть. Это помощь специалиста. Я помогаю сформулировать то, что он сам про себя думает. В чем уверен. Что давно сказал бы, если б владел необходимым для этого аппаратом. Вот логопед — помогает избавиться от дефектов речи. Но разве он несет ответственность за все выражения развязавшего язык пациента?.. Я даже стиль создал под его индивидуальность. Имеет мужик один бзик — пошловатый, но безобидный. Коллекционирует собственные афоризмы. В основном плоско-механические каламбуры. Из более-менее приемлемых, на память: «Не в свою калошу не садись!» Ну, и так дальше. «Засыпальник важнее будильника, но пока не изобретен». Накатал ему весь роман такими псевдоафоризмами. Само собой, в сюжете детектив, чтоб затягивало. А телефоном он меня обеспечил, чтоб круглосуточно был на связи. Звонит в полтретьего ночи из Ниццы: «Вспомнил, как в семьдесят шестом провел житомирскую милицию!» Записываю, все сгодится. В деталях — эпоха. Когда текст сдал и расчет получил, Натаныч сказал: трубку оставь себе. И невдомек ему, что тем самым он не увеличил, а уменьшил мой гонорар.

— Интересная у тебя житуха!

— Ты знаешь — да. Неделями сижу за компьютером, но разного рода оригиналы и типичные представители сами ко мне лезут. Лет через двадцать накоплю впечатлений и забабахая книгу о нашем времени!.. Ладно, мы отвлеклись. Звони домой. Звони и уверенно говори все как есть. Только без уклончивостей. На две недели удержишься. Назови меня как угодно. Можешь «жених», можешь «мужчина всей моей жизни».

Тебе видней, как правильной донести мысль до родителей. И все сразу станет легко. Никакой конспирации, никакого смущения, никаких тяжких сомнений. Мы взрослые люди, а чувства наши, извини за графарет, проверены временем.

— Ты опять все за меня решил. Волевой ты наш. Скажи, давно мучаюсь вопросом... В самый первый раз, если б я успела сказать «нет», ты бы на меня все равно набросился?

— Разумеется, нет.

— Но ведь это противоречит мужской природе!

Игорь пожал плечами.

— Все, что делает нас людьми, противоречит природе. Я был готов к такому повороту. Если б тебя возмутило, что я почти голый, в легком халате, я б объяснил: собираюсь принять душ. И про вино и два фужера тоже была заготовка. Еще раз поставил бы тебя перед выбором: если вернусь из ванной и на столе будет два полных бокала, значит, ты согласна остаться. А если один из них пустой — значит, везу тебя в общежитие.

— И отвез бы? Отступился?

— Нет, я б не отступился. Не сразу, через несколько дней... Когда в тебе поселится легкая досада на собственную правильность... Встретил бы в городе — маршруты твои известны. И продолжил помогать. Если меня посещал разряд, я становился очень упорным.

— Да, шансов у меня было немного.

— Я отвечу еще на один вопрос. Ты его не задала, но я отвечу. Чтобы твой голос не дал слабину при разговоре с домашними. Я не сантехник Афоня, чтобы бить себя в грудь и исторгать оттуда дежурные обеты. Просто скажу: никаких кротовых нор больше не будет. Верь мне. Я тебя ни разу не подводил. Возможно, я вообще никого в жизни не подвел. Тому причиной особый сорт заносчивости, увы, мне присущей. Ну все, звони. Набираешь, как в междугородном автомате. Уровень сигнала вполне приличный. Давай, а я прогуляюсь.

— Разорю тебя.

— Не разоришь, уже наигрался. Сказать по правде, звонил я только Рябинину. Это писатель, ушедший в коммерцию. Он уверяет, что пером не прожить. В принципе, он прав, но я по возможности пускаю ему пыль в глаза, намекая на обратное. Трубу решил все же спихнуть кому-нибудь из понторезов, хоть долларов за четыреста. Новая она, по-моему, тыщу стоила.

— Обалдеть, у нас сто баксов считается прекрасная зарплата!

— Да и у меня на круг едва ли двести набирается. Вечно как на качелях. Однако даже не обсуждается: на каникулах вы с дочерью мои гости. Билеты за счет принимающей стороны. Москву ребенку покажем. Там грязь, мусор летает, торговлишка в каждой подворотне, но музеи остались, театры остались. Ресторанов стало много приличных, есть вполне недорогие. А летом на море, если все нормально. Но об этом еще поговорим. Звони.

У Лены горели уши. Разговор получился тяжелым. Положение спасла Ленуся. Она вытребовала себе трубку и сказала без приветствия:

— Мам, у тебя все получилось? С дядькой, который пишет письма, когда никто их уже не пишет? Я так рада за тебя. Оставайся хоть на полгода. Я буду скучать, но буду знать, за что страдаю.

И, дав урок лаконичности, дочурка вернула трубку. Произошло какое-то замешательство, Лена в это время взглянула на часы.

— Дорогие мои, — сказала она спокойно, будто не выслушала перед этим много чего, — пока прервемся, уже полдник, пропускать нельзя. Целую, обнимаю. Когда смогу позвонить, не знаю. Здесь все очень сложно.

Она подбежала к Игорю попрощаться, но он напомнил про билет. «Принеси после полдника паспорт».

В номере перед Альбиной она выглядела, наверное, слегка ушибленной. Та после душа приводила в порядок волосы и пыталась сосредоточиться, а Лена мельтешила. Два раза качнула всем весом собственную кровать, нашла и положила в карман паспорт. Потом вдруг неожиданно для себя самой спросила:

- Аля, у тебя правда есть лишний стандарт таблеток?
- Да. Хоть сейчас выдам. Может, Славе намекнуть?
- Нет, я чисто для порядка, а то с этими перелетами цикл мог сбиться.
- «Для порядка...» Ты у нас порядочная, а я вот...
- Ну что ты, Аля! Дело-то хорошее. Я еще не совсем забыла. Побегу.
- Подожди. Вместе пойдем.
- Я не на полдник. К зубному пораньше, не то ужин придется пропускать.

Когда снова подходила к «ауди», увидела, что Игорь разговаривает по телефону, уходя по тропке в рощу. Лена честно призналась себе, что сейчас подслушает разговор до последнего словечка.

— ...Радий, как говорится, есть время собирать бутылки и время сдавать бутылки. Я сейчас во второй фазе. Два договора подписал. Там сроки. А готового в журнал ничего нет. Конечно, моральный долг я осознаю. Могу дать что-то очень короткое и, честно говоря, только в пародийном ключе. Вот расскажу сюжет, если подойдет — обязуюсь сделать быстро. Рубрика «Из спецхрана». И в разбитной манере нынешней журналистики излагается такая история. Как известно, Лев Бронштейн выбрал в качестве партийной клички фамилию своего тюремщика. Годы шли, надзиратель благополучно пережил смену власти, гражданскую, чистки двадцатых. Потом Льва Давидыча выслали, а позже началась жестокая борьба с троцкизмом. И под настоящим Троцким задымило. От греха подальше пошел он в ЗАГС и сменил фамилию. Но кто надо стукнул куда надо. И сшили бывшему надзирателю дело, и отправился он туда, где лес валят сидя. «Как сделать», говоришь? Ну да, это главный вопрос. Договорились. Бывай.

Игорь обернулся и увидел Лену.

- Сжигаю последние центы с баланса. Что полдник?
- Решила не ходить. Лучше полчаса еще поболтаем. А потом зубной, не отвертись.

Они снова сели в машину и говорили на необязательные темы. И это было здорово.

Лена рассказала об успехе Регининых песен, Игорь очень обрадовался. Сам он пожаловался на профессиональную несостоятельность.

— Понимаешь, не могу человека убить, даже на бумаге. Написал пять детективов — и все без убийств. Ну, последний — детский, там и ни к чему. А в остальных как крутиться пришлось! Но для издателей все это — великопостный стол. Им нужны трупы. Вроде нащупал решение: военный детектив. На войне убивают, и это некоторым образом нормально.

- Раньше говорили: книга — учебник жизни. Как все резко поменялось!
- Да. Раньше рядовой член СП, по крайней мере, в провинции — уважаемый человек. А теперь кто меня будет уважать и за что?
- Регина предупредила, что ты становишься нытиком.
- Это ты выдумала?

— Нет, она правда так сказала. Она тебя любит требовательной комсомольской любовью.

— Да, у нее не забалуешь. Железный характер. И никаких задних мыслей. Что на уме — то на языке.

Разговор перекинулся на другую обладательницу железного характера — сестру Нину. Игорю интересно было услышать про старую знакомую. Нина совсем недавно, в возрасте за тридцать, родила сына. А до этого неустанно выстраивала карьеру мужу, попутно отесывая того и не давая заплыть самодовольством. Вспомнили и Паху с Диманом. Первый странным рикошетом оказался в Канаде, а Дмитрий Алымов возглавлял ныне рекламное приложение к областной газете, материально был благополучен, но, кажется, пил.

Когда полчаса утекли, Лена поцеловала Игоря, перегнувшись через ручку переключения скоростей, и сказала:

— Перекрести меня вослед. Иду как на Голгофу. Тут все по-армейски. Режут и сверлят безжалостно, как морскую лабораторную свинку. Но за десять дней заживет.

Десять дней, десять дней. Лена начала их отсчитывать уже на следующее утро. Семь круглых таблеточек в каждом из трех рядов. Она начнет их принимать через три дня. Перед завтраком теперь делала пробежки. Отказалась от мучного. Булочки съедала Альбина. Потом хлопала себя по бедрам и говорила: «А я не толстею. Могу поделиться секретом». И охально блестела глазами.

Через неделю за ужином Лена обомлела: в столовую вошла Регина. Ее сопровождал вертлявый организатор местных досуговых мероприятий. Лена бросила недопитый компот, подбежала и увлекла гостью в сторонку.

Оказалось, уже три дня в санатории висят афиши, оповещающие о концерте Регины Тоновой. И только Лена умудрилась их не заметить. Выступление одним звонком организовал Игорь. Смех: самого импресарио на территорию не пустили, у солдатиков на КПП было четкое указание: певица, одна штука, гитара, одна штука. Игорь чертыхнулся и умчался искать мотель поблизости, сказав, что подъедет через два часа. Вообще-то, он рассчитывал, что администрация решит вопрос с их ночлегом. Но к вечеру начальства в санатории не было.

Пока длился оргмомент, Регина с Леной увлеченно болтали в комнате за сценой.

— Я так тебе благодарна! — говорила Регина. — Ты его в момент вылечила, лучше бригады наркологов. В общем, вернулась тогда, а в следующие свои выходные, через три дня то есть, снова к нему захожу. Взгляд осмысленный, ну, выход так начинается, с проблесков. Я ему все и выложила. Сначала он меня чуть не прибил. Постой, говорю, ты в непотребном виде пребывал, а я виновата? Потом он все про тебя выспросил. Вот до последней черточки и до последнего словечка: как реагировала, что говорила. Потом его перекосило. Ну, дело известное, налила полстакана. Взял, выдохнул и... вылил в горшок с цветами. «Ты что, — говорю, — это же стрептокарпус, я его два года приживляла!» — «Цветок, значит, тебе жалко, а меня?» И все, что оставалось спиртного, тоже вылил, в раковину, не стал добивать растение. На следующий день собрался к тебе ехать. Еле отговорила. За руль, говорю, вообще не думай. И для начала в зеркало посмотри на этого жениха! Хотя б мешки под глазами ликвидируй. Неделя тебе на все про все. Почту разбери, я на стол складывала. Рубашку новую купи, ничего летнего нет. В общем, загрузила. А сама боюсь. Прихожу через три дня. Весь в поту — гимнастикой занимается. Глаза ясные. Веселый. «Как выгляжу?» — «Да нормально, — говорю, — но еще поработай над собой. Больно худой». — «Есть не могу». — «От любви, не иначе?» — «Организм не принимает». — «Значит, токсины не вышли». Короче, бульонами его отпаивала. Овощей. Минералки. Весь день пробыла. Мы давно с ним

толком не говорили, чтоб долго, по душам. Про тебя рассказывал. Похвастался: немецкое издательство написало. Хотят его детский детектив переводить. А тот только что вышел, у автора экземпляра даже нет. Впервые за семь лет его фамилия на обложке. Как в девяностом библиотечка «Крокодила» тоненький сборничек выпустила, так больше ничего не было.

В Лене шевельнулось нечто вроде ревности: выходит, не благодаря ей одной человек себя из ямы вытащил. Есть и другие стимулы. Но ведь это нормально. Домашний философ Валентин Юрьевич Губский утверждает: мужчина только тогда мужчина, когда крепко стоит на двух ногах — любимая семья и любимая работа. Все прочие инвалиды.

Концерт прошел роскошно. К машине Регину провожала большая группа поклонников и поклонниц. Лена шла поодаль, Игорь ее сразу заметил и выскочил навстречу. Они отошли чуть в сторону, в тень большого дерева. Зрители никак не могли расстаться с Региной, взяли ее в полукольцо, что-то говорили, перебивая друг друга. К наиболее разгоряченным кавалергардам она поворачивалась гитарой, висевшей через плечо, и те обнимали талию деревянной деки.

Игорь и Лена стояли в сгустившейся темноте и целовались. Когда она касалась губами его кадыка, он постанывал. Сладкая истома плавила обоих. Лена чувствовала себя старопрежней невестой, которую через три дня поведут к венцу и лишь потом в опочивальню.

— Сейчас Регину разберут на сувениры, — сказал Игорь.

— Езжайте, а то я за себя не отвечаю.

Они устроили себе долгий прощальный поцелуй и вышли в кружок света.

— Товарищи, по палатам! — сказал Игорь тоном пионервожатого. — У Регины Цветановны завтра трудный день!

Кое у кого наверняка явилось желание накостылять городскому штафирке, но в целом дисциплина взяла верх. Автомобиль укатил.

Лена еще успела шепнуть, чтоб Игорь послал от ее имени телеграмму. «Билет переоформила 25 число Лена». Накануне вылета послала еще одну, с номером рейса. В аэропорту ее встретили дочь и отец.

За две недели «в гостях у сказки» она могла, конечно, позвонить от Игоря, но не стала. В городской квартире с телефоном они ночевали лишь однажды, и Лена чувствовала себя неготовой к разговору. Сельский дом в Долгушине был вне конкуренции, они выбирались оттуда только «в походы»: на веслах по речке в арендованной у соседа лодке; в старую деревянную церковку, черную от времени и ненастий, рядом с которой бородачами-поморами строилась новая, желто-золотая; за грибами в какой-то хитрый лесок, оказавшийся сплошь исхоженным. Игорь не работал, занимался только ей. В деревне даже компьютера не было. Изредка Лена видела, что он делает короткие записи. Однажды поехали в Москву за авторскими экземплярами, промаялись в пробках весь день, только в итальянском ресторанчике немного отдохнули. Детский детектив Лена прочитала в тот же вечер, это было увлекательно и остроумно, но вряд ли мог вполне оценить ребенок.

— На кого рассчитан этот текст? — спросила она.

— На мальчика десяти лет.

Лена мысленно вычла из текущей даты десять лет. В восемьдесят шестом Майя родила его сына. Что ж, наверное, необыкновенно развитой ребенок.

Восемнадцатого августа без предупреждения прибыла Регина. С арбузом, сладостями, мясными полуфабрикатами. Оказалось, у Игоря день рождения. Лена почему-то за семнадцать лет знакомства так и не поинтересовалась этой датой.

— Ты младше меня на четыре с лишним месяца! — она делала вид, что рвет на себе волосы, но на самом деле слегка взбивала прическу, по-прежнему не очень густую. — Горе мне, горе!

Не было ни капли спиртного, и оттого, наверно, балдеж и хохот стояли неимоверные. Кромсали арбуз, жарили на мангале куриные крылышки, собирали смородиновый лист для летнего чая. Регина пеняла им за упущенный урожай яблок, почти весь уже лежащий на земле. Топили баню и жарко парились. Втроем в парной было тесновато, зато каждый вооружился веником и охаживал спину ближнего — вкруговую. Отсыхали в чем мать родила на мягкой мураве меж баней и домом. Со стороны улицы их прикрывала теплица, а вот с противоположной, за речкой и заболоченной луговиной, возвышался старинный особняк. Из его окон ветеран, вооруженный старческой дальнзоркостью, мог воочию наблюдать современное падение нравов. Были без сил, Игорь тем не менее разглагольствовал:

— Баня — прообраз рая. Недаром Адама и Еву изображали с прилипшими листиками. Причем листики березовые, а фиговые — позднейшее искажение невежественных итальянцев...

Насколько долго ее воспоминания сохранят свежесть? — спрашивала себя Лена. Уже в самолете она перетряхнула и пережила их заново, и выматывающий перелет свелся к взлету и посадке. И в такси из аэропорта она продолжала загадочно улыбаться. Отец, по обыкновению, пыхтел, а дочь стгорала от любопытства.

В день возвращения, и через неделю, и через две Лена подробно рассказывала семье о санатории, благодарила отца и Минобороны (Валентин Юрьевич сардонически хмыкал), но ни слова не сказала о сверхплановых двух неделях своего отпуска. Отец принципиально об этом не спрашивал, мать вынужденно ему подыгрывала. По дням и часам расписывая свои санаторские будни, Лена умолчала о концерте Регины. Потому что совершенно невозможно даже подступиться к объяснению, кто она такая. Регина в головах отца и матери просто не поместится.

Лена давно простила родителям тот телефонный допрос, после которого ей долго не хотелось звонить домой. И сейчас молчала не от обиды или из вредности, а просто — как это расскажешь? Как передать живую трехмерную картину ее дискретного счастья? Оно было и, возможно, будет. А в разговоре их уши и ее язык родят нечто плоское. Отец (все же он здорово постарел!) фыркнет. Столичный хлыщ нашел себе восторженную дурочку, и дурочка эта, увы, его умница дочь.

Лена, наоборот, была благодарна Игорю, что не зовет поскорей соединиться навеки, не спешит вырвать из родной почвы. «Женское счастье» — это, конечно, здорово, но есть еще работа, Ленуська, престарелые родители, все взаимосвязано и может посыпаться от одного толчка.

Дочь, понятно, рассчитывала на материну откровенность наедине. Под настроение. Но... Все хорошо, у меня все хорошо, все было хорошо — что еще можно сказать пятнадцатилетней? «Какой он?» — «Замечательный. И благородный. И с ним никогда не бывает скучно!» Показала фото — Регина не очень удачно шлепнула их на выходящий из моды «Полароид». Еще дочь прочитала книжку с посвящением себе. В восторг не пришла, но прониклась уважением.

— Мам, а что дальше?

— Ой, дочь, не спрашивай. Я не загадываю. Думаю, и дальше все будет хорошо.

— Я про книжку! Продолжение есть?

Слышал бы ее Игорь! От слов, что книжка обязана быть с продолжением, его начинало трясти.

Изредка они созванивались. Еще в аэропорту Игорь предупредил, что не любит телефон. Тот годится лишь для обмена информацией. «Все тонкости и нюансы провод срезает». Сообщали друг другу, что все без изменений, и сворачивали разговор. Тем более дома всегда была Ленуська — Игорь звонил поздно вечером. Ближе к концу октября он стал звонить чаще. Уговаривал вдвоем прилететь в Москву на каникулах. Лена объясняла, что каникулы у детей, а не у взрослых и, вообще, пять дней — это смех. Со второго или третьего раза он внял доводам рассудка.

Ленуська не преминула сообщить старшему поколению, что «мамин мужчина» звонит. И выдала ее тайну. Как объяснила потом, не выдержала очередного саркастического выпада деда.

- Для санаторного ловеласа он нескромен.
- Да они давно вместе! Не два месяца, как ты думаешь, а двенадцать лет!
- Что-то, Леночка, у тебя арифметика хромает. Не может быть двенадцать...
- Да пойми уж наконец, что жизнь арифметикой не измеряется!

Во какие максимы девулька загибает! Если не задним числом придумала...

В общем, обменяла материну репутацию на краткий миг сомнительного торжества: дед с бабулей слушали с квадратными глазами. А ведь Лена пеклась не о своих белоснежных ризах — именно о спокойствии родителей. Зачем старикам лишние, пустые переживания? А переживать станут, и еще как.

Их реакцию она представляла вполне.

Лидия Павловна любила зятя. Был он завидным женихом, красавцем, мог выбирать, но, как честный человек, женился на их дочери. «Браки по залету» редко бывают прочными, надо было все силы положить на его укрепление. А также понемногу, в профилактических дозах, применять стержность. Однако недотепистая дочь своего счастья не ценила и, как выясняется, даже швырялась камнями в стеклянном доме. Что ж удивляться, что муж ответил ей тем же? Только он опять-таки поступил честно и двоежнецом быть не захотел.

Валентин Юрьевич в свое время сделал несколько искренних попыток преодолеть антипатию к Олегу. А потом перестал себя обманывать. Считал зятя пустым фанфароном и чинодралом. Не понимал, на чем он, не прочитавший и двадцати книг, основывает свое самомнение. Этот рога, быть может, и заслужил, но почему так повела себя дочь? Выходит, она давно уже без царя в голове, а он считал, что виновато одиночество последних лет. Наверняка отец задним числом ревизовал свою воспитательную систему, чтобы ее скорректировать и применить к Ленуське...

В корпусе Губские теперь виделись от случая к случаю, но скоро вся семья соберется за праздничным столом, и тогда разговора, пустого и тягостного, не избежать.

Лена возвращалась домой в середине дня. Все дела были сделаны, и впереди ждал куцый, но такой необходимый отдых, пять полных дней. Ленуська уже каникулярничала с понедельника.

Приморозило, ветра не было, голоса разносились далеко и ясно. Она сначала услышала и лишь потом увидела Игоря, беседующего с домофоном.

- Елена Валентиновна?
- Мама на работе.
- Елена Олеговна! У вас очень похожи голоса. А когда мама будет?
- Обещала до обеда, но что-то нет.

— Хорошо. Полчаса погуляю. А ты позвони, пожалуйста, ей на работу, поинтересуйся, может, планы изменились. Я сам виноват, прилетел без предупреждения.

- Вы Игорь?

- Он самый.
- Так проходите и сами позвоните.
- Нет, Елена Олеговна, так не пойдет. Нельзя впускать незнакомых людей.
- Но какой вы незнакомый, если вы Игорь...
- Что я Игорь, ты мне сама подсказала. Будь осторожна. Я вернусь через полчаса.

Елена Валентиновна стояла у него за спиной и улыбалась.

— Привет!

Он обернулся.

- Здравствуй, моя хорошая!
- Что не позвонил? Сюрприз?

— Понимаешь, прилетел из Питера. На день летал, с издателями толковал. Думаю: все равно ведь в аэропорту. Взял билет — и сюда.

— Неожиданно.

— Еще бы. Ты была уверена, что я никогда не прилечу к тебе и твоей дочери.

— Помнишь...

Они поднялись в квартиру. Сначала было неловко. Но Игорь улыбался и как будто подмигивал, одобряя ее каждое движение. Дочь ушла в свою комнату, но долго не выдержала и вышла к ним.

— А как мне вас называть?

— Да можешь по-простецки — Игорь Тимофеич.

— А вы курите?

— Нет.

— Жаль. Я люблю всякие такие мужские запахи.

— А назови еще один мужской запах, кроме табачного.

— Вы как дед. Сразу подденете.

— А ты не сдавайся. Скажи: трудовой пот, перегар, соляра.

— Но это же фу... Ужасные запахи.

— Неважно. Мужские. Последнее слово осталось за тобой.

— Не учи ученую! Последнее слово и так всегда за ней. Не знаю, как перевоспитать, — вмешалась Лена.

Лишь когда Игорь перебрался за ней на узкую кухню, дочь оставила их наедине.

— Не знаю, — говорила Лена, — рада, конечно, но что делать — не знаю. Столько проблем сразу. Был у меня любовник в отдалении. О чем приличнее просто всем молчать. И вдруг приехал. Легализовался. Сразу вопросы начнутся. Когда поженитесь? Где жить будете? А чего тогда приезжал? Тьфу, прости господи. А как нам ночевать в квартире с дочерью? Ты на сколько приехал?

— На два дня. Билет обратный в кармане.

— Что не на все каникулы?

— Так тебе и отдохнуть когда-то надо.

— Да, отдохнуть... Тебя ж родителям представлять придется. Или ты против?

— Конечно, придется. Было бы странной демонстрацией — не показаться.

— Восьмого у нас традиционный семейный сбор. Пойдем втроем. Ой, не знаю, как нас примут.

— Поступим иначе. Давай мы будем принимающей стороной. Причем застолье устроим завтра. Потому что восьмого я улетаю.

— Как ты себе это представляешь? Здесь, в этой маленькой квартирке? У нас даже стола подходящего нет.

— Ой, а мне нравится! Классная идея! — на пороге стояла Ленуська.

— Ты как здесь нарисовалась? Взрослые разговаривают...

— Между прочим, руки после туалета надо мыть. Я мыла и случайно услышала предложение Игоря Тимофеевича.

— Всю советскую эпоху собирались в квартирах и поменьше. А семьи тогда были побольше. И умещались. А тот стол — не раздвижной? — продолжал Игорь.

— Когда-то раздвигался, но испортился.

— Починим. Итак, мясо я беру на себя. Будет... азу! Стандартные постогородные соленые огурцы есть?

— Есть, как от них отвертись.

— Дело в шляпе. За вами, девушки, салаты и закуски. Что пьет отец?

Ленуся присела за кухонный столик рядом с Игорем и с интересом вертела головой, следя за разговором.

— Водку. Ну, и коньяк. Очень любил «Старку», но ее не стало.

— А матушка?

— Сладенькое, типа наливки.

— Ну, тогда я попал почти в десятку.

У Игоря в дипломате оказались арманьяк и натуральный «порту». Когда он выставил их на стол, Лена поморщилась:

— Ой, ну это пижонство. Отец терпеть не может пижонов.

— Можно кривиться от пижонов, но нельзя кривиться от арманьяка. Я тут из окна такси видел вывеску «Мясо». Это далеко?

— Не очень.

— А рыночек есть поблизости?

— Есть, все есть.

— Тогда пошли?

— Какой ты скорый! А обед кто будет готовить?

— Елена Олеговна дожарит котлетки и обеспечит все остальное. Берешься?

Девочке ничего не оставалось, как согласиться. Под угрозой был роскошный план.

Лена ходила бы за покупками часа полтора. С Игорем все получилось четко и стремительно. Нагруженные, они ввалились в квартиру, где плотно висел дух подгоревших котлет. Но это не могло испортить Лене настроение. Она испытывала душевный подъем.

Ей тридцать пятый год, почему до сих пор родительская семья для нее — головная контора, а сама она филиал? Их уже два поколения, а они все равно филиал. Даже когда жили втроем, все было примерно так же. Было две родительских семьи, любые праздники — или там, или там. Но Игорь заставил заложить крутой вираж. И радостно, азартно завибрировало внутри: долой этот моральный вассалитет!

Дочь отработывала на кухне, Игорь возился со столом. Лене пора было звонить. Трубку взял отец.

— Здравствуй, папа! У нас вот какое событие: внезапно прилетел Игорь, и мы завтра ждем вас с мамой часам к двенадцати. Не делай вид, что не знаешь, кто это. Именно завтра, по-другому не получается. Так, небольшое застолье. А к вам, как обычно, — восьмого. Он уже улетит. Не у всех каникулы.

Ну, теперь отцу с матерью хватит перетирать до глубокой ночи. Проснутся поздно, кряхтя соберутся и пойдут в неизвестность. Зато потом всем будет легко и хорошо.

Когда Лена принимала душ, слышала разговор на кухне. Игорь сетовал:

— Вчера еще в Питере был. Два перелета. Мне бы только до подушки добраться...

«Конспиратор!» — думала хозяйка маленькой тонкостенной квартирки, ни секунды не сомневаясь, что силы в запасе у Игоря еще остались.

Он пришел в большую комнату совсем скоро, тоже из душа. Горел ночник. Удлиненный стол отодвинут к стене. На раздвинутом диване застлана постель. Лена сидела

в кресле и не знала, что сказать и что будет дальше. Игорь подошел к дивану и ухватил покрывающий его тюфячок за два угла. Лена молча взялась за другие два угла. Аккуратно спустили постель на ковер. Разделись и нырнули под одеяло. Ни вдоха, ни сто-на, ни шепота не издали. Каждый солдат знал свой маневр.

Наутро пришлось рано встать. Игорь в фартуке смотрелся замечательно. Накоротке переговорили, убедившись, что Ленуська не услышит. Решили на все вопросы просто душно хлопать глазами и лепить правду как есть, в стиле Регины. Ее самое, конечно, не упоминать.

— И я — не алкаш в завязке, а с детства имею слабую печень, — дополнил Игорь.

Все успели приготовить в лучшем виде. Нашлась приличная, неразномастная посу-да. В нужный час заглянуло солнышко.

Игорь остался в фартуке до прихода родителей. Маленькая хитрость удалась: их тро-ица выглядела благополучной ячейкой общества. Ленуська рвалась исполнить любое поручение мамы и Игоря Тимофеича.

Слово за слово потекла беседа. Игорь в шутливых выражениях, но в чем-то тро-гательно рассказал о своей первой любви — на абитуре семнадцать лет назад. «Полбал-ла перечеркнули мне полжизни!» Это был уже чистый юмор. Родители видели трепача и пижона, но тот определенно испытывал сильное чувство к их дочери. Пробуя по-пасть в тон, Валентин Юрьевич поинтересовался, удалось ли ему утешиться.

— У меня было несколько романов, с замужними и незамужними, но выжил только один, — Игорь положил руку на Ленино предплечье.

После этой заковыристой фразы сказать и спросить было нечего. Лидия Павловна попыталась, для внучки конечно, затронуть моральную сторону, но Лена сказала просто:

— Мам, мне было трудно, потому что Олега я тоже любила. Время расставило все по местам.

Некоторое замешательство родителей совпало с перемещением за стол, разговоры потекли гастрономические, потом отовсюду обо всем, самую главную тему — как даль-ше жить думаете? — поднимать старикам уже не очень и хотелось. Нет, из чувства долга они к ней, безусловно, перейдут, но опять ведь молодежь все поставит с ног на голову.

Валентин Юрьевич был старый книгочей, любил на ночь прочистить мозги детек-тивчиком, причем предпочитал динамичные, с картинками быта и нравов, а не гер-метичные головоломки а-ля «бабка Агапка». Может ли гость из столицы объяснить, почему в современной книжной продукции так много откровенной ерунды?

Игорь попробовал: одна книга ничего не значит, рыночную ценность имеет лишь серия. Которую на должном уровне держать очень трудно, почти невозможно.

— Зачем я в Питер летал? Договорился с издателями о серии военных детективов. Хотел на своих условиях: роман в полгода. Получилось, как всегда — не меньше де-сяти книг в год. Две будут качественные, остальные восемь напишут какие-то негры. Выбранный мной псевдоним становится коллективным. Так что капитан Андрей Си-ницын — главный герой и рассказчик — это чаще всего буду не я.

— Придумай знак своего авторства! — сказала Лена. — Как художник в уголке, при-рисуй условную деталь. Пусть в твоих романах на первой странице герой всегда чихает.

— Прекрасная мысль! Я обязательно ее додумаю.

Губский уточнил:

— Мой вывод, может быть, парадоксален — вероятно, эти романы не очень хоро-шо оплачиваются?

— Я бы назвал ваш вывод аналитически точным. Именно так. Этот договор — не-большой, но стабильный доход. Второе иногда сто́ит первого. Немножко меньше суе-ты, чтоб добрать недостающую сумму. Сразу скажу, я не никогда не подсчитывал свой

годовой доход. Из чистого суеверия. Хватает — и замечательно. Я надеюсь, что таксовать мне больше не придется, а было и такое.

Вопрос, как же ты, бродячий фокусник, собираешься создавать семью, был настолько очевидным, что Валентин Юрьевич его не задал. Он лишь откинулся на спинку стула с подчеркнута бесстрастным видом.

— А вот планирование, — продолжал Игорь как ни в чем не бывало, — моя сильная сторона. Следующий год я вижу достаточно ясно. В зимние каникулы принимаю наших прекрасных Елен у себя. Куплю заранее билеты в несколько театров. Вообще познакомлю со столицей. Летом дней на десять махнем на Черное море. Возможно, на машине. Остаток лета проведем в деревне. Весной, кстати, сооружу бассейн возле бани. Ну и самое главное. А самое главное, уважаемые Валентин Юрьевич и Лидия Павловна, состоит в том, что все именно так и будет.

Лене показалось, что Игорь несколько пережал, и она интуитивно вызвала огонь на себя:

— Конечно, самый дачный сезон, но было бы здорово, если б и вы хоть недельку погостили у Игоря в Долгушине. Мы будем рады. Там замечательно.

— Все какие-то гостеванья... То есть вместе жить вы не собираетесь? — спросила Лидия Павловна, проигнорировав приглашение дочери.

— Переходный период растянется на два года, — сказал Игорь, будто заглядывая в раскинутые карты. — Елене Олеговне следует доучиться здесь. Затем ей надо определиться в московский вуз. А после того уже можно сниматься с места и Елене Валентиновне, и, возможно, вам.

— Ну, мы-то, положим, никуда не поедем, — отреагировал глава семьи. — Да и у Ленуськи существует собственное мнение.

— Юридический либо пед? Это не варианты, — вступила в разговор младшая Елена. — Все равно надо куда-то ехать, как мама или тетя Нина. Так почему бы не в Москву?

— Времена-то какие, как ребенка одного отпускать? — сказала Лидия Павловна.

— Да, времена паршивые, — согласился Игорь. — Может быть, не Москва, может быть, Подмосковьё. Филиалы столичных вузов теперь там в каждом крупном городе. Можем перебраться в любой. Я к месту не привязан. Вот только сельский домик хотелось бы сохранить поблизости. На продажу его готовил, а так сроднился...

— Твой дом — это точно филиал рая. Я его полюбила с первого взгляда, — поддержала Лена. — Все обдумаем. Все будет хорошо.

На этом конструктивная часть разговора была исчерпана. Родители поняли: заезжий краснобай пока не женится на дочери, не забирает от них ее и внучку, и они должны быть за это скорее благодарны.

Остаток дня прошел в мирной беседе. Игорь тонко отдал инициативу родителям Лены. Валентину Юрьевичу было комфортней рассказывать самому, чем задавать вопросы профессиональному болтуну. У того на все имелся быстрый и четкий ответ, что раздражало.

Пили мало. Лена составляла компанию отцу и матери, даже провозглашала тосты, но непьющий край стола расхолаживал. Игорь с Ленуськой чокались газировкой и минералкой и важно рассуждали друг с другом о «букете», «послевкусии» и возможных похмельных реакциях. Дед был поражен: еще вчера казавшаяся излишне взрослой внучка вела себя как ребенок. «Недодурачилась...» — понимал он, вспоминая недобрый словом зятя.

Вечером проводили старшее поколение до остановки, а когда вернулись, Лену стало клонить в сон. Она хотела немного полежать, но Игорь посоветовал расправить

постель и уже спать по-настоящему, посуду и прочее они с Еленой Олеговной, люди трезвые, возьмут на себя.

Лена думала, что проснется среди ночи, но проспала до утра. За окном светилося нечто серенькое, Игоря рядом уже не было. С кухни доносился аромат кофе.

Пошла на запах и увидела любимого мужчину собравшимся в дорогу.

— Разве это два дня?! Всего один.

— Как считать. Я прилетел шестого, а улетаю восьмого. Самолет в одиннадцать.

— Я поеду провожать!

— Не надо. Самолет не поезд. Зарегистрируешься и час бродишь, как дурак. Потом на полчаса засунут в холодный накопитель. Когда и куда махать платочком? Не надо. Вызову такси, и попрощаемся. Ведь ненадолго — два месяца всего.

И он улетел.

Сказать по правде, только после этих дней, проведенных как будто в другом измерении, Лена выдохнула и начала робко верить, что все получится. И все получилось. Была и заснеженная Москва с театрами и музеями, и солнечная Анапа со своими пляжами — галечным и песчаным, и лето в Долгушине, где дочери опять доверили секрет — неподражаемую Регину. А потом были бухгалтерские курсы, переезд и поиски работы. В конце концов все наладилось. И с Ленуськиной учебой тоже.

Они жили счастливо и умерли в один день. Заснувший камазист вылетел на встречу и просто смял их автомобиль.

Десятилетнего Севы в машине не было. Осиротевшего мальчика взяла к себе сестра. Елена Олеговна в свои тридцать была успешна и пока одинока. Лингвист и математик, она создавала алгоритмы для поисковых и рекламных систем. Бабушек и дедушек в живых уже не оставалось. Последней ушла Лидия Павловна, совсем ненадолго пережившая мужа.

Всеволод, как всякий поздний ребенок, не отличался хорошим здоровьем. После гибели родителей на лето его отправляли к Регине, которая любила сына лучшего друга всем своим огромным сердцем. Она жила теперь на Черном море, в доставшемся ей по наследству фамильном доме — большом, каменном, по-балкански мрачном. Открыла пекарню, и дела у нее шли неплохо. Стихи она писала по-прежнему. Однажды ненадолго прославилась: ее песню «Мой князь, познай косматую рабыню...», бродившую по Интернету в авторском исполнении, спела модная эстрадная дива. Спела бесконечно плохо, подвывая и изображая дикую страсть, которой в тексте просто не было. Песня крутилась на многочисленных радиостанциях, а Регина не знала, куда спрятаться от этой пошлости и что делать, ведь ее согласия никто не спросил. Бойкие журналисты раскрутили скандальную историю, певица даже перечислила Регине Тоновой некоторую сумму, а вопрос с авторством решился сам собой: «звезда» быстро вышла из моды, и вчерашний хит был забыт.

Разумеется, никто не создавал комиссию по литературному наследию И. Т. Игнатьева. Лена и Сева, разбирая библиотеку родителей, находили совершенно неожиданные издания из девяностых. Возможно, к написанию этих текстов приложил руку Игорь. Его детская книга постоянно переиздавалась за рубежом и приносила небольшой доход. Писатель Рябинин по-прежнему утверждал, что прожить литературным трудом невозможно, однако оговаривался: «Одному моему товарищу это удавалось».

От Лены не осталось ни книг, ни песен, ни даже поучительных семейных преданий, только необыкновенно светлое чувство у всех, ее знавших. Она любила и была любима.

Алексей КУРЕНЁВ

ТРИНИТАРИУМ

Рассказы

Алексей Куренёв — заочник Литинститута, где я веду творческий семинар прозы. Он не столь уж юн. Родился в Самаре. Окончил Ульяновское высшее военное инженерное училище связи, уволился из армии в звании старшего лейтенанта. Ему есть о чем писать.

Живет он в славном городе Челябинске, важном литературном объекте так называемого «уральского треугольника» (Пермь, Екатеринбург, Челябинск). Принимает участие в организации литературных фестивалей, публикуется в сборниках, альманахах, журналах. Его «бытовые» рассказы ясны, лаконичны, хорошо сделаны. Но многое у него еще впереди. Он все время что-то ищет и временами находит.

Тринитариум, как утверждают ученые люди, это симбиоз трех Начал Вселенной, который представляет собой спектр энергийных Сил Осуществления, то есть динамику Идеи, Времени и Пространства или динамику Ментального, Астрального и Физического Миров.

Я в отличие от Куренёва эту терминологию понимаю с трудом, но очень рад, что уральского мужика заинтересовали такие сложные материи, на основе которых он пытается строить свою новую прозу. Это ведь не реализм окружающей нас обыденной жизни, от которой все мы, признаться, немного или сильно подустали. Хороших писателей мало. Куренёв уже занимает свое место в современной литературе, и я с любопытством слежу за тем, что с ним будет дальше.

Удачи!

Евгений ПОПОВ

БОЛЬ И ВРЕМЯ

Боль... Три буквы... Мягкий знак... — Слово!

Означающее миллионы импульсов нервной системы прямо в таламус — центр боли мозга. А это есть суть природы человеческой, с рождения. Разбитые коленки, ссадины, занозы, ожоги и бесчисленное множество болевых ощущений с детства заставляют наши нервные окончания работать.

Такой Боли Он никогда не испытывал. Жизнь в одночасье разделилась надвое: до Боли... и после...

Смерть мамы сводила с ума. Уже сама мысль о том, что больше не поговорит с ней, не увидит ее и что никогда она уже не погладит его по голове и не обнимет, терзала душу, ожесточала сердце. Он вдруг понял: все, что ранее знал и слышал о Боли — лишь намеки, отзвуки и не более, какие-то легкие ипостаси Боли. Именно сейчас ему приходится испытывать ту, самую настоящую, самую страшную Боль.

Боль высоковольтной дугой, сжигающей предохранители, отключила в его организме все чувственные функции. Подсознание замкнулось на одном: больно, очень

больно. Он напоминал оленя, лежащего на боку с недорезанным горлом, из артерии которого еще была красным родником уходящая жизнь, а трахея сипела и клокотала от потуги что-то прохрипеть, но звуки сливались в шипение и бульканье пульсирующего, уносящего жизнь потока.

Все тело изнутри отзывалось Болью. Каждый, жизненно важный, вдох прорывался через легкие, скованные невидимыми постороннему глазу оковами. Раз за разом он собирался с силами, гасил источники Боли, преодолевал нежелание дышать этой Вселенной, наполненной миазмами.

Но пока он жив... Вынужден дышать. Через силу выдыхая углекислый газ, исходящий из его апатичных клеток, парализованных Болью, он долго не мог осознать всю тяжесть от потери самого дорогого человека и мог часами смотреть в одну точку. Иногда эта точка смещалась или исчезала вовсе, и тогда он выходил на улицу и шел куда глаза глядят. Ледяной кашицей причмокивали ботинки, холодный весенний ветер пронизывал насквозь, но он упорно шагал, ведомый дорогой, как бывалый пилигрим к месту паломничества, но так и не доходил до своей Мекки.

Иногда эта прогулка заканчивалась через несколько километров. И тогда, очнувшись, он, растерянный, встряхивал головой и, озираясь по сторонам, понимал, где находится. Но иногда прогулка завершалась только под утро, в незнакомом ему месте окружной дороги, асфальтовой змеей, огибавшей город. Промокшим, грязным возвращался он домой, в бессилии падал на кровать, в полусне обнимая мокрую от слез подушку, забывался.

А Время, Время неустанно двигается вперед, вершит свое. И кто бы что ни говорил, Время всегда ощущается живым. То оно скачет, как мальчуган наперегонки с тенью, а то, как застывший стоп-кадр на экране, тянет паузу до последнего, до мига, когда уже нельзя не вздохнуть.

Боль, напоминающая цунами, крушащее все на своем пути, разрушила главный его жизненный стержень, заслонила горизонты его сознания, а с ним весь окружающий мир, с его маленькими радостями и маленькими горестями, оказалась всего лишь ничтожной песчинкой в руках Времени играющего в куличики...

Но ход Времени не остановить. Оно становилось старше, игра в догонялки с тенью уже не забавляла Время, которое все больше ускоряло свой бег. Горный ручей, превращающийся в бурный поток окружающего мира из песчинки, из точки, начинал возвращаться к каким-то привычным, давно забытым своим размерам, размерам до... До Боли...

Время, набирая привычный ритм, покрыло его рану саднящей коркой. Однако не затянуло, не залечило. Не восстановилась и его тяга жить, быть в состоянии стрелы, несущейся к цели. Не хватало сил душевных, не пришла уверенность шагать к недостижимым вершинам. Состояние бессилия угнетало его одинокую жизнь. Ему катастрофически не хватало тепла, такого простого человеческого тепла, внимания близких людей, которое могло бы вернуть из небытия, натянуть тетиву, выстрелить, обрести.

Однажды он, содрогнувшись, поймал себя на том, что навязчиво, как пес, потерявший своего хозяина, вглядывается в прохожих, пытаясь увидеть в их нахмуренных лицах искорку доброты, сочувствия и понимания. А он так искал в этом каменном лесу домов и просеках улиц, выпрашивал у них хоть кусочек, хоть какой-то живой отклик, хоть каплю человеческого участия. И не нашел. Прохожие отводили глаза, шли мимо, уткнувшись взглядами в грязно-ледяные тротуары.

Сомнамбулические прогулки «в никуда» почти прекратились. Теперь он выходил из квартиры только по необходимости — купить продукты или оплатить коммуналку.

Ночи по-прежнему являлись для него наказанием, по-прежнему долгими, по-прежнему бессонными. Коротая их, он часто срывался в молчаливый истерический плач, который старался зажевать все той же подушкой, время от времени проглатывая комок слез.

Время ускоряло и ускоряло свой петляющий бег, вбирало в себя переживания, разлитые по квартире, и принесло в мир лето. Все пошло своим чередом.

«Девушки прекрасны в своих воздушных платьях» — мысль обдала его. Мир ворвался в него, сидящего на скамейке в парке, оглушил гаммой звуков, вцепился сотнями мелочей, созерцая которые он заново открывал их для себя. По-новому. Удивленно переводил взгляд из стороны в сторону: то одно, то другое тянуло его внимание, поражало, влекло его к себе новыми гранями.

«Трава — такого сочного салатного цвета! Вот со знанием дела двигалась колонна трудяг муравьев, неся былинки. Вот стрекоза празднично умчалась куда-то ввысь, покрыв жив рядом», — проследив направление ее полета, запрокинул голову и увидел небо...

Небо, напрочь, до самой дали, разорвав своей бирюзой лоскутное одеяло облаков, такое высокое, такое бесконечное и такое огромное, от края и до края. И наполненность эта передавалась всему живому. Глубокий вздох... Выдох...

Ощущение лета, бурлящего по венам, не проходило.

Впервые за долгое время он шел по дорожке парка в ногу со временем, смотрел на залитое бирюзой небо и улыбался.

ВОДА, Я И ТЬМА

Вода — это жизнь... Жизнь без воды была бы невозможна, по крайней мере в той форме, которая общеизвестна.

Вода — бинарное неорганическое соединение, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Вода, как сама жизнь, всепроникающая, всеобъемная, может принимать любую форму, может растворять разнообразные вещества, может находиться в трех состояниях, может отдавать и принимать большое количество тепловой энергии, может хранить колоссальное количество информации, может реагировать на вибрации и частотные воздействия, начиная от звукового спектра и заканчивая малоизученными диапазонами частот. Вода умиротворяющая. Вода — проекция, производная Света. Вода... может...

Тьма — отсутствие света. Тьма поглощает фотоны. Однако Свет не может поглощаться беспредельно. Любая энергия не может быть создана из ничего или уничтожена, возможно только преобразование энергии из одного вида в другой. Тьма рано или поздно начинает испускать энергию в виде инфракрасного излучения. Тьма бывает яркой. Она светится на частоте, которую человек не может видеть. А еще Тьма — безличный, непсонифицированный антагонист многих эпических литературных произведений.

Кто-то мне недавно сказал, что тьма — это тоже свет, только другой. А я в ответ согласился, наверное, это так, ведь сатанисты¹ говорят: вы идете к Богу, к Свету, и мы идем к свету, только у нас свет другой — темный, но все пути ведут к Богу.

¹ Верховный суд РФ признал деятельность Международного движения сатанизма экстремистской.

Мы все изначально зарождаемся с искрой Света и во Тьме, и тела наши уходят во Тьму, выпуская искру Света. Цикл неразрывен, он повторяется тысячелетиями.

Она отказалась от меня, когда мне была всего неделя. Но я помню. Помню руки приемной мамы. Ласковые, добрые. Помню мамин голос, с бархатинками.

Помню, как отказы стали частью в моей жизни. Помню всех тех, которые говорили, что любят, говорили о семье, говорили о детях. Помню, как они уходили, отказавшись от семьи, от детей, от меня. Уходили, кто тихо — по-английски, кто — хлопая дверью.

Вот и сейчас: она меня заблокировала. В мессенджерах, в телефоне, в социальных сетях... словно отказавшись от меня, не осилив дорогу ко мне, не поняв меня. Больно рубанув, ранив, почти убив...

Я лежу в ванной с выключенным светом.

Во Тьме. Руки парят вдоль тела, ноги покоятся под поверхностью Воды. Грудная клетка чуть стравливает воздух и заново его набирает. Вода залилась в уши. Странные ощущения. Фокус внимания смещается с дыхания — главное, не шевелиться. Проходит полчаса... я не чувствую рук и ног... час — есть только Я, есть только Тьма, есть только Я во Тьме. Нет времени... Нет пространства... Только свободное падение... во Тьму...

Кто Я?

Зачем Я?

Нет чувств... нет звуков... нет эмоций...

Есть Я и Тьма...

Тьма заползает в меня, тянет за собой, уносит в свою сторону... но Я начинает едва шелестеть, чуть бормотать, потом жарко шептать, затем вопить диким внутренним ором, словно молитву — Я и есть искра! А если есть искра — это уже Свет! А если есть хоть один фотон Света — Тьма отступает! А если в тебе много Света, Тьма бессильна!

Все по воле Его...

Зазвонил телефон...

МЫ. НАОБОРОТ

Мы. У нас все было наоборот в буквальном смысле. Шиворот-навыворот. Любовь, жизнь, смерть.

Вот, например, обычно как бывает? Парень читает стихи девушке, а у нас: она читала мне ночи напролет стихи. С чувством читала, будто хотела вселить любовь к ним, к ушедшим уже поэтам, и у нее получилось.

У нас все было наоборот. Она писала мне, что ненавидит меня, как бы говоря, что не может жить без меня, выражая свое одиночество со злостью, с остервенелостью и горечью. А я знал, что она любит, знал, что нет силы на земле, способной нас ото-

рвать друг от друга, и взирал на ее отповеди со спокойствием сфинкса. Просто знал. Так бывает, когда ты просто знаешь и тебе не нужны учебники, коучи, психологи, священники — ты просто знаешь, что она твоя, а ты ее, и что как бы ты ни барахтался, как бы ни пытался отплыть от нее — ты все равно окажешься рядом, пройдя через все жизненные водовороты.

У нас все было наоборот. Ведь предложение обычно делает парень, но я не успел, меня опередили — она. Неожиданно на прогулке, по нашему местному «арбату», не церемонясь, встала на одно колено и протянула открытую коробочку с кольцом, помолчала, а потом отрывисто, будто воруя слова, сказала: «Возьмешь меня в жены?»

У нас все было наоборот. После рождения дочери она с головой ушла в работу, ни минуты не сидя дома, носясь по симпозиумам, конференциям, форумам. Подгузники, кормление смесями по часам, бдения по ночам, походы в больницу, детский сад, школа — я пытался быть за двоих, иногда получалось.

Время от времени она присылала открытки и алименты. Будто говоря откуда-то издалека: я помню, что вы есть, я скучаю, но могу лишь то, что могу. Она была одержима докторской по философии. Докторская поглотила ее.

Провожающие оттеснили нас с дочкой к самой ограде кладбища. Мелкая противная морось подтверждала приход осени. Пахло промокшей, гниющей, опавшей листвой. Повсюду в руках краснели цветы, венки с траурными черно-красными лентами, белели лица с выражением скорби. Оркестр, игравший похоронный марш в голове колонны процессии, стих.

Многосотенное многолюдье многолазно и молча взирало на обряд погребения, лоя каждое движение, каждый звук. Почему-то ритуал напоминал спуск национального флага. Люди-флагштоки по углам могилы упруго и споро стравливали отрепетированными движениями веревки, обитый красным деревянный «флаг» скрылся в земле, публика облегченно выдохнула. Уходила целая эпоха: целая, цельная, жанна-дарковская. Затем толпа перманентно восторженно взывала эманациями гула, одобряя панегирики в честь усопшей. Пришедшие немного постояли. Начали расходиться.

Мы подошли к холму из венков и цветов, основание которого было из свежей земли, и долго молчали на безлюдье.

Слез не было.

У нас все было наоборот. А может, это и было по-настоящему?

К 140-летию Велимира Хлебникова

Сергей ВАСИЛЬЕВ

«МОЙ БЕЛЫЙ БОЖЕСТВЕННЫЙ МОЗГ Я ОТДАЛ, РОССИЯ, ТЕБЕ...»

Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников (1885–1922) — гениальный писатель-новатор, публицист, философ, футуролог, ученый, органично соединявший в своих исследованиях естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, — безусловная и признанная мировая величина. Публикацией, осмыслением и изучением его текстов занимаются филологи из США, Франции, Швейцарии, Нидерландов, Финляндии, Японии и других стран. Интерес к нему обусловлен не в последнюю очередь тем, что он центральная фигура русского литературного авангарда (а вероятно, и всего русского авангарда, включая разные виды искусства), один из ведущих участников главной футуристической группы «Гилея», кстати предложивший именно такое ее название в связи с упоминанием Геродотом Гилеи [Геродот 1972] — лесного массива и священной рощи — и обстоятельств рождения Скифа, сына Геракла, прародителя народа Скифии — Северного Причерноморья, важного пункта личной мифологии писателя.

Хлебников — всемирный. Но откуда взялся этот уникум? как формировалась его личность и творческие устремления? Насколько малая родина — калмыцкая степь и губернский город Астрахань, находящийся на пересечении торговых путей, культур и религий, — и Родина — Россия — отразились в его творчестве? какое место они занимали в иерархии ценностей? как соотносятся в его художественно и нехудожественно выраженном мировоззрении «всемирность» и «русскость»?

Все эти вопросы наверняка так или иначе возникают у читателей, почитателей и исследователей творчества Хлебникова, на них даны и даются, прямо или по умолчанию, различные ответы. Предварительно можно констатировать, что подлинно всемирным писатель может стать только в том случае, если в его стиле присутствует глубокая национальная основа — языковое богатство, фольклор, отечественная история, мифология, искусство, литературная традиция, ключевые для страны и народа общественно-политические, философские, религиозные вопросы и жизнестроительные ответы на них (подробнее см.: [Минералов, Васильев 2010]).

Сергей Анатольевич Васильев родился в 1972 году в г. Краснозаводске Московской области. Доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Главный редактор научно-просветительского журнала «Мир Шолохова». Живет в г. Раменское Московской области.

Не случайно всемирными стали такие писатели, которые были блестящими знатоками народной жизни и выразили в ее изображении проблематику, имеющую общечеловеческий характер: Гоголь, Толстой, Достоевский, Горький, Шолохов и другие. При этом упомянутая универсальная проблематика может быть выражена как средствами реализма, так и ирреализма, о чем писал академик П. Н. Сакулин. К этим последним, реализовавшим в своем творчестве ирреализм [Сакулин 1925: 87], или романтизм как один из «имманентных типов творчества» [там же: 86] (курсив авт. — С. В.), и, в частности, неоромантизм как важнейшую черту культурной эпохи Серебряного века [Минералова 2009], относится и В. Хлебников [Васильев, Кузовлева 2025].

Место появления на свет поэта установил А. Е. Парнис [Парнис 1976], посвятивший будетлянину около шести десятилетий своей жизни. Хлебников «родился 28 октября (по старому стилю) 1885 года в Зимней Ставке Малодербетовского улуса в Калмыкии, входившей тогда в состав Астраханской губернии» [Мамаев 2008: 7]. Отец писателя, видный орнитолог, создатель и первый директор Астраханского ордена Трудового Красного Знамени государственного природного биосферного заповедника, «Владимир Алексеевич Хлебников (1857–1934), служил попечителем Малодербетовского улуса управления калмыцким народом» [Старкина 2005: 14]. На месте рождения будетлянина (так себя называл Велимир) в 1992 году был открыт памятник работы заслуженного художника Российской Федерации С. К. Ботиева, изобразившего Хлебникова в полный рост с прижатой к груди правой рукой.

Степь, по образу поэта, «Конецарство», «Лебедия» [Хлебников 2020, т. 3: 164], с ее огромными просторами, богатой природой и древними изваяниями — каменными бабами, неизменно вдохновляла его (поэма «Каменная баба» и др.). Многие реалии Астрахани, ее истории, например захват города войском Степана Разина (Разин — одна из основных тем творчества Хлебникова), и современной поэту жизни, мирной и военной, революционной, стали объектом образного осмысления Велимира, о чем подробно писал краевед, создатель и первый заведующий Домом-музеем Хлебникова А. А. Мамаев (см. подробнее: [Мамаев 2008]).

Предвидя будущее сближение великих азиатских стран в их борьбе за свободу или, говоря современным языком, за суверенитет и национально-культурную идентичность, Хлебников писал в декларации «Индо-русский союз» (1918) о своей малой родине: «В Астрахани, соединяющей три мира — арийский, индийский и каспийский, треугольник Христа, Будды и Магомета, — волею судьбы образован этот союз» [Хлебников 2020, т. 6: 239]. Астрахань здесь — символ единой многонациональной и многоконфессиональной России, уникального государства-цивилизации, мысль о котором сегодня в общественно-политическом пространстве страны одна из определяющих.

Данное утверждение, сближающее Хлебникова с евразийством, которое он, кстати, значительно опередил и к которому никак нельзя свести его оригинальную философию [Парнис 2003], — элемент яркой, самобытной концепции, прямо перекликающейся с позднейшим глобальным антиколониальным движением XX века, в значительной степени инициированным и активно поддержанным СССР, да и с современной реальностью.

Любопытно противопоставление государств двух типов (внешне соответствующее доминирующим в эпохе общественно-политическим воззрениям о борьбе классов, но при собственной содержательной начинке): «Как и отдельные классы, государства делятся на государства угнетателей и государства поработанных. <...> К угнетаемым государствам относятся великие народы материка Ас<ц>у (Китай, Индия, Персия, Россия, Сиам, Афганистан). Острова-угнетатели, материки-угнетаемые» [там же: 239].

Согласимся, эти слова, написанные, как будто сегодня, звучат более чем актуально и злободневно. Политический расклад угадан практически абсолютно: ни об Антанте, союзническом блоке Первой мировой войны, последовательно ведшем Россию к поражению, ни об одной европейской стране не сказано ни слова. Сиам — Таиланд, но, вероятно, весь Индокитай, и в частности Вьетнам, один из нынешних союзников России. Такого рода идеи Хлебников высказывал и ранее, в канун Первой мировой войны. Его патриотические идеи и образы хронологически отнюдь не ограничиваются так называемым славянофильским (началом 1910-х годов) периодом его биографии и творчества, внимание на это пока обращалось недостаточно.

В статье «Западный друг» (1913) он писал: «На кольцо европейских союзов можно ответить кольцом азиатских союзов — дружбой мусульман, китайцев и русских» [Хлебников 2020, т. 6: 67]. И снова речи нет ни об Англии, ни о Франции, якобы, преимущественно формально, союзных России странах. Устойчивость русских в борьбе с Западом, главным военным тараном которого в начале XX века была Германия (название страны, возглавляющей антироссийскую коалицию Запада, с учетом современного геополитического расклада легко заменить), Хлебников объясняет особым этническим происхождением русских — не только славян, тем, что русские, что хорошо видно на примере ряда выдающихся представителей культуры Отечества, являются «немцеупорными»: «<...> русская народность только отчасти подлежит действию славянских законов. Имена Аксакова, Карамзина, Державина, потомков монголов, показывают, что именно это сделало их немцеупорными» [там же].

Как справедливо заметила биограф поэта С. В. Старкина, «Велимир Хлебников оказывается государственным в своих статья и утопиях» [Старкина 2005: 157]. Это важное наблюдение, конечно, требует продолжения — подробного и системного исследования этой государственнической, патриотической историософии и публицистики будетлянина, вклад которого в развитие русского национального сознания пока явно недооценен и подчас сводится к констатации его славянофильских или даже «шовинистических» воззрений в определенный, хронологически не очень значительный, период его жизни и творчества. Об этом пока написано очень мало.

С самых первых своих литературных шагов Хлебников ощущал себя русским, частью России, неповторимо, самобытно, в соответствии с законами своего художественного мира, об этом рассказывая. Таково его раннее стихотворение в прозе «Юноша Я — Мир» (1907):

Я клетка волоса или ума большого человека, имя которому Россия.

Разве я не горд этим?

Он дышит, этот человек, и смотрит, он шевелит своими костями, когда толпы мне подобных кричат «долой» или «ура». Старый Рим, как муж, наклонился над смутной темной женственностью Севера и кинул свои семена в молодое женственное тело.

Разве я виноват, что во мне костяк римлянина?

Побеждать, завоевывать, владеть и подчиняться — вот завет моей старой крови.

[Хлебников 2020, т. 5: 10]

Лирический герой произведения — часть России. В этом, казалось бы, нет ничего необычного. Однако основное в художественном тексте, как известно, не *что*, а *как*. Простая и близкая для многих идея выражена Хлебниковым с исключительной компактностью и емкостью. Герой не просто часть России — абстрактно, умозрительно, но вполне конкретно: «клетка волоса или ума большого человека, имя которому Россия» (здесь и далее выделено нами. — С. В.). Такой образ легко представить зритель-

но, художественно он очень убедителен. В нем органично соединены микрокосм (человек) и макрокосм (страна, мир) — философская модель, известная еще с античности и актуализированная в начале XX века П. А. Флоренским, для беседы с которым Хлебников в 1916 году ездил в Сергиев Посад.

Принадлежность к русскому миру вызывает законную здоровую гордость («Разве я не горд этим?»). Из нее никак не следует презрение к другим нациям и цивилизациям, наоборот, она объединяет народы, религии, культуры. Любовь к России органична, неотменяема, выше политической и иной конъюнктуры, она сохраняется, когда «толпы мне подобных кричат „долой“ или „ура“».

Россия — прямая наследница Рима, а Москва, как известно, Третий Рим (четвертому не бывать). Для художественного воплощения этой давно укоренившейся в отечественной культуре идеи Хлебников находит красивый, по стилю и лиризму близкий ранним гоголевским пейзажам, поэтический образ брачного соединения мужественного старого Рима и молодого, с юным женственным телом, Севера: «Старый Рим, как муж, наклонился над смутной темной женственностью Севера и кинул свои семена в молодое женственное тело».

С этим связана еще одна самоидентификация лирического героя, он римлянин: «Разве я виноват, что во мне костяк римлянина?» А значит, его миссия — «побеждать, завоевывать, владеть и подчиняться». Характерно, что писатель использует не три, а четыре глагола. В первых трех — «побеждать, завоевывать, владеть» — угадывается парафраз и дальнейшее развитие знаменитого латинского выражения, приписываемого Юлию Цезарю: *veni, vidi, vici* — пришел, увидел, победил. Хлебников как бы подхватывает финал высказывания и продолжает его, делая не просто скрытой цитатой, а собственным образом со своей мыслью. Последнее слово — подчиняться — совершенно хлебниковское. Оно полностью меняет смысл изначального цезаревского выражения. Цезарь, великий полководец, утверждает себя, свою силу и власть. Лирический герой Хлебникова тоже готов побеждать, но и подчиняться, то есть смиряться и *служить*, и, конечно, не себе, а прежде всего Отечеству, а в его лице и человечеству, о котором он, как известно, тоже думал и писал.

Язык, образность, проблематика произведений Хлебникова не могут быть поняты без учета контекста русского, славянского фольклора — сказок, былин, обрядовой поэзии, мифологии. Значительный вклад в осмысление роли славянской темы в творчестве писателя внесли А. Е. Парнис [Парнис 1978], Вяч. Вс. Иванов [Иванов 1986], американский славист польского происхождения Хенрик Баран [Баран 1993] [Баран 2002] и некоторые другие ученые.

С фольклором непосредственно связано одно из знаковых, широко известных и, по мнению самого поэта, важнейших, его стихотворений, ставшего «самым знаменитым произведением Хлебникова и самым знаменитым произведением всего русского футуризма» [Старкина 2005: 108] — «Заключение смехом» (1907), опубликованного в футуристическом сборнике «Студия импрессионистов» (1910).

Характеризуя художественную работу В. Хлебникова, цитируя это стихотворение, о. П. Флоренский писал: «Эта формальная разработка корня или нескольких корней имеет и некоторый, весьма скромный, логический смысл. Но производится она *не* ради него; она являет красоту звука, дает понять ценность самого материала речи — стихийную основу, из которой возникает и логическая речь, и тем острее заражает непосредственно-стихийным содержанием слова. Вот стихия улыбки, переходящая в смех <...>» [Флоренский 2000: 168] (выделено авт. — С. В.)

Напомним его начало:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!

[Хлебников 2020, т. 1: 207]

Закливание (заклятие, заговор) — фольклорный жанр, одной из особенностей речевой структуры которого является наличие глаголов в повелительном наклонении, направленных на заклинаемый объект. Такой объект — сами новаторы-футуристы (по-хлебниковски — будетляне) или, наоборот, их критики и недоброжелатели (такое прочтение тоже возможно) — смехачи, смеюнчики, смешики — в стихотворении присутствует. К ним обращены похожие на заклинательные формулы: рассмейтесь, засмейтесь, усмей, осмей. Новаторский текст строится на основе отмеченного самим автором приема — «писание словами одного корня» [Хлебников 2020, т. 6: 414], демонстрирующего возможности русского языка, его актива, его подзабытого прошлого (так, слово «смехи» употреблялось в литературе XVIII века, в частности в стихах Г. Р. Державина) и его громадного потенциала, который показывают неологизмы (см. о них: [Григорьев 1986], [Перцова 1995]).

Самое известное русское литературное заклинание — знаменитый плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», который, строго говоря, плачем, гореванием по усопшему не является: супруга князя Игоря как раз надеется на его возвращение, умоляя смилостивиться над его участью Ветер, Днепр, Солнце. Хлебников эпатажно, полемически дал образец не «заклятия слезами», а «заклятия смехом». О «Слове о полку Игореве», национальном героическом эпосе мирового значения, поэт упоминал в своих произведениях многократно.

Еще один вероятный источник этого текста, на который также еще не было обращено внимания, — живопись Ф. А. Малявина, о котором упоминали исследователи в хлебниковском контексте, а сам Велимир так характеризовал его в статье «Открытие Художественной галереи» (1918): «Дерзкий красочный мятежник Малявин, „Разин алого холста“ <...>» [Хлебников 2020, т. 6: 129]. Действительно, яркая, с многочисленными оттенками красного, цветовая палитра Малявина — подлинное открытие и визитная карточка художника.

Однако важно учесть, что прославился живописец своим сначала отвергнутым отечественными академиками, а потом произведшим сенсацию на всемирной выставке в Париже полотном «Смех» (1898), с выраженным фольклорным колоритом, бессюжетностью и экспрессией, за которое художник был удостоен золотой медали. Назовем другие работы Малявина разного периода, как правило ранние, на соответствующую или близкую тематику с характерными для его живописного стиля «смеховыми» деталями: «Бабы» (1899–1900, оставшийся в России эскиз к картине «Смех»), «Сдержанный смех» (1900-е годы), «Девка» (1903), «Баба в желтом» (1903), «Вихрь» (1906), «Смеющаяся девушка» (1910) «Деревенский танец» (1920), «Смеющаяся баба» (1939) и др. Хлебников глубоко интересовался живописью, сам хорошо рисовал, входил в литературную группу кубофутуристов, ориентированных на художественное объединение «Бубновый валет», знал творчество Малявина и, очевидно, нашумевшую историю с его «Смехом». Так что в таком следовании за изобразительным искусством нет ничего удивительного. Он автор программного тезиса: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью» [Хлебников 2020, т. 6: 179].

О картине Малявина «Смех» современный искусствовед пишет: «Малявин, как маленький мальчик с сачком, ловит волшебную вечно ускользающую бабочку нашего

внутреннего ритма, определяющего весь строй русской культуры. <...> Смех — это выражение внутреннего ритма человека. Смех — это „легкое дыхание“, то, что существует как парадокс радикальной отстраненности и одновременно вовлечения. Нет ничего жизненнее сверхжизни смеха. Смех не витален, а мистериален, ибо связан не с природой, а с человеком» [Ростова 2024]. Отмеченные витальность и мистериальность присутствуют, конечно, и в «Заключении...» Хлебникова, обусловленные богатством русского языка, фольклора, литературы и живописи.

У Хлебникова есть еще одно широко известное и в прежние времена вызывавшее много критических отзывов раннее стихотворение, напечатанное в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1913), тоже одно из важнейших, по его мнению, и действительно очень характерных для его стиля, которому свойственно такое явление, как заумь:

Бобэ́бби пелись губы,
Вээ́бми пелись взоры,
Пиэ́эо пелись брови,
Лиэ́ээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзэ́о пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

<1908–1909>

[Хлебников 2020, т. 1: 197]

К этому произведению существует, как минимум, несколько ключей. Во-первых, оно содержит портрет, созданный хотя и авангардистски, но вполне считываемый. На нем зафиксированы *губы, взоры, брови*, весь *облик*, этот портрет, скорее всего, женский, так как на модели присутствует украшающая ее *цепь*, цепочка («Гзи-гзи-гзэо пелась цепь»). К этому аспекту синтеза слова и живописи в данном произведении мы вернемся чуть позже.

Во-вторых, поэт реализует отмеченное самим автором «живописание звуком» [Хлебников 2020, т. 6: 414], то есть его образ имеет синестетический характер, внутреннее связывает представления, формируемые различными органами чувств, что было характерно для литературного стиля культурной эпохи Серебряного века (ср.: стихотворение В. Я. Брюсова «Творчество»).

Комментаторы собраний сочинений В. Хлебникова Е. А. Арензон и Р. В. Дуганов привели авторскую заметку, в которой дается пояснение к стихотворению: «Еще Малларме и Бодлер говорили о звуковых соответствиях слова и глаза, слуховых видениях и звуках, у которых есть словарь. <...> Б имеет ярко-красный цвет, а потому губы — бобэббми; вээоми — синий, и потому глаза синие; пиээо — черное» [Арензон, Дуганов 2020: 470]. Поэт даже составил краткий словарик соответствий звуков и цветовых значений. Замечательно, что Хлебников, как бы помогая исследователям своего творчества, четко указывает на своих предшественников: французских символистов Малларме и Бодлера. Стихотворение второго «Соответствия», а также программное произведение последователя Бодлера Рембо «Гласные» («А — черный; белый — Е; И — красный; У — зеленый...», пер. Е. Бекетовой [Рембо 1982: 85]) — еще один ключ к «Бобэббми...» ([Мамаев 2008: 183–201]). С такого рода контекстом использованная поэтом заумь становится, во всяком случае в значительной степени, вполне «умной», понятной, к чему и стремился Хлебников, объясняя само слово заумь через значение приставки «за» на примере слова *Задонщина* — *за* Доном и ему подобных.

Однако загадки стихотворения на этом не заканчиваются. Оно обладает очень богатой внутренней формой (подробнее см.: [Минералов 1999]), то есть способностью воспроизводить все новое разноаспектное содержание.

Вернемся к синтезу слова и живописи, созданному в «Бобэбби...» портрету (подробнее см.: [Васильев 2015: 300–306]). Каждая из пяти составляющих портрета «поется», имеет свою роль, изображается в одном из пяти стихов («пелись губы», «пелись взоры» и т. д.). Петься, по словарю В. И. Даля, значит «быть пету или поему» [Даль 1994, т. 3: 668]. Поэтому губы, взоры и т. д. являются не столько сами «действующими» (хотя и такое толкование возможно [Даль 1994, т. 3: 668]), сколько предметом пения, воспевания, прославления, вдохновляющими на пение.

Прообразом такого «пения портрета» могло быть богослужение, например молебен перед иконой (конечно, профанированные). Не случайно и наименование изображенного «на холсте» — Лицо — дано с прописной буквы (аллюзия на именование Бога, Единого в трех Лицах-ипостасях). Так рисуется горний мир мистерии. В последних двух строках стихотворения «холст» оказывается метафорой — это «холст каких-то соответствий» (аллюзия на упомянутое стихотворение Ш. Бодлера «Соответствия», использованная в мистериальном по характеру образе). Тогда изображенный вначале облик мог быть не живописным, а вполне «настоящим», а «холст соответствий» — это второй, скрытый, мистический план обрисованного облика или портрета.

Изображенное Лицо «жило» (реально существовало или, как минимум, производило впечатление живого) «вне протяжения», то есть вне пространства, в идеальном мире, одновременно проявляя себя в виде материально данного живописного облика. Такая обрисовка мистического Лица — еще один аспект словесного изображения иконы, в данном случае — древнерусской. Именно ей свойственна как бы одновременность многих точек взгляда на лик, предмет изображения, исключающая натуралистичность и передающая его живость, мистическую глубину, принадлежность иной, высшей реальности. Эти особенности классической древнерусской иконы, закон обратной перспективы, раскрыл современник Хлебникова Павел Флоренский [Флоренский 2000: 46–103].

Итак, «заумное» стихотворение «Бобэбби пелись губы...» содержит не только эпатаж или модную в начале XX века синестезию, культивируемую французскими и русскими символистами, у которых в свое время учился Хлебников. Это глубокое оригинальное авторское произведение с мистериальной основой — результат синтеза зарубежной и русской литературных традиций, синтеза слова и живописи («облик» и его элементы), слова и иконописи («вне протяжения» «Лицо»), литературы и обрядовой стороны фольклора, православной культуры («пелись», а не пели).

Ошибочно думать, что весь Хлебников — сплошная заумь и эксперимент. В его творчестве нередки классические по ясности и гармоничности строки и образы, иногда — целые произведения, как приводимое ниже четверостишие — завершённый текст, кстати перекликающийся с разобранным выше «Бобэбби...»:

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

<1911>

[Хлебников 2020, т. 1: 242]

Тема стихотворения — не просто смерть и ее внешние приметы, быть может, случайные (подробнее см.: [Васильев 2015: 277–281]). Смерть, понимаемая в правосла-

вии как «главное дело жизни» [Десницкий 2009] (существования), раскрывает ее сущность, обозначает основное. Речь идет не только о живых существах (солнца, строго говоря, к ним не относятся), но обо всей природе, о космосе. По мнению комментаторов, «диалектика жизни, смерти творчества в этом стихотворении развивает античную диалектику стихий — мировых первоначал. Ср. Гераклит <...>: „Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля — смертью воды“, а также Платон («Тимей»): „...Огонь, стусившись и угаснув, снова приходит в виде воздуха, а воздух опять собирается и сгущается в облака и тучи, из которых при дальнейшем уплотнении изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням. Так передают они друг другу круговую чашу рождения“» [Арензон, Дуганов 2020: 482].

Эта важнейшая аналогия («дышат» — воздух, «сохнут» — вода, «гаснут» — огонь) не может быть исчерпывающей. Люди, живущие на земле, с их песнями в самые ответственные моменты жизни, не «сливаются» с четвертой стихией — землей (в данном случае не названной, возможно, из-за того, что она прямо ассоциируется со смертью). Да и в целом поэты интересуют не космические стихии сами по себе, а то, как они определяют сущность жизни, духа и физического тела.

Ключевым и одновременно противопоставленным предыдущим является образ последней строки. Песни (синтез слова, музыки, исполнения и т. п.) в контексте творчества В. Хлебникова сущностно связаны с человеком, его природой и предназначением, они представляют собой также максимальную степень осмысленности и действительности слова. Песня также — средоточие русской национальной духовности. Важный компонент внутренней формы — единственный раз использованное «они» в третьей строке, которое, казалось, ничего не добавляет к образу идеи произведения (ясно, что гаснут именно «они», то есть солнца). Однако в четвертой строке отсутствие отмеченного местоимения позволяет значительно расширить понимание образа и стихотворения в целом.

«Петь песни» могут люди, когда они сами умирают, а также в память о них, как бы напутствуя их, — другие люди. В этой связи ключевыми оказываются обрядовые и литургические ассоциации (например, особые заупокойные литургии, панихиды, обычай чтения Псалтири над усопшим и т. п.). Молитвенное, песенное слово, раскрывающее человеческую сущность, являющееся ориентиром на пути к вечности, вбирает в себя обозначенные ранее смыслы, намечает не только космический масштаб художественного мира произведения, но и его «замыренный», вечный план. Все эти стилевые особенности произведения прямо продиктованы национальной литературной (в данном случае — поэтическим диалогом со стилем Ф. И. Тютчева) и в целом национальной культурной традицией, значительной частью и продолжением которой, несомненно, является наследие будетлянина. Эти глубокие связи творчества и мировоззрения Хлебникова с отечественной культурой, тысячелетним путем русской литературы нуждаются в дальнейшем и системном изучении (о традиции М. В. Ломоносова см.: [Угоп 1981], о державинской традиции: [Васильев 2012], о теме А. С. Пушкин и В. Хлебников: [Терехина 2022] и мн. др.).

В. Хлебников, конечно, не только лирик, но и, как доказал Р. В. Дуганов [Дуганов 1990], один из крупнейших эпических поэтов начала XX века, запечатлевший в своих произведениях разных жанров: в поэмах, драмах и содержащих многие стихотворные фрагменты «сверхповестях» — придуманном самим автором новом синтетическом универсальном жанре — трагические и великие события истории России: Первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну. Главные крупные

итоговые произведения позднего периода творчества: поэма «Ладомир» и сверхповесть «Зангези». Последняя была недавно научно издана и прокомментирована А. А. Россомахиным [Хлебников 2021]. Обратимся к первой.

Поэма «Ладомир» (1920, 1922) содержит глубокую художественную концепцию революционной эпохи, но и программу трансформации, преобразования, обожения всего человечества, это поэма-мистерия, поэма-утопия и поэма-пророчество (подробнее см. [Васильев 2015: 133–190]). Значение слова ладомир подробно прокомментировал выдающийся велимировед В. П. Григорьев [Григорьев 1986: 175–181]. По его пояснению, «это слово воспринимается как яркий хлебниковский неологизм с примерным значением „будущая мировая гармония“; „мировое здоровье“; имя мира, в котором осуществились мечты человечества» [Григорьев 1986: 175]. С. В. Старкина писала о ладомире: «К воплощению этого понятия Хлебников стремился всегда: и называя себя Велимиром, и основывая общество Председателей земного шара, и мучительно размышляя над „законами времени“» [Старкина 2005: 332].

Ладомир в поэме не абстракция или умозрительно сформулированная идея. Поэт всеми силами своего дарования пытается этот ладомир (светлое будущее) приблизить, сделать его реальностью. Для этого в произведении резко усилено заклинательное начало, в камерном применении наблюдавшееся нами в раннем стихотворении «Заклятие смехом». А заклинание (заговор) обычно имеет двучленную структуру: он называет, что именно заклинается и по образцу чего должно осуществиться желаемое действие.

Этому хорошо соответствует двучленная композиция хлебниковского слова *ладомир*. Так, «лад» предстает как модель, образец, а «мир» — как то, что должно отождествиться по смыслу с моделью, став «ладомиром». Приведем другую логическую возможность композиции слова — «миролад», где смысловой основой будет уже «лад», «лад в мире», а не «мир, пришедший к ладу». Внутренняя смысловая напряженность слова ладомир объясняется удаленностью составляющих его понятий и вместе с тем заданным их отождествлением.

Контекст поэмы — изображение заклинания, призывов заклинать, пророчеств и т. д. — позволяет судить и о способе отмеченного воздействия лада на мир. Этот «способ» — слово, и прежде всего слово заклинающее. С культурной эпохой не только поэму в целом, но и ее заглавие тесно связывает жизнетворческий пафос — чаяние и итог интенсивно представленной заклинательности.

Подчеркнем, что речь не идет о магии, тем более черной, а о художественных возможностях литературы. Более того, формируя образ будущего, поэт системно обращается к православно-христианской культуре и ее словесным жанрам: Священному Писанию, тропарям, кондакам, молитвам и т. д. Эти связи стиля Хлебникова с русским православием должны стать объектом дальнейшего глубокого анализа филологов (из чего отнюдь не следует необходимость натяжек в плане интерпретации религиозных аспектов мировоззрения будетлянина). Богатый материал по данной теме собран Л. Л. Гервер [Гервер 2012], однако он нуждается в подробной литературоведческой интерпретации.

Обратимся к ключевому фрагменту начала поэмы «Ладомир», многократно дополняемому и варьирующемуся на протяжении всего произведения, своего рода лейтмотиву, имеющему особую смысловую нагрузку:

Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,

Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять.

[Хлебников 2020, т. 3: 206]

Первая из приведенных поэтических строк своим источником имеет пасхальный тропарь: «Христос воскресе из мёртвых, / *смёртию смерть* поправ, / и сущим во гробех живот даровав» [Православный сборник 1991: 294]. Общая, в основе своей религиозная, проблематика победы над смертью делает такое обращение стилистически мотивированным. Дважды употребленное слово *смерть* уже зрительно, графически наминает праздничное пасхальное песнопение.

В смысловом отношении в этом и подобных случаях создается заостряемая текстовым сближением словоупотреблений антитеза — характерный прием организации семантики церковнославянского языка, свойственный как древнерусской литературе и литургической поэзии в целом, так и стилю «плетение словес» по преимуществу, кстати, как и стиль Хлебникова, изобилующий неологизмами, но, конечно, по-иному функционирующими. Д. С. Лихачев отмечал свойственную древнерусской орнаментальной прозе, имеющей многовековую традицию, «стилистическую бинарность» и ее особую роль в раскрытии содержания произведений: «Наиболее часто в стиле „плетение словес“ участвует удвоение понятия: повторение корня слова, соединение двух синонимов, противопоставление двух понятий и т. д. Принцип двойственности имеет мировоззренческое значение в стиле „плетение словес“. Весь мир как бы двоится между добром и злом, небесным и земным, материальным и нематериальным, телесным и духовным. Поэтому бинарность играет роль не просто стилистического приема — повтора, а противопоставления двух начал в мире» [Лихачев 1979: 126–127].

Антитеза, на которой строится семантика приведенного фрагмента из «Ладомира», состоит в противопоставлении и сопоставлении частного и общего: конкретная, частная, человеческая смерть Богочеловека (и Его Воскресение) уничтожает смерть как таковую, саму ее природу. Эта антитеза строится на другой, основной для тропаря и в целом для церковно-книжной литературы антитезе «смерть» — «живот» («воскресе из *мертвых*», «сущим во гробех живот даровав»). Неразрывная связь этих ключевых понятий фиксируется и в некоторых выражениях, отмеченных В. И. Далем: «Человек родится на смерть, а умирает на живот, на жизнь» [Даль 1994, т. 4: 285].

В произведении В. Хлебникова значение дважды в строке употребленного слова *смерть* тоже конкретное и абстрактное. В первом случае это смерть как таковая вообще. Образ дан через олицетворение («будет ведать сроки»). Второе значение («сроки смерти») — конкретная смерть «природной» смерти. Присутствует и антитеза «смерть — жизнь», где значение «жизнь» создается через свою противоположность — «смерть» («сроки смерти» Смерти). Возможности семантики слова используются чрезвычайно продуктивно, что достигается прежде всего благодаря опоре на богатейшую традицию церковной поэзии и древнерусской литературы.

«Пророки» в изображении В. Хлебникова «изгонят ять», то есть все в масштабах земли «отсталое и ненужное» (подобно отмененной реформой орфографии букве): образ продиктован недавней орфографической реформой, действительно «изгнавшей» ять из русского алфавита.

С приведенным анализом семантики хлебниковских словесно-звуковых образов вполне корреспондируют наблюдения Д. С. Лихачева, проясняющие истоки этих образов, в частности, касающиеся стиля «плетение словес»: «В сложных, многословных бинарных сочетаниях нередко используются одинаковые слова и целые выражения. Общность слов усиливает сопоставление или противопоставление, делает его в смысло-

вом отношении более ясным. <...> При этом стилистическая бинарность нужна не только для противопоставления, но и для объединения, для того, чтобы подчеркнуть всеобщность, полное распространение явления или понятия на всю область чувств, естества человека, на всю вселенную и т. д.» [Лихачев 1979: 127].

Отмеченные особенности словесно-звуковых образов В. Хлебникова, безусловно, должны были напомнить читателю одно из самых известных церковных песнопений, которое поэт тонко парафразирует. Вместе с тем важно отметить и то, что победу над смертью В. Хлебников понимает не в христианском православном ключе, через добровольную Жертву Спасителя и приобщение к Ней христианина. Эта миссия возлагается на само человечество, его интеллектуальное и духовное усилие. В этом отношении В. Хлебникова уместно сблизить с Н. Ф. Федоровым, главной темой философии которого была победа над смертью (как злом) через грандиозное усилие объединенного человечества и развитие науки. Согласно философу, «добро состоит в воскрешении умерших и в бессмертии живущих» [Федоров 1982: 608]; «Прежде человек значило смертный. <...> В строгом смысле человек не смертный, а сын умерших отцов, т. е. смерть мы знаем не в себе, а лишь по предшествующим случаям, смертный есть индукция, а не дедукция» [Федоров 1982: 612] (выделено автором. — С. В.).

Н. Ф. Федоров в этом случае как бы опровергает известный силлогизм формальной логики о смертности как свойстве природы человека, противопоставляя логике формальной логику в основе своей религиозную, своеобразную «логику абсурда», вроде афоризма Тертуллиана: «Верую, потому что невозможно». Напомним в этой связи важнейший хлебниковский образ «корня из нет-единицы» (минус единицы), строящийся на абсурдном с точки зрения математики допущении, который вполне точно и оригинально отражает мышление этого рода.

В статье «Наша основа» В. Хлебников высказывал следующую мысль, которая одному ему присущим путем приводит к особому отношению к смерти: «<...> есть закон рождения подобных людей. Он гласит, что луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает одно свое колебание в 365 лет» [Хлебников 2020, т. 6: 158]; «Сейчас, благодаря находке волны луча рождения, не шутя можно сказать, что в таком-то году родится некоторый человек, скажем, „некто“, с судьбой, похожей на судьбу родившегося за 365 лет до него. Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия» [там же: 159].

Еще одна очень существенная параллель с учением Н. Ф. Федорова состоит в том, что главный путь объединения человечества философ, как и поэт В. Хлебников, видит в создании единого всемирного языка: «...человек есть существо словесное <...> нужно объединение в языке всех народов, и объединение в языке не искусственном, как воляпюк и эсперанто, а в языке естественном, т. е. праотеческом. Лингвистика другого приложения, кроме выработки общего языка для всех народов, и иметь не может. Образование будет распространяться повсюду, и изучение своего и иностранного языка будет вести к познанию того, что в них есть общего, родственного, отеческого, праотеческого. В самой азбуке склады и слоги заменятся общими корнями и тем осмыслят их. Создавая таким образом общий язык, будем необходимо приближаться к языку праотеческому, который будет входить в употребление, однако, только по мере усвоения всеми людьми общего труда, трудом же этим может быть только дело отеческое» [Федоров 1982: 612].

В «Ладомире» же находим фактически поэтическое переложение федоровских мыслей (очередная вариация — продолжение заявленной еще в начале произведения

темы, реализующейся в данном случае, в частности, и через повтор однокоренного слова «смертные»):

Лети, созвездье человечье,
 Все дальше, далее в простор
 И перелей земли наречья
 В единый *смертных* разговор.

Люди также осмыслены как *смертные*, тем самым укрепляется уже намеченное ранее представление о смерти как главном враге человечества. Соотносимо с учением Н. Ф. Федорова дается и способ борьбы со смертью — «единый смертных разговор», то есть всемирный язык (а не просто абстрактное объединение человечества), сложившийся из мировых языков. Идеи построения всемирного языка подробно развернуты в ряде статей («Художники мира!», «Наша основа», «О современной поэзии») и художественных произведений В. Хлебникова («Зангези», «Ладомир»).

Вопрос о преодолении смерти не случайно так прочно связан с идеей построения всемирного языка или научного возвращения к языку праотеческому. Философ и поэт, переосмысляя религиозный догмат о всеобщем воскресении мертвых и втором пришествии Спасителя, «пророчествуют» и о «новой» Пятидесятнице, во время которой, как известно, Святой Дух сошел на Богородицу и апостолов, после чего последние чудесным образом заговорили на «всех» языках, чтобы проповедать учение Иисуса Христа всему миру. Разделение людей эпохи Вавилона, вдруг переставших понимать друг друга из-за возникшего различия языков, было таким образом преодолено Божиим даром. Всемирный язык Хлебникова и те усилия, которые поэт тратил на его создание, останутся непонятыми вне этого сакрального контекста. Реальное построение этого языка, точнее, «прочтение» скрытой смысловой основы языка естественного (на примере русского), будет означать и мистическое объединение человечества, важнейший шаг на пути к преодолению его падения, к обожению и раю, *ладомиру*, пусть и понятому утопически.

Вернемся к содержащему парафразис пасхального тропаря начальному фрагменту поэмы. Как видно из приводимого ниже продолжения цитированного выше четверостишия, слово «смерть» повторяется еще раз, соответствующий смысловой план имеет продолжение, а тема смерти и победы над ней получает еще одну образную вариацию:

В день *смерти* зим и раннею весной
 Нам руку подали венгерцы.

Переосмысляя тропарь и давая дальнейшее развитие теме, в частности упоминая о венгерской революции 1918 года, поэт как бы размыкает этот стилизованный им малый жанр, включает его в более крупную структуру — поэму. Приведенные художественные факты из текста «Ладомира», связанные с устойчивой и систематической опорой на литургическую поэзию и богослужебное действо в целом, позволяют сделать выводы о жанре и особенностях внутренней формы произведения — поэмы-мистерии (ср. с поэмой А. А. Блока «Двенадцать») — и о стиле писателя в целом. Роль православной культуры в творчестве Хлебникова, выросшего и сформировавшегося хотя и на перекрестке буддизма, ислама и христианства, но все же в православной стране, пока изучена явно недостаточно. Подчас эта тема (один из ключей к будетлянину) обходится молчанием и как бы не замечается.

Хлебников, при всей своей замкнутости и почти постоянной глубокой сосредоточенности, старался оказаться в гуще судьбоносных событий эпохи, подчас сильно рискуя попасть в опасный переплет, а то и с угрозой для жизни. Интуиция (или точный историософский расчет) привела его в Петроград осенью 1917 года, где он стал свидетелем Октябрьской революции. Свои впечатления от происшедшего он выразил в статье «Октябрь на Неве», напечатанной в 1918 году в астраханской газете «Красный воин». Мыслил Хлебников глобально, и революционная эпоха для него — повод начать реализацию давнего замысла: передать управление планетой творцам — изобретателям, а не корыстным приобретателям (одно из ключевых его противопоставлений), организовать Правительство Земного Шара (конечно, вне конкуренции с советской властью), пригласив войти в его состав наиболее авторитетных деятелей культуры разных стран.

Работая над постижением «законов времени», возможно, утопической целью, другими жизненно важными для мира вопросами, Хлебников хотел спасти человечество, ставил для себя мессианские задачи, и в этом его образ сближается со Христом [Хлебников 2020, т. 6: 618], с которым он себя, в ряду многочисленных прочих сравнений, числовых изысканий, сопоставлял. И все же в центре его служения не человечество, а Россия (Третий Рим, Удерживающий и т. д.). Об этом сказано в одном из поздних его стихотворений осени 1921 года, написанном в момент тяжелых душевных переживаний:

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.

[Хлебников 2020, т. 2: 288].

Себя, свои мысли («белый божественный мозг» — основное для философа), душу поэт *отдает* стране как спасительный хлеб (ср.: Хлебников), подобно христианскому таинству евхаристии, *Тела и Крови* Спасителя, *данными* для вкушения верующим под видом хлеба и вина. Глубокий символ, который никак нельзя заподозрить в кощунстве, символ сущностный и очень русский, ведь в центре русской культуры — Христос.

Литература

Арензон Е. Р., Дуганов Р. В. Комментарии // Хлебников В. В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Трикта, 2020.

Баран Х. Фольклорные и этнографические источники поэтики Хлебникова // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс, 1993. С. 113–151.

Баран Х. Фольклорная и древнерусская тематика в записных книжках Хлебникова // Баран Х. О Хлебникове: Контексты, источники, мифы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 323–386.

Васильев С. А. «Воин не наступившего царства» (Поэтический стиль Велимира Хлебникова). М.: МГПУ, 2015.

Васильев С. А. Державинская поэтическая традиция в стиле В. Хлебникова // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 151–164.

Васильев С. А., Кузовлева О. О. Стиль Велимира Хлебникова в контексте культурной эпохи Серебряного века: черты неоромантизма // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. № 2. С. 21–34.

Гервер Л. Л. Вероисповедание — православный // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 47–79.

- Геродот. История: В 9 кн. Кн. 4. Мельпомена. Л.: Наука, 1972. [Электронный ресурс] URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1269004000#5> (дата обращения 22.08.2025).
- Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, Универс, 1994.
- Десницкий А. Смерть — главное дело жизни // Татьяна день. 17.03.2009. URL: <https://old.taday.ru/text/176588.html> (дата обращения 28.08.2025).
- Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Сов. пис., 1990.
- Иванов Вяч. Вс. Славянская пора в поэтическом языке и поэзии Хлебникова // Советское славяноведение. 1986. № 3. С. 62–72.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.
- Мамаев А. А. Астрахань Велимира Хлебникова. 2-е изд. Астрахань: Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2008.
- Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999.
- Минералов Ю. И., Васильев С. А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2010.
- Минералова И. Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Парнис А. Е. Евразийские контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 299–344.
- Парнис А. Е. «Конецарство, ведь оттуда я...» // Теегин герл (Свет в степи). 1976. № 1. С. 135–151.
- Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л.: Наука, 1978. С. 223–251.
- Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М.; Vien: Hansen-Liove, 1995.
- Православный богослужебный сборник. М.: Издание Московской Патриархии, 1991.
- Ростова Н. Прозрения Филиппа Малявина. URL: https://zavtra.ru/blogs/prozreniya_filippra_malyavina (дата обращения 23.08.2025).
- Сакулин П. Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925.
- Старкина С. Велимир Хлебников: Король времени. Биография. СПб.: Вита Нова, 2005.
- Терехина В. Н. Хлебников и Пушкин-будетлянин // Velimir Khlebnikov. 1922–2022. One Hundred Years of a Myth. Bolonga: University of Bolonga, 2022. С. 135–146.
- Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982.
- Флоренский П. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 2000.
- Хлебников В. Сверхповесть «Зангези»: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации / Сост. и науч. ред. Андрей Россомахин. М.: Бослен, 2021.
- Хлебников В. В. Собр. соч.: В 6 т. М.: Трикста, 2020.
- Vroon R. Velimir Khlebnikov's «Khadži-Tarhan» and the Lomonosovian Tradition // Russian Literature. IX (1981). P. 107–131.

ДОН ЖУАН В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Вероятно, образ Дон Жуана в русской поэзии обязан своим возникновением двум источникам: музыке и литературе, опере Моцарта (1787) и творчеству зарубежных писателей: Мольера (1665), Гофмана (1812), Байрона (1819–1924), Бальзака (1830), Мериме (1834) и др. Этой темой интересовались многие авторы в разных странах: в Италии, в Испании, во Франции. Мы рассмотрим тексты, оказавшие влияние на русский образ Дон Жуана, сложившийся в XIX–XX веках.

А. С. Пушкин и «Дон Жуан» Моцарта

В русском языке фразеологизм «донжуанский список» отсылает к «донжуанскому списку Пушкина», написанному им самим в 1829 году в альбоме Е. Ушаковой и впервые опубликованному в «Альбоме пушкинской выставки» 1880 года. Список состоит из двух столбцов: в первом помещены имена женщин, вызвавших сильное любовное чувство, во втором — мимолетные увлечения. Примечательно, что слово «список» (*la lista*), трижды повторяется в либретто оперы Моцарта «Дон Жуан», написанном Да Понте. Либо Пушкин готовил свой список, подобно оперному персонажу (о списке Дон Жуана пел Лепорелло), либо поэт пародировал какой-то неизвестный нам литературный источник. Например, в новелле Проспера Мериме «Души чистилища» есть эпизод, где Дон Хуан тоже записывает имена в два столбика: в один — женщин, в другой — имена мужей и их общественное положение. Но Пушкин не мог быть знаком с текстом Мериме, опубликованным только в 1934 году. Есть этот мотив и в пьесе Мольера, где Сганарель говорит о Дон Жуане: «...если бы я стал называть тебе всех тех, на ком он женился в разных местах, то список можно было бы читать до вечера».

Похвалой гению Моцарта стали две маленькие трагедии Пушкина: «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость»¹. Пушкин написал «Каменного гостя» в 1830 году (в тот же год эта тема увлекла П. Мериме), сразу после «Моцарта и Сальери», тем самым выразив и восхищение гениальной оперой, и желание, подобно Сальери, превзой-

---

Елена Оскаровна Айзенштейн — писатель, автор книг и статей о поэзии, посвященных творчеству М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, И. Бродского, Е. Шварц, О. Седаковой, А. Кушнера и др. Живет в Ленинградской области.

¹ Моцарт не был единственным, кто интересовался этим сюжетом. Он пошел по стопам Джованни Гаццаниги. Еще один оперный источник — опера Даргомыжского (1966–1869), написанная по «Каменному гостю» Пушкина (Друскин М. С. 100 опер). Даргомыжский не закончил оперу, Кюи завершил работу, а Римский-Корсаков в 1902 году написал увертюру. Первое исполнение состоялось в Мариинском театре в феврале 1872 года. См. также выразительную пьесу Ф. Листа «Воспоминание о Дон Жуане на темы Моцарта», фантазию для фортепиано 1841 года, музыкальную поэму Р. Штрауса «Дон Жуан», созданную по стихам Ленау.

ти ее автора, создав собственного Дон Гуана. Русская премьера оперы Моцарта «Дон Жуан» состоялась в 1828 году. Через два года Пушкин использовал итальянский эпиграф к своему «Каменному гостю», отсылающий к опере Моцарта. О «Каменном госте» в статье «„Каменный гость“ Пушкина» писала Ахматова, обратив внимание на выбор названия: не «Дон Гуан», а «Каменный гость». Ахматова считала это знаком отказа от нравочужения и обращения к «теме возмездия». Она отметила и то, что у Пушкина Дон Гуан — поэт (недаром наши поэты XX века так часто обращались к его образу). Ахматова указала, что Пушкин наделил Дон Гуана собственными биографическими деталями, то есть биографии поэта и персонажа совпали, например, оба знали, что такое ссылка. Пушкин перенес действие из Севильи (в черновике) в Мадрид. Ахматова так прокомментировала правку: «...ему была нужна столица». Возникающие параллели и ассоциации вполне прозрачны: Мадрид Гуана — Петербург Пушкина. «Пушкин сделал Донну Анну не дочерью, а женой Командора», — отмечает Ахматова. И, комментируя финал у Пушкина, пишет: «Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья», — проводя параллель между финалом «Каменного гостя» и повестью Пушкина «Выстрел», где главный герой оказывается перед угрозой жизни в самый счастливый момент ее. Ахматова убеждена в «лирическом начале» трагедии «Каменный гость», в наличии связи произведения с женитьбой Пушкина и с его чувством к Гончаровой. То, что Пушкин не печатал при жизни «Каменного гостя», для Ахматовой знак глубоко личных его переживаний и раскаяния в донжуанстве. «Итак, в трагедии „Каменный гость“ Пушкин карает самого себя — молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т. е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия», — пишет Ахматова. Таким образом, Пушкин — это и Дон Жуан, и Командор. Ахматова находит в «Каменном госте» «не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина».

В этом отношении пушкинское прочтение выгодно отличается, с ее точки зрения, от произведения Байрона, который раздробил свое создание «на несколько лиц мелких и незначительных». Права ли Ахматова в оценке Байрона, судить читателям, но его произведение действительно отличают необыкновенные длинноты, и этим оно проигрывает пушкинскому, равно как и своей незавершенностью. Как и Пушкин, Байрон поражался гению Моцарта и потому упоминал Моцарта в песне 11, в 47-й строфе, очевидно, Байрон имел в виду либо вообще музыку Моцарта, либо оперу «Дон Жуан»:

Мой Дон Жуан блистал по всем статьям:
 Пел, танцевал, играл в лото и в карты
 И волновал сердца прелестных дам,
 Как нежная мелодия Моцарта...

(перевод здесь и далее Т. Гнедич)

Оперу Моцарта считали величайшим произведением не только поэты, но и такие композиторы, как Россини и Гуно. У Моцарта это комическая опера, или, говоря современным языком, трагикомедия, которая сразу начинается с участием Донны Анны, Дон Жуана, Командора, ее отца и донна Оттавио. Во втором действии, в третьей сцене, Дон Жуан и Лепорелло встречаются на церковном кладбище перед конной статуей Командора. Статуя предупреждает Дон Жуана, что тот перестанет смеяться той же ночью. Дон Жуан велит Лепорелло пригласить статую на ужин. Дважды каменная статуя принимает это приглашение. В последней сцене оперы Дон Жуан видит Командора, который приходит на ужин, протягивает Жуану руку, велит покаяться. Дон Жуан отказывается, и тогда земля под ним разверзается. Но заключительной сценой

этот эпизод не стал. Моцарт завершает оперу своеобразным эпилогом, где рассказывает, что случится с остальными героями. В своей маленькой трагедии Пушкин отказался от моцартовской концовки. Любопытно, что в Праге на премьере 29 октября 1787 года эта последняя сцена исполнялась, а в Вене в 1788 году ее убрали. Возможно, Пушкин знал о венской постановке? Ему тоже захотелось убрать «веселую» концовку. У Пушкина последние слова произносит Дон Гуан, а затем они с Командором «проваливаются». Читателю понятно куда, Пушкин не стал этого уточнять.

А. К. Толстой: «памяти Моцарта и Гофмана»

Говоря о русском прочтении Дона Жуана, нельзя обойти молчанием новеллу Гофмана «Дон Жуан», написанную в 1812 году и опубликованную в 1813 году во «Всеобщей музыкальной газете». Свою драматическую поэму «Дон Жуан», написанную в 1859—1860 годах, А. К. Толстой посвятил «памяти Моцарта и Гофмана», указав источник своего вдохновения. Сюжет новеллы представляет собой отклик на постановку оперы «Дон Жуан» Моцарта (известно, что Гофман так любил Моцарта, что сменил одно из своих имен, Вильгельм, на Амадей). Молодой человек рассказывает своему другу Теодору о спектакле, который он посмотрел, перейдя в театр из гостиницы через специальный коридор (удобная услуга для приезжающих). Потрясенный спектаклем и игрой Донны Анны, после представления он снова пошел в театр в надежде увидеться с актрисой, исполнявшей роль Донны Анны. Новелла заканчивается сообщением о том, что актриса настолько сжилась с ролью Донны Анны, что умерла после исполнения роли. Новелла Гофмана утверждает: «Лишь поэт может понять поэта», опера Моцарта роднит человека с божественным началом.

Можно сказать, новелла Гофмана представляет собой рецензию на оперу «Дон Жуан», похвалу гению Моцарта. Видимо, все это дорого А. К. Толстому, создавшему большую поэму, состоящую из двух частей, с прологом и эпилогом. Пролог поэмы несколько напоминает «Фауста» Гёте. Там спор между Богом и Мефистофелем. Здесь — диалог между Духами Зла и Добра. Сатана хочет завладеть душой пятнадцатилетнего Дона Жуана. Духи Добра утверждают, что «сей Дон Жуан избранье есть Творца». Сатана, «дух неправды», хочет дать Дон Жуану возможность видеть любовь «без совершенства», женщину как она есть: «С отчаяньем в груди, со страстию во взоре / Небесное Жуан пусть ищет на земле / И в каждом торжестве себе готовит горе!» «Волосок», за который Сатана собирается управлять Дон Жуаном, — его гордость. После «Пролога» проходит 10 лет. Из-за одного случая с освобождением некоего пленного слугу Дона Жуана, Лепорелло, допрашивает святая инквизиция. Он говорит о своем хозяине:

Да с кем в интриге не был Дон Жуан?
Подумать страшно! Верите ль, сеньор,
Из сил я выбился носить записки
И на часах стоять то тут, то там.

Когда Лепорелло спрашивают, в кого влюблен его хозяин, Лепорелло отвечает: «В Донну Анну, в дочь Командора Дон Альвара», — утверждая, что уже месяц Дон Жуан ухаживает за ней. Церковники хотят казнить Дон Жуана, потому что «сожженье Дон Жуана де Маранья / Спасет от казни тысячу других». Фамилия Дон Жуана была заимствована из зарубежных источников, но на русском языке она ассоциируется со словом «марать»: Жуан замарал себя многочисленными похождениями, но инквизитор не может просто так казнить испанского гранда, «сам король за Дон

Жуана / Заступится, и этим пошатнется / Религии святой авторитет». Поэтому еретиком его объявляют тайно.

Дон Жуан Толстого считал любовь высшим началом: «Она меня роднила со вселенной,/Всех истин я источник видел в ней...» — но разочарован в женщинах, не верит в их чувства, полагает, что женщины его «бесстыдно обманули». Дон Жуан перестал верить женской любви, даже когда получил почти письмо Татьяны («Я к Вам пишу...») от Донны Анны:

Я к вам писать решаюсь, Дон Жуан,
Решаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться с вами я должна...

Как Татьяна, она сама признается в любви: «Я притворяться доле не умею — / Я вас люблю — да — высказано слово». Дон Жуан А. К. Толстого — это почти Онегин Пушкина, но только без нравственного долга. И записка донны Анны его волнует, но он останавливает себя, боясь ей поверить: «Желанья дразнит ненасытный бес!» Опасаясь инквизиции, Лепорелло советует Дон Жуану уехать из Испании, но тот не хочет оставлять Донну Анну: «Мне по сердцу борьба! / Я обществу, и церкви, и закону / Перчатку бросил». Если у Пушкина Донна Анна — жена Командора, то у А. К. Толстого — невеста Дон Жуана, отказавшая Октавио. Отец Донны Анны недоволен выбором дочери, при этом слуге Лепорелло Дон Жуан признается, что жениться не намерен. Получив отказ отца, он собирается тайно встречаться с Донной Анной. Таким образом, А. К. Толстой рисует в своей поэме Онегина-злодея, собирающегося обмануть Татьяну.

«Дочь Командора хороша, как день», — замечают в свете. Но видят, что Дон Жуан поет под гитару не для нее, а для некой недостойной Нисеты, которой никто не кланяется. Первая часть заканчивается тем, что Дон Жуана, поющего под балконом Нисеты, заметили Командор с дочерью. Командор возмущен, дерется с Дон Жуаном, закликает дочь не отвергать Октавио.

«Демон, повеса, дьявол» — таким видят пушкинского Дон Гуана, убившего Командора на дуэли, Донна Анна и Лаура. «То был дух тьмы, вид ангела принявший... — говорит Донна Анна А. К. Толстого о нем после гибели отца. — Он мой враг смертельный». Она собирается удалиться в монастырь. Октавио отговаривает ее, и вновь в тексте А. К. Толстого пушкинская цитата: «Я вас любил, любил вас безнадежно!» («Я вас любил...»), но Донна Анна презирает Октавио. В поэме появляется новый персонаж, беседующий с Дон Жуаном в Кадиксе Дон Цезарь. Он напоминает Дон Жуану о смерти Инесы (ср. Инезилью у Пушкина). Тогда Жуан обвиняет Цезаря в смерти Инесы, в том, что Дон Цезарь подло поступил с ней. Их разговор прерывает Дон Карлос, передавая вызов на дуэль дону Октавио. Дон Жуан стремится осуществить свои планы относительно Донны Анны: «В Испании да будет Донна Анна / Моим последним, горьким торжеством!» Он и сам точно не знает, каково его чувство к Донне Анне: «Любовь ли здесь так к ненависти близко / Иль ненависть похожа на любовь?» Дон Жуан готовит оставить Испанию на разбойничьей фелуке. Он едет в Севилью, подходит к памятнику отцу Донны Анны. Именно в этот момент Сатана утверждает, что Дон Жуан уже полностью в его власти. Духи поют о метаниях Дон Жуана между добром и злом:

Мы спящие очи
Его прояснили,
Из тверди небесной
К нему мы вешали

И мир бестелесный
Ему показали.
Он зрел, обновленный,
В чем сердца задача,
И рвался к нам, сонный,
Рыдая и плача;
В дневной же тревоге
Земное начало
Опять от дороги
Его отвращало...

Так же, как и Фауста Гёте, Дон Жуана ждет прощение: «Сгубить лишь на земле ты можешь Дон Жуана, / Но в небе будет он прощен», — утверждают духи. Донна Анна спасает Дон Жуана, когда тот приходит к ней, не выдает патрульному офицеру, присланному его арестовать.

В новелле Гофмана Дон Жуан приглашает статую к себе на ужин в насмешку. У А. К. Толстого, как у Моцарта, приглашение статуе звучит дважды: Дон Жуан сначала зовет к себе на ужин Командора не сам, а через Лепорелло: «Зови его ко мне на ужин завтра!» Затем сам повторяет приглашение: «Статуя Командора! Я даю / Прощальный ужин завтра и желал бы, / Чтоб на него пожаловала ты. / Скажи, придешь на ужин?» Статуя кивает.

Дон Жуан недоволен собой: «Победу я украл, как вор. Не так / Мне овладеть хотелось этим сердцем!» Лепорелло переодевается представителем папы, а Дон Жуан изображает раскаявшегося грешника. И все это незадолго перед отплытием на фелуке. И в тот момент, когда Дон Жуан понимает, что любит Донну Анну и не может расстаться с ней, появляется статуя Командора. Статуя приказывает ему молиться, потому что собирается убить. В момент смерти Дон Жуана статуя «проваливается»: Сатана и Духи сражаются за Дон Жуана. Спасение Дон Жуана — в его любви, которую он все-таки познал. Оказалось, что почти все пережитое было только сном: донна Анна погибла; Дон Жуан испытывает угрызения совести, он считает, что обречен мучиться вечно: «О, если б мог я вечно, вечно жить!» Вечная жизнь воспринимается им как расплата. Поэма заканчивается эпилогом, в котором изображено покаяние Дон Жуана в монастыре. Звуки гитары, сопровождавшие его в земной жизни, сменяет колокольный звон, которым А. К. Толстой завершает свою поэму.

Таким образом, А. К. Толстой, отчасти резонируя с Пушкиным и Гёте, отчасти с Моцартом и Гофманом, пишет историю о новом Фаусте, искушаемом добром и злом, в борьбе с которыми он одерживает победу, хотя и дорогой ценой. В отличие от Пушкина, А. К. Толстой делает концовку своей поэмы более «церковной» и показывает раскаяние Дон Жуана, как сделал это ранее французский писатель П. Мериме, рассказавший историю Дон Жуана в новелле «Души чистилища», задуманной в 1830 году и опубликованной в 1834 году. В день, когда Дон Хуан собирался похитить донью Тересию из монастыря, произошло внезапное преобразование грешника: он увидел похоронную процессию и понял, что отпевать собираются его самого. Именно это подтолкнуло Дон Хуана к раскаянию, и он, расставшись с Тересией, стал монахом под именем брата Амбросьо и совершил подвиги благочестия. Конец жизни герой Мериме провел в монастыре. По просьбе Дон Хуана его похоронили в часовне на пороге церкви, потому что Дон Хуан хотел, чтобы входящие попирали его ногами. Таким образом, у Проспера Мериме, как и у А. К. Толстого, история Дон Жуана — это история грешника, предававшегося наслаждениям жизни и раскаявшегося.

Поэты Серебряного века о Дон Жуане

В 1897 году К. Бальмонт создал цикл из пяти стихотворений (он собирался сделать из него поэму, но не осуществил замысла, в составе книги опубликовал в 1914 году), в котором действие происходит в Испании. Спутницей Дон Жуана стала Иньес (Инезилия — у Пушкина). Бальмонтовский Дон Жуан не удовлетворен жизнью, он познал и любовь продажную, и любовь безгрешную — «и жар души испытанной исчез». Дон Жуану в любви не хватает снов небес, ему мало снов земли. Он начинает мстить женщинам за разочарование: «К развенчанным святыням нет возврата». В четвертом стихотворении цикла Бальмонт неожиданно переносит Дон Жуана из Испании в Россию:

Я вспомнил степь. Я вижу за туманом
Усадьбу, сад, нарядный бальный зал,
Где тем же сладко-чувственным обманом
Я взоры русских женщин зажигал².

Бальмонт использовал октавы, характерные для итальянской поэзии XIV века³. Конечно, Бальмонт примерял образ Дон Жуана на себя. Его Дон Жуан не только волевался за женщинами, он неожиданно чувствовал печаль, печаль метафизическую, печаль о небесной любви, которую пытался испытать Дон Жуан на земле:

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мне живут красивым сочетаньем,
Я всех маню, как тонущая даль,
Уклончивым и тонким очертаньем,
Блистательно убийственным, как сталь,
С ее немым змеиным трепетаньем.
Я весь — огонь, и холод, и обман,
Я — радугой пронизанный туман.

Двуединство Жуана, присутствие добра и зла, огня и холода, истины и обмана, заставляет страдать его самого. Он сам и туман, и радуга, и небо, и земля.

Посвятивший в 1904 году образу Дон Жуана статью «Тип Дон Жуана в мировой литературе», как и А. К. Толстой, К. Бальмонт ставит образ Дон Жуана рядом с Фаустом, добавляя в этот ряд Прометея, Лира, Гамлета, Дон Кихота⁴. «...Сперва бесконечность стремленья, потом безмерность падения», — пишет Бальмонт о Дон Жуане. Дон Жуан, считает Бальмонт, прежде всего испанский тип не влюбленного, а соблазнителя. «Старый романтический Дон Жуан безвозвратно умер, как умерли временные условия, создавшие его жизненный и литературный тип. В современной обстановке

² См. ниже этот мотив у Байрона.

³ См. этот размер у Байрона.

⁴ В своей статье Бальмонт называет самые интересные для него примеры воплощения образа Дон Жуана в мировой литературе. Среди них Тирсо де Молина «El Burlador de Sevilla y Convidado de piedra» («Севильский обольститель и Каменный гость»); повесть знаменитого автора «Кармен», Проспера Меримэ «Les âmes du Purgatoire» («Души чистилища»); превосходная поэма самого мелодичного из испанских поэтов, Хосэ Эспронседы «El estudiante de Salamanca» («Саламанкский студент»); и, наконец, две современные вариации данного образа, роман Д'Аннунцио «Il piacere» («Наслаждение») и роман Пшибышевского «Homo Sapiens».

тип Дон Жуана не имеет даже того местного случайно-исторического очарования, каким он был окутан в романтическую эпоху, его создавшую». <...> Не то отталкивает нас в Дон Жуане, что он любил многих женщин, а то, что он смешал любовь с обманом», — пишет Бальмонт. Отвечая на вопрос, почему мы, читатели, возвращаемся к этому образу, Бальмонт утверждает: «Есть явный романтический общепонятный Дон Жуан, который умер, и есть тайный символический лик Дон Жуана, есть Дон Жуан, который никогда не умрет. <...> Дон Жуан — мститель и искатель»; «Любовь есть драгоценнейший наш талисман, который дал нам лучшие наслаждения и самые страшные страдания, бросал нас тысячу раз в бездонные пропасти и дикие леса, и открыл нам тысячу раз ослепительную бездонность неба». Бальмонт убежден, что нас тянет к Дон Жуану сила любви, но человек в поисках «небесного» находит только «земное», поэтому от одной любви жаждет уйти к другой, вечно стремясь к недостижимому идеалу.

Для современника и поэтического соперника Бальмонта В. Брюсова Дон Жуан в одноименном сонете 1900 года моряк, «искатель островов», скиталец, жаждущий новых стран, новых цветов, новых языков и наречий. Женщины отвечают даже не на его слова, а на его «мольбу во взоре». Но и у Брюсова Дон Жуан — охотник не за телами, а за душами, за мирами, манящими его «безвестной тайной».

Ученик Брюсова Н. С. Гумилев «Дон Жуана» написал в 1910 году. Вероятно, образ Дон Жуана связан с расставанием незадолго до этого, в 1909 году, с Черубиной де Габриак (Елизаветой Дмитриевой), а возможно, и с женитьбой в 1910 году на Ахматовой:

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.
А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

Тема обмана времени у Гумилева перекликается с образом Дон Жуана Бальзака в его «Эликсире долгой жизни», где Дон Жуан-отец как раз и стремится остановить время и стать бессмертным благодаря волшебному снадобью, заключенному в хрустальном флаконе. Так же поступает и Дон Жуан-сын. У Гумилева таким эликсиром долгой жизни оказываются женские уста, всегда новые. Но в старости Дон Жуан Гумилева собирается «принять завет Христа», как Дон Жуан А. К. Толстого и Мериме. И если для бальзаковского героя Христос — это чисто внешняя набожность, набожность его жены и сына, которыми сын Дон Жуана собирается купить себе бессмертие, то у Гумилева Дон Жуан приходит к покаянию:

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Сын Лев появится у Гумилева и Ахматовой спустя два года после создания стихотворения — 18 сентября (1 октября) 1912 года. В том же 1912 году в сборнике «Чужое

небо» Гумилев опубликует небольшую пьесу «Дон Жуан в Египте». В сюжете Гумилева просматривается связь с темой моря у Мольера в его комедии «Дон Жуан, или Каменный гость»: второе действие у Мольера также развивается на берегу моря. Пьеро собирается жениться на Шарлотте, но появляется Дон Жуан и расстраивает его планы: увлекает Шарлотту, а потом внушает Матюрине, что на самом деле влюблен в нее.

Непонятно, почему Гумилев не слишком высоко ценил «Дон Жуана в Египте», хотя сюжет этой вещи весьма оригинален и остроумен. Провалившись в Ад вместе с Командором, Дон Жуан остался жив, спасся, и его прибило к берегам Африки. Он увидел лодку, в лодке оказался его слуга Лепорелло, который к этому времени сделался ученым-египтологом и даже завоевал сердце одной американки. Дон Жуан тут же познакомился с мисс Покэр и с ее отцом (у нее карточное имя) и завоевал расположение девушки. Лепорелло и оглянуться не успел, как Дон Жуан увел у него невесту. Сюжет пьесы Гумилева легок, остроумен, и вся история разрешилась бесконфликтно: Дон Жуан признался американке в любви:

Я опьянен, я вас люблю,
Так только боги были пьяны.
Как будет сладко кораблю
Нас уносить в иные страны.

Любовь к Дон Жуану овладела мисс Покэр, и это еще раз говорит об обаянии «севильского соблазителя».

Русская поэзия и «Дон Жуан» Байрона

К тому времени, когда Пушкин работал над «Каменным гостем», он не мог не знать «Дон Жуана» Байрона (поэма публиковалась Байроном в 1819—1824 годах). Первый перевод Байрона на русский язык будет сделан лишь в 1847 году, так что Пушкину с некоторым трудом пришлось читать Байрона по-английски⁵. В письме к Вяземскому 1821 года Пушкин высоко отзывался о первых пяти песнях Байрона⁶, тогда только появившихся. В 1825 году талантливость «Дона Жуана» Байрона с Пушкиным обсуждал К. Рылеев⁷. Это огромное произведение, состоящее из семнадцати песен, начинается с описания детства Дон Жуана в Испании, в Севилье. Затем рассказывается о его первом любовном опыте с замужней Юлией. Затем Юлия уходит в монастырь, а Дон Жуана отправляют в Кадис, чтобы избавить его от грехопадений. В море его настигает катастрофа, а спасает его прекрасная Гайдэ, которая становится возлюбленной Жуана. После того как Жуан попадает в рабство, в него влюбляется сама жена турецкого султана Гюльбей. Дальнейшая судьба Дон Жуана связана с Россией: вместе со своим спутником и двумя женщинами он бежит из турецкого плена, на стороне русских под командованием Суворова участвует в сражении при Измаиле, при этом

⁵ Ныне русских переводов несколько, но наиболее талантливым справедливо назвал Чуковский перевод Татьяны Гнедич, выполненный в 1964 году.

⁶ Ср. в письме Пушкина: «Что за чудо „Дон Жуан“! я знаю только пять первых песен... Мне нужен английский язык — и вот одна из невыгод моих ссылки: не имею способов учиться».

⁷ Рылеев писал: «Ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета не подражай ему. Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным». В отношении Байрона Пушкин соглашался с Рылеевым (об этом — в письме А. А. Бестужеву 24 марта 1825 года), в котором Пушкин, возможно, из опасения цензуры отрекается от сатирического в «Онегине» и сводит сходство с Байроном лишь к сопоставлению «милых» Татьяны и Юлии.

спасает турецкую девочку Леилу и привозит ее в Россию (за участие в русско-турецкой войне награжден «Владимиром», но не хвалится этим — гордится лишь «спасением бедной пленницы своей»). Свободным Дон Жуан становится при дворе русской царицы Екатерины II, благоволившей к нему и сделавшей его своим фаворитом, а затем и послом в Англии. Эта подробная глава о жизни заглавного героя в России объясняет необыкновенную популярность Байрона у русских читателей. Далее рассказывается об увлечениях героя Аделиной Амондевилл и Авророй Рэби в бытность послом в Англии. Что касается сражений, то, защищаясь, Дон Жуан убил британского вора Тома, «короля воров», как сказано в русском тексте 11-й песни. Образ Командора у Байрона отсутствует, но есть некий монах, за которым следит Дон Жуан, но потом оказывается, что это не монах, а переодетая герцогиня, которая увлечена Дон Жуаном.

Основной пафос байроновской поэмы иронический и сатирический. В лирических отступлениях Байрон много рассуждает о поэтах своего времени и о нравах современного общества. «Пусть буду я один, но я упрям — / За трон свободной мысли не отдам!» — в конце одиннадцатой песни утверждает поэт.

Поэма Байрона написана октавами, видимо, в подражание итальянской и испанской средневековой поэзии. Октавами, намеренно подражая Байрону, Пушкин напишет «Домик в Коломне» («Я хотел / Давным — давно приняться за октаву»):

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

(«Домик в Коломне», 1830)

Тамерлан, Наполеон или Байрон? Появление в этом контексте Байрона отмечено Жирмунским и другими как отсылка к байроновскому «Дон Жуану»⁸. Октавы не явно, а тайно вводят в «Домик в Коломне» любовную, донжуановскую тему (не случайно в концовке Пушкин возвращается к теме октав), тему переодевания Дон Жуана, превратившегося в Марфу (мотив плаща, которым у Моцарта обмениваются Лепорелло и Дон Жуан, отсылает к мотиву переодевания в «Свадьбе Фигаро»). Пушкин перекликается с Байроном, описывая привычки денди в романе в стихах «Евгений Онегин», а читая песнь 12, вспоминаем пушкинского «Скупого рыцаря». Повлиял «Дон Жуан» Байрона и на стихотворение Пушкина «Анчар», возникшее, судя по всему, из нескольких источников. Именно Байрон впервые изобразил «древо смерти»⁹, о котором Пушкин напишет позднее (песнь 4, строфа 55). О других источниках «Анчара» можно прочитать в статье А. А. Долинина «Из разысканий вокруг „Анчара“», где одним из источников названа четвертая песня «Чайльд-Гарольда»¹⁰. Очевидно, что в «Домике в Коломне» для Пушкина равно важны две темы: донжуановская, раз-

⁸ По статье Шапир М. И.: Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров). Статьи о Пушкине. Языки слав. культур. М., 2009. С. 124—190. Здесь же и о влиянии Корнуолла. <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/shapir-semantichekie-lejtmotivy.htm>.

⁹ Ср.: «But there, too, many a poison-tree has root, / And midnight listens to the lion's roar».

¹⁰ <http://www.ruthenia.ru/document/531893.html>.

влекающая читателя, и творческая, рассказывающая о создании произведения искусства. Искусство оказывается таким же геройством, как и военное сражение.

Имя Байрона неоднократно звучит в романе «Герой нашего времени» Лермонтова, что заставило литературоведов справедливо назвать Печорина русским Дон Жуаном¹¹. Княжна Мери «читала Байрона по-английски», внешне Байрона напоминает доктор Вернер, автор упоминает Байрона рядом с Александром Македонским, что свидетельствует о значении его личности. Как и Дон Жуан, Печорин постоянно попадает в истории, он легко начинает отношения с женщинами, умеет кружить им головы (Бэла, Вера и Мери). Только Командора в романе нет: муж Веры на такую роль не годится, Грушницкий — только пародия на мстителя, который, как у Проспера Мери-ме, сам гибнет от руки Печорина. А вместо донжуанского списка в романе Лермонтова — дневники Печорина, исповедь нераскаявшегося грешника.

Байрон своим творчеством повлиял и на И. С. Тургенева. В библиотеке Тургенева в Орле сохранились два издания Байрона: *The works of lord Byron. Complete in one volume. London; Leipzig, 1837*¹²; *The complete works of lord Byron. Paris, 1835*. На титульном листе второй книги — надпись: «И. Тургенев, 1841 г.». Тургенев перевел стихотворение Байрона «Тьма», а также начал переводить поэму Байрона «Манфред», хотя и не закончил перевод¹³. Тургенев называл Байрона своим «идолом», английский поэт повлиял на создание поэмы Тургенева «Стено»¹⁴.

Но самое замечательное, что у Тургенева начало событий в романе «Отцы и дети» (приезд Базарова и Аркадия в Марьино) совпадает по дате с началом романа между Юлией и Дон Жуаном в поэме «Дон Жуан» Байрона:

Двадцатого случилось это мая...
 Вы видите: любитель точных дат,
 И день, и месяц я упоминаю.
 Ведь на полях веков они пестрят,
 Как станции, где, лошадей меняя,
 Перекладные фатума гостят
 Часок-другой, а после дале мчался,
 А богословы смотрят и дивятся!

Возможно, и Тургенев, «любитель точных дат», намеренно заимствовал у Байрона 20 мая — точную дату начала своего романа (см. упоминание «на полях веков»), чтобы провести параллель между нигилистом Базаровым, отрицающим поэзию Пушкина, поэзию вообще и любовь, и — Дон Жуаном, чья жизнь постоянно была связана с любовью и женщинами: «— Что, Петр, не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко постоялого двора на *** шоссе, барин лет сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах, у своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками». Кроме того, Тургенев начинает свой роман с темы дороги: отец Аркадия ждет лошадей, встречая сына (ср. то же у Байрона). Добавим, что у Базарова своя Донна Анна — вдова Анна Сергеевна Одинцова. А братья Кирсановы, любившие Пушкина, должны были читать и любить Байрона, особенно англоман Павел Петрович.

¹¹ Е. Сеницын. Теория любви по Лермонтову. Печорин — русский Дон Жуан. Новосибирск: Изд-во ФГБОУ СГУВТ, 2016. 204 с.

¹² На с. 613 строфа XXVII «Дон-Жуана» отмечена цифрой «V».

¹³ <http://turgenev-lit.ru/turgenev/stihi/tma-iz-bajrona.htm>.

¹⁴ Алешина О. <https://interface.org.tw/index.php/if/article/view/93/394>.

О том, что «байронизм смешон», в романе говорит Матвей Ильич Колязин («ловкий придворный, большой хитрец и больше ничего») в беседе с Аркадием, приглашая его потанцевать с дамами, ибо все хорошо в свое время, на что Аркадий оправдывается: «Да я, дядюшка, вовсе не из байронизма не...» Колязин верно угадал рисовку Аркадия, его игру в нигилиста, назвав это байронизмом, что для него было одно и то же. Но для нас главное, что Тургенев помнил во время работы над романом о Байроне и его Жуане.

Иначе повлияла поэма Байрона на творчество Цветаевой¹⁵. У Байрона подругу Дон Жуана зовут Аврора. Это же имя Цветаева дала героине своей пьесы «Каменный ангел» (1919). Ее «Каменный ангел» — это пьеса о подмене подлинного возлюбленного искусственным, о подмене Ангела — Эротом, то есть тем же переодетым в Ангела Дон Жуаном. На первый взгляд Цветаева следует за Пушкиным («Каменный гость» — «Каменный ангел»). Но на самом деле она помнит и байроновского Дон Жуана, потому что называет свою героиню байроновским именем Аврора, как бы додумывая историю, которую не успел дописать Байрон, чей «Дон Жуан» не был закончен: история Дон Жуана и Авроры только началась. При этом Цветаева продолжает байроновскую мысль о душевном целомудрии Авроры, о ее совершенстве, то есть не меняет характер байроновской героини, а домысливает его. Картина первая начинается у нее со сцены у колодца Св. Ангела — вместо байроновских фонтанов.

Есть у Цветаевой о Дон Жуане и лирические стихи — цикл, где лирическая героиня — одна из тех, на кого действовали чары Дон Жуана. Несмотря на дату (1917 год), это шуточные стихи, точнее, цикл из семи стихотворений, в которых Цветаева упоминает о Кармен, о Донне Анне, о тех, к кому можно было бы ревновать Дон Жуана:

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!
Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц —
Строгие глаза.

Упоминание о фонтанах не только диалог с Байроном, но и отсылка к А. К. Толстому, у которого в «Дон Жуане» есть сцена, названная «Ночь. Гуляние у фонтана». Борьба между долгом и страстью отражена в первом стихотворении цикла Цветаевой в строках о строгих глазах Богородицы и колокольном звоне. Вопреки всему лирическая героиня назначает Дон Жуану свидание «под шестой березой». Одно из описаний Дон Жуана заставляет предположить, что его образ напоминал поэтессе одного из современников, носившего медвежью шубу:

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

¹⁵ Байрону адресованы юношеское стихотворение Цветаевой 1913 года, в котором Цветаева воображает свою встречу с Байроном («Байрону», опубликовано в 1915 году в «Северных записках»), и незавершенное стихотворение «Лорд Байрон! — Вы меня забыли!..» (25 сентября 1915 г.), работа над которым была вызвана указанной публикацией стихов 1913 года. В 1915 году Цветаева подарила книгу «Сочинения лорда Байрона в переводе русских поэтов» мужу С. Эфрону (Жоркина Е. Б. Летопись... Ч. 1. С. 84). Стихотворение Лермонтова «Нет, я не Байрон...» Цветаева перевела на французский в 1941 году.

Звериная шкура упоминается в «Нездешнем вечере» как одна из примет эпохи последнего уюта 1916 года, когда читали «последние стихи на последних шкурах». Конечно, Цветаева, скорее всего, должна была иметь в виду кого-то из московских знакомых. Однако, по воспоминаниям Л. К. Чуковской, меховую доху носил Н. С. Гумилев¹⁶, «единственное в Петрограде меховое пальто». Это могло быть совпадением, хотя само по себе интересно, ведь Гумилев одновременно и муж Ахматовой, и поэт, и автор «Дон Жуана»!¹⁷

Второе стихотворение цветаевского цикла о Дон Жуане почти бальзаковское (Бальзак О. «Эликсир долгой жизни»). Дон Жуан здесь то ли умирающий, то ли спящий. А образ метели, возникший в творческом воображении Цветаевой, заставляет вспомнить А. Блока, также отдавшего поэтическую дань Дон Жуану:

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон Жуана
В снежную постель.

Цветаева видит Дон Жуана в окружении русских, православных образов: рядом с ним нет католических примет, на груди его — православный крест. Лирическая героиня приносит ему севильский веер, словно она испанка, Кармен. Она утешает Дон Жуана, уверяя, что донжуанский список его длинен и должен завершиться ею: «А пока — спокойно спите!.. / Из далеких стран / Вы пришли ко мне. Ваш список — / Полон, Дон Жуан!» В третьем стихотворении Цветаева рассказывает воображаемую историю своей встречи с Дон Жуаном, и ее отсылка к Нилу, к священной реке древних египтян, возможно, отчасти связана с тем, что Цветаева обладала фигурой, которая напоминала египетскую статуэтку. Кроме того, она, вероятно, читала стихи «Дон Жуан в Египте» Н. С. Гумилева, опубликованные в сборнике «Чужое небо» (1912). Если это так, тогда здесь звучит диалог с текстом Гумилева:

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахнуло — Нилом
От моих волос?

Кроме того, Нил впадает в Средиземное море, а Марина — «морская». Ее встреча с Дон Жуаном состоялась благодаря вмешательству неких высших сил, к которым обратился за помощью Дон Жуан. Далее, встречу с Дон Жуаном Цветаева рисует в январе: кто-то бросил розу, шел какой-то монах под маской (здесь мотив последней песни «Дон Жуана» Байрона), «с соборных стен Дон Жуан Кастильский повстречал Кармен». Цветаева сделала Дон Жуана уроженцем Кастилии из-за Кармен, основываясь на двух новеллах П. Мериме. Встреча с Дон Жуаном оказывается не свиданием с Цветаевой, а встречей с Кармен, то есть это выдуманная, романтическая встреча в пространстве поэтического текста испанки и испанца. В своем цикле Цветаева борется за Дон Жуана с литературной (пушкинской? блоковской? гумилевской?) Донной Анной, которая не может соперничать с ней, Донной Анной XX века:

¹⁶ Чуковская Л. К. Прочерк. Повесть. Время, 2009.

¹⁷ В августа 1918 года Гумилев и Ахматова разошлись.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.
И белел в тумане посох странный...
— Не было у Дон Жуана — Донны Анны!

Данное стихотворение вошло в цикл «Плащ», куда Цветаева включила несколько стихотворений, объединенных темой романтического, книжного персонажа. Обмена плащами нет у Пушкина, хотя о маскараде речь все-таки идет: «Я полечу по улицам знакомым, усы плащом накрыв, а брови — шляпой». Но вот что любопытно: у нас мало свидетельств о том, что Цветаева ходила в оперу, но свои стихи о Дон Жуане она почему-то включила в цикл «Плащ». Возможно, она слушала оперу Моцарта «Дон Жуан» и знала о важности этой художественной детали в опере. Во всяком случае, в одной из записных книжек упоминается ария Лепорелло из оперы Моцарта «Дон Жуан». Смысл записи в том, что тысяча третья любовь не так важна, как искусство. Но в цикле «Плащ» цветаевская героиня — это не Кармен, не Донна Анна, она Ева, которая грешит, не стыдясь своей страсти к Дон Жуану:

И падает шелковый пояс
К ногам его — райской змеей...
А мне говорят — успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.

Тот же мотив, то же воспоминание о Еве было и у Байрона (он настойчиво вспоминает в поэме «Дон Жуан» о Еве в раю и о том, что она сделала себе шляпку из фиговых листочков). Дон Жуан для Цветаевой — переодетый монахом искуситель: но в последнем стихотворении мы неожиданно видим блоковский интерьер стихотворения «В ресторане»:

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице — роза, по всем карманам —
Слова любви!
Да, да. Под вой ресторанной скрипки
Твой слышу — зов.
Я посылаю тебе улыбку,
Король воров!¹⁸
И узнаю, раскрывая крылья —
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье —
Твой старший брат.

Получается, что сама Цветаева, то есть Кармен, как бы явилась на земле в новом воплощении («И узнаю, раскрывая крылья»), чтобы встретиться с еще одним Дон Жуаном — с его младшим братом. Роза в петлице (у Блока — «я послал тебе черную розу в бокале золотого как небо ай»), «вой ресторанной скрипки» (у Блока — «где-то

¹⁸ Выражение использовано Т. Гнедич в переводе поэмы Байрона и относится к тому, кого убил Дон Жуан.

пели смычки о любви)...) Таким образом Цветаева, возможно, случайно переносится в блоковскую поэтическую реальность, которая ей, несомненно, близка. Вспомним, что «Стихи к Блоку» написаны всего год назад! Вспомним также и то, что Цветаева не могла не знать «Шагов Командора», стихотворения 1910 года. Но у Блока в центре текста не Дон Жуан, а Донна Анна, причем умершая, то есть, если вспомнить пушкинского «Каменного гостя», это Анна, лишившаяся чувств, когда после свидания с Дон Жуаном в комнату вошел Командор. От лица кого написан текст Блока? Не от лица ли Командора, которым Блок мог ощущать себя. Как и у Цветаевой, в тексте Блока присутствуют мысли об ином мире, о мире, который притягивает поэта:

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха¹⁹.

Этот неземной мир назван страной «блаженной, незнакомой, дальней». Петух оканчивается вестником потустороннего. Впрочем, эти строки можно понять и буквально. Страна за окном — это страна чужая для Дон Жуана, который в нее приехал для встречи с возлюбленной, но не с Донной Анной. Донна Анна у Блока не совсем умерла, а видит «сны»:

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

И вот тут Блок вновь вспоминает о Дон Жуане и как бы от его лица восклицает:

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Старым роком воспринимает Блок ту любовь, которая влекла Дон Жуана в жизнь и заставляла его влюбляться и вмешиваться в чужие судьбы. Или старый рок — это Командор? Появление Командора у Блока сопровождается жужжанием «черного» мотора:

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Что это за мотор? Мотор внутри Командора или мотор автомобиля, на котором прибыл Командор? Первый автомобиль, сделанный в Петербурге, создан в 1896 году. Аэроплан появился у нас позднее, в Америке — в 1903 году. Но художественное действие этого символа технического прогресса нас не может не потрясти. Это примета

¹⁹ Жирмунский отметил присутствие петушиного пения в «Поэме без героя» Ахматовой: «Крик петуший нам только снится...». Жирмунский В. Анна Ахматова и Александр Блок. — Рус. лит., 1970, № 3.

новой эпохи, в которую вторгаются старый рок и старый герой. Никто не отзывается на слова Командора. Дон Жуан безмолвен. Значит ли это, что он струсил:

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»
На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

Любопытно, что оставшиеся две строфы посвящены Донне Анне. Дон Жуан как будто уже исчез под взглядом Командора, растворился в его вопросе. Донна Анна названа Блоком «светлой девой», что соединяет ее с образом Прекрасной Дамы из первой книги поэта, а в жизни — с Любовью Дмитриевной Менделеевой-Блок. Ее измену Блок пережил в 1908 году, хотя А. Белого трудно представить Жуаном, но в данном случае понятно, почему Блока привлекла тема Командора.

Видимо, под влиянием В. Соловьева и А. Блока философ и писатель С. Дурылин создает свою драматическую поэму «Дон Жуан». В ней есть строки, в которых Дон Жуан сравнивает женщин с книгами: «Но женщины — как книги: / Прочел одну — и новой жаждешь ты!»²⁰ Дон Жуану является не Командор, а Светлая дева, ради которой он готов бросить свою земную возлюбленную Агату: «Явилась я на зов твой, Дон Жуан. / Но ты безмолвен. / Бледные черты/ Твои являют ужас тайный. Страх». Но Дон Жуан не боится и уверяет своего слугу, что догонит призрак, и если это окажется «Светлейшая Синьора», он соединится с нею. Светлая дева Дурылина родственна блоковскому образу Прекрасной Дамы и далее, героине стихов 1908 года, а тоска персонажа по недостижимому идеалу напоминает мысль Бальмонта (см. выше). Любопытна датировка текста. В рукописи проставлена дата: декабрь 1908 года. Комментатор текста А. Б. Галкин датирует рукопись именно 1908 годом, а не 1910 годом, хотя 1910 год проставлен на отдельных листах рукописи и на автографе²¹. Дата примечательна тем, что именно в 1910 году и Блок, и Гумилев написали своих Дон Жуанов. Во всяком случае, вполне возможно, что С. Дурылин, узнав об этом, вернулся к поэме, начатой двумя годами ранее. По словам составителя книги А. Б. Галкина, в неоконченной пьесе Дурылина (написана только первая часть) «Агата занимает место Дон Гуана, а Мадонна исполняет роль Каменного гостя». В концовке Дон Жуан вместе с Лепорелло отправляются в Новый Свет. Таким образом, Дурылин не уничтожает своего героя, а лишь находит для него новую страну.

Спустя четыре года, в 1914 году, к образу Дон Жуана обращается В. Маяковский в стихотворении «Кюфта фата»:

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон Жуана и фата.

²⁰ Дурылин С. Н. От «Дон Жуана» до «Муркина вестника» «Мяу-Мяу». М., 2022. С. 10–81.

²¹ Дурылин С. Н. От «Дон Жуана» до «Муркина вестника» «Мяу-мяу»: Научное издание / С. Н. Дурылин, А. Б. Галкин. — М.: Проспект, 2018. — 190 с.

В стихотворении Маяковский довольно груб, он представляет Землю своей любовницей, вызывающе ведет себя и с солнцем. Желтая кофта фата, сшитая «из трех аршин заката», должна быть украшена улыбками женщин, которые им восхищаются плотски или платонически. Но плоть грубо названа «мясом», а стихи — «зубочистками». «Кофта фата» сродни «Нате!». Дон Жуан Маяковского — поэт, уверенный в том, что его творчество должно нравиться всем женщинам мира, кстати, идет он не по Невскому проспекту Петербурга, а по Невскому мира, таким образом показывая вселенский масштаб обаяния своей личности. Оно необходимо, как зубочистки. Стихи, «веселые», «острые и нужные», расправляются со всем, что он считает негативным в жизни. Когда в 1920 году Маяковский будет писать свое «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», он вспомнит Дон Жуана и Командора («Ты звал меня? Чай гони! Гони, поэт, варенье!»), только вместо Командора к поэту придет солнце. Так же как в «Юбилейном» разговор поэта со статуей Пушкина заставляет вспомнить разговор Дон Жуана с Командором. Дон Жуан (Маяковский) говорит с самим Командором Поэзии, с автором «Каменного гостя»:

Я ташу вас.
Удивляетесь, конечно?
Стиснул?
Больно?
Извините, дорогой.
У меня,
да и у вас,
в запасе вечность.
Что нам
потерять
часок-другой?!

Маяковский стискивает руку Пушкину, как Командор — пушкинскому Дон Гуану, а еще — переходит на французский (*entre nous*), чтобы подчеркнуть нечто родственное с блестяще знавшим французский Пушкиным. Он видит Пушкина именно Командором, защитником чести: «Их и по сегодня много ходит — всяческих охотников до наших жен». Высказавшись, Маяковский предлагает восстановить порядок вещей — посадить Пушкина на пьедестал. Мысль о собственном памятнике, о себе в облике Командора, Маяковский, слишком живой, воспринимает с негодованием. Таким образом, и в «Необычайном приключении», и в «Юбилейном» Дон Жуан превращается из трагического персонажа в сатирический, что заставляет еще раз вспомнить и Байрона, и «Домик в Коломне» Пушкина, тоже написанный в шутовском ключе.

В 1925 году отдает свою дань вечному образу и Сергей Есенин, не удовлетворенный своим окружением и самим собой («Каждый день я у других колен...»). Вокруг него — «легкодумные», «лживые», «пустые» женщины, и лирический герой испытывает презрение к ним, любовь к миру природы, к миру гармонии, воплощенному в образах сирени, заката, цветения мая: «На душе холодное кипенье / И сирени шелест голубой («Может, поздно, может, слишком рано...»). Если в начале стихотворения Есенин отмечает, что стал походить на Дон Жуана, то в середине чувствует себя соперником, которому предстоит сразиться с символическим Дон Жуаном: «За свободу в чувствах есть расплата, / Принимай же вызов, Дон Жуан!», а во второй половине стихотворения поэт сам становится Дон Жуаном:

И спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Поэт завершает стихотворение признанием, что ему нужны многие любви, чтобы не заканчивалось счастье.

Современник Есенина и Маяковского, Игорь Северянин создаст своего Дон Жуана в 1924 году, в год столетия со дня смерти Байрона, в стихотворении «Кара Дон Жуана», повторив мотив наказания, звучавший в пьесе Мольера, а стихотворный размер (октавы) взяв из «Дон Жуана» Байрона. В этом стихотворении за грехи Дон Жуан разлучен с женой, оказывается разделен «с женой морями». Сначала над Миланом появляется один аэроплан и уносит Элеонору, жену Дон Жуана, затем второй аэроплан уносит его самого:

Летели в небе два мотора, —
Один на Тихий океан,
На ширь и гладь его простора,
На дальний остров из лиан.
Другой на север, за озера
Норвегии, где воздух льдян.
И на одном — Элеонора,
И на другом — ее Жуан.

У Северянина образы моторов связаны с аэропланами; очевидно, Северянину хотелось как-то оттолкнуться от блоковского «мотора», что он и сделал. В 1929 году Северянин увидел Дон Жуана одиноким стариком: «Я всех людей на свете одиноче». Подводя итоги своей жизни, Дон Жуан сообщает, что ни одна из женщин не жаждала его «смертной жаждой»:

Не находя Искомой, разве грех
Дробить свой дух и размещать во всех?
Но что в отдар я получал от каждой?
Лишь кактус ревности, чертополох
Привычки, да забвенья трухлый мох.

Свое многолюбие Дон Жуан объясняет тем, что не находил «искомой» женщины, а потому блуждал и искал единственную во множестве, дробил себя во всех.

Из приведенных стихов видно, что Байрон влиял на воплощение образа Дон Жуана, с ним русские поэты соотносили свое представление о вечном образе, пытались не подражать Байрону, а, отталкиваясь от него, создавать нечто новое, свое.

Дон Жуан Ахматовой

У Ахматовой в написанном в эвакуации в 1943 году стихотворении «Гости» встречаем образ Дон Жуана, пришедшего к ней вместе с Фаустом. Фактически Ахматова повторила мотив пушкинского «Каменного гостя», где у Лауры столкнулись Дон Жу-

ан и посещавший Лауру Дон Карлос, а также мотив А. К. Толстого (см. выше упоминание Фауста). Гости Лауры сражались, победителем вышел Дон Жуан. Но у Ахматовой победителя нет, как нет людей, потому что они только призраки, гости-духи, явившиеся ей в воображении:

«...ты пьян,
И все равно пора нах хауз...»
Состарившийся Дон-Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей —
Из кабака и со свиданья!..
Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом, залитых, и все же —
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?

Фауст назван помолодевшим, а Дон Жуан — состарившимся. В начале стихотворения Ахматова привела цитату, видимо, это слова Лауры, адресованные более молодому и привлекательному Фаусту. Оба они гости непрошенные, и их появление передано через образы черных веток и зеленого света. Кто здесь Фауст, кто — Дон Жуан? Можно только гадать. Нам неизвестно, кого в 1943 году Ахматова изобразила посредством два великих мифов мировой литературы. Возможно, она просто призналась в любви к Гёте и Байрону.

Образ Дон Жуана появляется и в «Поэме без героя», в эпиграфе первой редакции, начатой 27 декабря 1940 года, в строках либретто да Понте к опере «Дон Жуан», итальянски: «Di rider finirai / Pria dell' aurora. / Don Giovanni» («Смеяться перестанешь / Раньше, чем наступит заря»). Слово «либретто» на одной из страниц поэмы говорит о том, что Ахматова все время помнила о родстве своего произведения с музыкой, об эпиграфе из Моцарта. Возможно, отчасти на это оказала влияние ее дружба с композитором А. Лурье, для которого она могла захотеть написать либретто. Кроме Моцарта, Ахматова, конечно, держала в памяти и пушкинского «Каменного гостя», и новеллу «Души чистилища» Проспера Мериме, имени которого в поэме нет, но есть его псевдоним: «Я не та английская дама, / И совсем не Клара Газуль». Мериме напечатал свои первые произведения в сборнике «Театр Клары Газуль». Возможно, Ахматова хотела сравнить себя с великим французом, которого она могла вспомнить, потому что тот знал русский язык, интересовался творчеством Пушкина и даже перевел «Пиковую даму». А также потому, что Мериме прятался за выдуманный женский персонаж. Ахматова вспоминает Мериме под псевдонимом, потому что она, подобно Мериме, была склонна к мистификациям. Так написана «Поэма без героя», где Ахматова рисует эпоху, в которую жила²². Поэма построена как разговор с современниками и постоянно отсылает к каким-то памятным для автора строкам. Дон Жуан, которого изобразил П. Мериме в новелле «Души чистилища» чуть больше ста лет назад, — один из карнавальных образов поэмы Ахматовой:

²² Л. Лосев считал главным героем поэмы Петербург, не географический, а культурно-мифологический, в котором черты персонажей лишены личностных границ и сливаются друг с другом. Лосев Л. Герой поэмы без героя. Ахматовский сборник. Париж, 1989. С. 109–122.

Вы ошиблись: Венеция дождей
Это рядом. Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы.
Этот Фаустом, тот Дон Жуаном...

Герой Мериме Дон Хуан де Маранья стал студентом и познакомился с другим студентом, Доном Гарсия. Они вдвоем пели серенады под окнами двух дам. Но вот появляется Дон Кристоваль, претендент на замечательное для пения место под окнами, и Дон Хуан убивает Дона Кристоваля, при этом теряя свою шпагу, которую ему на следующий день приносит некая Донья Тересия. Затем начинается роман Дона Хуана с Доньей Тересией. А Дон Гарсия предлагает Дону Хуану поменяться любовницами, как в пьесе Мольера и в опере Моцарта происходит обмен платьем между Жуаном и его слугой (у Мольера Станарель одевается в своего господина, у Моцарта — Лепорелло меняется с Дон Жуаном шляпой и плащом). Дона Хуана немного мучила совесть, но все же он согласился. Однако Фауста (любовница Дона Гарсия) не поверила Дону Хуану. Они боролись, она позвала на помощь. Явился ее отец и случайно, вместо того чтобы убить Дона Хуана, убил свою дочь. Дон Гарсия предложил Дону Хуану спастись, став воином, сражаться с еретиками, покинув Испанию, и отправиться сначала в Сарагосу, потом в Барселону, а оттуда в Брюссель. Они воевали под командованием Дона Гомаре.

У Ахматовой вместо Фаусты (женский образ) Мериме — гётевский Фауст! Возможно, в стихотворении «Гости» и в «Поэме без героя» речь идет об одних и тех же людях. С кем ассоциировала Анна Ахматова своего Дон Жуана? И кто Фауст? Это могли быть авторы стихов о Дон Жуане, Блок и Гумилев, Гумилев и Блок, потому что в один и тот же 1910 год оба поэта обратились к этому образу. Предисловие к «Поэме без героя» Ахматова написала 8 апреля 1943 года, этим и объясняется появление в 1943 году стихотворения «Гости», выросшего рядом с поэмой. В окончательной редакции Ахматова не убирает упоминание о Дон Жуане, добавляя в поэму еще одно предисловие, три посвящения²³ и вступление. Жирмунский, подробно анализируя текст поэмы, показал в ней многие блоковские аллюзии²⁴.

В контексте нашей темы отметим важность упоминаний музыки в «Поэме без героя». В посвящениях появляется «Похоронный марш» Шопена, потом «Чакона» Баха, и имя Дон Жуана заставляет вспомнить не только о пушкинском «Каменном госте», но и о Моцарте и его «Дон Жуане». А Фауст в поэме не только напоминает о трагедии Гёте (Ахматова сопоставила себя и с Маргаритой: «Словно та, / Одержима бесом, / Как на Брокен ночной неслась»), но и о музыке Гуно.

Однажды, выступая с ней на вечере, Блок сказал ей: «Мы с вами не теноры...» И Ахматова ввела это в стихи:

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

(«И в памяти черной, пошарив, найдешь...», 1960)

²³ Первое посвящение — Мандельштаму и Кузмину. Второе — О. С. (Ольге Судейкиной).

²⁴ Жирмунский В. М. Анна Ахматова и Александр Блок. Поэтика. Стилистика. Наука, 1977. С. 323–354.

Все обращают внимание на выбор голоса²⁵ (судя по фонограмме, у Блока не было тонкого голоса) и чувствуют в этом нечто странное. Блок — и вдруг тенор... Но надо понять, что главное слово здесь не «тенор», а «презрительно». В 1960 году Ахматова делает Блока тенором немного в отместку за его презрение к ней в молодости. А что презрение это было, мужское презрение поэта к женщине, пишущей стихи, несмотря на всю доброжелательную воспитанность Блока, Ахматова отлично знала. И простить не могла, например, того, что Блок ее стихи, данные ему для прочтения, сначала отдал прочитать своей матери и только потом уже прочел их сам, сообщив об этом Ахматовой и не поняв, что само подобное сообщение могло ее обидеть. Декорации стихотворения «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» заставляют подумать, что Ахматова рисует себя и Блока в театре. Она в перчатках до самого локтя. Они оба на сцене? Исполняют какой-то дуэт? В реальности, по воспоминаниям Ахматовой, последняя встреча ее с Блоком состоялась в Большом драматическом театре весной 1921 года. Будто бы Блок ее спросил: «А где испанская шаль?»

Ахматова отметила, что Блок был увлечен Кармен и испанским стихом написал к ней обращенное «Красота страшна, вам скажут...». Не знаем, права ли Ахматова относительно испанского стиха, Блок просто ответил тем же размером, какой использовала Ахматова в стихах «Я пришла к поэту в гости...». Это ясно из черновиков его стихотворения, где он изобразил ее Кармен: «И вы, покорная молве, / Шаль желтую накинете лениво, / Цветок на голове». Этот черновой набросок Ахматова знала. Нет ли здесь у Блока кружения вокруг того же мифа, который так увлек и Цветаеву, — мифа о встрече Дон Жуана и Кармен, героев двух разных новелл П. Мериме? Ахматова для него — новая Кармен?

В разговорах с современниками Ахматова отвергала упреки в неуважении к Блоку в выборе голоса, ссылаясь на то, что тенором пел Евангелист в «Страстях» Баха²⁶. Вероятно, Анна Андреевна не хотела говорить правды и назвала первое, что пришло в голову.

Но есть три оперных произведения, где тенор исполняет арии, связанные с нашей темой: в опере Бизе «Кармен» тенором поет Дон Хозе, которого можно сравнить с Дон Жуаном. В опере Моцарта «Дон Жуан» тенором поет Оттавио, жених Донны Анны (в 1910 году женихом Ахматовой был Гумилев). Скорее всего, Ахматова могла вспомнить третью оперу, оперу Гуно «Фауст», где тенором исполняется партия Фауста. Видимо, Блок ассоциировался с Фаустом²⁷. Имена собственные, взятые Ахматовой из любимых книг, рисуют разных ее гостей-духов в «Поэме без героя»:

Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»
Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто²⁸, Иоканааном²⁹,
Самый скромный — северным Гланом³⁰,
Иль убийцею Дорианом,

²⁵ Кац Б., Тищенко Р. Ахматова и музыка. 1989. Здесь высказано предположение о Германе из «Пиковой дамы» Чайковского.

²⁶ Там же, с. 243.

²⁷ Кроме того, Гуно обдумывал создание своей оперы и приступил к работе через семнадцать лет, так и Ахматова в течение двадцати с лишним лет работала над «Поэмой без героя».

²⁸ Из «Приключения в новогоднюю ночь» Гофмана. «Дапертутто» придумал в 1910 году М. Кузмин. Псевдоним «доктор Дапертутто» использовал Мейерхольд. См.: Королева В. В. Гофмановский комплекс у Мейерхольда.

²⁹ В пьесе О. Уальда «Саломея» Иоканаан — заключенный, в которого влюбляется Саломея.

³⁰ Глан — герой романа Гнута Гамсуна «Пан».

И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.

Дальше Ахматова вновь упоминает Донну Анну: «Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она — Козлоногая, посредине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Колумбина, другим — Донна Анна (из „Шагов Командора“). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь». Выбор имен в данном случае — указание читателю на то, что Ахматова соотносила себя не только с Лаурой, но и в Донной Анной. Скорее всего, это связано с биографиями Пушкина, Блока и Гумилева, но уже в новую эпоху, когда нет Блока, его стихи о Донне Анне она проецирует на себя. Поскольку в поэме Ахматова после слов о Мефистофеле переходит к Демону с улыбкой Тамары, значит, Фаустом в стихотворении «Гости» был Александр Блок, и он же «Демон сам с улыбкой Тамары». И далее Ахматова цитирует образы стихотворения Блока «В ресторане»:

Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?

Блок встретился с Командором, потому что Командором она видела Гумилева?³¹ А сама она Донна Анна, которая не могла признаться в своем чувстве к Блоку, о котором не совсем беспочвенно гадали современники:

И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты-Невы³².

Так история о Дон Жуане накладывается на собственный миф Ахматовой, на ее восприятие личностей Блока и Гумилева, главных поэтов Петербурга 1913 года, и отражается в поэме — одном из самых загадочных ее произведений.

Дон Жуан и Бродский

В списке из ста книг, предлагаемом И. Бродским для чтения, упомянут «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера, пьеса которого впервые появилась на сцене в 1665 году. У Мольера получилась комедия нравов, но просуществовал спектакль только пятнадцать представлений. В России пьесу Мольера поставили только в 1816 году в Александринском театре. В этом же году был выполнен и первый перевод комедии на русский язык (И. Вальберх), и до сих пор Мольера ставят на российской сцене (театр «Сатирикон», например).

³¹ Его стихи о Дон Жуане включены в книгу 1912 года.

³² Отсылка к стихотворению Блока «Красота страшна, вам скажут...» в ответ на стихи Ахматовой «Я пришла к поэту в гости...».

Дон Жуан не скрывает от слуги, что раскаяние его в сцене с отцом в пьесе Мольера мнимое: «...если я сказал, что хочу изменить свое поведение и вести примерный образ жизни, то тут особый умысел, чистейшая политика, спасительная уловка, необходимое притворство, к которому я прибегаю, чтобы задобрить отца, ибо он мне нужен, и чтобы оградить себя от нападков чужих людей». У Мольера сначала Дон Жуан зовет статую ужинать (через слугу), потом статуя зовет его с ответным визитом. Важен у Мольера момент, когда статуя просит руку Дон Жуана для рукопожатия. Земля разверзается и поглощает Дон Жуана. В пятом явлении четвертого действия является сначала призрак женщины под покрывалом, а потом он изменяется и предстает «в виде Времени с косой в руке, а затем командор под удары грома и молнии поражает Дон Жуана, и Сганарель сообщает, что ему удалось увидеть, как его господин был наказан за безбожие». В концовке пьесы Сганарель печалится о своем жалованье, считает, что смерть Дон Жуана «на руку» всем, кроме него.

Вероятно, знал Бродский и байроновского Дон Жуана в русском переводе или читал его по-английски, но образу Дон Жуана Бродский говорит, скорее нет, чем да. В записной книжке 1970 года Бродский записал: «Дон Жуан, Казанова, Маркиз де Сад — все они своего рода Александры Ульяновы сексуальной революции»³³. При этом неверно было бы считать, что Бродский совсем не заплатил дань образу Дон Жуана. В стихотворении «Пьяцца Маттеи» (1981) И. Бродский рисует себя Дон Жуаном, которому не удалось встретиться со своей Лаурой, названной в стихах Микелиной (ср. имя Матюрина в пьесе о Дон Жуане Мольера). У Бродского Дон Жуан — это поэт, рассуждающий о жизни, грустный, ждущий строки: «Сидишь, обдумывая строчку, / и, пригорюнясь, /глядишь в невидимую точку: /почти что юность». Поэт даже рад своему одиночеству у римского фонтана, куда не пришла возлюбленная, потому что его настоящая любовь — Муза:

сорвись все звезды с небосвода,
исчезни местность,
все ж не оставлена свобода,
чья дочь — словесность.

А. Арьев нашел в данном стихотворении Бродского аллюзии на «Бориса Годунова» Пушкина, но справедливо упомянул и о «комплексе Дон Жуана», непрерывно ищущего и покидающего «предмет вожделения»³⁴. Нам представляется, что именно Дон Жуан, а не Гришка Отрепьев является в стихотворении основным персонажем. Этот Дон Жуан — не секс-символ, а поэт, «аристократ... духа», который ценит более всего возможность творчества, свое поэтическое перо, доставшееся от Пушкина, свои черновики. Двусмысленно звучит название статьи, выбранное А. Арьевым, — «У фонтана». Этот фонтан соединяет Бродского не только с пушкинским «Годуновым» (Арьев), но и с текстом «Дон Жуан» А. К. Толстого (см. выше сцену у фонтана), с цветаевским циклом о Дон Жуане (замерзший колодец), но, самое главное, с текстом Байрона, где фонтан автором вспоминается неоднократно, в песнях 4, 5, 9, 13, 15. Жизнь у фонтана для Байрона — это жизнь вне трудностей и лишений, вне забот: «Проводить жизнь в фонтанах и в цветах/ И никогда не знать тяжести человеческих часов»³⁵ (песнь 4).

³³ <https://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/434-iosif-brodskij-aziatskie-maksimy.html>.

³⁴ Арьев А. // Звезда, 2023, ноябрь. <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4298>.

³⁵ George Gordon Byron. Don Juan. «To pass their lives in fountains and on flowers,/And never know the weight of human hours» (Canto 4).

У Байрона фонтан — образ того счастья, полноты бытия, которое может обрести человек: «В любви пьют все жизненные фонтаны, кроме слез»³⁶. В девятой песни Байрон пишет: «все души окунутся в вечный фонтан»³⁷. В 13-й песни фонтан — украшение двора: «Посреди двора готический фонтан играет. Симметричный, но причудливо украшенный, Странные лица, подобные мужским в маскараде: здесь возможно чудовище, там — святой»³⁸. В 15-й песни: «Он ведет их через залу, через ряд прекрасных, но тихих комнат, где мраморный фонтан эхом разносится во мраке ночи»³⁹. У Байрона слово используется и метафорически, когда речь идет о фонтанах истины: «Истина фонтанов может быть чиста, ее потоки — мутны»⁴⁰. Бродский сначала толкует фонтан как воды прошлого: «Я пил из этого фонтана». Затем появляется образ замороженного, оледеневшего фонтана («Зима. Звенит хрусталь фонтана. /Цвет неба — синий»⁴¹), где эмигрант-поэт оказывается на том же месте, и его стихи звучат благодарностью Провиденью и Паркам за свое настоящее и возможность писать стихи в Риме, где он видит себя незаконным сыном Римской волчицы (Бродский не испанский, а итальянский Дон Жуан), а город — своим автопортретом. Упомянул Бродский в стихотворении и Торквато Тассо, поэта, которому Байрон посвятил поэму «Жалоба Тассо». Тассо был влюблен в пятнадцатилетнюю Лукрецию, обрученную с графом Маккиавелли, а он посвящал ей стихи в духе Петрарки. Позже Тассо влюбился в девушку по имени Лаура, еще много раз увлекался, но, видимо, не был счастлив в любви. Очевидно, что Бродский отмечал сходство своей биографии с биографией Тассо, поэта, вынужденного много скитаться по Италии, а потом надолго заточенного в психическую лечебницу. Как Бродский, Тассо боролся с несвободой, ему не хватало признания. Если город Т. Тассо — это Рим со святыми отцами (Т. Тассо неоднократно приезжал в Рим и жил в нем), то Рим Бродского — это город-мать, город, в котором можно писать стихи, убежав из реальности, «как убогий раб» Пушкин убежал в Михайловское или Болдино⁴². Если у П. Мериме⁴³ и А. К. Толстого Дон Жуан превращается в монаха, если таким монахом стал сам Т. Тассо, то у Бродского Рим — это «не купола, не черепица со Св. Отцами». Его лирический герой — Дон Жуан — поэт, покончивший с прошлым. В логове Римской волчицы он счастлив даже без любви Микелины, счастлив с дочерью Свободы, с русской Словесностью. Бродский сохраняет значимое для него жен-

³⁶ «In love drinks all life's fountains (save tears) dry» (Canto 4).

³⁷ «all souls are dipt In thy perennial fountain» (Canto 9).

³⁸ «Amidst the court a Gothic fountain play'd,

Symmetrical, but deck'd with carvings quaint —
Strange faces, like to men in masquerade,

And here perhaps a monster, there a saint...» (Canto 13).

³⁹ «He leads them through the hall, and, without stopping,

On through a farther range of goodly rooms,
Splendid but silent, save in one, where, dropping,
A marble fountain echoes through the glooms
Of night» (Canto 15).

⁴⁰ «Truth's fountains may be clear — her streams are muddy» (Canto 15).

⁴¹ Ср. у Цветаевой строки о замерзшем колодце, с которыми корреспондирует Бродский.

⁴² Среди поэтов-предшественников видит Бродский, очевидно, Павла Когана, написавшего «Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!» («Гроза», 1936). Свобода самовыражения оказывается для Бродского категорией определяющей; геометрию же в виде креста или овала он считает чем-то малозначимым, «низким» для себя, как низки числа в стихотворении «Слово» Н. С. Гумилева.

⁴³ Слово «цезарь», использованное Бродским, говорит о его знакомстве с новеллой Мериме. Оно может быть использовано многозначно и как соотнесение с Юлием Цезарем («огрызок цезаря»), а употребление строчной буквы делает образ нарицательным.

ское начало: в его тексте противопоставлены реальная девушка и метафорическая Словесность. Так Бродский в стихах согласился с Ахматовой, написавшей о пушкинском Дон Гуане, что Гуан — это прежде всего Поэт. То, что «за кадром» присутствует Байрон, подчеркивает выбор строфы: у Бродского рифмовка не как в традиционной октаве абабабсс, а постоянное чередование абабабаб, как у Северянина. И все-таки он избирает именно октавы — итальянский стих, хотя и осовремененный.

В эссе «Altra ego» (1990), посвященном проблеме поэтического творчества и образу Музы, Бродский оттолкнулся от образа Дон Жуана как от ненужного. Он отметил: «Представление о поэте как о завязаном донжуане появилось сравнительно недавно. Подобно многим представлениям, укоренившимся в массовом сознании, оно, по-видимому, явилось побочным продуктом промышленной революции, которая, благодаря квантовым скачкам в людской численности и грамотности, породила само явление массового сознания. Другими словами, такой образ поэта, кажется, больше обязан всеобщему успеху байроновского „Дон Жуана“, чем романтическим похождениям его автора, возможно впечатляющим, но в то время широкой публике неизвестным. К тому же на всякого Байрона всегда найдется свой Вордсворт <...> Орфей отнюдь не Дон Жуан. Он так потрясен смертью своей жены Эвридики, что олимпийцы, не в силах более терпеть его стенания, разрешают ему сойти в преисподнюю, чтобы вывести ее»⁴⁴. Для Бродского поэт — Орфей, однолюб, идущий к Эвридике. Муза для Бродского — некое «altra ego» поэта; Муза — женский голос языка, к которому прислушивается поэт. Бродский обратил внимание на то, что в ряде языков слово «язык» — женского рода. «Любовь <...> всегда опыт монотеистический, — пишет Бродский. — <...> Любое стихотворение, независимо от его темы, — само по себе есть акт любви не столько автора к своему предмету, сколько языка к части реальности»⁴⁵. Такое настойчивое дистанцирование от образа Дон Жуана объясняется тем, что и сейчас можно прочитать статьи, авторы которых составляют донжуанские списки Бродского, что не могло не раздражать поэта как вмешательство в его жизнь. Кроме того, эссе написано в год женитьбы Бродского на М. Соццани, этим и объясняется негативное восприятие символа человеческого непостоянства. Бродский расправляется с Дон Жуаном в себе, словно Пушкин Болдинской осенью, ожидавший женитьбы на Гончаровой.

Как видно из приведенных текстов, образ Дон Жуана в русской поэзии XIX—XX веков представлен довольно разными стихами, но во всех текстах в центре находится Дон Жуан, любящий, презирающий, мечтающий о любви, добывающийся любви, сражающийся за любовь, пишущий о ней стихи, персонаж, влекущий к себе поэтов, независимо от пола, возраста, национальности, вероисповедания, потому что, помимо попытки найти идеальную любовь (Бальмонт), поэты ищут идеальное слово (Бродский), через которое и рождается их диалог друг с другом, диалог Поэзии с Музыкой, непрекращающийся диалог с вечными образами мировой литературы.

⁴⁴ Источник: <https://brodskiy.su/proza/altra-ego>.

⁴⁵ Источник: <https://brodskiy.su/proza/altra-egoэтика>.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Дмитрий АНИКИН

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

(праздные размышления
о поэзии Евгения Каминского)

Блестит зима дряхлеющего мира...

Е. А. Баратынский

Евгений Каминский, как всякий поэт, уместен в своем и неуместен в общем, в текущем времени. Именно это темпоральное напряжение и создает сперва просодию, которая не что иное, как попытка счета, измерения зазора в минутах, секундах, слогах, а потом и поэзию как таковую. Время Каминского суровое и честное, время предпоследнего часа, только тем и похожее на наше, обыденное, профаническое, что такое же неудобное.

Тот, кто ощущает, что живет в прям-таки последних временах — стихов не пишет, тем более не имеет сил ставить стих плотно к стиху.

Дай Бог нам жить в последних временах!
Милее доли нет, по крайней мере,
для тех, кто в четырех своих стенах,
во мраке затаившись, как в партере,

Дмитрий Владимирович Аникин родился в 1972 году в Москве. По образованию — математик. Предприниматель. Публикации в печатных изданиях: циклы стихов в журналах и альманахах «Новый мир», «Prosodia», «Слово/Word», «Плавучий мост», «Перископ-Волга», «Кольцо-А», «Дегуста», «Нижний Новгород», «7 искусств», «Сетевая словесность», «Изыщная словесность», «Клаузура», «Русский колокол», «Точка зрения», «9 муз» и др. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси». Шорт-лист конкурсов «Му Prize 2024», «Мыслящий тростник». Автор книг «Повести в стихах», «Сказки с другой стороны», «Нечетные сказки». Живет в Москве.

глядит, как люди гибнут за металл,
как вдохновенно губят жизнь друг друга...

(«*Плавучий мост*», 2020, № 1 (25))

Бродский, вслед за Элианом, писал о трагедии, где гибнет не только главный герой, но и хор. Прогресс не остановить: Каминский наблюдает за прибавившей себе страха и трепета трагедией, где гибнет еще и зрительный зал. Но и это не конец:

Плох человек, а пьеса хороша:
предательства, измены, святотатства...

(«*Плавучий мост*», 2020, № 1 (25))

В последней трагедии погибнет еще и автор, сгорит театр, но об этом уже никакая поэзия не расскажет. А пока продолжается действие — надо подбирать слова, надо писать, потому что молчание станет окончательным, юридическим свидетельством смерти.

Потому что не жить — это как же?
Нет, никто не расскажет, боюсь.

(«*Плавучий мост*», 2020, № 1 (25))

А если поэт рассказывает, то, значит, он еще живет, значит, мы все, те, кто его читает, еще живем. И пусть поэт говорит:

Вот уж и Слово живое не нужно —
всюду пустые слова...

(«*Урал*», 2011, № 11)

Но пока он это говорит живыми словами, ничего еще не кончено. Хотя это и не великое утешение.

Стихи Каминского — это запись предпоследнего акта предпоследней трагедии, живые сцены из предпоследних времен. Суровая и мужественная драматургия, знающая, что будет в финале, но ни на йоту не поступающая ни ритмом, ни рифмой, ни пафосом. Смерть так много чего означает, что в конечном счете не значит уже ничего. Представление идет не ради того, чтобы зрители разошлись.

Так как последний акт не доступен ни автору, ни зрителю, то современная трагедия не предполагает катарсиса. Только, может, его и в той настоящей, в античной трагедии не было. Повезло Аристотелю удачно вернуть медицинский термин, означающий «очищение» или даже «опорожнение», и все поверили в то, что искусство может что-то сделать с человеком и его смертью. Поэзия Каминского гонится за катарсисом, как Ахиллес за убегающей черепахой. И чем в упор явственнее узоры и трещины панциря, тем понятнее, что не догонит. Этот бег и есть стихосложение.

Кто бы мог подумать, что в стихах так хорошо будет слышно тяжелое дыхание черепахи, всего нашего черепашьего времени и места.

Понятно, что мир закончится и взрывом, и всхлипом одновременно. То есть теми звуками, передать которые поэзия не в силах. Доблесть поэта — балансировать на по-

следней черте, за которой может быть все что угодно, но только не Слово. В стихах Каминского присутствует идеальное, такое ощущение, что математически выверенное, чувство меры, понимание близости и нерушимости границы.

И все невозможнее взгляд отвести свой от бездны.

(«Звезда», 2007, № 4)

В другом стихотворении:

Плечами задевая облака,
встав на карниз отчаянно над бездной
(в надежде, если честно, бесполезной,
что станет мир светлей для дурака),
от смерти, может быть, на волосок,
как Манассию хающий Исая,
над улицей опасно нависая,
я тряпкою водил наискосок.

(«Урал», 2015, № 7)

Или вот еще:

Но докурить мертвецу
можно над бездной?

(«Звезда», 2004, № 2)

Настоящее мужество поэта — сознать бездну, но сохранять с нею дистанцию, но продолжать свое дело «от небытия на волосок» «в надежде бесполезной», имея в виду не только «правду распада», но и другую правду, о которой честный человек не скажет ни Слова, но будет только подразумевать.

Говорят, что поэзия Каминского — это о смерти, о страхе перед смертью. Нет, поэзия всегда о чем-то другом, и неважно, сколько раз поэт употребил слова «смерть» и «страх». Смерть — это хаос, а поэзия — это утверждение порядка, это вера в то, что поддонная тьма корней непременно вымахает в свет выси. И пусть даже этот свет иногда страшнее тьмы.

Жить на краю и не бежать судьбы,
ждать, что — вот-вот... и обрастать листвою.
Кто научил их? Верю какую
исполненные, корни их тверды?

(Цикл «Деревья» из книги Евгения Каминского
«Избранные стихотворения», СПб., 2014)

Стихи Каминского — это документы из предпоследней инстанции Страшного суда. Еще можно обжаловать приговор. Шансы на успех процесса малы, но действительны. Все дело в том, есть ли желание затевать тяжбу.

Поэт помнит, что он из тех, кого можно «просто убить, но не купить», а понимает ли, что наступают времена, когда никто и гроша ломаного не предложит, а если убьют, то не как поэта, так... даже не для ровного счета.

Поэзия Евгения Каминского — это прежде всего умная и культурная поэзия. Во времена наступающего варварства такие эпитеты звучат почти оскорбительно. Вообще пушкинскую фразу о том, что «поэзия должна быть глуповата», как-то слишком глуповато воспринимают. Протеевская сущность помогает поэзии, если надо прикинуться глуповатой, но это если надо. А еще в стихах Каминского есть мастерство.

Ум, культура и мастерство составляют плоть поэзии. Что такое дух поэзии, не знает никто. Во всяком случае, в стихах Каминского он дышит, потому что хочет.

Со времен Гомера и его списка кораблей поэзия занята запоминанием, перечнем предметов и примет жизни. А когда с жизнью происходит что-то не то, еще не катастрофа, но ее явственное приближение — поэту становится не по себе.

А если еще из пейзажа изъять каланчу,
то даже не знаю, за что мне душой зацепиться,
чтоб здесь задержаться...

(«Крещатик», 2019, № 4)

Каминский тревожно наблюдает за видимым и слышимым убыванием мира.

Средь вавилонских повсюду натканных башен
страшен народ, равнодушно идущий в тираж.

(«Избранные стихотворения», СПб., 2014)

Для поэта изничтожение мира — это прежде всего деградация языка, геометрическая прогрессия убывающих вавилонских башен, в падении которых уже нет ничего величественного, но с каждой такой катастрофой остается все меньше слов, все меньше поэзии. И Каминский спешит договорить, пока еще можно.

Как пророк, пораженный в правах,
под конвоем уйдя с Эвереста,
я нашел себе место в словах,
в небесах не найдя себе места.

(«Избранные стихотворения», СПб., 2014)

В словах остается все меньше и меньше места. А другого места для поэта и вовсе не существует.

Самый близкий по звучанию Каминскому поэт — это Баратынский, с его умной и сдержанной лирикой. Никто в России так осознанно не писал о смерти и никому не удалось написать о смерти и о страхе смерти настолько жутко и случайно, как Баратынскому в «Пироскафе». И у Каминского самые страшные строки звучат чуть ли не весело.

Ведь там, где тишь да благодать —
песок да глина,
где больше незачем страдать, —
лежишь, дубина,

где смерть тебя, сводя на нет,
берет в кавычки,

выходит бабочка на свет
и из бомжички.

(«Урал», 2015, № 7)

Или:

— Скажи, но, боль стерпев свою,
над миром светлым
мы станем птицами в раю?
— Мы станем пеплом.

(Цикл «Деревья» из книги «Избранные
стихотворения», СПб., 2014)

Сказано уже — катарсиса не будет. Или стать пеплом — это уже катарсис?

Как всегда, в литературе оставлена открытой вакансия последнего поэта, того, кто все доскажет и подытожит, жаль, что это будет уже не поэзия.

Философ Витгенштейн сказал: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать», а Михаил Гаспаров привел продолжение фразы: «А не надо думать, будто об этом можно, например, насвистать». Каминский останавливается там, где положены пределы поэзии, не унижаясь до свиста и тому подобных звуков.

РЕЦЕНЗИИ

ОТСЮДА ИДУЩИЙ ЗОВ

Борис Гриненко. Признание в любви. — М.: Эксмо, 2024. — 408 с. — (Мастера прозы)

«Если тебя полюбит писатель, ты никогда не умрешь», — написала однажды в эссе американская писательница Мик Эверетт. Этот афоризм стал очень популярен в сети. И понятно почему: мировая литература знает множество подобных примеров. Сонеты Шекспира, Данте, Петрарки — лишь вершина айсберга и первое, что приходит на ум. Но сколько их в художественном наследии — этих книг, созданных исключительно для того, чтобы подарить бессмертие безвозвратно ушедшим любимым...

Книга Бориса Гриненко «Признание в любви» — как раз из таких. Это история любви, история долгой и мучительной борьбы за жизнь и — история утраты, глубоко личная и пронзительная.

Книга посвящена умершей жене автора — Ирине. Ее образ — центральный: и в романе, и в жизни героя-повествователя. Недаром одним из первых вспомнился Данте: есть в Ирине — Эйрене — что-то от Беатриче. Ее характер, ее суть раскрываются постепенно: на первых страницах мы видим просто умную и красивую женщину, в которую влюбляется главный герой. Но чем больше мы о ней узнаем, тем отчетливее понимаем, насколько она необыкновенная. Вот во время путешествия в Грецию она вместе с мужем отважно бросается сдерживать огонь до приезда пожарных, не подпуская его к деревянному ресторанчику. А вот в Италии очаровывает туристов и местных жите-

лей, распевая «О соли мио», делясь с миром переполняющим ее светом. Она способна создать вокруг себя атмосферу праздника в любых обстоятельствах. К ней тянутся люди и, что еще более показательно, животные, а их не обманешь. У нее «зеленые пальцы»: любое посаженное ею растение зеленеет и цветет всем на радость. В одном из эпизодов Гриненко поднимает образ возлюбленной на максимальную высоту: полная луна становится ее нимбом, это уже не просто земная женщина — это святая...

В переводе с древнегреческого имя *Ирина* означает «мир», «спокойствие». Она — из редкой породы миротворцев, альтруистов, думающая в первую очередь о других, гармонично развитая интеллектуально и духовно. По непонятным вселенским законам такие люди почему-то никогда не умирают от старости в собственной постели: их смерть всегда несвоевременна и мучительна. Вот и Ирину-Эйрену не минула чаша сия...

Несвоевременность, несправедливость — повторяющийся мотив романа. Герой-повествователь не раз озвучивает мысль о том, что он старше на 17 лет — а значит, и уйдет первым. Тем горше выпавшая на его долю потеря. «Ставлю свечу на канун. Медленно она горит. Нет, это я тороплюсь. У Бога ничего не прошу — нечего. Ира говорила, что этот год будет особенным: ей пятьдесят семь, а мне — семьдесят пять. Судьба вложила убийственную иронию в перестановку цифр — переставила жизнь. Я здесь, а ее нет». Особенно драматичной в данном контексте предстает и традиционная роль мужчины, который должен быть защитником, заступником. Боль от потери сопровождается отравляющим чувством вины: подвел, не уберег...

Вообще вторая половина «Признания в любви», начиная с постановки диагноза, написана мастерски. Здесь особенно чувствуется, что книга — автобиографическая: передать все оттенки этого почти невыносимого страдания невозможно, не испытывай их на себе. И одновременно именно в этих мучительных главах раскрывается вся красота любви главных героев. Легко быть вместе в радости и здравии, а вот в болезни и горе — не каждый сможет... Но такая долгая и сильная любовь — слияние душ: это уже не два отдельных человека, но единое целое; сплетенные, спаянные намертво жизни: «Прислоняюсь щекой к ее щеке. Только что вытирал слезы я, теперь ее щека мокрая. Обнимаю за плечи, молчу. Долго держать не получилось. Опять мои слезы. Снова выхожу в ванную. Сколько у человека может быть слез? Они льются и льются, и конца им нет. Это мера любви. Мои слезы ее боли». Одни на двоих слезы, одна на двоих любовь, одно на двоих отчаяние...

И одна на двоих надежда. Несмотря на весь трагизм ситуации, мужество, с которым герои, встав плечом к плечу, борются с болезнью, не может не вызывать восхищения. Сам автор сравнивает это с воздушным боем: «На фронте в воздушном бою всегда двое: ведущий и ведомый. Бой ведет ведущий, ведомый следует за ним, прикрывает. Такая тактика помогала выжить и победить. Я ведомый, за Ирой, за ведущим. Она ведет бой с болезнью. Ее не сломили, воля к победе — улыбка».

А что остается, когда бой проигран? Остается только память...

Память — еще один сквозной и многогранный образ в романе. Борис Гриненко много размышляет о ее феномене, видя в ней мост между настоящим и прошлым, между жизнью и смертью: «Память — это то, что связывает нас с жизнью, без нее и жизни как таковой нет. Память не верит, что это случилось? Или хочет, чтобы я больнее прочувствовал? Поэтому и выдает сначала то, что ранит. Память ругает меня последними словами и хочет разобраться, тычет меня носом в то, что я, может быть, не так сделал там, там... и тут — неужели нельзя было поступить иначе? Доходит до последней ночи. Ирины глаза — и ничего не могу с собой поделаться»; «И вот теперь, когда назад ничего не вернешь, со мной опоздавшее признание. Ну почему, почему не го-

ворил ей о любви? Насколько радостнее было бы ей. И мне. Каждый день. Память приобрела сослагательный характер, не отступает от меня это „бы“...»

Но одновременно с пыткой бесконечными «бы» память способна принести и облегчение. Ведь она — ключ к бессмертию для дорогого существа. Когда главный герой вспоминает счастливые моменты с женой, Ирина словно оживает. Там, в этих воспоминаниях, она никогда не умрет. Особенно теперь, когда они записаны и претворились в произведение. Страдания, преодоленные на художественном уровне, становятся искусством. Любовь героев обрела бессмертие и в метафизическом, надмирном смысле слова, став сильнее смерти, и в буквальном. Перелившись в роман, любовь победила смерть. А не ради ли этого был написан этот потрясающе живой, по-мужски жесткий, со множеством точных и прицельных подробностей, но при этом невероятно нежный, трепетный текст?.. Порой поднимающийся до таких лирических высот, что отдельные фрагменты читаются как стихотворения в прозе: «У хризантем горький запах, снег не останавливается и засыпает цветы, но запах остается, он у меня внутри».

Сейчас, оценивая текст, редко говорят о таком явлении, как катарсис. Причина, наверное, в том, что в современных произведениях очень редко встречается катарсис как очищение через преодоление. Почему так? Это тема для отдельного исследования, но очевидно одно: в романе Бориса Гриненко катарсис случился. И здесь он не оттого, что герой смирился с Божьей волей, потеряв любимую, а напротив, он яростно бунтует, бунтует до последнего, бунтует против мироустройства в целом, бунтует против себя, оставшегося жить. И бунт его праведный, потому что в основе его невероятная сила воли героя, подлинный подвиг любви. И то, что сам герой не ощущает эту любовь как подвиг, делает его образ более цельным, более обаятельным для читателя.

Автор, к слову, очень умело и к месту использует такой кинематографический прием, как флешбеки. Они не только обогащают роман смыслами и образами, но и влияют на течение времени внутри повествования. Оно неоднородно: то ускоряется, то замедляется. Так, первые совместные годы Ирины и Бориса, кажется, пролетают, как дни: вот их совместный поход в театр, с которого все началось, — а вот они уже женаты почти четверть века: «„Счастливые часов не наблюдают“. Но часы не про нас — про тех, кто влюблен. Кто действительно любит, тот не замечает лет...» В этой, первой части романа время движется преимущественно линейно. А во второй — после постановки диагноза — автор словно пытается растянуть его, отдалить неизбежное: в повествование о больничных мытарствах то и дело врываются воспоминания из прошлой, счастливой жизни: дача под Нарвой, совместные путешествия по миру, встречи с друзьями... Этот контраст усиливает впечатление: благодаря ярким лучикам света лучше понимаешь глубину окутавшего героев мрака...

А потом, после катастрофы, время как будто и вовсе прекращает свое существование: «Время обиделось и побежало своим чередом. Сейчас оно уже не имеет значения...» «Люди из храма вышли. Подаю записку на поминовение.

— Какой у вас день?

— Никакой. Все одинаковые, без нее».

Есть в романе и другие сквозные образы. Например, луна или лодка Харона. А еще — хризантемы, которые закольцовывают повествование: от букета, наполняющего ароматом номер отеля, где влюбленные остановились во время первого побега ото всех, до цветов на могиле Ирины: «Я молчу. То, что нужно было сказать ей, — не успел; сейчас — поздно. Среди ярких цветов выделяются мои белые хризантемы — чистый свет нашей любви на белом покрывале Ирины. Каким и было наше счастье. Раскрываю ладони, подставляю снежинкам — не холодно, как и тогда, когда они были вместе с Иринею. Их согревает память... Ее любовь будет со мной до конца».

Очередной контраст. Роман во многом на них построен: любовь и боль, жизнь и смерть, счастье и горе, общественное и частное (любовная история главных героев развивается на фоне глобальных социальных и политических событий 90-х годов). Проявляется контрастность и в стилистике: суховатый синтаксис с короткими рублеными предложениями соседствует с яркими поэтическими образами. Краткость и простота — для передачи фактов, поэзия — для описания чувств, моментов счастья: «Неподвижные белые чайки напоминают нам, северным людям, мелко раскрошенную льдину», «Свет играет с рябью на воде, с нами играют ароматы духов и кухни», «Забарабанил дождь, но опомнился; и зазвучал рояль, на котором играли в четыре руки».

Структура романа — одна из безусловных удач автора. Особенно учитывая, что «Признание в любви» — это первая книга Бориса Гриненко. Несмотря на то, что текст состоит из множества фрагментарных историй и впечатлений, в итоге он воспринимается как единое художественное целое: история личной трагедии на фоне эпохи. Все повествование, даже исторические штрихи, словно намагничивается вокруг прелестного образа Ирины; именно он незримо выстраивает органичную и устойчивую композицию романа. Чувствуется, что работа над текстом шла долгие годы: первые миниатюры, которые легли в его основу, Борис Гриненко начал публиковать в сети еще в 2018 году. И со временем они сложились в многослойный роман, в котором нашлось место и историческим реалиям, и драгоценным личным воспоминаниям, и неизбывной боли, и красоте мира.

Это не только признание в любви. Это гимн любви, которая никогда не иссякает: «Друзья спрашивают: „Не трудно одному?“ Имеют в виду, что среди моих знакомых есть женщины. Они моложе меня, симпатичные и не против того, чтобы жить вместе. Я не хочу. Для себя мне ничего не нужно, а от одной мысли о жизни с другой становится не по себе. Изменить живому — стыдно. А обидеть того, кого уже нет, — это не предательство, это грех. Ирочка, ты была моей жизнью, тебя не стало — не стало и жизни. Все проходит... не проходит только любовь. Я даже в мыслях не могу тебе изменить. Ирочка, я люблю тебя».

Книга «Признание в любви» — несомненная творческая удача автора. Пронзительный, светящийся любовью и страданием «отсюда идущий зов» стал мощным посланием и, хочется верить, достиг горних высот.

Анастасия ЕРМАКОВА

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Часть 3

Продолжим наш путь к центру города Эльче, который расположен близ реки Виналапо. Вот что можно было видеть здесь сто с лишним лет назад: «Пред въездом в городок вдруг разверзается огромный и глубокий овраг, необделанный, обсыпанный со всех сторон. Каков был он вероятно при готах, таков остался и теперь, — пишет Е. А. Салиас. — Рука человека и искусство не коснулись его. Весною он, вероятно, превращается в ложе мутного и буйного потока, шумящего и клубящегося по камням к недалекому морю. Теперь среди этих навороченных камней робко и тихо струится маленький серебристый ручеек»¹.

Сегодня здесь все по-иному. Берега речки взяты «в камень», причем на двух уровнях: можно идти либо вдоль самого берега, либо любоваться дивной панорамой сверху, где проложена автомагистраль. Дно реки также вымощено на двух уровнях: в засушливые дни ручей бежит по узкому бетонному желобу, а по обе стороны от него — сухое речное ложе с твердым покрытием, расписанным детскими рисунками. Такое впечатление, что это Берлинская стена, опрокинутая на дно реки, — ведь она со стороны «свободного мира» тоже была разрисована. Говорят, что расписное дно речки в Эльче внесено в Книгу рекордов Гиннеса как самое длинное панно в мире, — ведь Берлинской стены, которая могла бы превзойти эту роспись, больше не существует. Но горе тому, кто беспечно желал бы вздремнуть на этом живописном ложе в пасмурный день. Потоки воды, несущиеся с гор, быстро заполняют русло речки, и мутный поток, сметая все на своем пути, захлестывает детские рисунки...

А поскольку действительно начинает накрапывать дождь, то ради безопасности воспользуемся мостом, чтобы со стороны полюбоваться на остатки старинной крепости, когда-то охранявшей город от непрошенных гостей. Но сегодня берега, на которых стоит Эльче, соединяет несколько мостов, поэтому пойдем по самому древнему из них, через который в XIX веке следовали русские путешественники. «Мост, перекинутый через эту пропасть, как-то странно выстроен, — пишет Салиас. — В середине он расширяется и по бокам стоят статуи святых. Некоторые прохожие, выходявшие из города и вступавшие, как и я, останавливались пред статуями, преклонялись и по-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Салиас Е. А. Собрание сочинений. Т. 24. Las Espanas. Путевые очерки Испании (1864) М., 1900. С. 501.

сле одного (произнесения молитвы. — *Авт.*) Ave Maria или Pater Noster проходили далее, уступая место другим»².

Сегодня эта традиция утрачена. Быстрый рост Эльче в последние десятилетия, его промышленное развитие и все возрастающий поток туристов во многом изменили лицо города. Однако в Эльче сохраняется еще одна древняя традиция, благодаря которой этот городок широко известен в христианском мире. Речь идет о так называемой эльчской мистерии, о которой вскользь упоминает Е. А. Салиас: «Ежегодно в день Успения Богородицы собираются сюда на праздник тысячи богомольцев. Несколько костюмированных юношей представляют в соборе одиннадцать апостолов, а один, с лучшим голосом, одет как Мадонна и поет гимн... А на другой день носят по улицам уже настоящую (статую. — *Авт.*) Мадонну»³.

Эта мистерия, единственная в своем роде на территории Европы, сохранилась в основном благодаря гражданам Эльче. На протяжении семи столетий, проявляя всеобщий энтузиазм, они сохраняют форму и дух эльчской мистерии, которая достоверно воссоздает мир средневековой религиозной драмы. В XII—XVI веках постановка в церкви драм на библейские темы (мистерий) получила широкое распространение во Франции, Англии и Испании. Эти постановки, в которых принимали участие сотни актеров, продолжались порой несколько дней подряд, и в ходе их использовались сложнейшие декорации и оборудование. Некоторые из сохранившихся текстов мистерий насчитывают более 30 тысяч стихов. Уже в XII веке эти представления происходили на Пиренеях на испанском народном языке, а не на латыни. Они получили название ауто, то есть «действие».

До нас дошло немного документов и текстов, относящихся к раннему периоду мистерий. Самым авторитетным документом, подтверждающим существование испанских церковных «действ», является следующее предписание кастильского короля Альфонса X Мудрого (1221—1284): «Духовные лица не должны сочинять издевательских игрищ... а тем более представлений этих не следует давать в церквях, напротив того, их следует постыдно изгнать оттуда, не наказуя, впрочем, участвовавших в них: ибо Церковь была воздвигнута для молитвы, а не для шутовских представлений. Но есть представления, какие духовенство может давать — это представления рождения нашего Господа Иисуса Христа, где показывается, как ангел явился пастухам и возвестил о рождении Иисуса, как пришли три царя для поклонения Ему, и представление Его Воскресения, где изображается, как Он был распят и воскрес на третий день.

Подобные зрелища могут быть устраиваемы духовенством как обучающие людей добру и напоминавшие им о том, что представляемые события действительно произошли. Все это должно быть совершаемо прилично, с должным благоговением, и притом только в больших городах, под надзором архиепископа, епископа или присланных ими лиц, а не в деревнях или простых селениях и во всяком случае не для того, чтобы этим зарабатывать деньги»⁴.

Эти средневековые инсценировки Библии явились предшественницами драматургии и музыки европейского Ренессанса. В эпоху средневековья такие мистерии (действия) разыгрывались во многих соборах европейских городов; в Эльче начиная с XIV века ежегодно (14 и 15 августа) ставится по случаю праздника Успения Богородицы средневековая мистерия.

Но известно также, что с возникновением Реформации (XVI век) Римско-католическая церковь постепенно перестала практиковать мистерии, чтобы не дать протестантам

² Там же.

³ Там же. С. 503.

⁴ Штейн А. Л. История испанской литературы. М., 1976. С. 92.

стантам повода для обвинения в устройстве «балаганов» в стенах церквей. Именно поэтому Тридентский собор (1545—1563) запретил драматические представления в церквях. Но этот запрет часто нарушался, поскольку мистериальные традиции успели уже укорениться в Испании и других католических странах Европы. Так, в 1597 году духовник *Филиппа III* вынудил его издать декрет о закрытии театров. Но действовал этот запрет лишь несколько месяцев⁵.

О том, что мистериальные представления хотя и с меньшим размахом, но по-прежнему практиковались в Испании, свидетельствует очередной указ — от 17 июня 1765 года — о запрещении «аутос сакраменталис». «*Карл III* запретил представления „ауто“, но привычки народа, имевшие пятивековую давность, не могли быть мгновенно уничтожены королевским указом, — писал английский исследователь *Джон Тикнор*. — „Ауто“ или похожие на них религиозные представления потом еще давались долго в отдаленных уголках Испании. В колониях же, некогда принадлежавших Испании, представления такого рода, если и не в прежней форме, никогда не прекращались»⁶.

Жители Каталонии издавна славились своей тягой к независимости от короны. Войдя в состав Испании, многие каталонские области стремились сохранить свои порядки и установления, свои «фуэро» — вольности, как издавна называют в Испании права и привилегии. Проявлялось это и в церковной сфере. Быть может в этом и кроется причина того, что по специальному распоряжению папы Урбана VIII на эльчскую мистерию запрет не был распространен. Кроме того, Эльче находился весьма далеко от таких протестантских стран, как Германия и Швейцария, и «ревнители благочестия» с трудом могли бы отыскать этот городок, утопающий в пальмовых рощах.

Но это все было в прошлом, и спрашивается, как могла уцелеть эльчская мистерия в эпоху, когда бурный рост городов, развитие туризма и средств массовой информации исказили или совсем стерли с лица земли множество традиционных народных драм и обрядов во многих частях мира? Ведь в допетровскую эпоху и в России были такие мистерии, как «Хождение на осляти», «Пешное действо» и ряд других. Но все это исчезло в потоке реформационных преобразований.

Одно из возможных объяснений этому, несомненно, следует искать в тех сложных связях, которые на протяжении веков объединяют жителей Эльче с «их» мистерией. Сегодня, как и в средние века, вся городская община вносит свою лепту в ее успех. Актеры, из года в год оттачивающие свое мастерство в ролях апостолов, ангелов или людей из толпы, — это рабочие, ремесленники и служащие, которые живут и работают в современном мире, но в то же самое время прекрасно сознают, что являются хранителями замечательной традиции.

Многим паломникам, посещающим Эльче, не везет: ведь эльчская мистерия разыгрывается всего один раз в год — в середине августа. Номера в местных гостиницах бронируются за полгода вперед. Но все же интересно посетить кафедральный собор, в стенах которого в течение нескольких столетий ставится это необычное действо.

Пройтись по старинным улочкам Эльче — одно удовольствие. Реконструкция старой части города проведена с большим тактом, и сохранены фрагменты старинных укреплений. Где-то здесь пробирався к собору наш предшественник Е. А. Салиас, — «узкими улицами, заворачивающими то вправо, то влево, словно тропинки в лесу». «В конце одной улицы я немало полюбовался полубашней, полуколокольней, — пишет он. — Круглая, высокая и массивная, она в основании своем — широкие и просторные ворота и всюю массою своей стоит на смелой, легкой, выгнутой арке. Таким образом все

⁵ Смирнов А. А. Испанская сцена в XVI—XVII вв. В сборнике: «Европейский театр», вып. 1. Пг., 1923. С. 199.

⁶ Тикнор Д. История испанской литературы. Т. II. М., 1883. С. 318.

здание башни держится на двух не очень толстых стенах и на арке. Если закрыть руками две стены или бока этих широких ворот, то остальное здание сажени в четыре словно висит в воздухе на сажень от земли»⁷.

Одна из улочек выводит к местному театру. Внутри можно увидеть старые афиши; одна из них — начала 1980-х годов, сообщает, что в Эльче была поставлена пьеса «Дракон» Е. Шварца. Да... И сюда мы влезли со своими проблемами... Впрочем, в те годы, когда рухнул франкистский режим, пьеса была актуальной и в Испании — ведь надо было освобождаться от тоталитарной идеологии.

Но продолжим путь к собору, колокольня которого уже показалась в конце одной из улочек. В дни празднеств они до предела заполнены жителями города и многочисленными паломниками, специально прибывающими в Эльче к началу торжеств. Ведь это последний церковный летний праздник — Успение Богородицы, часто называемый в Испании «Августовская Дева».

Эльчская мистерия состоит из двух частей: «Веспра» и «Феста», которые исполняются соответственно 14 и 15 августа. Первая часть начинается с появления Девы Марии в церкви и заканчивается Ее смертью (Успением) в окружении апостолов. С «небес» спускаются четыре ангела и затем вновь возносятся под купол, унося с собой образ Марии, символизирующий ее душу. 15 августа инсценируется торжественное погребение Девы Марии и возложение на Нее венца, которое происходит под аплодисменты и ликующие крики толпы; в этот момент играет орган, звонят колокола, вспыхивают огни фейерверка. Это венчание на царство, точнее, момент, когда сверху на главу Богородицы спускается корона, является завершением торжества, переходящего затем в народное гулянье.

Одна из особенностей мистерии состоит в том, что ее участники относятся к разным возрастным группам. В ней заняты прихожане всех возрастов, сплоченные общим энтузиазмом. Дети и подростки, например, исполняют, согласно средневековой традиции, женские роли. Традиция, согласно которой женская роль исполнялась мальчиком, была присуща не только религиозным средневековым пьесам; во времена Шекспира в Англии и в некоторых других странах женские роли обычно также исполняли мальчики.

В эльчской мистерии Деву Марию изображает 10–12-летний подросток; он же декламирует и поет тексты, составленные специально для этого торжества. Глубокие корни связывают мистирию с жителями Эльче; каждый год в этом зрелищном представлении принимают участие сотни семей города. Поэтому лишь с улыбкой можно читать сегодня сообщение Е. А. Салиаса, записанное, по-видимому, со слов какого-то случайного попутчика по дилижансу. «Прежде не объявлялось, что юноша поет; народу говорили, что Сама Мадонна оживает и поет. Теперь же, в наше время неверия людского, по приказанию правительства говорят и делают все открыто и все знают, что поет не Мадонна, а переодетый юноша»⁸.

Однако предоставим слово уроженцу этих мест — знатоку церковных традиций. Каталонский писатель *Эухенио д'Орс*, впервые присутствовавший на эльчской мистерии в 1934 году, отмечает, что он никогда еще в жизни не испытывал подобного эмоционального накала. «Здесь ничто не отделяет сцену от публики, — писал он. — Ничто не отделяет драму от религиозной церемонии, небеса от земли, будничную историю от сверхъестественного свершения. Апсида становится нефом, алтарь — алковом. Храм и улица превращается в единое целое. Незатейливая песня перерастает

⁷ Салиас Е. А. Указ. соч. С. 502.

⁸ Там же. С. 503.

в полифонию звуков, полифония — в оперную мелодию. Торжественная органная музыка сливается с речитативом. Исчезают различия между псалмом и песней, песней и молитвой, воплями и рыданиями. Люди аплодируют в церкви и молятся на улице⁹. По словам Эухенио д'Орса, «эльчская мистерия вызывает у всех еще больший восторг и экстаз, чем даже процессии на Страстной Неделе в Севилье».

В обычные дни в эльчском соборе прихожан не так много, как в дни праздника. Поэтому можно не спеша обойти его внутри и рассмотреть то, что ускользает от внимания при большом стечении народа. По всему периметру храма наверху устроены балкончики, ниши задрапированы. В дни мистерий они служат местом, откуда появляются актеры, изображающие евангельских персонажей. Внизу по бокам — несколько будочек-исповедален; на каждой табличка с именем духовника: падре Хуан, падре Родригес, падре Иван Сантос.

Однако продолжим осмотр собора. В его алтарной части на почетном месте — скульптура Божией Матери Асунсьон (Вознесения) — покровительницы Эльче. Скульптура облачена в роскошную мантию с вышитыми узорами. Глава Пресвятой Девы увенчана золотой короной с расходящимися от нее лучами звезд. Мадонна эта известна и очень почитаема во всей Испании. История появления этой скульптуры в местном соборе довольно необычна. Вот что поведал об этом любознательный Е. А. Салиас. Как повествует местное предание, много лет тому назад к берегу около рыбацкой деревушки Гвардамар (существующей и сегодня) волнами прибило лодку. В этой лодке нашли статую Мадонны и на ней надпись: «Soy para Elche». Ее торжественно перевезли, с процессией, в Эльче и поставили в соборе. Но жителям Аликанте стало обидно, что не к ним в большой город прибыла Мадонна чудотворным образом. Они стали поговаривать, что эта статуя принадлежит им, что жители Эльче украли их Мадонну и что надписи на ней никакой не было. Споры и распри дошли до того, что каждый житель Эльче и Аликанте считали друг друга личными врагами. Наконец жители Эльче, убежденные, что Мадонна явилась для них, предложили, чтобы аликантийцы положились на суд Самой Мадонны. Те согласились.

В Мурсии была куплена пара молодых волов, которых привели в одно местечко между Аликанте и Эльче. Сюда принесли с процессией Мадонну, положили статую на телегу, богато убранную цветами, запрягли волов, завязали им глаза и начали кружить по полю... Покружив с час, пустили их одних, без погонщика. Толпы народа из обоих городов собрались на это испытание, окружив телегу и волов. В это время в соборах Эльче и Аликанте служили обедни, и каждый у себя молился о том, чтобы Мадонна избрала его город. Шесть часов кружили волю по окрестностям. Наконец они набрели на дорогу и тихо, не зацепив телегу ни за один камень, привезли Мадонну не только в Эльче, но к самому собору и остановились у его главных врат¹⁰.

С тех пор статуя Богородицы находится в соборе Эльче и является покровительницей города. И хотя жители Аликанте тоже почитают эту статую, но они уже больше не предъявляют прав на нее. Все это рассказал русскому писателю настоятель эльчского собора, прибавив при этом: «Из чего эта Мадонна, никто не знает. Это не дерево, не камень, не кожа... Думаем мы, что это настоящее тело, но, разумеется, не простое, человеческое... Видели раз даже во время сильной жары, что оно потело. Был, говорят, один человек (тому назад лет двести), который из любопытства отважился попробовать Мадонну ножом... Кровь полилась из нее, запятнала его, и всю жизнь свою не мог он отмыть пятен на своих злодейских руках»¹¹.

⁹ Курьер ЮНЕСКО, июль 1979. С. 33.

¹⁰ Салиас Е. А. Указ. соч. С. 502—503.

¹¹ Там же. С. 503.

Таково местное предание, записанное нашим неутомимым путешественником. Он побывал в Эльче в будние дни и не смог присутствовать при совершении мистерии. Сегодня, в век «видео», это дело поправимое. В здешнем церковном ларьке любой паломник может приобрести кассету с видеозаписью этого священного действия. В середине 1970-х годов было решено полностью отснять на кинолентку эльчскую мистирию, с тем чтобы этот уникальный «спектакль» стал достоянием последующих поколений. Проект был осуществлен с помощью Международного фонда развития культуры ЮНЕСКО; съемки прошли в августе 1978 года. Съемочная группа блестяще справилась со всеми техническими трудностями, возникшими при записи мистерии. Чтобы обеспечить достоверность, был отменен пробный прогон перед съемками. Важно было также ни в чем не мешать ведущим актерам и участникам массовых сцен, число которых в общей сложности превышало 3000 человек.

Из полученной трехчасовой записи был смонтирован фильм на 110 минут, в котором впервые была полностью запечатлена средневековая библейская мистерия. Впервые этот фильм был показан в апреле 1979 года в Вашингтоне, и впоследствии его приобрел ряд национальных телекомпаний. Поэтический текст, который участники мистерии декламируют на валенсийском диалекте каталанского языка, по-видимому, уходит своими корнями в творчество прованских трубадуров. И текст, и музыка были подвергнуты изменениям в 1492 году и обрели свою теперешнюю форму в 1639 году. Время не ослабило силу их воздействия и даже помогло усилить влияние мистерии за пределами Испании.

Вполне возможно, что отдельные народные религиозные ритуалы в Латинской Америке и на Филиппинах ведут свое начало от средневековых испанских мистерий, среди которых эльчская занимает почетное место¹².

В СТАРИННОЙ МУРСИИ

Несколько дней стояла наша паломническая флотилия в гавани Картахены, ожидая, пока ослабнет циклон. Знакомясь с достопримечательностями, которые сохранились в этом городе, дотошные пилигримы обнаружили на одной из улиц, прилегающих к военной базе, автобусный вокзал. Отсюда каждые 2—3 часа уходили автобусы на Мадрид. Но забираться так далеко не было времени: ведь циклон вот-вот мог ослабнуть, и наша флотилия сразу же двинется дальше.

Реальной представлялась поездка в Мурсию — город, лежащий в 40 километрах к северу от Картахены, тем более что россияне еще во время гражданской войны 1936—1939 годов освоили этот путь. Участник войны в Испании адмирал Н. Кузнецов вспоминал: «Первая партия советских танков, прибывших (в Картахену. — *Авт.*) на пароходе „Комсомол“, еще стояла за забором, а весь город только и говорил об этом событии. Население ликовало. Когда танки появились на улицах Картахены, направляясь в Мурсию и далее в Арчену, их встречали приветственными возгласами: „Вива Русиа!“»¹³ (В сходной ситуации оказался один бывший фронтовик, присутствовавший в эпоху застоя на какой-то пресс-конференции. Западные журналисты спросили, бывал ли он за границей? «Да, — ответил тот, — в Польше, Венгрии, Германии и Австрии». — «А как вы добирались до этих стран — поездом, самолетом, машиной?» — выпытывали дотошные корреспонденты. «В пехоте», — последовал ответ.)

...Для поездки в Мурсию мы решили выбрать автобус, но выяснилось, что автобусы идут туда с другой автостанции, и для того, чтобы ее отыскать, пришлось пересечь

¹² Курьер ЮНЕСКО, июль 1979. С. 34.

¹³ Кузнецов Н. Накануне. М., 1966. С. 144.

почти весь город. Но наконец все хлопоты позади, а впереди — дорога, прорезающая мрачное ущелье. Как знать, может быть, именно здесь проходил путь первых миссионеров, отправившихся из Картахены в прилегающие земли? За окном мелькают домики, скудная растительность на каменистых склонах.

Другое дело — земли вокруг Мурсии. Почва здесь славится плодородием, и местные жители с давних пор занимаются овощеводством и выращиванием фруктов. Мурсия расположена между Валенсией и Арагоном, Кастилией и Андалусией. Кажется, будто самые различные силы тянут ее во все стороны. Плодородная «мурсийщина» привлекала к себе и завоевателей из Северной Африки, вторгшихся в Испанию в 711 году под командованием Тарика и Мусы. Войска Тарика состояли в своем большинстве из берберов, Муса же привел с собой больше арабов. В Испании они получили общее название «мавров».

Сын Мусы — Абд аль-Азиз, ставший со временем во главе арабских войск, предпринял ряд походов в южную и юго-восточную часть Андалусии, захватив Малагу и Гранаду. Вступив на территорию Мурсии, он встретил энергичное сопротивление графа Теодемира, столицей которого была близлежащая Ориуэла. К счастью для Теодемира, арабы были немногочисленны и не смогли добиться решающего перевеса. Поэтому в конце концов обе стороны в 713 году заключили соглашение, в результате которого была признана независимость Теодемира и подвластных ему подданных на территории Ориуэлы, Аликанте и других городов, причем испанцам было разрешено исповедовать свою религию и сохранить свои храмы. Арабы гарантировали неприкосновенность имущества христиан и обязали их только платить небольшую подать в деньгах и в натуре¹⁴.

Полноводные реки и водохранилища орошали сады Мурсии. Арабы совершали тут настоящие чудеса, орошая эти земли и развивая земледелие. От тех времен в местечке Алькантарилья, близ Мурсии, сохранилась так называемая «нория» — огромное колесо с черпаками для подъема воды. (Подобная действующая нория имеется в сирийском городе Хама.)

Но не только система орошения осталась здесь от арабов. В мусульманском мире известен уроженец Мурсии — слепец Ибн-Сиды; он жил в XI веке и никуда не выезжал из Испании. Огромный словарь в 17 томах «аль-Мухассас» Ибн-Сиды составляет гордость арабской литературы¹⁵. Уроженцем Мурсии был и величайший богослов-мистик арабского Востока ал-Андалус Мухйи ад-Дин ибн ал-Араби (1165–1240). В юности, покинув родной город, он учился в Севилье, а в 1201 году отправился в паломничество к святым местам ислама и остальную часть жизни провел в Мекке, Багдаде и Дамаске, где знакомился с многочисленными мистическими течениями ислама. Его литературное наследие весьма велико и содержит следы христианского влияния. Так, Мухйи ибн ал-Араби в своих трудах обращался к концепции Логоса¹⁶.

Но расцвет исламской культуры шел параллельно с угнетением христиан, живших на Пиренеях, и когда римский папа Иннокентий III (1198–1216) объявил крестовый поход против мусульман в Испании¹⁷, то в ходе Реконксты кастильский король Фердинанд III Святой (1217–1252) в 1236–1241 годах отвоевал провинцию Мурсия у мавров¹⁸, и здесь снова началось возрождение христианских традиций.

¹⁴ См.: Альтамира-и-Кревеа Рафаэль. История Испании. Т. 1. М., 1951. С. 84.

¹⁵ См.: Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1967. С. 46.

¹⁶ См.: Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в Средние века. Пг., 1924. С. 138–139.

¹⁷ Корсунский А. Р. История Испании IX–XIII вв. М., 1976. С. 47.

¹⁸ Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937. С. 98.

Различные ремесла развивались здесь и при маврах, как, впрочем, и в других городах на юге Испании — Малаге и Севилье. Отсюда изделия испанских ремесленников расходились по всей Европе, вплоть до Руси. Послушаем, что говорит по этому поводу современный исследователь: «Когда во Владимирском Успенском соборе вскрыли гробницу Андрея Боголюбского (†1174), в ней обнаружили остатки облачения, в котором «с честью и песнями благохвальными» похоронили убиенного князя, в том числе, замечательную шелковую ткань: на красном фоне по сторонам фантастических растений расположились львы с золототкаными мордами и золотые попугаи. Анализ технологии изготовления, цветовая гамма и детали орнамента позволяют отнести ее к изделиям шелкоткацких мастерских Испании»¹⁹. Мурсия славилась шелковыми промыслами на протяжении столетий; в 1614 году (год, когда мусульмане (мориски) были окончательно изгнаны из Мурсии) здесь производилось 210 тысяч фунтов шелка²⁰.

При кастильских королях церковная жизнь Мурсии возрождается. Короли не забывали делать пожертвования Церкви, монастырям, военным орденам и т. д. Эти распределения (репартиментос) фиксировались в особых списках. Списки репартиментос, проведенных в Мурсии (XIII век), сохранились донныне²¹. Кастильский король Альфонс X Мудрый (1252—1282) предоставил жителям Мурсии большие привилегии. Он освободил их от дорожных сборов, дал право свободной торговли, предоставил звание рыцаря и право на особый герб всем, кто мог за свой счет снарядить боевого коня и закупить необходимое личное оружие²². Альфонс X также основал в Мурсии арабскую школу для мусульман, евреев и христиан²³.

Политика Альфонса X в отношении иноверцев отличалась веротерпимостью, правда, в рамках того времени. В Мурсии покоренным мусульманам (мудехарам) было разрешено проживать в отведенном для них квартале, который отделялся стеной от христианской части города. Им было разрешено свободное отправление мусульманского культа. В Мурсии и в Севилье для мудехаров организовывались особые ярмарки. Ограничения их прав состояли в запрещении строить новые мечети и публично отправлять свой культ, в местах, населенных в основном христианами. Но им было разрешено сохранить свои старые мечети под патронатом короля и вести судопроизводство по собственным законам²⁴. Мудехары были обязаны уплачивать десятину Церкви и становиться на колени при встрече процессии со святыми Дарами.

Но при этом в Мурсию переселялись каталонские колонисты-христиане, что со временем привело к ослаблению связей города с кастильским двором. В царствование кастильского короля Энрике IV (1454—1474) Мурсия вела почти независимое от короля существование: «В течение пяти лет оттуда не отправлялись и не приходили туда ни грамоты, ни гонцы, ни прокуратор, ни казначей»²⁵, — писал современник.

¹⁹ Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья. М., 1976. С. 181.

²⁰ См.: Альтамира-и-Кревеа Р. Указ. соч. Т. II. С. 219.

²¹ См.: там же. Т. I. С. 196.

²² Там же. С. 308.

²³ Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937. С. 21.

²⁴ См.: Альтамира-и-Кревеа Р. Указ. соч. Т. I. С. 281.

²⁵ Там же. С. 289.

Contents

Prose and Poetry

Yevgeny Chigrin. Metaphors on Jean Legs. *Poems* • 3

Dmitry Karalis. Diary of a Soviet Scoundrel (1967–1979) • 11

Valery Zemskikh. Poems • 80

Ilya Ludanov. In the Autumn. The Thief. *Short Stories* • 85

Yevgeny Erastov. Poems • 93

Non-Capital Russia

Mikhail Kosarev. Side Tunnel. *Novel* • 99

Alexey Kureniov. Trinitarium. Pain and Time. Water, Me and Darkness. We. Vice Versa. *Short Stories. Prev. by E. Popov* • 196

Criticism and Essays

On the 140th Anniversary of Velimir Khlebnikov. **Sergei Vasiliev.** „I Gave My White Divine Brain, Russia, to You...“ • 201

Elena Aizenstein. Don Juan in Russian Poetry • 215

Petersburg Bookman

Art of Reading. *Dmitry Anikin.* The Penultimate Poet (Idle Reflections on the Poetry of Yevgeny Kaminsky). **Reviews.** *Anastasia Ermakova.* The Call That Comes From Here • 239

The Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Off the Coast of Spain. *Part 3* • 247

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»

Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18

Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9

Телефоны: (812) 314-72-50, 312-49-23

E-mail: nevaredaction@mail.ru, officeneva@mail.ru

Рукописи принимаются только в электронном формате

Сайт «Невы»: neva-journal.ru. По вопросам, связанным с интернет-сайтом, обращайтесь по адресу web@neva-journal.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России», подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах прессы у станций метрополитена.

По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей, приобретением отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 19.09.2025. Подписано в печать 16.10.2025.

Выход в свет 10.11.2025. Гарнитура «Октава».

Формат 70×108¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 57

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86

Тел. (812) 207-58-43

Дорогие друзья! Журнал вошел в свой юбилейный год с большими задолженностями. Мы пытались решить проблему самостоятельно, но не справились со всеми трудностями. В последнее время существенно выросли полиграфические и коммунальные услуги. Всех, кто желает и готов нас поддержать, заранее горячо благодарим!

Реквизиты для банковского перевода:

Наименование — название организации: ООО «Журнал «Нева»

ИНН: 7810328498

КПП: 784101001

Расчетный счет: 40702 810 6 5500 0029700

Банк получателя: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК
ПАО СБЕРБАНК

БИК: 044030653

Корсчет: 30101 810 5 0000 0000653

В графе «Назначение платежа»

важно написать «финансовая помощь»

Еще проще помочь нам переводом по QR-коду

Благодарим вас, дорогие друзья!

Журнал «Нева» выходит с периодичностью
1 раз в месяц и распространяется по подписке

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ
осуществляет **АО «Почта России»**, индекс П1743

Объединенный каталог «Пресса России», индекс 73276

Агентство подписки «Урал-Пресс», индекс 73276

Интернет — neva-journal.ru

